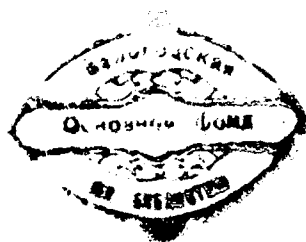

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 4 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 29. XI 1949 г.

Печ. л. 15 + 2 вклейки

Заказ 2468

А-13339

Уч.-изд. л. 26,2

Тир. 2200 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

M. G. Gurn.

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

УЧЕНИЕ СТАЛИНА О НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭТНОГРАФИИ

Сталинское учение о нации и национальной культуре, показавшее путь социалистического разрешения национального вопроса, было впервые оформлено товарищем Сталиным в его теоретическом исследовании «Марксизм и национальный вопрос». Позже это учение было развито и дополнено в лекциях, читанных товарищем Сталиным в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова в Москве («Об основах ленинизма»), в речи его в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в докладах на съездах ВКП(б), в многочисленных статьях и выступлениях, в письмах («Национальный вопрос и ленинизм»), в речах при приеме различных иностранных делегаций. Это учение, являющееся дальнейшим развитием марксизма-ленинизма в области национального вопроса, стало после Великой Октябрьской социалистической революции в России основным стержнем национальной политики партии Ленина — Сталина и Советского государства и оказало громадное, решающее влияние на национальную политику всех стран народной демократии.

Ход исторического процесса в течение последних 40—50 лет, события, прошедшие на наших глазах или на нашей памяти, подтвердили правильность сталинского учения о нации и национальной культуре. Для этнографа это учение имеет еще особое значение тем, что оно раскрывает сущность сложных явлений, происходящих в формах изменения языка, культуры и быта отдельных народов.

Поскольку этнография исследует происхождение и развитие материальной жизни, социальных институтов, языка, письменности, науки, религии и пр. и выясняет специфику, отличающую эти проявления человеческой культуры у отдельных народов, и поскольку такая специфика сохраняется до наших дней,— этнография является наукой не только о прошлом, но и наукой о современности. Она не может изучать явления социальной жизни (явления культуры) в отрыве от той формы человеческой общности, которая создает их и питает. И среди наиболее сложных и наименее изученных в этнографическом отношении форм общности внимание этнографов все чаще привлекает форма национальная. Сталинское понимание национальной культуры дает этнографам руководящее указание для изучения проблемы, ибо оно вносит ясность в самую постановку вопроса, обращая внимание исследователя на диалектичность развития формы и содержания культуры в зависимости от хода исторического процесса.

Советская этнография давно уже рассталась с эмпирикой и перестала быть описательной дисциплиной, собирающей и накапливающей сведения об отдельных сторонах народного быта,— как это имело место в буржуазной науке. Марксизм обогатил этнографию, дав ей возможность заниматься разрешением таких научных проблем, которые эмпирической, описательной этнографии были не по плечу. Он помог этно-

графам проникнуть при своих исследованиях в существо отдельных явлений народной жизни, раскрыв перед ними (этнографами) весь механизм общественного развития, взаимную связь явлений, движущие силы. Учение К. Маркса об общественно-экономических формациях создало научную периодизацию истории общества; учение Ф. Энгельса о родовом строе, развитии брака и семьи, возникновении государства создало целые новые разделы в этнографии; учение Ленина об общественных укладах объяснило формы и сущность борьбы старого и нового в быту, вскрыло содержание «пережитков», показало значение приспособления старых форм к новому содержанию народной жизни; учение Сталина о нации, национальной культуре, национальном вопросе и социалистическом строительстве наметило для советской этнографии актуальнейшие задачи и предопределило программу ее научных изысканий на многие годы вперед. Марксизм-ленинизм вооружил советскую этнографию наиболее передовой, единственно научной методологией и открыл перед ней, как перед наукой о народной жизни, широкие перспективы дальнейшего развития.

1. Нации буржуазные и нации социалистические

В своем общественном развитии человечество проходит ряд последовательных этапов, названных К. Марксом общественно-экономическими формациями. Изучение отдельных общественно-экономических формаций вскрывает не только своеобразие присущего этим формациям экономического и политического строя, но и показывает, что формации отличаются друг от друга также различной формой этнической общности людей, т. е. теми связями, которые зависят или от общности происхождения и языка или от длительного совместного проживания людей на одной территории и которые создают единство быта. Правда, не все общественно-экономические формации достаточно изучены в этом направлении, и этнографическое исследование рабовладельческой и феодально-крепостнической формации должно в будущем ликвидировать еще немало белых пятен.

Наиболее ранней формой этнической общности, свойственной архаической общественно-экономической формации или первобытно-общинному строю, была родоплеменная общность. Возникшая из общности происхождения больших или меньших человеческих коллективов, родоплеменная общность поддерживалась традициями, экзогамными и другими запретами, обычаем кровной мести и пр. Ф. Энгельс отмечает существование в этот период обособленных племенных территорий, самоназваний родов и племен, обособленных диалектов — отличных от диалектов других племен¹. Родоплеменная общность, по свидетельству Ю. Цезаря («Записки о галльской войне»), была настолько сильна, что у галлов и германцев отдельные племена выдавали другим племенам заложников-соплеменников, которые отвечали своей личной свободой и даже собственной жизнью за выполнение обязательств, взятых на себя племенем в целом.

Сведения о форме этнической общности в рабовладельческой общественно-экономической формации недостаточно полны и противоречивы, поэтому вопрос нельзя считать в настоящее время решенным. Ф. Энгельс считает, что в древней Греции в гомеровскую эпоху уже имелись народности или небольшие народы, сохранявшие внутреннее деление по родам,

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1938, стр. 80—90.

фратриям и племенам, но жившие в городах-полисах. После реформы Солона родоплеменное деление потеряло свое значение и на смену ему пришло деление территориальное². В эпоху греко-персидских войн греки выступают как единый народ эллинов. Но поскольку в древнем Риме, стоявшем на более высокой ступени исторического развития той же рабовладельческой общественно-экономической формации, не было никаких признаков народности, а понятие «народ римский», как известно, относилось лишь к населению самого города Рима, остается спорным, можно ли такую общность, как народность, считать присущей рабовладельческой формации вообще.

В отношении феодализма как общественной формации также нельзя считать вполне разрешенным вопрос о форме этнической общности. Несомненно, что присущее феодальной эпохе соседское размещение населения, расселяемого феодалами с нарушением прежней территориальной связи сородичей, приводило к упадку родо-племенной общности. В эпоху расцвета феодальных отношений преобладала, вероятно, узко областная, земляческая форма общности, представлявшая своеобразную смесь прежних родоплеменных делений и объединений с новыми навыками и обычаями, возникшими из соседского расселения людей разного этнического происхождения. Но феодализм как общественно-экономическая формация с самого начала обнаружил резкие противоречия в развитии своего хозяйства и социального строя, и не прекращавшаяся внутри него борьба двух начал — натурального и товарно-денежного хозяйства — закончилась победой второй формы хозяйства. Расширение и укрепление обмена, связывавшего постепенно все более крупные районы и области, перемещение населения из сельских местностей в города, сближение на этой почве диалектов и говоров, унификация обычаев — все это объединяло территориально и в бытовом отношении большие массы населения. Именно в этот период сложились народности, хотя во многих случаях эта форма общности отодвигается на задний план более широкой общностью по религии. Религия, объединявшая, подобно формам этнической общности, население вне зависимости от его классовых и сословных делений, сплошь и рядом выступала заменителем народности.

Появление национальной общности связано с новой общественно-экономической формацией — капиталистической. «Конечно,— пишет товарищ Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм»,— элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»³.

Чем отличается национальная общность от других, более ранних форм общности? Товарищ Сталин так определил ее происхождение и отличие: «Нация — это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

² См. там же, стр. 99—100 и 104—106.

³ И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

Итак, нация — не расовая, и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»⁴.

Но не всякая устойчивая историческая общность людей есть нация. Для национальной общности необходим еще ряд других признаков: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**⁵.

Таким образом, нация является одним из позднейших видов человеческой общности, одним из наиболее развитых видов этнической общности, — если под «этносом» понимать специфику быта, языка и культуры, отличающую народы друг от друга. Нация не создается путем простой трансформации существовавших ранее этнических общностей — родоплеменной, народной: при складывании нации ранее существовавшие этнические общности разрушаются, чтобы уступить место этому новому объединению. Нация по сути дела не только новое, но и качественно отличное от прежних этническое формирование, в котором существовавшие ранее связи уже утратили свое значение.

Процесс образования современных наций совпал в странах Западной Европы с превращением этих наций в самостоятельные государства — национальные государства буржуазии; но исторический процесс не всегда протекает в одних и тех же условиях, и история европейских наций дает тому много примеров. «В то время как на Западе, — писал товарищ Сталин, — нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия»⁶. В докладе на X съезде ВКП(б) товарищ Сталин более подробно пояснил этот процесс: «На Западе — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы...

На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство»⁷.

В этих случаях одна из более развитых в политическом отношении национальностей брала на себя объединение всех других, населяющих данную страну. «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»⁸.

Многонациональные государства, образовавшиеся в этот период, сделались «родиной того национального гнета, который породил национальные конфликты, национальные движения, национальный вопрос и раз-

⁴ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 292—293.

⁵ Там же, стр. 296.

⁶ Там же, стр. 303.

⁷ И. Сталин, Доклад X съезду ВКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 33—34.

⁸ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 304.

личные способы разрешения этого вопроса»⁹. Но национальный вопрос того времени был, по существу, вопросом внутригосударственным, вопросом о взаимоотношении национальностей внутри того или другого государства, а национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма была борьбой буржуазных классов господствующей и угнетенных национальностей между собой. «Иногда буржуазии удастся вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает «общенародный» характер, но это только по внешности. В существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей»¹⁰.

Политика репрессий, обрушивающаяся на угнетенную национальность, затрагивает, кроме буржуазии, и другие классы общества — крестьянство, пролетариат; это приводит к тому, что фронт национального движения расширяется, захватывая все новые и новые социальные группы. Национальное движение может в таком случае иметь различные формы и различное содержание — в зависимости от того, какие силы втянуты в это движение: оно может иметь аграрный характер, если в данной стране крестьянство, в своей массе, и помещики принадлежат к различным национальностям; оно может получить форму борьбы за пользование родным языком в администрации, суде, школе, прессе; оно может заключаться в требованиях гражданского равноправия, если угнетенная национальность ущемляется в своих гражданских правах; оно может проходить под флагом борьбы за свободу вероисповедания, за право выбирать в представительные учреждения страны своих «национальных» депутатов и пр. Но в условиях поднимающегося капитализма в основе всего национального движения все же лежит борьба буржуазных классов угнетаемой и господствующей национальности между собой.

Таков был путь формирования наций и сущность борьбы национальностей до эпохи империализма. В империалистический период, в период развития колониальной системы, ожесточенной борьбы за рынки «старые национальные государства на Западе — Англия, Италия, Франция — перестают быть государствами национальными, т. е. они, в силу захвата новых территорий, превращаются в государства многонациональные, колониальные... На востоке Европы этот период характеризуется пробуждением и усилением подчиненных наций (чехи, поляки, украинцы), приведшим в результате империалистической войны к распадению старых буржуазных многонациональных государств и образованию новых национальных государств, находящихся в кабале у так называемых великих держав»¹¹. В этот период национальный вопрос превращается из вопроса внутригосударственного в вопрос международный, в вопрос «о войне между империалистическими государствами за удержание в своем подчинении неполноправных национальностей, за подчинение своему влиянию новых народностей и племен за пределами Европы»¹². Он теряет свой изолированный, внутригосударственный характер и становится общим вопросом национально-колониальным, вопросом о колониях, полуколониях и зависимых народах. «Суть национального вопроса состоит теперь, — писал товарищ Сталин в 1925 г., — в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплуатации, против политического порабощения и культурного обезличения этих колоний и этих национальностей

⁹ И. Сталин, Доклад X съезду ВКП(б), Соч., т. 5, стр. 34.

¹⁰ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 308.

¹¹ И. Сталин, Доклад X съезду ВКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 35.

¹² Там же, стр. 36.

со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности. ...Совершенно очевидно, что речь идет здесь, главным образом, не о том, что буржуазия одной национальности побивает или может побить в конкурентной борьбе буржуазию другой национальности, а о том, что империалистическая группа господствующей национальности эксплуатирует и угнетает основные массы и, прежде всего, крестьянские массы колоний и зависимых национальностей, а угнетая и эксплуатируя их, она тем самым вовлекает их в борьбу с империализмом, делает их союзниками пролетарской революции»¹³.

В истории формирования наций и в ходе развития национального вопроса Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру: вместе с советским строем появился новый тип наций — нации социалистические, в корне отличающиеся от старых буржуазных наций. В недавно опубликованной работе «Национальный вопрос и ленинизм» (написанной в 1929 г.) товарищ Сталин, возвращаясь к истории формирования современных наций, указывает, что речь шла о буржуазных нациях, в которых буржуазия и ее националистические партии остаются руководящей силой. «Классовый мир внутри нации ради «единства нации»; расширение территории своей нации путем захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом, — таков идейный и социально-политический багаж этих наций»¹⁴. Подобными нациями являются английская, северо-американская, французская и др., а в России до Октябрьской революции подобными нациями были русская, украинская, татарская и другие нации.

Уничтожение капитализма и ликвидация национального гнета в России в октябре 1917 г. не только сняли по отношению к Советской стране вопрос о господствующих и угнетенных нациях, но и изменили самое существо наций. «Рабочий класс, — писал товарищ Сталин, — и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнета во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетенными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, — таков духовный и социально-политический облик этих наций.

Такие нации следует квалифицировать, как социалистические нации.

Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, — путем коренного их преобразования в духе социализма»¹⁵.

Буржуазные нации были классово разнородны, раздирались классовыми противоречиями и представляли в основном интересы господствующих классов. В этих нациях искусственно поддерживалось и поддерживается национальное недоверие к другим нациям, стимулируется национальная обособленность, вражда и страх перед угрозой национального порабощения. «Несомненно, — пишет товарищ Сталин, — что пока существует мировой империализм, будут существовать и это стремление и

¹³ И. Сталин, Еще раз к национальному вопросу, Соч., т. 7, стр. 221—222

¹⁴ И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 338.

¹⁵ Там же, стр. 339.

этот страх,— следовательно, будут существовать в громадном большинстве стран и национальное недоверие, и национальная обособленность, и национальная вражда, и национальные столкновения»¹⁶.

В отличие от буржуазных наций, социалистические нации выступают как сплоченные, свободные от непримиримых классовых противоречий, как общности действительно общенародные, ибо они представляют интересы всех трудящихся. Из таких социалистических наций состоит Советское государство, в котором многочисленные национальности являются полноправными членами свободного содружества братских народов.

Социалистическое государство рабочих и крестьян получило в наследство от прошлого хозяйственную, политическую и культурную отсталость окраин, населенных народами, национально угнетенными. Царское правительство искусственно задерживало экономическое и культурное развитие Украины, Туркестана, Кавказа, Сибири, стремилось насильственно ассимилировать туземное население этих областей; в результате этого к моменту Октябрьской революции наиболее развитой в политическом, экономическом и культурном отношениях оказалась великорусская национальность, по сравнению с которой остальные национальности отставали в том или другом отношении. Следствием такой отсталости было фактическое неравенство национальностей по своему развитию. Советская власть поставила перед собой неотложную задачу изжить в кратчайший срок это неравенство. Партия Ленина — Сталина и руководимое ею Советское государство приняли чрезвычайные меры, чтобы развить культурный уровень отсталых национальностей, чтобы поднять экономику окраинных областей, создать там промышленные очаги и культурные центры. Лозунг помощи отсталым народам стал ведущим в национальной политике большевистской партии, он направлял хозяйственные и культурные мероприятия Советского государства. Для помощи наиболее отсталым народам, жившим в слабо заселенных северных областях, был создан специальный Комитет помощи народам Севера при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

X съезд ВКП(б) в своей резолюции по национальному вопросу, составленной под руководством Ленина и Сталина, указал, что «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке...»¹⁷. Эти постановления были проведены в жизнь, и тем самым начата была новая эпоха в развитии бывших ранее отсталыми национальностей.

При разработке государственных планов развития народного хозяйства ленинско-сталинские идеи помощи отсталым народам были осуществлены в виде планов создания мощных индустриальных центров на

¹⁶ Там же, стр. 343.

¹⁷ Из резолюции, принятой X съездом ВКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», раздел III. В сборнике: И. В. Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос», М., 1937, стр. 207—208.

окраинах страны — в бывших аграрных областях, районах примитивного земледелия, кочевого и полукочевого скотоводства. В этих областях были построены сотни крупнейших предприятий, для которых подготовлены десятки тысяч специалистов и рабочих из местного населения. Когда же сельское хозяйство страны было перестроено на началах коллективизации, в отсталых ранее областях, так же как и в передовых, коллективное земледелие было оснащено совершеннейшей сельскохозяйственной техникой. С каждой новой сталинской пятилеткой менялся экономический и культурный облик отсталых ранее областей.

Великая отечественная война против немецких фашистов не приостановила процесса экономической перестройки окраин, наоборот, необходимость перебазировать на Восток промышленность, работающую на оборону страны, заставила Советское государство перенести в Среднюю Азию, в Сибирь и другие отдаленные от театра военных действий части страны крупнейшие фабрики и заводы, построить там сотни новых предприятий. Все это ускорило перестройку экономики отдаленных районов. В настоящее время Казахстан, бывший при царском правительстве районом аграрной колонизации, стал важнейшей областью развития цветной металлургии, добычи каменного угля и других видов промышленности; Узбекистан имеет, кроме нефтяной, угольной и текстильной промышленности, заводы черной металлургии и сельскохозяйственного машиностроения; Туркменистан — крупную нефтедобывающую и нефтеобрабатывающую промышленность, и т. д. Появился в этих областях многочисленный национальный пролетариат, местная интеллигенция, научные учреждения, широко разветвленная школьная сеть, пресса, книгоиздательства на местных языках. Национальная культура отсталых ранее народов получила возможность свободного развития и достигла полного расцвета в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

Русский народ, как наиболее развитый в экономическом, политическом и культурном отношениях ко времени социалистической революции и как самый многочисленный в Советском государстве, стал первым среди равных и полноправных народов СССР. В годы революции русские рабочие и крестьяне вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с контрреволюцией и иностранной интервенцией, они продвинули социалистическую революцию из промышленного центра России на окраины и содействовали там окончательной победе советской власти. В годы социалистического строительства русский пролетариат был инициатором социалистических форм труда в индустрии и в сельском хозяйстве, он был учителем нарождающегося пролетариата промышленно-отсталых областей, он помог коллективизации деревни; в годы войны с фашистскими захватчиками он показал незабываемый пример героической защиты социалистической Родины. Братские народы Советского Союза — народы большие и народы малые — были спаяны воедино совместной борьбой за освобождение от капитализма, и это единение стало нерушимым после величайших битв и величайших испытаний Великой отечественной войны. Так пролетариат и трудовые слои города и деревни, принадлежавшие ранее к господствующей (при царизме) русской национальности, доказали всему миру «правильность пролетарского, интернационального метода освобождения угнетенных народов» (Сталин) и опровергли на деле «метод буржуазного национализма».

Народы СССР развиваются в условиях полной свободы и отсутствия национального гнета, и те малые народности и этнические группы, которые ко времени Октябрьской революции не успели еще превратиться в национальности, консолидируются в настоящее время в советские нации без какого бы то ни было давления или вмешательства извне.

2. Форма и содержание культуры

Этнографы делят явления культуры на три больших раздела: материальную культуру, социальный строй и духовную культуру. В обычном и более распространенном употреблении под словом культура понимают главным образом обычаи, язык, формы мышления, науку, литературу, искусство. Таким образом, из понятия культуры исключается значительная часть раздела социального строя (брак и семья, общественные объединения и пр.) и целиком вся материальная культура (орудия труда, постройки, средства передвижения, домашняя утварь, одежда, кулинария и пр.). Между тем материальная культура является вещественным выражением способа производства и составляет базу экономики общества, т. е. навыков хозяйствования, производства материальных благ. Культурное развитие каждого народа в определенный исторический период несет на себе печать тех производительных сил и производственных отношений (т. е. способа производства в целом), которые составляют существо той или иной общественно-экономической формации. В связи с этим можно говорить о культуре первобытной, рабовладельческой («восточной» и античной), феодальной, буржуазной (капиталистической), социалистической. Определение это во всех указанных случаях будет касаться содержания культуры.

Форма культуры определяется иным. Она зависит от исторического пути отдельных народов — от собственного их внутреннего социального развития, от внешних влияний и воздействий, которым они подвергаются со стороны окружающей природы и соседних человеческих обществ, словом от всего того, что создает специфику, отличающую один народ от другого. «Советские люди,— говорил товарищ Сталин на приеме финляндской правительственной делегации 7 апреля 1948 года,— считают, что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹⁸. Несомненно, что такая специфика, которую можно назвать спецификой этнической, свойственна всем нациям, народностям и более примитивным этническим общностям. Этническая специфика определяет форму культуры.

Дело в том, что подлинным творцом культуры, носителем культурных традиций (понимая культуру в широком, т. е. этнографическом, смысле слова) во все периоды истории выступают народные массы. Они являются создателями материальной культуры, социального строя и духовной культуры. Каждому явлению культуры и каждой вещи народные массы придают такие формы, которые отражают народное понимание целесообразности и красоты. В этих формах проявляются этнические традиции, складывающиеся веками. И это одинаково касается как орудий труда и предметов обихода, так и произведений искусства. Язык, обычаи, верования, системы мышления, создаваемые народными массами, несут на себе также печать «этнуса» — народности, национальности. Это явление давно уже обратило на себя внимание этнографов, но они не всегда правильно его объясняли, пытались национальными отличиями объяснить не только форму, но и содержание культуры.

Национальные отличия имеют сложный характер. «Нации,— писал товарищ Сталин в 1912 г.,— отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры...

¹⁸ См. газету «Правда», от 13 апреля 1948 г.

Конечно, сам по себе психический склад, или — как его называют иначе — «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, — он уловим и не может быть игнорирован»¹⁹. В виде примера можно привести совершенно своеобразный тип английского жилого помещения — коттеджа: вертикальный способ расположения комнат в коттедже нравится только англичанам — у других народов он не прививается, ибо, очевидно, не соответствует жизненным привычкам этих народов, их «национальному характеру». Но таких особенностей, этнических различий великое множество — и в типах построек, и в орудиях труда, и в форме домашней утвари, и в одежде, и в кулинарии, и в поверьях.

Таким образом, форма культуры хранит этнические, народные, национальные черты.

Содержание культуры в классовом обществе отражает противоречия, присущие всякому классовому строю. Одним из главнейших противоречий в области культуры является то, что создатели культурных ценностей (народные массы) не всегда имеют возможность пользоваться тем, что они создали, ибо господствующие классы присваивают себе результаты их труда. По требованию и заказам представителей господствующих классов выполняются при этом часто совершенно бесполезные для общества работы, или получают распространение среди народа вещи и воззрения, которые свидетельствуют о классовом влиянии эксплуататоров, прививающих эксплуатируемым свои вкусы.

Если классовое общество находится в периоде развития и господствующие классы выполняют прогрессивную роль, ликвидируя отсталые социальные отношения и расчищая путь для более высокой ступени развития производительных сил, то культура такого классового общества в целом имеет прогрессивный характер — она прогрессивна по своему содержанию, и ее достижения в разных областях могут сохраняться веками и оказать влияние на развитие всей мировой культуры. Это касается как материальной культуры, так и культуры духовной — в меньшей степени социального строя. Созданные, например, древними греческими зодчими и ваятелями произведения античной архитектуры и скульптуры сохранили свою художественную ценность до наших дней, хотя зодчие и ваятели выполняли не задания народных масс, а заказы рабовладельческого государства. Но диалектика исторического процесса в каждом классовом обществе такова, что на известной ступени существующий социальный строй начинает тормозить дальнейшее развитие производительных сил (консервируя производственные отношения, которые уже вошли в противоречие с новыми, более передовыми формами производства); в такие периоды в культуре общества проявляются упадочные тенденции — в особенности в тех областях культуры, которые непосредственно подвергаются воздействию классов, теряющих под собой экономическую и социальную базу.

Если бы в этом разложении старых устоев не было заложено и новое развитие, коренящееся в новых способах производства, — судьба человеческой культуры клонилась бы к общему упадку. Но этого не случается по той причине, что новый общественный класс, представляющий новую экономику, выступает как прогрессивная сила, пытающаяся ликвидировать и ликвидирующая помехи дальнейшему развитию общества. Культурные влияния этого класса прогрессивны; поэтому в каждом классовом обществе в ходе его развития можно различать два культурных течения или две культуры, разные по своему содержанию. Одно из этих течений — реакционно, представляет собой упадочниче-

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 296

ские тенденции; второе течение — прогрессивно, представляет тенденции развития. Ленин, говоря о дореволюционном русском обществе, так выразил эту мысль: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»²⁰

Буржуазная культура зародилась в недрах феодального общества в тот период, когда буржуазия представляла собой прогрессивные силы общественного развития. Вместе с буржуазией как классом формировались и буржуазные нации. В эпоху поднимающегося капитализма, создавшего новый социальный строй, в котором производительные силы сделали настоящий скачок в своем развитии и привели к величайшему прогрессу в технике и науке, буржуазная культура (т. е. культура капиталистического общества) сделала громадный вклад в общую сокровищницу мировой общечеловеческой культуры. Но заложенные в этом общественном строе непримиримые противоречия — противоречия между общественным характером производства и индивидуальной формой присвоения, противоречия классовые, противоречия межнациональные — выросли в эпоху империализма до крайних пределов и поставили преграды дальнейшему росту производительных сил. Капиталистический строй в современную нам эпоху оказался душителем всякого прогресса, источником величайших бедствий для человечества — колониальных и мировых войн, тягчайших экономических кризисов, нищеты, голода, бесправия народных масс. В связи с этим рожденная капитализмом буржуазная культура обнаруживает черты упадка и разложения, маразм идеологии и гниль проникают во все области жизни. По своей форме эта культура остается культурой национальной, ибо никакой иной формы культуры капитализм не создал. Правда, в пропагандистских целях апологеты империализма, вроде Черчилля или его американских единомышленников и покровителей, говорят о культуре космополитической, безнациональной, мировой, — но это пустая болтовня: такой культуры не существует, ибо не существует и космополитического мирового государства.

Возникновение наций в эпоху поднимающегося капитализма было следствием объединительных тенденций в экономике развивающегося общества, приведших к созданию нового типа этнической общности — общности национальной и новому этапу в развитии государства — национального государства буржуазии. Но рост монополистических тенденций капиталистической экономики, стремление к мировому господству поставили вопрос о разрушении национальных перегородок. «Развивающийся капитализм, — писал Ленин, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализма»²¹. Разрешить, это противоречие капитализм не в силах, и хотя в последние десятилетия и, в особенности после второй мировой войны, вторая тенденция необычайно усилилась в таких крупнейших очагах империализма, как

²⁰ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 143.

²¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVII, стр. 139—140.

США и Англия, создать мировое государство не сможет ни одна из этих стран, ни обе они вместе: мировое государство не укладывается в систему капитализма. Попытки же разрушить национальные границы государств, попавших в экономическую зависимость от империалистических монополий, для того чтобы сделать обширнее поле приложения капиталов, могут привести лишь к дальнейшему ухудшению капиталистической экономики, к деградации национальных производств. На базе этой деградации нельзя построить новую культуру, культуру «космополитическую», потому что человеческая культура развивается только в здоровой среде, в обществе с прогрессирующими производительными силами.

В недрах капиталистического общества рождается его могильщик — пролетариат и зарождается пролетарская культура. По своей форме эта культура, как и культура буржуазная, национальна, но по своему содержанию она резко отличается от буржуазной. Квинтэссенцией буржуазной культуры было утверждение и культ частной собственности, а высшим достижением в эпоху наибольшего расцвета — комфорт; в основе пролетарской культуры лежит уважение к труду и гуманитарная идея избавления человечества от материальной нужды и экономической эксплуатации.

Развиться в полной мере в недрах буржуазного общества пролетарская культура не может, ее расцвет связан с гибелью капитализма, и потому только социалистическая революция создает предпосылки для свободного развития пролетарской культуры. В социалистическом обществе понятие пролетарской культуры и культуры социалистической — синонимы, ибо пролетарская культура является социалистической по своему содержанию.

Но какова форма этой культуры в социалистическом обществе? Можно ли считать, что она (форма) сразу делается социалистической? На этот вопрос товарищ Сталин неоднократно отвечал в своих речах и выступлениях²², но особенно подробно, исчерпывающе высказался он в работе «Национальный вопрос и ленинизм». Ленин, как указывает товарищ Сталин, в статье «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» писал, что целью социализма является не только уничтожение обособленности наций, не только сближение, но и слияние их. Но подобно тому, как к уничтожению классов человечество может прийти только через переходный период диктатуры угнетенного класса (пролетариата), так и к неизбежному слиянию наций человечество придет через переходный период полного освобождения угнетенных наций. В этот переходный период будут существовать еще национальные отличия между народами, и эти отличия будут держаться очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе. Поскольку национальные отличия сохранятся, форма социалистической культуры будет национальной, но содержание — социалистическим, ибо нации в этот период будут не буржуазными, а социалистическими. В процессе преобразования общества — после полной победы социализма в мировом масштабе — можно предвидеть следующий вероятный ход событий: на первом этапе, в течение которого будет ликвидирован окончательный национальный гнет, произойдет рост и расцвет культуры угнетенных наций и их языков; это будет период ликвидации взаимного национального недоверия, налаживания и укрепления интернациональных связей между на-

²² См. И. В. Сталин, Об уклонах в области национального вопроса. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник статей и речей, М., 1937, стр. 191—198; также И. Сталин, О политических задачах Университета народов Востока. Соч., т. 7, стр. 140 и др.

циями²³. «Только на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство,— вместо мирового капиталистического хозяйства,— только на этом этапе начнет складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык,— для удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества. Стало быть, на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно»²⁴. При этом товарищ Сталин отмечает, что, возможно, вначале будет создан не один общий для всех наций мировой экономический центр, а несколько зональных центров с отдельными зональными языками. Только впоследствии эти зональные центры сольются в общий центр социалистического хозяйства и появится общий язык для всех наций. И только на следующем этапе, «когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдет в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками,— национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку.

Такова,— пишет товарищ Сталин,— по-моему, приблизительная картина будущего наций, картина развития наций на путях их слияния в будущем»²⁵.

Из приведенных высказываний видно, что Ленин и Сталин одинаково считали, что нации и национальные отличия сохранятся при социализме в течение очень и очень долгого времени — даже после победы пролетарской революции во всемирном масштабе. А из этого принципиального положения (подтвержденного всем ходом исторического процесса после Октябрьской революции) вытекало и общее направление национальной политики советской власти в отношении социалистических наций — содействие развитию их национальной, по форме, культуры. «Может показаться странным,— говорил товарищ Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП(б),— что мы, сторонники *слияния* в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками *расцвета* национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,— в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре»²⁶.

Судьбы социалистических наций, развитие которых неразрывно связано с полной победой социализма в СССР и строительством социализма в странах народной демократии, подтвердили гениальное предвидение Ленина и Сталина. Во-первых, социалистическая революция не уменьшила, а увеличила число национальностей в СССР, «ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых нацио-

²³ См. И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 345—348

²⁴ Там же, стр. 348—349.

²⁵ Там же, стр. 349.

²⁶ И. В. Сталин, Об уклонах в области национального вопроса. Сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос», 1937 г., стр. 194—195.

нальностей, ранее неизвестных или мало известных»²⁷. В период советской власти сложились в социалистические нации многие народности, которые были этнически и политически раздроблены: узбеки, таджики, якуты, азербайджанцы, молдаване, карелы, марийцы, чуваша, осетины, кабардинцы, башкиры и многие другие. Укрупнились, превратившись в социалистические нации, сложившиеся ранее в нации русские, украинцы, грузины, казахи, татары и др. Создались новые этнические общности — с социалистическим содержанием их культуры — у таких групп населения, которые были ранее этнически распылены, не имели ни культурных центров, ни письменности, ни средств связи с окружающим культурным миром. Народы и небольшие народности, бывшие ранее бесписьменными, получили письменность и создали свою национальную литературу, свою национальную интеллигенцию. Все это гигантски развило национальную культуру этих народов, привело к невиданному расцвету ее.

Во-вторых, изменилось самое содержание национальной, по форме, культуры. Буржуазная культура развивала и поддерживала частную собственность, эксплуатацию человека человеком, экономическое и политическое неравенство людей, пренебрежение к людям труда, выдвигала на первый план стяжательство и личное накопление. Культура социалистическая коренным образом меняет отношение человека к людям и вещам. Освобожденный труд, переставший быть источником эксплуатации, становится «делом чести, доблести и геройства» (Сталин). Частная собственность на средства производства, бывшая основой всей буржуазной культуры, заменяется собственностью общенародной — в связи с этим рождается новое отношение к средствам производства, орудиям труда. Социалистическая мораль клеймит позором расхитителей общенародной собственности, требует охраны ее, уважения к труду, бережного отношения к вещам. Подвергается общественному осуждению буржуазная идея неравенства людей в зависимости от их имущественного положения, происхождения, расы, национальности, религии. Связанные с этим обычаи, поверья, поговорки, приметы отмирают, забываются, а попытки законсервировать их или возродить встречают все более резкий отпор. Вместе с ростом социалистического сознания, грамотности, технического мастерства и науки растет вера человека в самого себя и в человеческий социалистический коллектив, гаснет вера в сверхъестественное. Так развивается и крепнет социалистическое содержание культуры в советских социалистических нациях.

Создание новых, советских социалистических наций сопровождается укрупнением некоторых из них путем включения мелких этнических групп, этнически распыленных и экономически не связанных между собой. Расширение экономических связей, вызванное укреплением советской экономики и развитием путей сообщения, рост экономических и культурных центров, вовлекающих в орбиту своего влияния самые отдаленные районы страны, восприятие отсталыми слоями и этнически обособленными группами населения передовой социалистической культуры от своих соседей, — все это приводит к тому, что вместе с передовой социалистической культурой перенимается и ее национальная форма. Вместе с новым процессом производства усваивается терминология его; новые социальные отношения воспринимаются вместе с новыми, для данного народа, обозначениями их; новое производство ведет к новым обычаям. Отсюда возникает склонность к восприятию в большей или меньшей мере навыков и обычаев братского народа, широких заимствований из его языка, восприятия тех или иных сторон его национальной культуры. Это явление сближает советские народы и может

²⁷ И. В. Сталин, О политических задачах Университета народов Востока, Соч., г. 7, стр. 139.

привести к полному слиянию некоторых из них. В процессе консолидации крупных социалистических наций происходит присоединение к ним различных, территориально близких этнических групп. Этот процесс не имеет ничего общего с проводящейся в буржуазных странах насильственной ассимиляцией малых народов. Политика ассимиляции чужда ленинско-сталинской национальной политике, «политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма,— говорит товарищ Сталин,— как политика антинародная, контрреволюционная как политика пагубная»²⁸. Слияние мелких этнических групп в национальности, укрупнение советских социалистических наций, их консолидация — это естественный путь социалистической культуры, развитие ее в национальной форме, приобщение отсталых ранее народов к общему фронту социалистического строительства.

Этнография, изучая народную жизнь, обычаи, верования, специфику быта у отдельных народов и взаимные влияния и черты общности у народов-соседей, доводит свое исследование вплоть до современности. Перед этнографом выступают в полевой работе конечные результаты длительного процесса развития, изменения и приспособления этнических явлений у того или другого народа; в задачу исследователя входит не только описание их, но и выявление исторической сущности их на предшествующих этапах. И так как культура современности выступает перед нами в национальной форме, советская этнография изучает не только культуры прошлого, но и современную национальную культуру. Среди некоторой части советских этнографов (В. В. Струве и др.) лет 10 назад пользовалась распространением теория, утверждавшая, будто этнография может изучать народы лишь на стадии первобытно-общинного строя, а народности и нации не являются объектом этнографического исследования. Так как изучение национальной культуры вело этнографию к современности и открывало перед ней широкие перспективы дальнейшего роста, то, в противовес этому, ограничение этнографических исследований рамками первобытности означало бегство от современности, уход от исследования актуальнейших и политически важных научных проблем. Советская этнография преодолела эту пагубную для нее, как для науки, «теорию» и вплотную занялась изучением современности.

Выступление товарища Сталина на приеме финляндской делегации 7 апреля 1948 г. подтвердило правильность пути, по которому идет советская этнография. Поскольку каждая нация имеет свои качественные особенности, свою специфику, принадлежащую только данной нации, специфику эту, т. е. национальную культуру каждого отдельного народа, нужно изучать, и это должна делать наука, которая исследует народные обычаи, формы народной жизни, народную культуру,— этнография.

Изучение национальной культуры невозможно без знания истории нации, как особой формы общности; изучение национальной культуры невозможно без знания форм этой культуры и диалектики изменения содержания. Учение Сталина о нации и национальной культуре дает возможность этнографу овладеть марксистско-ленинской методологией данной проблемы и получить конкретные исторические знания, без которых всякое исследование национальной культуры было бы беспочвенным. В этом основное значение учения Сталина для этнографа.

²⁸ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 347.

Консолидация советских крупных и мелких национальностей, формирование социалистических наций в советских условиях приводят к изменениям в материальной культуре (изменение типов построек, домашней утвари, кулинарии, одежды и пр.), в языке и во всей духовной культуре. При изучении этих явлений,— а советский этнограф не может пройти мимо и не заметить подобных изменений, как бы сложны они ни были,— исследователь будет вооружен руководящими указаниями товарища Сталина о сущности и причинах этого процесса. Этнографу тем легче будет ориентироваться в происходящем, чем лучше он усвоит данную товарищем Сталиным обобщенную характеристику о процессе формирования этнических общностей, о начальных фазах этого процесса и его конечных результатах. Опираясь конкретным этнографическим, часто полевым материалом, исследователь имеет полную возможность выделить основные линии развития и отдельные частности, локальные особенности, вызванные местными условиями.

Характеристики товарища Сталина одинаково полны как в отношении линии развития социалистических наций, так и в отношении условий формирования наций в условиях империализма и колониального режима. Этнограф-исследователь должен руководствоваться этими сталинскими характеристиками при изучении той или другой страны, конкретных народов. Конечно, изучение процессов, происходящих в Советской стране или в странах народной демократии, облегчается тем, что исследователь имеет возможность пользоваться полевым материалом, собранным им самим или другими советскими этнографами; изучая же культуру народов зарубежных (в странах капитала), он принужден оперировать чужим и не всегда добросовестным материалом. Но и в том и в другом случае теоретические высказывания и методологические указания товарища Сталина дают этнографу основные вехи для направления работы.

Этнография изучает «этнос» — специфику народов, о которой говорил товарищ Сталин. Различия и специфика в национальной культуре у каждого народа могут стать предметом этнографического изучения в отношении любого явления материальной культуры, социального строя и духовной культуры. У этнографов есть богатый опыт изучения материальной культуры отдельных народов и целых групп народов. Они накопили большой материал описательный и исторически изученный, и те исследования, которые ведутся в настоящее время советскими этнографами в этой области, несомненно, расширят наши сведения по истории материальной культуры отдельных народов. Немало работ существует о социальном строе народов и отдельных частностях этого строя — о формах брака и семьи, о сельской общине, возрастных и половых подразделениях и пр. Не изучена пока этнографами, однако, такая новая форма социального строя, как колхоз — именно как форма социального строя, а не хозяйственная организация. Советские этнографы приступили уже к изучению колхоза и быта колхозного крестьянства. Конечно, при изучении колхоза как одной из социальных ячеек социалистического строя перед этнографами возникают большие трудности и существует опасность вторгнуться в такую область, которая не изучается этнографией, — в область конкретной экономики. Однако при изучении семейной общины, при изучении задруги, сельской общины и пр. этнографы сумели избежать этой опасности — почему же они не справятся с новой проблемой? Изучение колхоза в этнографическом плане может открыть новые перспективы при изучении колхозного быта. И, наоборот, изучение колхозного быта и семейного строя колхозников может натолкнуть на новые проблемы в этнографическом изучении колхоза как социальной ячейки. Проходящие в этом году этнографические экспедиции, вероятно, внесут кое-что новое и в эту область.

Изучается советскими этнографами и духовная культура, изменения

в языке, в народных представлениях о природе, представлениях о человеке, о вещах и пр. Но есть одна область, в которой, пожалуй, еще никто не работает,— исследования в области «национального характера». Конечно, в зарубежных странах, особенно в США и Англии, опубликовано немало псевдо-научных работ из области национальной психологии, но эти шарлатанские «исследования» далеки от науки и по своей методологии (психоанализ, психопатология и криминальная психология) и по своей расистской направленности. Марксистских исследований в этой области пока еще нет. Между тем советские этнографы могли бы внести свой вклад в изучение психического склада отдельных наций, собирая материал для определения «национального характера» по отображениям его в материальной и духовной культуре. Руководящие указания товарища Сталина, данные им в учении о нации, помогли бы концентрировать внимание исследователя на действительно важных объектах.

Эпоха, которую мы переживаем, богата изменениями во всех областях народной культуры и быта — следовательно, она имеет и будет иметь, во все возрастающей степени, глубокие сдвиги в психическом складе отдельных народов. Крайне важно подметить, как те или иные изменения в окружающей жизни влияют на изменение психического склада народа и как в свою очередь эти изменения влияют на материальную культуру и быт. Это проблема сложная, но необычайно важная, и от нее не может уйти советский этнограф.

Советский этнограф изучает народную жизнь, нравы и обычаи не для любования старым и отживающим и не для того, чтобы найти какую-нибудь реликвию или раритет. Конечно, изучая современную национальную культуру, он не пройдет мимо явлений исчезающих, уходящих в прошлое. Но его основное устремление направлено на отображение подлинной жизни с ее современным бытом, в котором новое побеждает старое. Как исследователь, а не созерцатель, советский этнограф не просто описывает, а изучает корни всякого явления и его сущность; и так как вместе с тем каждый советский ученый является активным строителем жизни, он должен стремиться облегчить рождение и укрепление новых, социалистических навыков и обычаев. Старые изуверские традиции и обычаи, глупые поверья не могут быть безвредными для народа, поскольку эти обычаи и поверья имеют еще распространение. Следует твердо помнить указание товарища Сталина, что, борясь против всяких и всяческих насилий над нацией, представляя ей право самой устраивать свою судьбу, необходимо вести в то же время «агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям данной нации освободиться от них»²⁹. Это было сказано в 1912 г., когда единственным орудием борьбы с вредными обычаями в условиях царского режима была агитация революционеров. В советских условиях, когда государственная власть, школа, пресса, органы здравоохранения работают только в интересах трудящихся, борьба с вредными обычаями, навыками и поверьями может вестись широко и систематически. Этнограф, изучающий народный быт, легче всякого другого может выявить явление вредное, скрывающееся под национальной или другой этнической формой. Сталинское учение о национальной культуре дает в руки этнографа оружие, при помощи которого можно определить сущность этнического явления и тем самым установить его социальное значение. Борясь с обычаями и навыками, вредными для социалистического общества, советский этнограф имеет в то же время возможность оказать помощь тому, что содействует росту новых, социалистических обычаев и понятий, что укрепляет новые общественные формы и создает нового человека.

²⁹ И. Сталин, *Марксизм и национальный вопрос*, Соч., т. 2, стр. 310.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. И. ЧИЧЕРОВ

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

1

Важнейшая проблема истории советского фольклора до сих пор остается неразработанной в нашей науке. Отдельные статьи, большей частью описательного характера и на частные темы, не рассматривают процессов формирования и развития народного творчества современности, не содержат исторического подхода к материалам. А материалы накоплены богатые: изданы сборники советского фольклора, масса ценнейших текстов рассыпана в разных книгах, журналах, газетах. Перед советской фольклористикой стоит актуальная задача, вытекающая из постановлений партии по идеологическим вопросам: создание истории советского фольклора и фольклористики. Дружными усилиями советских ученых эта работа может и должна быть выполнена в кратчайший срок. Публикуемая статья не претендует на исчерпывающую полноту рассмотрения материалов; она является опытом исторического осмысления советского фольклора. Цель ее — наметить развитие порожденных и обусловленных нашей действительностью черт советского фольклора — качественно нового народного искусства, совершенствование которого обеспечила политика партии в области культуры и искусства. Дальнейшая тщательная разработка основных вопросов современного творчества народов СССР позволит раскрыть с необходимой полнотой процессы, происходящие в фольклоре.

* * *

«Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, отняла у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки — в собственность всего народа, в общественную собственность.

Она установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом.

Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру пролетарских революций»¹.

С Октября 1917 г. началась новая эпоха в развитии общества. Вместе со всеми проявлениями духовной деятельности советских людей народное творчество вступило в новый период своего развития, и началось формирование качественно нового, советского фольклора.

Сравнение советского и дореволюционного фольклора раскрывает их

¹ История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1946, стр. 214.

коренное различие. Оно выражается в круге и характере идей, образно формулируемых произведениями народного искусства, в том, какая действительность — социалистическая или дореволюционная — и как изображается фольклором.

Основной характерной чертой советского фольклора, как искусства социалистического общества, является то, что он утверждает существующую действительность, говорит и доказывает: «прекрасное — это наша жизнь!» Дореволюционное творчество трудового народа, давая классовую оценку действительности, обличало ее, прямо или косвенно отрицало разумность и целесообразность существовавшего строя, раскрывая его враждебность целям и устремлениям народных масс, его вопиющие противоречия и уродливые стороны.

В народном искусстве советской эпохи отразилось величие событий нашей жизни, обрисован героический образ нового человека, возвращенного партией большевиков, раскрыты огромные творческие силы народа. Социалистическая действительность порождает новое содержание искусства и новые формы его у всех народов Советского Союза.

Изменившееся мировоззрение обуславливает создание новых образов, свойственных современной жизни, образов, воплощающих идеи советского человека, отражающие его отношение к настоящему и прошлому. Совершенно закономерно в народном творчестве одним из основных приемов выражения оценки действительности, выступающей из осознания величия настоящего, является прием противопоставления современности прошлому. Огромное количество произведений советского фольклора построено на сравнении: «раньше и теперь». Народ, исходя из своего реального жизненного опыта, дает оценку пережитому и переживаемому. В своем искусстве народы как бы перекликаются с призывом А. М. Горького изучать прошлое для познания процессов, совершающихся в современности. «Не зная прошлого,— писал Горький,— невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего»².

Различие в дооктябрьской и послеоктябрьской жизни народов Советского Союза осознается создателями народного искусства тем острее, что классовый и колониальный гнет империализма в царской России — не такое уж отдаленное прошлое и еще памятно разрушительное воздействие капиталистической культуры на все стороны творческой деятельности народа, в том числе и на искусство. В 90-х годах прошлого столетия А. М. Горький писал о наблюдавшихся явлениях в творчестве народа: «Русская песня уже является редкостью в деревне, она становится достоянием истории народного искусства, уходит в прошлое... То же самое творится с русским рисунком, со старым русским орнаментом...»³. Загнившая капиталистическая культура вызывала к жизни такие уродливые явления, как, например, декадентство в литературе, в изобразительном искусстве. Ему противостояло и боролось с ним реалистическое направление, во главе которого встал зачинатель социалистического реализма А. М. Горький. Борьба шла не только за полноценное профессиональное искусство, но и за народное творчество, за отстаивание традиций демократической культуры народа. Горький говорил, что «господин Купон» вместе с мылом фирмы Брокер и К° насаждал антихудожественный рисунок, изгоняя чудесное искусство народного орнамента; по деревням и на городских окраинах распространялись душещипательные романсы о страстях, убийствах и самоубийствах. С трактирной и мещанской песней сплеталось гнусавое пение духовных стихов нищими слепцами. Во всех областях культуры и быта народа наблюдалось наступление капитализма. И все же трудовой народ про-

² А. М. Горький, О литературе. М., 1934, стр. 94, статья: «О библиотеке поэта».

³ М. Росатус, Беглые заметки. Газ. «Нижегородский листок», 1896, 30 июня, № 178.

должал хранить созданные им художественные ценности, в которых, по характеристике В. И. Ленина, выразились «чаянья и ожидания народные». В связи с этим надо отметить особенно большое значение фабрично-заводского пролетариата, создавшего много нового в народном творчестве. Не отказываясь от традиционного фольклора как культурного наследия, он создал новые произведения искусства; помимо того, он воспринял сам и содействовал более широкому восприятию в деревне произведений крупнейших русских писателей; он, творчески освоив эти произведения, также содействовал превращению их в массовое народное искусство. Ведущая роль пролетариата и в этом отношении была обусловлена его ролью передового класса, борца до конца революционного и значительно более культурного, чем крестьянство. Революционная борьба в условиях империалистической России отразилась в эпосе и лирике пролетариата, возглавленных большевистской подпольной поэзией, боевыми гимнами и маршами, создателями которых нередко были профессиональные революционеры. Пролетариат создал народное творчество нового типа, творчество, которому принадлежало будущее. Одновременно с созданием А. М. Горьким в области литературы первых произведений социалистического реализма развивались в фольклоре новые явления, рождались произведения гнева и борьбы, исполненные сознанием торжества грядущей победы и обличающие врагов. В 1909 г. Горький писал: «Обязанность,— а то, если хотите,— задача литературы не вся в том, чтобы отражать действительность, столь быстро переходящую,— задача литературы найти в жизни общезначимое, типичное не только для сегодня... Пора понять, что в стране, которая еще недавно столь величественно всколыхнулась,— в этой стране должны быть и есть свободные, новорожденные люди... Они, люди эти, самое ценное земли, они наша посылка в будущее. Кто они?... Рабочие?... и среди рабочих есть новый русский человек, и среди крестьян и т. д. Вот они сочиняют преуморительные частушки и вот смеются над каторгой, над своими ранами и физическими терзаниями жизни...

...Задача времени в том, чтобы раздувать искры нового в яркие огни, а старое, рабье, от крепостного права живущее в душе русской,— оно достаточно подчеркнуто... Поднимитесь немножко над бедной улицей и над «сегодня» — посмотрите, как великолепно, в конце-то концов, кристаллизуется физическое неудобство жизни в гордые человеческие мысли, в дерзкие дела, в прекрасную мировую жизнь!» (письмо писательнице Л. Никифоровой; опубликовано в статье С. Касторского «М. Горький в борьбе с литературным декадансом», «Звезда», 1947, № 6, стр. 170).

Рожденный революционной борьбой, новый русский человек создавал искусство, в котором имелись зародыши творчества грядущей эпохи. Наиболее характерные и идейно полноценные произведения пролетарского фольклора таились в подполье,— в них со всей четкостью отражалась политическая концепция пролетариата, руководимого партией Ленина, отражалась программа борьбы с капитализмом.

Октябрь освободил придавленные империализмом могучие творческие силы трудового народа, вдохнул в них новые силы.

Впервые в истории народов России вольно и свободно зазвучали величественные гимны революции. Большевистские революционные песни, призывавшие к построению нового мира и разрушению старого, стали массовыми песнями современности. В первых же номерах послеоктябрьской «Правды» печатаются «Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу» и другие песни революции. В пении их сливаются голоса народов молодой республики, борющихся с изгнанниками из России, но еще не сдавшимися миром капиталистов и помещиков. Большевистская революционная поэзия с первых дней Великого Октября становится тем мерилом, по которому равняется народное поэтическое творчество.

В 1918 г. В. И. Ленин писал о «прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция»⁴. Ленин говорил это об общественной жизни в целом; но эти слова должны быть отнесены, в частности, и к народному художественному творчеству, — и для него глубоко справедливо, что «революция развязывает скованные до того силы и гонит их на поверхность жизни»⁵. Революция создала возможность для расцвета творчества трудовых народных масс, открыла широкий путь возрождению народов; большевистская партия под руководством Ленина и Сталина повела народы по пути социализма и возглавила их творчество во всех областях жизни. В каждой национальной культуре получили развитие «элементы демократической и социалистической культуры», создававшиеся, как неоднократно говорил В. И. Ленин, трудящейся и эксплуатируемой массой, «условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»⁶.

Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила экономический, политический и культурный гнет. Гении революционной борьбы — В. И. Ленин и И. В. Сталин как руководители партии большевиков в сознании народов слились с понятием всенародного освобождения. Именно поэтому все народы и Ленина и Сталина называют солнцем, взошедшим в их жизни. О Сталине говорит народ: «Он, как утро, над миром встает...»⁷.

Образы Ленина и Сталина в послеоктябрьском фольклоре стали ведущими образами искусства народов. Реальная жизнь, жизнь великих достижений социалистического строительства предстает оваянной мыслью о Ленине и Сталине. Народ судит о достоинствах советских деятелей и героев по тому, как они выполняют заветы Ленина, как строят коммунизм под руководством Сталина.

Марксистско-ленинское учение, поднятое на еще большую высоту И. В. Сталиным, являющееся руководством к действию и обеспечивающее одну победу за другой, осознано советскими людьми как величайшая мудрость веков. Старик-сказитель Ф. А. Конашков создал сказку о колхозниках, пришедших в Москву к Сталину. Когда услышали колхозники мудрые указания вождя, всему народу сказали: «Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина!»

Казахский акын Бек пел:

Он собрал в себе слезы веков,
Он собрал в себе горе веков,
Он собрал в себе радость веков,
Он собрал в себе мудрость веков,
Он собрал в себе силу веков...⁸

М. С. Крюкова рисует в своих сказках эпическую картину Московского Кремля с его алыми звездами. На башне Кремля, охраняя покой всей страны, день и ночь стоит Сталин. Он «слышит-видит как живет народ». И мудрость вождя, его предвиденье и твердость ведут к счастью. «Впереди народа счастьеще соколом летит...» «Золотым клубочком счастье катится!»⁹.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 376.

⁵ Клара Цеткин. Из воспоминаний о Ленине. Сб. «Ленин о культуре и искусстве», 1938, стр. 298.

⁶ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. XVII, стр. 137.

⁷ Асан-Кайгы, Казахская поэма. Творчество народов СССР, М., изд. «Правды», 1937, стр. 93.

⁸ Там же.

⁹ Сказы М. С. Крюковой: «Слава Сталину будет вечная», «Благодареньице».

На Дальнем Востоке нанайский певец, как бы перекликаясь с русской северной сказительницей, поет:

Всех превзошел он высотой,
С облаком вровень встал над землей,
Зорко глядит вождь мировой,
Блещет людям яркой звездой.

Вот он стоит — твердой стопой,
Взором обводит шар весь земной.
Светит земле в холод и зной,
Словно солнца луч золотой...¹⁰

Народы, создавая культуру социалистическую по содержанию, национальную по форме, лучшие произведения своего искусства посвящают Ленину и Сталину — великим народным героям, и их именами называют нашу эпоху. Произведения, посвященные вождям революции и социалистического строительства, отражают любовь народов СССР к своей Родине, к своей партии, под руководством которой создано первое в мире социалистическое государство.

2

Советский фольклор, с тем содержанием и в тех формах, какие нам теперь известны, не возник сразу же после Октября 1917 г. Качественно новые черты народного творчества сталинской эпохи появлялись вместе с коренными изменениями, произошедшими не только в экономике и социальном строе страны, но также в сознании людей.

Первый период развития советского фольклора характеризуется как массовое творчество, содержащее активно развивающиеся элементы социалистического сознания, но оно еще не может быть названо полностью сформировавшимся искусством социалистического общества. Своеобразие фольклора гражданской войны стоит в одном ряду с другими явлениями культуры, быта, искусства того времени; оно должно быть понято и оценено в свете указаний, данных В. И. Лениным в его работе «Великий почин». В. И. Ленин, характеризуя новые явления жизни, вызванные революцией, говорил о ростках будущего, призывал хранить «...простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма»¹¹, которые, если за ними бережно ухаживать, «...не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм»¹². Это не может произойти мгновенно, указывал Ленин, но это произойдет, так как будущее принадлежит здоровому, развивающемуся. «Следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное, — все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма.»¹³

Процесс развития народного творчества неотделим от процесса развития культуры советского народа в целом. Первый этап в истории советского фольклора — народное творчество эпохи гражданской войны — может быть охарактеризовано именно как творчество, в котором еще только поднимаются ростки нового. Это сказалось, в частности, и на том, что в те годы довольно широко использовались известные в народе произведения как образцы, отталкиваясь от которых, советские люди создавали фольклор с актуальной тематикой. А. М. Горький справедливо от-

¹⁰ Народные песни о Ленине и Сталине. Сост. и ред. Е. В. Гиппиус. М. Госиздат, Искусство, 1938, Нанайская песня «Разум людей...», стр. 129.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 343.

¹² Там же, стр. 345.

¹³ Там же, стр. 340—341.

мечал: «Надо принять во внимание, что старинная мелодия, даже несколько измененная, но наполненная новыми словами, создает песню, которая будет усвоена легко и быстро». Народ интуитивно шел по этому пути, и такой вид творчества обусловил достоинства и недостатки создававшихся произведений: быстрое освоение и распространение подобных текстов содействовало внедрению в народные массы новых идей, новых мыслей и отношений; в то же время нередко при использовании популярных песен предреволюционной России еще не осознавалось несоответствие новому содержанию характера и стиля текстов и мелодий, служивших «отправным пунктом». Старое оставалось сильным; известны случаи использования для рассказа о событиях современности мещанского и люмпен-пролетарского романса, распространенного в XIX, начале XX в.¹⁴ Идейная четкость была далеко не во всех произведениях, созданных в годы гражданской войны. Творчество этого периода довольно разнохарактерно. Сказывалось, в частности, то, что многие бойцы революции не могли полностью осознать всего, что происходило в стране; сказывалось также неуменье отсталой части населения правильно понять и оценить ход ожесточенной классовой борьбы.

Противоречия в сознании людей, прубужденных социалистической революцией, особенно ясно отражались в крестьянском фольклоре. Классовый враг революционного пролетариата и деревенской бедноты, сражавшихся под руководством большевистской партии для низкой клеветы и враждебной агитации нередко использовал формы фольклора. Подобные «произведения» просачивались в народные массы, сея сомнения и опорачивая завоевания Октября. Передовые, сознательные бойцы революции вели ожесточенную борьбу с таким псевдофольклором. Антисоветское «творчество» было обречено на смерть; ему противостояло рождающееся революционное искусство — подлинный фольклор гражданской войны, качественно новый вид народного поэтического творчества, который мы в праве назвать повестью о рождении советского человека.

О фольклоре гражданской войны и восстановительного периода (как и вообще о народном творчестве Советского социалистического государства) следует говорить, рассматривая не пережиточные отмирающие явления, а то народное творчество, которое выражает идеологию советских людей, свергнувших капитализм, защитивших родину от иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины и приступивших к восстановлению страны.

В стихах и сказах, в песнях и частушках, нередко еще несовершенных художественно, шел правдивый рассказ о рабочих, поднявшихся на бой с буржуазией, о восставшей крестьянской бедноте, о тех, кто сплотил свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина. Впервые в истории народного творчества наметился образ героя, какого раньше не было, — образ бойца за свою Советскую власть¹⁵.

В годы гражданской войны создавались произведения разных жанров. Но особое распространение получили некоторые виды народного творчества. Широкий и разнообразный поток частушек, легко импробируемых раешных стихов (ср. публикации их: «Раешник по всем фронтам», «Раешник Колчаковского фронта» и др.)¹⁶, а из прозаических

¹⁴ Можно напомнить, например, превращение романса о чайке («Вот вспыхнуло утро, румянятся воды...») в песню сибирских партизан о взятии советскими войсками Сретенска. Ср. также ряд других произведений («Вспомню, вспомню, вспомню я, как меня мать любила...» и другие).

¹⁵ Фольклор гражданской войны, помимо сборника «Творчество народов СССР», богато представлен в книгах: В. М. Сидельникова, Красноармейский фольклор, М., Советский писатель, 1938, и В. М. Абрамкина, Фронтная поэзия в годы гражданской войны, М., Советский писатель, 1938.

¹⁶ Образцы их перепечатаны в сборнике В. М. Сидельникова, «Красноармейский фольклор», М. Советский писатель, 1938.

повествовательных произведений — устных сказов¹⁷ характеризует первый период советского фольклора, вполне оригинального и самостоятельного. Все бытовавшие произведения не могут рассматриваться изолированно от стихов, песен, очерков, рассказов, публиковавшихся в партийной и военной печати тех лет. Партийная периодическая печать возглавляет народное творчество и нередко является источником для массовых произведений народного искусства. Так, например, в газете «Красный набат» Восточного фронта в 1919 г. (№ 90 от 27 апреля) было напечатано стихотворение «Песня красноармейца» за подписью Е. П.

Дружно, товарищи, в ногу,
Остро наточим штыки,
Всем беднякам на подмогу
Красные двинем полки.

Стихотворение стало массовой песней.

В этом и подобных произведениях отчетливо обрисовывался облик советского человека, защищающего молодую республику¹⁸.

Наряду с произведениями, публиковавшимися на страницах партийной и военной печати, ведущее значение в советском фольклоре гражданской войны имели массовые комсомольские песни. Они, отражающие непосредственное руководство РКП(б) комсомолом, как передовой частью подрастающей советской молодежи, преданной делу революции, составляли важное звено формирующегося нового фольклора. Характерно, что и комсомольцы того периода широко использовали песенное наследство, ориентируясь в создании своей песни преимущественно на большевистскую подпольную поэзию, но не отказываясь и от других видов лирики.

В процессе использования популярных произведений для создания новых совершенно отчетливо выявилась общая тенденция: выразить всеми возможными средствами чувства и переживания народа, поднявшегося на борьбу с врагами молодой республики. Это была закономерная и неизбежно возникшая тяга к новому по содержанию фольклору, к отражению революционной действительности в поэтическом и музыкальном творчестве. Новое, пробивающееся сквозь застывшие покровы привычных произведений, окрашивало их иначе, заставляло современно звучать. Так, например, неожиданно ново в те годы зазвучала популярная солдатская песня, превращенная комсомольцами первого призыва в веселую песню с антирелигиозным оттенком. В годы великого почина, отправляясь на субботники, комсомольцы нередко пели:

Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет...

Петь начинал молодой голос запевалы. Хор подхватывал:

Сергий поп, Сергей поп,
Сергий дьякон и дьячок,
Пономарь Сергиевич и звонарь Сергиевич,—
Вся деревня Сергиевна!
Комсомольцы Коминтерна
Разговаривают!

¹⁷ См. например, С. Мирер и В. Боровик, «Революция». Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне., М. ГИХЛ, 1931.

¹⁸ Перепечатку стихов и песен из фронтовой печати лет гражданской войны см. в сборнике «Песни борьбы», сост. М. О. Кошеваров и К. В. Боголюбов. Свердловск, Госиздат, 1934.

Комсомольские песни периода гражданской войны и восстановления страны вообще должны быть отмечены как произведения наиболее боевые, остро выражающие борьбу с капиталистическим миром. Передовая молодежь, менее чем значительная часть старшего поколения связанная с традициями прошлого, активно откликалась на призывы советской власти и нередко являлась инициаторами мероприятий, имеющих общегосударственное значение. Во всех областях творчества комсомольцев (в том числе и в области поэтического массового творчества) выражались политические убеждения, мировоззрение всего советского народа. Характерной чертой массового творчества комсомольцев в те годы является стремление приурочить любимые произведения к событиям сегодняшнего дня. Так нередко осмыслились старые произведения. Насколько сильна была эта тенденция, свидетельствует то, что уже с 20-х годов ряд традиционных подпольных песен поется не в их дореволюционной редакции, а в той, какую им дали комсомольцы в годы гражданской войны. Такова, например, песня «Расстрел коммунаров» В. Тана-Богараза, неузнаваемо измененная в песнь о расстреле белогвардейцами борцов за советскую власть («Под тяжким разрывом гремучих гранат»), или песня «По волнам, по морям», в которой создан образ комсомольца-краснофлотца, и другие.

Комсомольская песня, полная революционной романтики, отразила героику военных лет и лет мирного строительства. Уже в первом десятилетии после Октября была создана песня «Паровоз», получившая разнообразные локальные особенности (на Украине ее пели, например, как песнь детей «тех, кто выступал на бой с Центральной Радой»; как установлено П. Н. Измestyевым, эта песня была создана в начале 20-х гг. комсомольцами киевских железнодорожных мастерских, в которых работал Николай Островский). В этой песне, мечтая о будущем, советская молодежь говорила:

Наш паровоз, вперед лети,—
Коммуна — остановка!
Иного нет у нас пути,—
В руках у нас винтовка!

Комсомольское творчество явилось существенной частью массового творчества всего советского народа. Оно органически сливалось и с красноармейским и с тыловым фольклором; оно было разнообразно по содержанию и по жанрам, но едино в идейном отношении.

В фольклоре той эпохи запечатлены события лет гражданской войны, когда «большевистская партия поднимает рабочих и крестьян на отечественную войну против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины. Советская республика и ее Красная Армия разбивают одного за другим ставленников Антанты — Колчака, Юденича, Деникина, Краснова, Врангеля, вышибают из Украины и Белоруссии еще одного ставленника Антанты — Пилсудского и, таким образом, отбивают иностранную военную интервенцию, изгоняют вон ее войска из пределов Советской страны»¹⁹.

Гений И. В. Сталина вел по дороге побед на фронтах гражданской войны. Советские народы создали многочисленные произведения о Сталине — полководце, организаторе побед. В песне «Большевистская твердыня», сложенной на царицынском фронте, поется:

Прибыл в штаб товарищ Сталин
И повел войска вперед,
И бойцы десятой стали
Крепче каменных порол!

¹⁹ История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, 1946, стр. 236.

В песне украинского фронта «Ой, взыграло Черно море» народ говорил:

Беднота на зов орлиный *	Море шумное играет,
С поля панского пришла.	Гонит Сталин воронье,
Нас повел товарищ Сталин	Храбро красные дерутся
На великие дела.	За свободное житье.

В эскадронной буденновской песне пелось:

Мы ходили под Орел,
Мы Ростов напором брали,
Нас в поход Буденный вел,
А маршрут дал Сталин!

Сотни народных песен слагались в годы гражданской войны как песни о Сталине. Образ Сталина, окруженный его соратниками, запечатлен как образ небывалого героя, вождя трудящихся, защищающих молодую республику. Сталина окружают люди Октября — стойкие и самоотверженные, огромной силы воли, презирающие смерть. Они не могут быть иными, потому что их ведет Сталин. Их героизм бессмертен; рассказ о подвиге рождает предание о бессмертии героя — такова, например, известная легенда «Жив Чапаев», утверждающая, что вражеские пули оказались бессильными и не могли погубить героя ²⁰.

3

Кончилась победой гражданская война. Напряженным трудом советский народ залечил нанесенные войной раны. XIV Всесоюзная конференция ВКП(б) утвердила курс партии на строительство социализма в нашей стране. В результате индустриализации, коллективизации, культурной революции Советский Союз за короткий срок стал неузнаваем, и сознание людей совершенно изменилось. На XVII съезде партии — съезде победителей — И. В. Сталин говорил: «СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал, вернее становится, — страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР».

Коренные изменения всей жизни нашей страны, блестящие успехи мирного социалистического строительства обусловили возможность расцвета нового советского фольклора. В этот период процесс изживания классово-чуждых мелкобуржуазных элементов в искусстве выявился отчетливее. В первое время после гражданской войны элементы буржуазной культуры, несколько активизировавшиеся во время нэпа, проникли в народные массы. Продолжалось и использование фольклорных форм в прямой антисоветской агитации классового врага. Борьба со всеми враждебными явлениями в фольклоре была неотложным и важным делом — частью общей борьбы за построение социализма, за советскую культуру. В целях этой борьбы партия осуществляет ряд мероприятий, поднимающих на должную высоту творческие тенденции советского

²⁰ Образы соратников И. В. Сталина и многочисленных героев гражданской войны запечатлены во многих народных поэмах, стихах, песнях, рассказах, легендах. См., например, казахскую песню о Фрунзе, сложенную акыном Утепом Онгарбаевым, песню-поэму Джамбула «Дорога побед», украинские песни о Щорсе, русские и украинские песни о Ворошилове, аварскую легенду о Самаре «Гибель героя», поэму «Жигит Маныш» и другие. («Творчество народов СССР», М., изд. ред. «Правда», раздел «Гражданская война»).

фольклора. Мероприятия охватывают и непосредственно народное творчество, и литературу, и искусство. Особо следует отметить преобразование Дома театрального просвещения имени В. П. Поленова (Москва) в Центральный Дом искусства в деревне (1925 г.); аналогичный Дом искусства в деревне организуется в Ленинграде, а с 1930 г. создаются филиалы в краях и областях. В июле 1927 г. коллегия Наркомпроса вынесла специальное решение о работе Центрального Дома искусства, указав, что укрепление его является делом государственной важности. Впоследствии, в 1936 г. Дома искусства в деревне были реорганизованы в Дома народного творчества с Всесоюзным Домом народного творчества им. Н. К. Крупской (Москва) во главе. Задачей Домов искусства, а позднее Домов творчества являлось руководство не только массовой художественной самодеятельностью, очагами которой являются городские, заводские и сельские дома культуры, клубы, избы-читальни, но и работа непосредственно по фольклору.

В эти же годы советская печать публикует методические руководящие пособия по собиранию фольклора, акцентируя внимание на необходимости усиления борьбы с враждебными произведениями. Статьи публикуются в журналах «Рабселькор», «Большевицкая печать», издаваемых редакцией «Правды», в периодическом органе Центрального бюро краеведения — «Советское краеведение» и других журналах. Издательство «Крестьянской газеты» выпускает книгу в помощь селько-рам «Что такое фольклор» (автор проф. Ю. М. Соколов) и мобилизует внимание на борьбу с кулацким фольклором. Статьи по этому же вопросу печатаются в газетах.

Решающее значение для становления и бурного развития поэтического и музыкального творчества народов СССР имели мероприятия партии, направленные на перестройку литературных и музыкальных художественных организаций. Эти мероприятия были связаны с ростом нашей литературы и музыкальной культуры на основе победы социализма в СССР.

23 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) вынес специальное постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». В 1934 г. был проведен при непосредственном участии секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова 1-й Всесоюзный съезд советских писателей, на котором А. М. Горький сформулировал основные положения советской фольклористики. В СССР была создана секция народного творчества. В 1936 г. в Центральном органе ВКП(б) газете «Правда», в связи с постановкой порочной пьесы Д. Бедного «Богатыри» (в Камерном театре, Москва), были поставлены основные вопросы методологии изучения фольклора и разбиты позитивистские концепции так называемой исторической школы Вс. Миллера. В 1935 г. под руководством редакции «Правды» издательством «Двух пятилеток» была начата работа по сбору советского фольклора, результатом которой явилось издание редакцией «Правды» книги «Творчество народов СССР» (1937 г.).

Партийное руководство искусством нашей страны и борьба за развитие советского народного творчества уже в середине 30-х годов обеспечили создание многочисленных фольклорных произведений большой художественной значимости, вели к изживанию чуждых элементов в фольклоре.

Советский фольклор вырос на основе лучших традиций творчества трудовых народных масс. К нему в полной мере относятся слова А. А. Жданова, сказанные им о культуре: «Наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого»²¹. Народ, руководимый партией большевиков, никогда не относился ниги-

²¹ Доклад А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград».

листически к своему прошлому искусству. Беря из него лучшее, — то, что характеризует демократическую культуру трудящихся, мастера фольклора творчески относятся к взятому и учатся у большевиков использованию культурного наследства при создании новых ценностей. В народных массах утверждается и находит выражение в произведениях искусства партийное отношение к художественным ценностям, о котором так ясно сказал А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б): «Мы, большевики, не отказываемся от культурного наследства. Наоборот, мы критически осваиваем культурное наследство всех народов, всех эпох, для того, чтобы отобрать из него все то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке и культуре»²².

В условиях социализма массовое народное творчество получает особенно широкий размах. В нем развились, расцвели «ростки нового». Творчество охватывает все области жизни; оно присуще науке, технике, искусству, ставшими народными в полном смысле этого слова. Массовое народное творчество выявляется в рабочем изобретательстве, в рационализаторстве, в открытиях мирового значения, делаемых работниками социалистических полей и заводов. Миллионам людей стали известны имена мастеров народного творчества, сказавших новое слово в области науки, техники, искусства. Социалистический строй и социалистическая культура дают безграничные возможности развитию массового творчества в целом и создают все условия для выявления индивидуальной творческой инициативы. Это очевидно в области рабочего и колхозного трудового творчества, это очевидно и в области искусства.

В 30-х годах совершенно явственно обрисовались гармонически сливающиеся, но имеющие свою специфику, линии развития советского фольклора: массовое народное творчество и искусство отдельных, наиболее выдающихся мастеров. Оба вида народного поэтического искусства, характеризуемые в равной мере социалистическим содержанием и национальностью формы, сохраняют основную специфическую черту фольклора: постоянную творческую разработку созданных произведений — именно на эту черту указал И. В. Сталин, говоря о народных традиционных песнях: «Народ свои песни шлифует в продолжение столетий и доводит до высшей ступени искусства»²³. Мастера советского фольклора и творческие народные массы, вдохновляемые к созданию искусства социалистической действительностью, взаимно дополняют друг друга. Это творческое содружество индивидуального и массового народного искусства впервые уже в 1937 г. было широко представлено в неоднократно цитировавшемся сборнике «Творчество народов СССР». Роль мастеров и того и другого вида народного искусства в развитии советского фольклора очень велика. Отмечая это, Президиум Верховного Совета СССР 31 января 1939 г. наградил орденами Советского Союза крупнейших мастеров народного искусства — М. С. Крюкову, Ф. А. Конашкова, И. Ф. Ковалева, Ф. И. Беззубову, Джамбула и других.

Для понимания характера особенностей фольклора сталинских пятилеток надо вспомнить, что говорил о коренных изменениях, происшедших в классовой структуре советского общества, И. В. Сталин в 1936 г. в докладе «О проекте Конституции Союза ССР». Он указывал: «О чем говорят эти изменения? Они говорят, во-первых, о том, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими клас-

²² Совещание деятелей музыки в ЦК ВКП(б), изд. «Правда», М., 1948, Выступление А. А. Жданова, стр. 147.

²³ См. статью Гаджибекова в журн. «Советская музыка», 1939, № 5, стр. 21.

сами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исчезает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более и более сокращается.

Они говорят, во-вторых, о том, что экономические противоречия между этими социальными группами падают, стираются.

Они говорят, наконец, о том, что падают и стираются также политические противоречия между ними.

Так обстоит дело с изменениями в области **классовой структуры СССР**.

Картина изменений в общественной жизни СССР была бы не полной, если бы не сказать несколько слов об изменениях еще в одной области. Я имею в виду область **национальных** взаимоотношений в СССР... Истекший период с несомненностью показал, что опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью. Это есть несомненная победа ленинской национальной политики».

Гениальный анализ изменений, происшедших в общественной и экономической жизни народов Советского Союза, данный И. В. Сталиным в докладе о Конституции СССР, раскрывает и объясняет также появление нового качества в советском фольклоре. Изменения, произошедшие в сознании людей, живущих в совершенно новых условиях, нашли выражение и в народном творчестве.

Центральной темой народного творчества этого периода является тема социалистического труда. Она в фольклоре запечатлена как ведущее начало, обуславливающее коренные изменения в сознании человека, в быте и культуре народов.

Социалистическое отношение к труду, воспитанное у советских людей партией, знаменовало победу, которую предвидел В. И. Ленин, — победу «над собственной косностью, распушенностью, мелко-буржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину»²⁴. На XVI Всесоюзной конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. был утвержден план первой пятилетки, и партия обратилась к трудящимся с призывом организовать социалистическое соревнование по всей стране. Трудящиеся Советского Союза горячо откликнулись на этот призыв, и на XVI партийном съезде в июне 1930 г. И. В. Сталин сказал: «Теперь дело соревнования и ударничества является делом завоеванным и закрепленным».

В 1935 г. — уже на новом этапе развития нашего государства — возникло стахановское движение, о котором И. В. Сталин говорил, что оно открывает путь к таким показателям производительности труда, «которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим»²⁵.

Коммунистическое воспитание трудящихся, борьба с пережитками капитализма в сознании людей теснейшим образом связаны с отношением к труду как к творчеству, с осознанием труда в СССР как дела чести, доблести и героизма. Именно творческий героический труд, труд создателей могучего социалистического государства, меняющий экономическое состояние страны и сознание человека, стал главной темой советского фольклора сталинских пятилеток. Народ поет о Родине, преобразуемой трудом советских людей, руководимых И. В. Сталиным. Земля сделалась веселой, и люди говорят о счастье.

²⁴ В. И. Ленин, Соч., XXIV, стр. 329.

²⁵ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 496.

Оттого, земля, ты
Стала молодою,
Что тебя украсили
Мы своей рукою!

Оттого мы сильны
И богаты стали,
Что нам в руки счастье
Дал товарищ Сталин!¹⁶

«Руки крепки, руки ловки, золотые руки...», — так говорит народ о героинях соцсоревнования — трактористках, обещавших товарищу Сталину вывести бригаду на первое место («Трактористки»). В русских частушках поется:

Мой милой в Москву попал,
Ему руку Сталин жал.

Это значит: У милка —
Работающая рука¹⁷.

Народ воспевае стахановцев заводов, пятисотниц, выращивающих небывалые урожаи свеклы («Пятисотницы»), стахановку украинского Полесья Дубок, — ее труд дает образцовое льняное волокно («Раздается наша песня»), стахановок чайных и цитрусовых полей Аджарии Айше и Фундикиди («Легли на Арсии туманы») — многих других людей воспевае народ за их героический труд¹⁸. С презрением говорит народ о лодырях, лентяях, порочащих трудовую семью советских народов. Метким словом, пословицей характеризуется лодырь: «Свою-то лень не продашь за трудовень-», «Брехать — не цепом махать, — спина не болит», «Колхоз пашет, а он руками машет», «У лодыря, что ни день, то лень», «Нужен он, как кулак в колхозе!» Широким обобщением темы труда звучит поговорка: «В колхозе язык не в зачет: кто работает — тому почет».

Новое отношение к труду, борьба за новые достижения перерождает сознание человека. Это прекрасно выразил поэт-песенник В. И. Лебедев-Кумач, сказав в своей ставшей общенародной песне о Родине.

Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей!

Социалистическое отношение к труду, соревнование, стахановские методы работы порождают новые общественные и семейные отношения, являются почвой, на которой создается, вырастает советская культура¹⁹. Советский фольклор, отражая действительность, в художественных образах показывает раскрепощение женщины, культурную революцию, поголовный охват населения СССР грамотой, такие небывалые явления, как проведение культпоходов и соцсоревнование по ликвидации неграмотности в самых отдаленных местностях Советского Союза, выдвижение знатных людей из рядов колхозников и рабочих и многое другое, обычное в нашей жизни, но невозможное ни в какой другой стране²⁰.

В фольклоре сталинских пятилеток отражен процесс ликвидации противоречий между городом и деревней; народное искусство свидетельствует о безраздельном господстве социалистического уклада; одновременно в фольклоре выражено отношение советского человека к своей многонациональной Родине, исключающее всякую возможность национальной вражды и ненависти. Интернационализм характеризует произведения советского народного творчества, воспевающие богатства и величие страны Советов.

¹⁶ Молодая земля, «Творчество народов СССР», стр. 373.

¹⁷ «Творчество народов СССР». Песни ударниц.

¹⁸ См. «Творчество народов СССР».

¹⁹ См. В. Крупянская и Л. Старцева, Фольклор колхозной станицы. Советская этнография, 1949, № 3.

²⁰ См., например, «Переключку девушек» (аварские песни о культпоходе), «Зять и теща» (белорусскую песню), «Алый цветок» (русскую сказку), «Песню пастуха» (киргизскую песню) и другие широко известные произведения в книге «Творчество народов СССР».

Народы в своем творчестве славят Родину. Характеризуя фольклор сталинских пятилеток, редакционное предисловие к книге «Творчество народов СССР» рисует картину страны: «Среди степей подымаются чудесные города, раскрываются горы, останавливаются укрощенные реки. Степные корабли проходят по морям пшеницы. Стальные кони бороздят землю, ставшую тучной. Хлопок белыми цветами-чашечками покрывает земли, бывшие вчера пустыней. Это чудесный снег, покрывающий летом пространства тропического юга. А среди снегов далекого севера краснеют и зеленеют овощи...»³¹. В таких произведениях, как «Богатства» (перевод с азербайджанского), «Фергана» (перевод с узбекского), «Золотая Украина», «Советский Азербайджан» и др., говорится о богатстве Советского Союза. Замечательно, что уже в них, созданных народами в начале 30-х годов, совершенно отчетливо выражена победа советского человека над державшимися веками национальной разобщенностью и враждой. Певец поет о том, что Россия восхваляет свое железо и пшеницу, Белоруссия — леса, Украина — уголь, Узбекистан — хлопок, Азербайджан — нефть... Но эта похвальба богатствами единой семьи республик.

И всем я поделиться с братом рад,
И каждому достойному — я брат!
Любимых десять братьев у меня.

Сталинская национальная политика создала новые взаимоотношения между народами и нациями Советского Союза, породила новое отношение к своей цветущей Родине. Как бы суммируя мысль всех народов, туркменский певец Гельди Курбан Сахат-Оглы говорит:

Приезжай к нам, Сталин, в Туркменистан! Народы зовут тебя.
И рощи цветущие, и сады, и воды встретят тебя,
И соловьи на весенних ветвях, пенем встретят тебя,
И светлый хлопок, раскрыв объятия, цветением встретит тебя,
И встретит тебя туркменский народ в богатом краю родном,
И голоса миллионов людей скажут тебе об одном:
«Если враги захотят отнять счастье страны моей —
Туркменский народ оружие возьмет и оседлает коней!»³².

В 1936 г. была принята Сталинская Конституция, конституция победившего социализма. СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу. Певцы сложили много произведений о Сталинской Конституции, свидетельствующих о большой политической зрелости и сознательности народов. Осознавая все значение, какое имеет Основной закон в жизни страны, народ воспринимает его как итог всей деятельности большевистской партии, осуществления ленинско-сталинской политики.

Новый закон гонцы привезли,
В нем — радость для всех народов земли,
В нем слава побед величавых встает,
В нем сердце сталинское живет!³³.

4

Фольклор Великой Отечественной войны явился новым этапом в истории советского народного творчества. В нем со всей глубиной раскрылось величие и героизм советского человека, возвращенного больше-

³¹ «Творчество народов СССР», стр. VII — VIII. Перечисляемые ниже произведения см. в этой же книге.

³² Я песню народа пою. «Творчество народов СССР...», стр. 144—145.

³³ Праздник Сталинской Конституции, «Творчество народов СССР», стр. 300. См. также перевод с саамского — «Новая жизнь», стр. 3 и др.

вистской партией, чувство преданности партии и ее вождям, чувство дружбы братских народов СССР. Народное творчество этих лет пронизывает вера в непобедимость Советского Союза, идея бессмертия подвига во имя Родины, торжества народного дела победы социализма во всем мире. Народ вместе с своими вождями говорил: «Наше дело правое, мы победим!». Весь фольклор военных лет, страстный и непримиримый к врагу, мобилизовал на борьбу и пафосом героики, и гневным словом, и образной фантастикой, и лирическим выражением чувств, и острой сатирой, разящей врага.

В борьбе с фашистской Германией народы СССР раскрыли всю силу советского патриотизма. И. В. Сталин указал: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами». «Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм»³⁴. Советский патриотизм отразился в фольклоре Великой Отечественной войны.

В фольклоре Великой Отечественной войны следует выделить несколько видов: фронтовой, партизанский, мирного населения временно оккупированной фашистами территории, советских людей, угнанных в фашистскую неволю, советских людей, ковавших в тылу победу на фронте. Ведущее значение в годы войны приобрел фронтовой фольклор. В действующей Советской Армии было создано огромное количество произведений, выразивших общенародные чувства, мысли, переживания. Преимущественно в армейской среде и получили наиболее широкое развитие массовые формы народного творчества, хотя надо отметить, что индивидуальные произведения в фронтовом фольклоре также играли значительную роль.

Конкретные условия, в которых создавался фольклор Великой Отечественной войны, были различны, и это дает своеобразие тематике произведений, акцентирует в одних случаях одни, в других — другие вопросы. Но это не означает разделенности видов военного фольклора, изолированность их одного от другого. Идейно фольклор Великой Отечественной войны един, он выразил идейное единство и непоколебимость всего советского народа. Весь народ мобилизовал свои силы на битву с фашизмом, и разные формы участия в этой битве ни в какой мере не были препятствием к широкому освоению создаваемых произведений. Фронтовой фольклор легко перенимался населением тыла и партизанами, партизанский начинал бытовать на фронте и в тылу или у населения временно оккупированной территории и т. д. В процессе взаимного перенимания и обогащения фольклора, созданного в годы войны разными группами населения, народное творчество тех лет оформля-

³⁴ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е, ОГИЗ, Госполитиздат, М., 1946, стр. 160—161.

лось в единое целое, теперь нередко с трудом дифференцируемое. Порожденные условиями военного времени новые фольклорные жанры иногда трудно разграничить по их принадлежности к тому или другому виду военного фольклора. Таковы, например, стихотворные письма на фронте и с фронта. В них отражено единство фронта и тыла, нерушимая связь Советской Армии с народом, создавшим ее; этот новый жанр в равной мере относится и к фронтовому и к тыловому фольклору.

Характерной чертой фольклора Великой Отечественной войны является его сближение с литературой этого же времени, восприятие массами советского народа огромного количества песен поэтов и композиторов как произведений современного народного творчества. Советские писатели и композиторы пошли на фронт и с оружием в руках защищали свою Родину. Их фронтовая жизнь была общей с жизнью других фронтовиков, их восприятие действительности было общенародным. Зрелое поэтическое и музыкальное мастерство дало им возможность высокохудожественно выразить то, что переживал весь народ, и народ принял созданные ими произведения как свои. Их песни нередко пелись и поются как безымянные, безавторские — и отнюдь не из-за отсутствия любви и уважения к поэту. Нет такой другой страны, в которой бы авторитет работников искусства и науки был бы так же велик, как в нашей. Забвение имени автора в наше время связывается исключительно с восприятием произведения как общенародного, своего; с этим сочетается творчески свободное отношение к авторскому тексту, отказ от восприятия его как канонического. Советская культура и литература воспитали славную плеяду поэтов-песенников, многие произведения которых стали частью народного творчества. В. Лебедев-Кумач, А. Сурков, А. Твардовский, М. Исаковский, А. Фатьянов и др. создали новую героическую и лирическую песню, построенную на принципах массовой народной песенной поэзии. Лучшие поэты-песенники стали лауреатами Сталинской премии и имеют право быть названными народными поэтами. Теперь уже невозможно исключить из сокровищницы массового народного искусства такие произведения, как «Вы, туманы мои, растуманы...», «Катюшу», «И кто его знает» и многие другие.

Все народы Советского Союза по зову Сталина поднялись на защиту Родины, сомкнулись боевым кольцом. И в пограничных областях страны, и в глубоком тылу горела одна благородная мысль: защитить Родину, отстоять ее от врага.

Сталин — глас народа, глас правильный,—

Да собрал скоро-наскоро рать несметную —

так в народном сказании о начале войны говорили казаки-некрасовцы³⁵.

В далекой Якутии певцы и олонхосуты также призывали народы к защите Родины:

На защиту отечества
Не пожалеем свою кровь,
Дорогие братья!
Для ограждения прекрасной страны
Не побоимся смерти!

Верные друзья,
Вперед не споткнемся
И назад не попятимся!
Сомкнемся вокруг Сталина,
Ставшего бьющимся сердцем
Всего народа!³⁶

³⁵ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростиздат, 1947, «Да вот пошел же он, враг...», стр. 27.

³⁶ Г. Эргис, Якутский фольклор о Великой Отечественной войне. Рукопись, стр. 9.

На защиту Родины «я должен идти, остаться не в силах» говорит армянская песня («Благослови мой путь, дорогая мать»). «Избранным от народа идешь ты на врага... Овей славой Советское государство», — напутствует своего мужа-воина киргизка (песня Джусупа-ырчи). Так голоса певцов сливаются воедино, выражая волю народов. Непреклонна воля, незыблема вера в победу, глубока и органична преданность партии и И. В. Сталину. Народ говорит: «Клятва Сталину — клятва Родине», «Со Сталиным победим во всех боях и на земле и на морях», «Сталинское слово без крыльев летит», «Народ за Сталина, Сталин за народ»³⁷.

Народ защищал свое государство, в котором жил, по образному выражению народной сказки, «на радость друзьям, на зависть врагам». Сказка рассказывает: «Вот война грянула, да такая, что и старики не упомнят... Не усидеть младшему сыну. Говорит он своей матери: «Матушка, отпусти меня на войну!»... «Ох, мое дитяtko,— говорит мать,— ты еще молод! А уж если так хочешь, вот тебе три загадки, отгадаешь — быть по-твоему: «Что самое дорогое?», «Кто всех сильнее?», «Кто милее всего?» Сыну отгадал загадки. Он ответил матери, что самое дорогое — Родина, сильнее всех — Красная Армия, милее всех — товарищ Сталин. Отгадал он и следующие три загадки, ответив, что краше всего — наша земля, лучше всего — советская власть, крепче всего — большевистская партия. И тогда мать благословила его и отправила на войну; она дарит ему коня и наказывает: «Вот тебе, сынок, мой материнский подарок. Владей — не изнашивай, врагов бей — не спрашивай!»³⁸.

В годы войны, когда партия и правительство проводили поистине титаническую работу и в тылу и на фронте по организации героического труда и мобилизации сил народа на борьбу с врагом, народное творчество не оставалось без внимания. Возникающие произведения народного творчества получали необходимую поддержку. Особенно большую работу провело Политическое управление Советской Армии, возглавив руководство массовым народным творчеством в фронтовых и тыловых частях войск³⁹. Организованные в воинских частях и соединениях коллективы художественной самодеятельности сыграли большую роль в развитии народного искусства. Насколько большое внимание уделялось народному творчеству, свидетельствует, например, то, что в блокированном Ленинграде, по инициативе А. А. Жданова, был подготовлен и издан песенник для войск ленинградского фронта. В разгар боевых операций, в августе 1944 г., состоялось специальное постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах парторганизаций КП(б) Белоруссии в области культурно-просветительной работы среди населения», и в числе этих ближайших задач было указано на восстановление Домов народного творчества как одного из типов культурно-просветительных учреждений. На необходимость быстрого восстановления клубов, домов культуры и других учреждений указывалось и в постановлении ЦК ВКП(б), принятом весной 1945 г. по вопросу об извращении содержания башкирского героического эпоса.

Все эти мероприятия содействовали быстрому оформлению фольклора Великой Отечественной войны, помогли создателям его выше поднять идейное содержание произведений, заострить их боевую, политическую направленность, создать подлинно

³⁷ А. М. Жигулев, Пословицы на фронте. Советская этнография, 1948, № 3.

³⁸ В. А. Тонков. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны. Воронеж. Обл. книгоиздательство, 1945 г., стр. 25—26.

³⁹ Надо отметить особо фольклорные брошюры, издававшиеся специально для воинских частей, например, сборники пословиц.

народный образ защитника Родины. Народная песня говорит:

Нам за наше великое дело
Не приходится жизни жалеть,
На врага нападаем мы смело —
Нам не страшно в бою умереть! ⁴⁰

Советский человек по зову партии совершает небывалые подвиги, без страха смотря смерти в глаза. Группа комсомольцев гибнет от руки фашистов; жаль расстаться с жизнью

— Но когда б вернулася
Юность наша сызнова,
Мы бы вновь за Родину
Отдали ее!

Так говорят комсомольцы и завещают мстить врагу за каждую каплю крови, каждую слезу, пролитую советским человеком ⁴¹. О покрытых бессмертной славой, презирающих смерть защитниках государства и народа рассказывает фольклор. Имена Гастелло, Матросова, краснодонцев, других героев Великой Отечественной войны сохранены народным творчеством, которое с полным основанием можно назвать историческим фольклором современности. Рассказывая о подвиге Матросова, гвардии сержант В. Золотов говорил о том, как бесстрашно он шел вперед — туда, где

Два дота в ряд,
Смерть затаив в пустых глазницах,
В лесу безмолвные стоят,
Обходят их и зверь и птица.

Сила советского оружия, военная техника также воспета народным творчеством. Талантливая изобретательская мысль поставлена на службу Родине, на защиту ее. И народ любовно называл ласковыми именами оружие Советской Армии. Широчайшую известность получило наименование «Катюшей» гвардейского миномета. Имя это связано с именем героини популярной песни М. Исаковского «Расцветали яблони и груши». Именно о миномете «Катюша» бойцы Прибалтийского фронта шутливо говорили: «Кому Катенька сплет, тот минуты не живет» ⁴². О «Катюше» и о других выдающихся орудиях Советской Армии народ сложил частушки, рассказы, отмечая значение техники в современной войне. Гордость высокой технической оснащённостью наших войск выражена в этих произведениях, ибо она была создана талантливым советским народом, защищавшим свою социалистическую Родину.

Великая Отечественная война развила и углубила благородные качества советского человека. Боевая дружба, глубокое чувство любви, гуманизм, гневная ненависть к врагу, разоряющему Родину, самоотверженность в защите угнетаемых вражескими полчищами, гордость успехами Советской страны — все проникнуто чувством советского патриотизма. Мужественно и лирично воспета боевая дружба солдат:

Русый чуб опустил на гармонию,
Задушевно поет старшина,
И мерцает в печурке огонь,
И в теплушке стоит тишина.
Старшина с одним парнем дружил,

⁴⁰ Архив Института этнографии. Запись В. Ю. Крупианской в гор. Клетне Брянской области от бывшей партизанки Е. А. Барановой.

⁴¹ «Слушайте, товарищи»... Советский фольклор Чкаловской обл. Сост. А. Бардин, ОГИЗ, Чкаловское изд., 1947, стр. 82—83.

⁴² Архив Института этнографии. Сообщил А. Н. Титов, боец Прибалтийского фронта.

Вместе ел, вместе пил, вместе спал,
 В одной роте три года служил,
 Ни в нужде, ни в беде не бросал.
 Воевал с ним в карельских лесах,
 Били немцев под Тулой зимой,—
 Вынес друга в бою на руках,—
 А друг спас ему жизнь под Москвой⁴³.

Многочисленные произведения говорят о качествах советских людей. Одно из самых выразительных произведений, свидетельствующих о том, что советский человек не может стать рабом, что его ненависть к врагу и его гордость больше и глубже страданий,— наказ матери, провожающей дочь на фашистскую каторгу.

Теперь, моя доченька, ты плененная!...
 Ты не слушай этих врагов,
 Ты не слушай немчугу злодейную,
 Тебя будут посылать,— а ты, дитё, не иди,
 Тебе скажут сделать, а ты, дитятка, не делай!
 И будешь ты, родная, всем нам желанная,
 Только врагу не будь послушна-покорная!
 Во всякий час да во всякий день
 Будь ты русская — станешь вольная⁴⁴.

С изображением советской действительности и особенностей советского человека связана идея мужества и по-новому осознаваемая идея бессмертия. В фольклоре Великой Отечественной войны тема бессмертия заняла особое место и звучит как вечность подвига, вечность славы. В простых словах, рассказывающих о том, как в бою погиб над Берлином летчик, формулируется мысль о вечности героического подвига советского воина.

Прощай, мой товарищ, прощай, дорогой,
 С тобою простимся навеки.
 Нам смерть не страшна, мы погибли с тобой,
 Но слава о нас не померкнет...
 Соем же, товарищ, вместе с тобой
 О штурмане песню простую,
 И с этою песней двинемся в бой
 За родину нашу святую⁴⁵.

Бессмертие подвига сливается с бессмертием героя. Образность народного творчества оформляет эту тему в сказания о неуязвимости советского воина. Из цикла произведений Великой Отечественной войны широко известны сказания о бессмертии Заслонова, о неуязвимости других героев Советского Союза — об этом уже писалось в специальных статьях. Обобщение этой темы дается в сказах и сказках, повествующих о рядовом бойце. Воин пал на поле брани. Почуяло материнское сердце гибель сына. Издалека приходит мать на поле сражения. Мать поднимает умирающего сына с сырой земли, омывает его слезами и зовет его и всех воинов: «Вперед, мои дети, истребим врага лютого!» И сколько было бойцов, кто убитый, кто раненый, кто усталый — все поднялись и пошли за матерью-героиней. Испугались враги, когда увидели, что мертвые и раненые поднялись. «Красную Армию,— говорят они,— не победишь, бойцы ее бессмертны»⁴⁶.

⁴³ Архив Института этнографии. Полный текст песни публикуется в сборнике В. Ю. Крупианской и С. И. Минц «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны».

⁴⁴ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростиздат, 1947, № 16, стр. 28.

⁴⁵ Архив Государственного литературного музея. Запись И. Наумова.

⁴⁶ Русская сказка «Мудрая мать» рассказана А. Н. Корольковой.

Такие люди не могли сказать иначе, чем сказали в годы войны: «Умри, но с родной земли не сходи!» Народные пословицы сохранили память о боях и разгроме фашистов. «Московская сила — немцу могила», «На Волгу пойдешь — костей не соберешь», «Гони гада от Сталинграда», «Немец на Сталинград пошел, свою смерть нашел», «Наши прут немцев в Прут», «Пойдешь на Воронеж — в Доне утонешь», «Тула, Елец — немцам конец». — «Фрицы просчитались — не на тех нарвались!»⁴⁷.

Светлым образам советских людей в народном творчестве противопоставлен мрачный образ фашистов с Гитлером во главе. С острой иронией народные сказители говорят о провалившемся плане Гитлера молниеносной войны в СССР.

Говорил тут Гитлер да прихвастывал,
А прихвастывал да приговаривал:
Одним днем приду, да я в Москву зайду...⁴⁸

Фашистские орды, возглавляемые Гитлером, Геббельсом и прочими преступниками, обобщаются в советском фольклоре образами гибельного начала смерти, порока, ядовитых вредоносных сил. В фольклоре Великой Отечественной войны оформилась устойчивая символика при изображении фашистов-змей (вар.: чудовище с змеинными головами), волк со змеиным сердцем, черный ворон (или: стая воронья) и другие, подобные указанным⁴⁹.

Народная сатира и пародия, своим острием направленная на врага, служит разоблачению его. Преступления, пороки, грабежи, насильование женщин, убийство стариков и детей, бессмысленная жестокость, человеконенавистничество — всё беспощадно вскрывается народным творчеством. Иногда сатирические песни вкладывают рассказ о преступлениях в уста самих грабителей и изуверов фашистской армии. Такой прием делает сатиру особенно выразительной. Фашист обращается к своей жене, пишет ей, посылая награбленные вещи.

Помнишь ты нашу отpravку,	Вот уже зима наступила,
Геббельса речь самого —	Бьют нас, куда ни пойд.
Дескать, в любую вломимся лавку	Геббельс болтает, и черт его знает,—
И наберем там всего...	А мы замерзаем в степи...

Подобные сатирические песни разоблачили преступную деятельность во временно оккупированных областях не только рядовых фашистов, но и их главарей. На фронте и в тылу пели много песен о Гитлере, Гимлере, Геббельсе и других. Так, например, используя песню «И кто его знает», бойцы сложили новую, говоря, как ходит Гитлер —

Поморгает косым глазом
И не скажет ничего,

как он по-собачьи скулит, получив с фронта сводку, как узнает о поражении. О Геббельсе бойцы пели:

Доктор Геббельс, щуря глазки,
Удивляет снова свет:
В каждой строчке по три сказки —
И ни слова правды нет...

⁴⁷ Советский фольклор Чкаловской области..., стр. 131.

⁴⁸ Фольклор Советский Карелии, ГИЗ КФ ССР, Петрозаводск, 1947.

⁴⁹ Яркое художественное воплощение эти образы получают в сказочном эпосе. См., например, сборник «Народное творчество в дни Великой Отечественной войны». Сост. В. А. Тонков, Воронежское областное книгоиздательство, 1945.

Эти песни типа плакатов-карикатур прочно вошли в репертуар фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. А наряду с ними широко бытовали произведения о моральном разложении фашистской армии, ее паническом страхе перед воинской силой и техникой победоносных советских войск (ср. например, разнообразный фольклор о миномете «Катюша», о советских самолетах и многое другое).

Особую группу антифашистского фольклора представляют произведения сказового и песенного творчества, рисующие зверства фашистов, их изуверскую расправу с мирным населением. В основе большинства таких произведений лежат действительно факты, и это делает их особенно животрепещущими. Сказы и песни о зверствах фашистов сплетаются с фольклором угонявшихся в неволю, фольклором, слагавшимся в концлагерях — страшных документах о человеческих страданиях (материалы этого рода неоднократно публиковались в периодической печати).

Советские люди гневно предавали проклятью врагов. Старая казачка проклинала Гитлера:

Заклинаем проклятиями великими
За наших сирот и калек..
Будь ты проклят,
Будь ты проклят, Гитлер! ⁵⁰

Слово проклятья врагу было общим.

Я, гусан Сероб, сын Совета,—
Пусть проклятье мое дойдет до твоего седьмого поколения.
Чтоб тебе не знать покоя в могиле, Гитлер! ⁵¹

В слове ненависти к врагу сливались чувства народов.

Фольклор Великой Отечественной войны завершился сказаниями и песнями о победе Советского государства. В метких словах, пословицах, в частушечном творчестве, в сказках, народных поэмах отразилась гордость победителей, радость победы. Приветствуя возвращение демобилизованного советского воина, женщина говорит:

Где, в каких краях ты бил врага?
Какую службу ты отслужил
Советскому государству?...
Поздравляю моего сокола
Со священной победой над Берлином! ⁵²

5

К мирному послевоенному строительству советские люди приступили тотчас же после победоносного завершения войны. С этого времени начался новый период развития народного творчества. Советский фольклор этого периода характеризуется как искусство людей, уверенно и твердо идущих к коммунизму.

Образ советского человека воспроизведен в современном народном поэтическом творчестве. Это образ того, о ком В. М. Молотов говорил в докладе «Тридцатилетие Великой Октябрьской революции»: «Вступая в 31 год Великой Октябрьской социалистической революции, мы с удовлетворением оглядываемся на пройденный путь и с уверенностью смотрим в будущее.

⁵⁰ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростиздат, 1947, № 14, стр. 27.

⁵¹ Армянские ашуги и слагатели в дни Великой Отечественной войны, Ереван, 1942, стр. 18.

⁵² М. Богданова. Из взаимоотношений фольклора и литературы в современном творчестве киргизских акынов. Рукопись, стр. 25.

Велики успехи Советского государства. Социализм глубоко вошел во всю нашу жизнь. В условиях советской власти уже выросло новое поколение, которое начинает расправлять свои орлиные крылья.

Следует признать, что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. Это относится ко всем советским народам, как к городу, так и к деревне, как к людям физического труда, так и к людям умственного труда. В этом заключается действительно величайший успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение.

Теперь советские люди не те, какими они были раньше».

В своей исторической речи 9 февраля 1946 г. товарищ Сталин начертал величественную программу послевоенного строительства. Важным этапом в мощном подъеме народного хозяйства явился план новой сталинской пятилетки. Согласно ему, проводятся грандиозные работы. Меняется лицо нашей земли. Преобразуется природа степных и лесостепных районов. Вдохновенный созидательный труд объединяет строителей коммунизма, работающих на заводах, на колхозных полях, в научных лабораториях и учреждениях. Социалистическое соревнование принимает новые и новые формы. Новаторы производства идут в первых рядах советских людей, принимающих планы партии и правительства как свои личные и отдающие все знания, силы и умение на выполнение и перевыполнение их.

Народное творчество выявляется во всех областях нашей жизни; оно ширится, поднимается также в форме поэтического народного искусства, живо откликаясь на актуальные темы современности. Показателен, например, следующий факт. Менее чем через месяц после принятия и опубликования плана лесонасаждений в Радиокomitee радиослушателями были присланы только что сложенные народом частушки о лесопосадках. Эти частушки, разученные хором им. Пятницкого, исполнялись по радио в одном из первых номеров музыкального радиожурнала. Фольклор наших дней создается как непосредственное отражение текущей жизни. Но он еще недостаточно фиксируется, еще мало делается записей его, он еще слабо проникает в печать⁵³. Собрать и изучить послевоенный фольклор — дело чести советских фольклористов.

Последние постановления партии и правительства по идеологическим вопросам ставят перед всеми нами ответственные задачи. Они имеют прямое отношение и к народному творчеству, к работе над ним, к созданию условий, содействующих его дальнейшему развитию и совершенствованию. Научно-исследовательские, политико-просветительские, искусствоведческие, писательские организации и учреждения должны мобилизовать свои силы. Надо обобщить богатый опыт народного творчества и сделать его общим достоянием; надо показать его как художественный живой отклик нашей действительности.

Советский фольклор — искусство социалистического реализма. Его создал освобожденный народ, познавший счастливую жизнь. Все его развитие, выше намеченное в общих, несколько схематических очертаниях, свидетельствует об огромных возможностях, открывающихся перед ним как перед искусством коммунистической эпохи. В нем живет наша мысль, наше чувство; в нем — облик человека, созданного партией Ленина — Сталина. И самый фольклор, так пышно расцветший под руководством большевистской партии, может и должен быть назван народным творчеством сталинской эпохи.

⁵³ Опыт характеристики послевоенного фольклора см. в статье В. Крупнянской и Л. Старцевой. Фольклор колхозной станицы. Советская этнография, 1949, № 3.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

И. Ф. СИМОНЕНКО

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ

(По материалам экспедиции Института этнографии)

Летом 1948 г. в селе Русском Мукачевского округа Закарпатской области звучали новые коломыйки¹:

Ой по всій окрузі нашій
Чутка прокотилась,
Що артіль у селі Руській
Уже утворилась.
Хоч немає ще артілі,
Але скоро буде,
Бо за неї голосують
Передові люди.

Кулачини-Деркачини
Вже не панувати,
Свое щастя у колгоспі
Будем добувати.
У колгоспі наша сила
У колгоспі слава,
Хай міцніе, розквітає
Радянська держава.

Песнь выразила мысли не только крестьян села Русское. В ней выражены стремления большинства трудового крестьянства.

Еще не так давно основная масса крестьян Закарпатья влачила нищенское существование. Земля, лес и пастбища принадлежали помещику — графу Шенборну, акционерному обществу «Латорица» и многим более мелким помещикам. Вот данные по распределению земли в 1933 г.²

Размер земельного участка (в га)	Число хозяйств	% к общему количеству хозяйств	Площадь в га	% к общей площади
0,5 — 2,5	47 432	51,3	43 000	5,98
2,5 — 5,0 »	18 776	20,3	68 000	9,48
5 — 50	25 525	27,6	281 000	39,32
50 — 500 »	659	0,7	87 000	12,11
Свыше 500	93	0,1	237 000	33,11
Итого	92 486	100,0	716 000	100,0

¹ Эта песня была записана также и опубликована в газете «Советское Закарпатье» за 1948 г.

² См. Г. Піддубний, Закарпатська Україна. Політико-економічний нарис. Харків, Видавництво «Український робітник», 1933, ст. 21.

Положение крестьян с каждым годом ухудшалось. В 1944 г. в руках помещиков оказалось более 59,3% земельных угодий Закарпаття. В селе Ростока Воловского округа помещику Вайсу принадлежало 220 га пахотной земли, а из общего числа 120 хозяйств этого села 80 были безземельные. В селе Великие Лазы почти вся земля принадлежала графу Плетени. В селе Середнем помещикам Виранц и Гиртерштейну принадлежало 1500 га лучшей земли.

Безземелье было самым сильным бичом для закарпатских крестьян. Так, в селе Ужок из 167 хозяйств было 15 безземельных и 112 малоземельных. В селе Воловец было 20 дворов безземельных, в Н. Воротах 100, в Подполозье 8, в Вербязе 15, в Тишовой из 67 дворов села было 5 безземельных и 37 малоземельных, в Биласовицах из 20 дворов 13 было безземельных и малоземельных, в Тихой из 184 дворов было 30 безземельных и 40 малоземельных, в Волосьянке 27 безземельных и 43 малоземельных хозяйства и т. д.

Большую силу имели и кулаки. В селе Тибава у кулака Михаила Левича шестнадцатилетний подросток все лето пас скот за одну меру картофеля или кукурузы, а поденщики работали у него лишь за скудную еду, получаемую один раз в день. Почти постоянными батраками, работавшими у кулаков, были бедняки села Тибава — Мария Гебеш, Федор Кагач, Мария Мишко и многие другие.

Зависимость от кулаков и помещиков, малоземелье и безземелье, непосильные налоги — такова была жизнь крестьян Закарпаття в условиях колониального режима Австро-Венгрии, затем старой Чехословакии, а потом фашистской Венгрии. Темное, экономически бедное украинское население было и политически бесправно. Украинцев не допускали на фабрики и заводы, им не разрешали участвовать в самоуправлении и т. д.

Некоторые считали, что могут поправить свои дела сезонным заработком в Америке и других странах, но попадали в еще большую беду. Например, бедняк Иван Хома из села Лохово решил поехать в Америку на заработок. Семье своей из 6 человек он оставил хату и кусок земли. На дорогу занял деньги в банке. Вскоре Хома погиб в американской шахте, а банк продал его хату за долг и выгнал его семью на улицу; жена и дети Хома пошли «жебрачить» — нищенствовать. Подобные случаи в Закарпатье были не редкостью.

После окончания Великой Отечественной войны Советского Союза положение крестьян Закарпаття коренным образом изменилось. В 1945 г. Закарпатье было воссоединено с Украинской Советской Социалистической Республикой. В первые же дни помещичьи и церковные земли были переданы трудовому крестьянству. Безземельные и малоземельные получили более 54 тыс. га лучшей пахотной земли, принадлежавшей ранее помещикам, и более 14 тыс. га, принадлежавших церкви. После реформы 1945 г., проведенной советской властью, можно сказать, что земля находится в основном в руках трудящихся. Об этом говорят следующие данные³.

Группа хозяйств	Было земли до реформы (в %)	Стало земли после реформы (в %)
Помещиков	59,3	—
Кулаков	19,8	10,2
Середняков	16,9	68,5
Бедняков	3,8	21,3

³ Бугаенко, Преобразование сельскохозяйственного Закарпаття, газета «Закарпатская Украина» от 28 января 1948 г.

Советская власть передала крестьянству Закарпатья также значительное число горных пастбищ «полонин». Одновременно для поднятия продуктивности сельского хозяйства в Закарпатье были организованы 9 МТС, а по селам — земельные общества, которые должны были широким применением сельскохозяйственной техники и проведением агромероприятий помочь в обработке земли бедняцко-средняцкому населению. В Закарпатье были завезены и выданы населению десятки тысяч пудов высокосортного посевного материала: пшеницы, ржи, ячменя, и т. д.

Мероприятия Советской власти помогли значительно поднять урожайность земли закарпатских крестьян⁴.

С первого дня воссоединения Закарпатья органы советской власти под руководством партийных организаций активно помогали беднякам: им выдавали ссуды на строительство, на приобретение скота, отпускали по низкой цене, а в некоторых случаях совсем бесплатно, строительные материалы и т. д.

Для части населения Закарпатья значительную роль имели и имеют лесоразработки. До 1945 г. они находились в частных руках; заработки лесорубов были так низки, что заработанных денег хватало только на то, чтобы не умереть с голода. В настоящее время на лесоразработках широко применяются электрические пилы и другие механизмы. Резко повысилась оплата труда. В корне изменилось и отношение лесорубов к работе. Постоянно увеличивается производительность труда, досрочно выполняются планы. Труд перестал быть принужденным, он стал трудом свободным, стал делом доблести и геройства. Организующей и направляющей силой и здесь, на лесоразработках, явились большевики. Под руководством партии большевиков идет процесс перековки сознания трудящихся Закарпатья.

Колониальная зависимость в прошлом привела к тому, что в Закарпатье не было ни одного предприятия, вырабатывавшего самые простые орудия: серпы, топоры, лопаты и др. Наличие сырьевой базы давало все возможности для развития этой промышленности. Однако строительство таких заводов стало возможным только в условиях социализма. Теперь, в пятилетних планах Закарпатья предусмотрено и осуществляется строительство заводов, а для обеспечения их работы уже сейчас создается мощная энергетическая база. Особенно быстро была создана угольная промышленность.

Ликвидация неграмотности и отсталых форм культуры идет гигантскими шагами. Благодаря заботам ЦК КП(б) Украины и личной заботе И. В. Сталина за два года в вечерних школах ликвидировали свою неграмотность 34 тыс. рабочих и крестьян. В области открыто 830 начальных и средних школ, 14 техникумов, 2 педучилища и университет. В сельских и городских населенных пунктах создано 520 библиотек. За годы Советской власти в Закарпатье построено 26 кинотеатров в городских поселениях, 65 — в сельских, а кроме них, создано 46 передвижек; припомним, что в 1945 г. кинотеатры были только в нескольких местах (Ужгород, Берегово, Мукачево, Хуст).

О том, как партия и советская власть заботятся о поднятии благосостояния и культуры населения, свидетельствует местный бюджет. Вот, например, бюджет села Вышково в 1947 г.⁵

⁴ См. статью «Молодые колхозы Советского Закарпатья» в газ. «Закарпатская Украина» от 17 августа 1947 г.

⁵ Н. Штербон, О чем говорят крестьяне с. Вышково, газ. «Закарпатская Украина» от 27 сентября 1947 г.

Приход	Расход	Назначение
393 600 р.	24 900 р.	Содержание аппарата сельсовета
	108 000 »	школы
	12 000 »	вечерней школы взрослых
	8 000 »	ликбеза
	201 000 »	детсада
	18 500 »	фельдшерского пункта
	15 400 »	клуба и библиотеки

В клубах, хатах-читальнях и библиотеках созданы кружки технического образования, способствующие быстрому подъему сельского хозяйства.

Потомственные пастухи-чабаны до 1944 г. были батраками у кулаков. Теперь они являются хозяевами на полонинах. Они неустанно заботятся об увеличении поголовья скота. Во время посещения одной из крупнейших полонин в Раховском округе, Шумнески, участники экспедиции Института этнографии увидели, что на склонах горы Шумнеска, на высоте 1800—1900 м, роется канал; заведующий полониной — опытный пастух Дмитрий Бретенюк — вместе со своей бригадой рыл канал, чтобы подать воду для скота прямо на место стоянки, а не гонять его на водопой за 3—3,5 км по крутым склонам. Канал протяжением более 3000 м был закончен в августе 1948 г. Полонина Шумнеска имеет теперь достаточное количество воды. Приведенный факт не исключителен и не единичен. По соседству с Шумнеской находится полонина Серелівка. К ней ведет труднопроходимая тропинка. Пастухи Серелівки решили провести на свою полонину хорошую дорогу.

Заведующий полониной Серелівка Василий Игнатьевич Пруцюк имеет пятнадцатилетний стаж. Он весь свой опыт использует для повышения удо́йности овец и выращивания приплода без потерь. Он добился уже значительного успеха. На его полонине овцы дают в полтора-два раза больше молока, чем на соседних полонинах. Повысилась и выработка сыра. Крестьяне получают в среднем на одну овцу за сезон по 8,1 кг сыра, тогда как на других полонинах выдают в большинстве случаев 4—6 кг. Соревнуясь с другими полонинами, Пруцюк рассчитывает увеличить удо́й по сравнению с соседями в три раза, добившись значительного увеличения содержания жира в молоке.

Нельзя пройти мимо изменений, происшедших в положении женщин. О них говорит письмо областного совета актива женщин, организованного обкомом КП(б) Украины и состоявшегося в начале июля 1948 г.

«Три года мы живем в великой Советской стране — стране солнца, правды, свободы, в стране, где женщине наравне с мужчиной предоставлены широкие возможности для участия в общественной, политической и культурной жизни. Только тяжелые воспоминания остались о тех днях, когда ты, сестра, была бесправной и угнетенной, забитой и темной и знала только тяжелый труд и нищету.

Сегодня ты на лесосеках Раховщины и в шахтах Ильницы, на фабриках Ужгорода и Мукачева, на колхозном поле и боевом посту руководителя... Ты — народный депутат и героиня, овеянная славой и уважением за свой честный и самоотверженный труд».

Четырем женщинам Закарпатья — Елене Сейпи, Анне Лехман, Гафии Зварич и Анне Ладани — мастерам высокого урожая — присвоено звание Героя Социалистического Труда, более 200 человек награждены орденами и медалями. Анна Петрище избрана депутатом Верховного Совета СССР, а Варвара Черничко и Анна Сваечина — депутатами Вер-

ховного Совета УССР. 19 человек избраны депутатами областного Совета, 79 — депутатами горсоветов, 215 — депутатами окружных Советов и 2029 — депутатами сельских Советов, 4 женщины работают председателями сельских Советов.

С первого же дня воссоединения с УССР органы советской власти проявили большую заботу об охране здоровья. В 1944 г. в Закарпатье было 7 лечебных учреждений, 122 врача, а к 16 июля 1948 г. было уже 232 лечебных и амбулаторных учреждения с 520 врачами.

Передовая часть крестьян понимала, что, несмотря на самые лучшие условия, предоставленные советской властью, при сохранении отсталых форм техники и землепользования, при наличии очень большой чересполосицы невозможно успешно развивать свое хозяйство. Чересполосица была настолько распространенным явлением, что у крестьянина площадь от 4 до 6 га делилась на 30—40, а местами даже на 60 участков. Например, в селе Заречево 1114 га земли разделено более чем на 17 тыс. участков, что в среднем дает по 30—32 участка на каждое из 568 хозяйств.

Стремясь к созданию мощного социалистического хозяйства, наиболее передовая часть крестьян во главе с коммунистами уже в 1946 г. организовала первые в Закарпатье три колхоза — в селах Яровое, Вышково и Мукачево. Энтузиасты — коммунисты и крестьяне-бедняки, создавшие первые колхозы, сразу же показали высокий класс работы. Они в 1947 г. вырастили невиданные для Закарпатья урожаи. Например, ими было собрано с 1 га по 72,8, 77,5 и 81,0 ц кукурузы, тогда как индивидуальные посевы давали от 10 до 17 ц.

Вот показательные данные о росте урожайности в индивидуальном и колхозном хозяйстве за последние 48 лет (в центнерах с гектара) ⁶:

Культура	1901 — 1920 гг.	1920 — 1936 гг.	1948 г.	
			по области	по колхозам
Зерновые	9,5—10	13,0	15,7	16,8
Кукуруза	18,0—20	23,0	32,8	41,0
Картофель	72—75	102	179	230

Сообщение о высоких урожаях в первых колхозах всколыхнуло все трудовое крестьянство.

«Меня вроде что обожгло, — говорил Иван Васильевич Танинец, середняк из с. Поселка Свалява, — уж я-то землю знаю, хожу за ней, ей-богу, мать за дитём так не ходит, а про такой урожай и не думал. Не стало мне покоя».

Иван Васильевич Танинец, середняк, имел на 7 человек семьи 4 га вместе с пастбищами. Сеял кукурузу, рожь, картофель. Чтобы не голодать, засеивал землю ежегодно, не давал ей «отдыха». Урожай собирал в лучшем случае такой: ржи 6 ц, кукурузы 15, картофеля 12—15 с гектара. Этого было явно мало, и И. В. Танинец вынужден был прикупать на базаре 6—8 ц хлеба. Для этого продавал масло или выкормленную для себя свинью. Познакомившись с работой первых колхозов, И. В. Танинец пришел к выводу, что в индивидуальном хозяйстве не будет такого высокого урожая, что высокие урожаи и богатая жизнь могут быть только в колхозном хозяйстве, поэтому он с радостью вступил в колхоз.

⁶ П. Бугаенко, Поднимать культуру земледелия, газ. «Советское Закарпатье» от 8 января 1949 г.

«Жизнь к нам лицом поворачивается, в жизни у меня уверенность теперь будет, не стану завтрашнего дня бояться»,— заявил Танинец, вступая в колхоз.

Крестьянин-середняк из села Русское Дмитрий Варга в статье для стенгазеты села писал: «Крестьяне смотрят на меня как на зажиточного хозяина, и кое-кто даже завидует мне. Но они очень ошибаются. Ибо на той земле, которую я имею, только с большим трудом можно прокормить семью. И в самом деле. Кто не знает, сколько мне пришлось побывать в судах из-за меж, сколько наплатился я адвокатам и другим пиявкам. Совсем недалеко от моего надела разлеглись широкие поля Беликолукской артели имени Ленина. Не знают теперь колхозники извечных споров за межи. Знаю одно: счастье колхозное — в честном труде. Вот я и решил подать заявление в инициативную группу».

Середняк Арон Сабов из села Саловка жил без особой нужды, хлеба никогда не покупал. Он имел 3 га пахотной земли (1 га пшеницы, немного овса, ячменя, картофеля и др.), семья у него — пять человек, а трудоспособных — два. А. Сабов так объяснил свое желание работать в сельхозартели: «В люди я за хлебом не хожу, до нового мне хватает. А нет мне радости в моем хозяйстве. Размаху нет, понимаете? Пробовал я большого урожая достигнуть — да где же его достигнешь, если сам один крутишься на поле? Что такое севооборот я знаю, и пользу от него знаю. А вот применить его на моем поле — нельзя. Подкормка посевов тоже дело интересное, это я в колхозе увидел. Только вот подкармливать мне свою пшеницу нечем было. Поэтому и получается, что у меня урожай против колхоза в два раза ниже. Мне тоже хочется агротехникой заняться. Интересное это дело — заставить землю, примером, в пять раз больше родить! А только в одиночку ничего из этого не выйдет. Нет мне простора на моем куске».

Иван Сабов из села Ключары Мукачевского округа при вступлении в колхоз заявил: «Полюбилась мне ваша дружная семья. Прямо скажу,— не только хорошими рассуждениями здесь, на собрании, а дружной работой в поле. Видел я ваши посевы. Никогда наш крестьянин-единоличник не имел и не будет иметь такого урожая! Посоветовались мы с Еленой и порешили, что место наше с вами — в колхозе».

Работа первых колхозов, а их в 1947 г. было уже 13, привлекла внимание всего трудового крестьянства Закарпатья. За колхозами зорко следили, присматривались, прикидывали в уме, делали все хозяйственные расчеты. Председатель колхоза имени Ленина (с. Великие Лучки) т. Газий говорил, что за все лето не было того дня, чтобы к нему не приходили крестьяне, по 15—20 человек, из соседних сел. Они внимательно осматривали поля и посевы, присматривались к тому, как работают колхозники, подробно, до мельчайших деталей, расспрашивали обо всем. Особенно их волновали такие вопросы: как оплачивается стахановский труд и сверхплановый урожай; как начисляются трудодни; почему каждый должен выработать обязательный минимум трудодней; как организована работа в бригаде и звене и т. д.?

Самыми популярными стали колхоз имени Ленина, колхоз имени Сталина и колхоз имени Димитрова, где работают мастера высокого урожая, Герои Социалистического Труда Пенчо Пенчев, А. Лехман, Е. Сейпи, А. Ладани, Ю. Рубиш и другие. Газета «Советское Закарпатье» в № 225 от 23 сентября 1948 г. сообщала, что колхоз имени Ленина собрал урожай кукурузы с 10 га по 128 ц, с других 10 га по 126 ц и с 12 га по 123 ц. Такой высокий урожай для Закарпатья — событие, не имеющее прецедента.

Если до 1945 г. местами паломничества были монастыри и «святые места», то в 1947—1948 гг. излюбленным местом «паломников» стали колхозы, где работают мастера высоких урожаев. Знакомясь с первыми кол-

хозами, крестьяне-единоличники все больше и больше убеждались в том, что только колхозное хозяйство обеспечивает зажиточную жизнь и уверенность в завтрашнем дне.

Крестьяне-единоличники из села Береги Береговского округа создали инициативную группу и в письме к колхозникам с. Сторожница Ужгородского округа писали⁷: «Второй год существует в нашем селе Береги колхоз имени Ленина. Когда он организовался, кулаки подняли крик, что из этого ничего не выйдет; они запугивали инициаторов. Не будем греха таить, многие среди нас колебались, не понимали, что только в колхозе мы сможем жить зажиточно и культурно.

Однако полтора года артельного хозяйствования части хлеборобов нашего села до конца развеяли наши сомнения. Не только в с. Берегах, но и во всей округности нет такого богатого урожая ржи, пшеницы, трав, как в артели имени Ленина. Колхозники организованно в течение 10 дней скосили и хорошо просушили сено с 170 гектаров. Уже за месяц до жатвы они полностью были готовы к уборке нового урожая...

Часто говорили мы об этом между собой, завидовали колхозникам. Ведь ни один из нас, бедняков и середняков, не получил столько сена, кукурузы, овощей и другого добра, как колхозники. Мы видели, как лишь один Иван Волошин привез домой 30 ц сена, 12 ц кукурузы, много картофеля, капусты и других овощей. А это был только первый год артельного хозяйствования. В этом году (1948) на всех колхозных полях урожай далеко лучше прошлогоднего. Самые старые люди у нас не знают, чтобы так родила бережанская земля.

Для нас стало полностью ясно, что это могло дать только лишь коллективное хозяйство, которое ведется на базе передовой сельскохозяйственной науки. И сегодня мы во весь голос заявляем. Да, колхозный путь — единственно правильный путь трудового крестьянства...».

О зажиточной жизни колхозников свидетельствует высокая оплата трудодней. Так, в 1947 г. колхоз имени Димитрова выдал по 6 кг зерна, 8 кг картофеля и других овощей и по 130 рублей на трудодень. Звеньевая София Зварич получила 15 ц зерна, 8 ц картофеля, 150 л вина и 28 000 рублей.

Герой Социалистического Труда Анна Ладани (колхоз имени Ленина), предки которой были вековыми крепостными и работали почти круглый год на Шенборна⁸, за свою работу в колхозе в 1948 г. получила следующую оплату: пшеницы 8,4 ц, ячменя 2,2, кукурузы 58,0, подсолнуха 4,5, проса 0,7, картофеля 28,0 ц, вина виноградного 120 л, деньгами 2958 руб., сена 4,7 ц, соломы 27,0, кормовой свеклы 5,0 ц.

Герой Социалистического Труда Рубиш Юрий Михайлович (колхоз имени Ленина) получил следующую оплату:

	1947 г.	1948 г.
Кукурузы	40,0 ц	68,0 ц
Ржи	4,5 »	—
Пшеницы	—	9,5 ц
Ячменя	—	1,5 »
Картофеля	20,0 ц	36,0 »
Сена	4,0 »	5,5 »
Вина	75 л	95 л
Денег	1600 р.	3655 р.

До вступления в колхоз Юрий Рубиш в лучший год имел не более 12 ц зерна, немного сена и немного картофеля.

Вот разительный пример разницы в заработке колхозника и единоличника: в селе Велика Добронь единоличник Федор Бала с 2 га земли

⁷ См. газ. «Закарпатська Правда», № 134 от 4 июля 1948 г.

⁸ См. Закарпатский областной архив, фонд Шенборна за XIX в.

собрал 2,5 ц пшеницы, 5 ц кукурузы и 5 ц овса, а всего 12,5 ц зерновых. Из этого количества ему надо сдать госпоставки, выделить на семена. Его сосед Иосиф Бала, имевший такое же хозяйство, вступил в колхоз и всё лето работал на колхозных полях. На трудодни Иосиф Бала получил 53 ц только одних зерновых культур.

Дружная работа в колхозе, высокие урожаи и высокая оплата труда очень сильно и убедительно действуют на крестьян-единоличников, боявшихся колхозного строя, подчас запуганных кулаками.

Огромнейшее значение имели экскурсии крестьян в передовые колхозы восточных областей УССР, организованные по инициативе ЦККП(б) Украины.

Сравнивая свое прошлое, которое еще памятно всем, с свободной богатой жизнью колхозника, когда не надо в поисках куска хлеба гнуть спину у помещика и кулака или ехать, бросая семью, на чужбину, крестьяне Закарпатья вступают на путь колхозного социалистического строительства.

	В 1946 г. в Закарпатье было .	3 колхоза
	» 1947 г.	13 колхозов
На	1/VIII 1948 г.	53 колхоза
»	1/IX 1948 г.	89 колхозов
»	25/IX 1948 г.	100 »
»	31/XI 1948 г.	420 »
»	1/III 1949 г.	450 »

Мукачевский, Ужгородский и другие округа стали округами сплошной коллективизации.

За три года социалистического строительства еще не так сильно изменился материальный быт. Однако ломка старого уже началась. Экономическая основа для изменения старого быта уже создана. Население имеет теперь во много раз больший доход, чем раньше. Рост благосостояния позволил населению изменить облик села, изменить жилища. Сейчас в большом масштабе идет перепланировка сел, а с ней и строительство новых жилищ. О масштабах строительства можно судить, например, по таким данным. В селе В-Быстра В. Березнянского округа за 1947—1948 гг. заменено вновь выстроенными 89% всех жилых построек (рис. 1). Во всех без исключения постройках глинобитные курные и полукурные печи заменены плитой и более усовершенствованной печью. Построены кухни. Соломенная и деревянная крыши исчезли. Строятся новые жилища достаточно просторные и светлые, окна в них почти в два-три раза больше по размеру, чем в старых домах, и во столько же раз их больше по количеству. В селе Страбичево за годы советской власти построено 112 новых домов взамен старых и из них 63 дома построено в 1948 г.

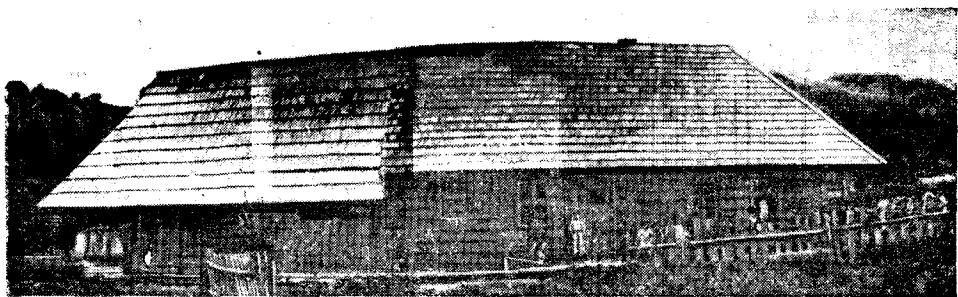

Рис. 1. Новый дом в селе В. Быстра Велико-Березнянского округа

Село Вилко Виноградовского округа совсем изменило свой облик. Раньше здесь строились глинобитные хаты, которые река Тисса доволь-

но часто разрушала во время разливов. В 1948 и 1949 гг., получив помощь от советской власти, колхозники села Вилкоз заменили все глинобитные постройки новыми. Одновременно изменился и план села. Подобных примеров можно было бы привести сотни; в Закарпатье сейчас идет массовое строительство нового, более удобного, более проч-

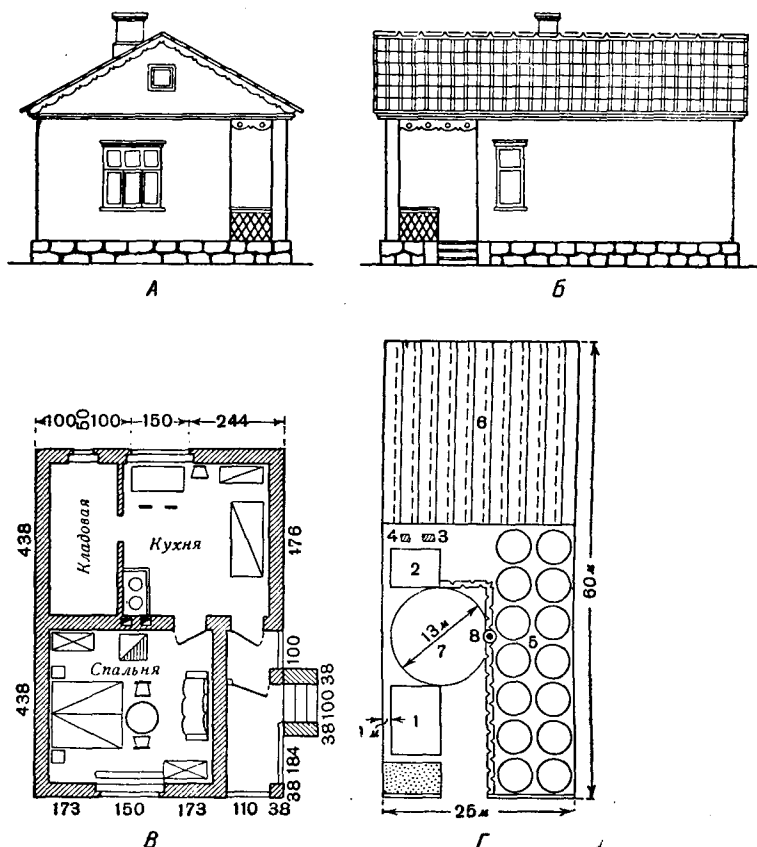

Рис. 4. План и внешний вид дома в селе Вилкоз. Постройка 1948 г. А — главный фасад, Б — боковой фасад, В — план жилища, Г — план усадьбы: 1 — жилой дом $54,9 \text{ м}^2$, 2 — сарай 35 м^2 , 3 — уборная 1 м^2 , 4 — мусорный ящик 1 м^2 , 5 — сад 450 м^2 , 6 — огород $612,1 \text{ м}^2$, 7 — хоз. двор 341 м^2 , 8 — колодец 1 м^2 ; общая площадь $1,00 \text{ м}^2$

ного и более светлого жилища (рис. 2 и 3). По указанию партии и правительства создано специальное управление колхозным строительством. Этим управлением разработано много вариантов проектов жилых домов, и 30 из них уже осуществляются на практике.

В селе Вилкоз при массовом строительстве получили признание преимущественно два следующих типа жилищ.

Первый — фундамент бутовый, стены оштукатуренные снаружи и внутри, крыша низкая, двускатная, покрыта черепицей. Окна большие и широкие. В доме три помещения: кухня, кладовая и спальня (рис. 4). По плану он очень близок к жилищам в селах соседнего Хустского округа. Но здесь, в селе Вилкоз, больше удобств, кухня имеет сообщение со спальней. Принципиальным отличием этого нового строительства является то, что новый дом располагается на усадьбе в окружении сада и полисадника с цветами. Хозяйственные постройки, присущие индивидуальному крестьянскому хозяйству, исчезают.

Второй вариант новых построек в селе Вилкоз более удобный и более усовершенствованный: стены, оштукатуренные снаружи и изнутри,

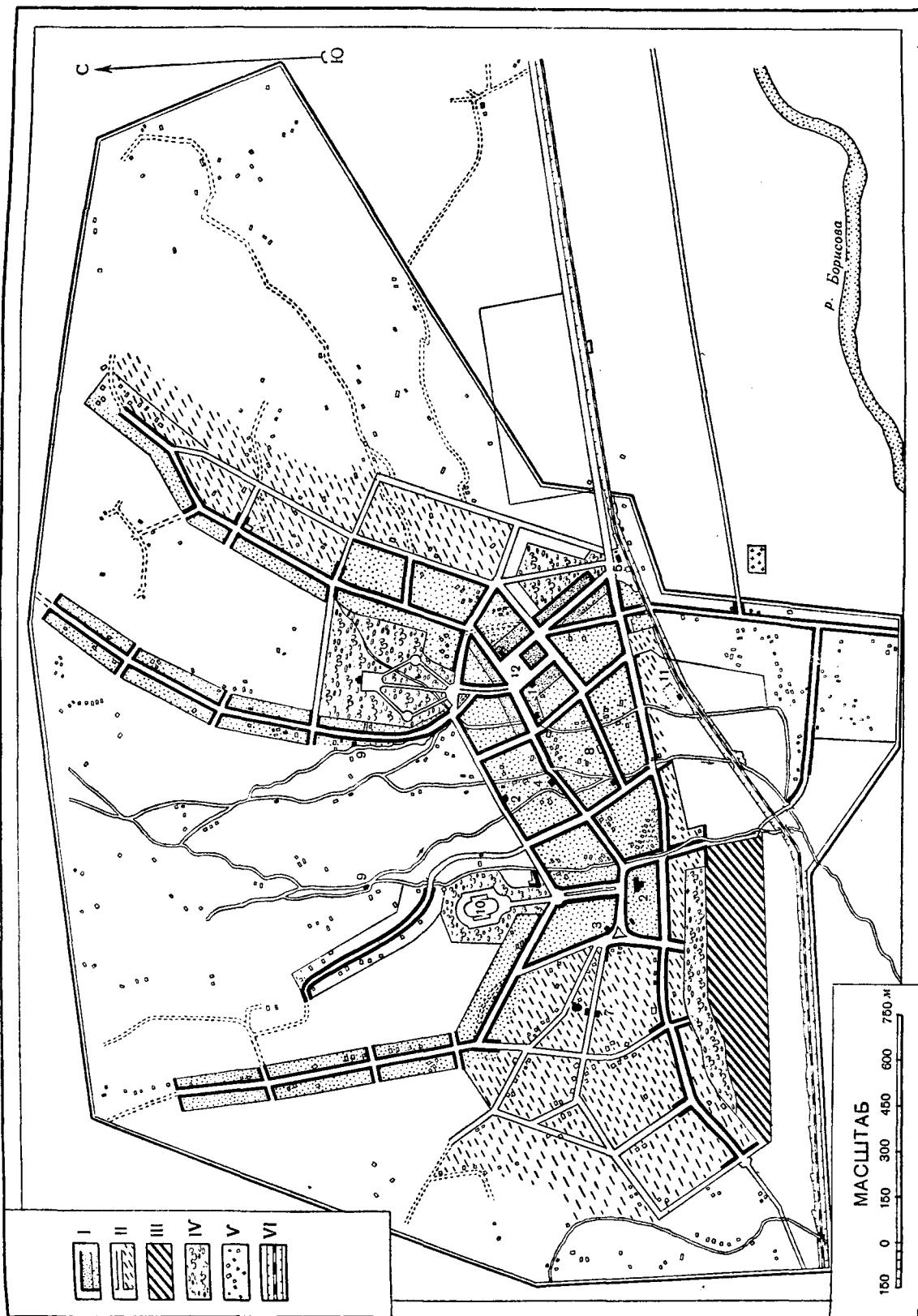

Рис. 2. Схема генерального плана с. Билки, составленная обипроеком. Условные обозначения: I — кварталы строительства 1-й очереди; II — кварталы строительства 2-й очереди; III — колхозный двор; IV — зеленые насаждения; V — старые постройки, разбросанные на огромной территории; VI — железная дорога. 1 — сельсовет; 2 — школа; 3 — клуб; 4 — кинотеатр; 5 — вокзал; 6 — детские ясли; 7 — детский сад; 8 — амбулатория; 9 — мельница; 10 — стадион; 11 — базар; 12 — площадь

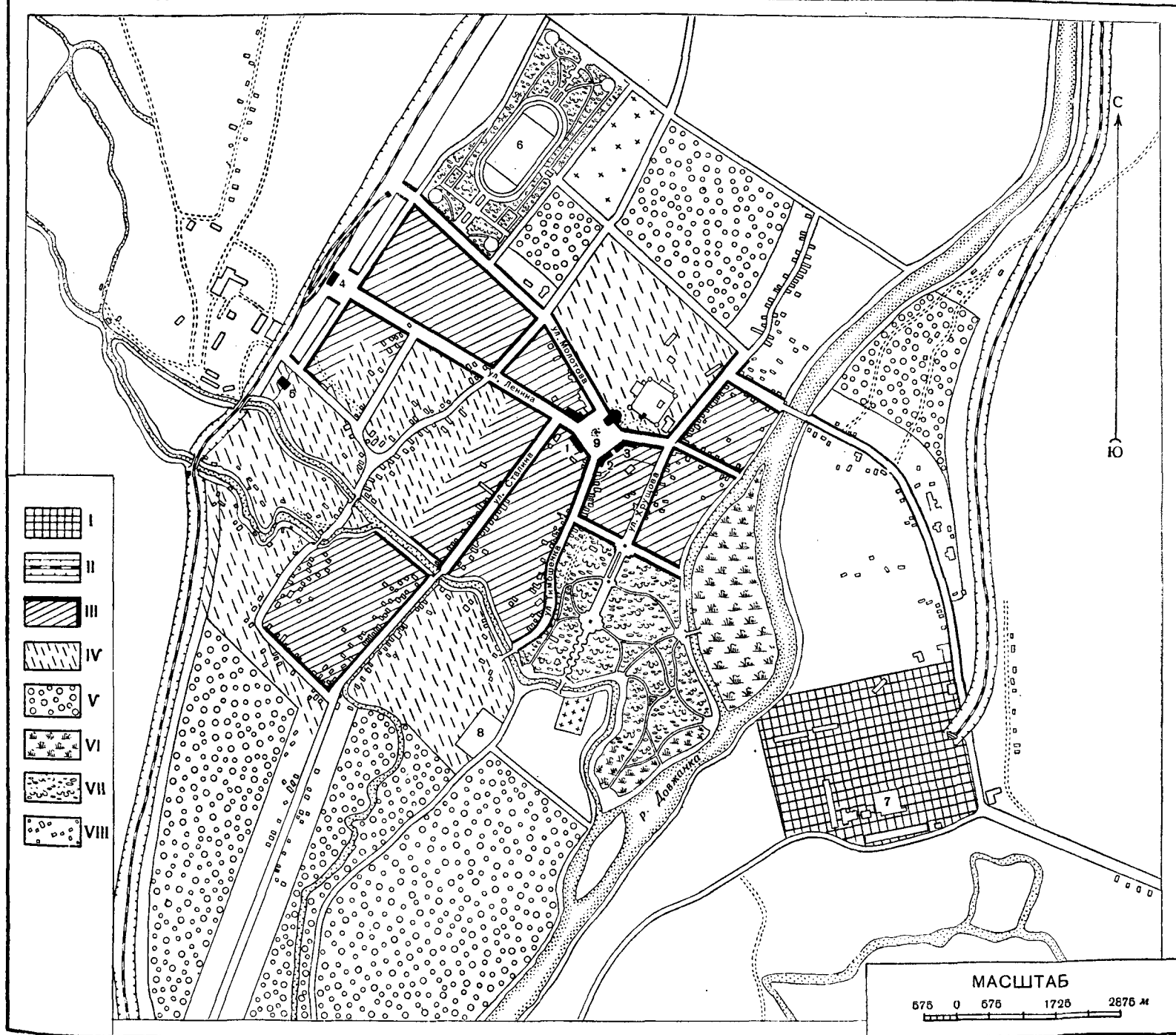

Рис. 3. Схема генерального плана с. Довге, составленная облпроект. Условные обозначения: I—территория предприятий; II—территория узкоколейной железной дороги; III—кварталы строительства 1-й очереди; IV—кварталы строительства 2-й очереди; V—имеющиеся зеленые насаждения; VI—проектируемые зеленые насаждения; VII—парк; VIII—старые постройки, разбросанные на огромной территории: 1—Дом общественных и партийных организаций; 2—Дом культуры; 3—гостиница; 4—вокзал; 5—школа; 6—стадион; 7—лесозавод; 8—базар; 9—памятник

крыша низкая, черепичная, четырехскатная. По фасадной части перед светлицей сделан балкон (рис. 5). Этот тип постройки в плане отличается от предыдущего и от традиционных построек. Входя в помещение с балкона, попадаешь в небольшую переднюю-сенцы, откуда налево ведет дверь в горницу, направо в кухню, а прямо — в спальню. Из кухни сделан вход в кладовую, а спальня, кроме того, сообщается с горницей.

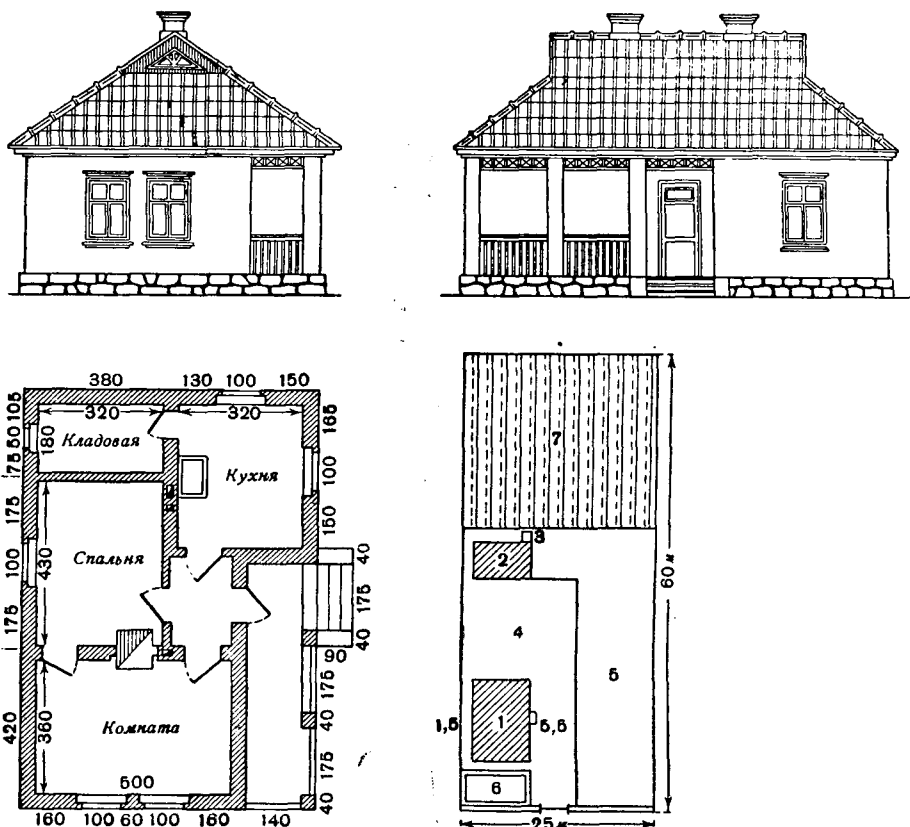

Рис. 5. План и внешний вид дома в селе Вилок. Постройка 1948—1949 гг. 1—жилой дом, 2—сарай, 3—уборная, 4—хоз. двор, 5—сад, 6—цветник, 7—огород

В селе Дравцы, Ужгородского округа, утвержден к строительству и практически уже применен вариант, близкий к традиционному, трехкамерному. Построенный по этому плану дом гр. И. Ю. Матейко имеет кухню, налево от нее — комору, а направо — жилую комнату. Вдоль фасада идет широкий балкон (ганок). Окна большие и высокие. Стены оштукатуренные, крыша черепичная, имеет три ската (рис. 6). Этот вариант имеет большое распространение и в селе. В.-Быстра, о котором выше упоминалось. Разница только в том, что здесь стены деревянные, не обмазанные глиной снаружи. В селе В.-Быстра в некоторых постройках, по старой традиции, к жилой части выстроенного нового дома под общей с ним крышей попрежнему примыкают хозяйственные постройки, составляющие с домом как бы единое целое.

В окружном местечке Воловое и в ближайших к нему селах нашло распространение жилище, резко отличное как по планировке, так и по внешнему виду от обычного традиционного. Этот новый тип жилища делается из дерева без обмазки снаружи и с тщательной гладкой штукатуркой внутри. Крыша почти в два раза ниже традиционной, покры-

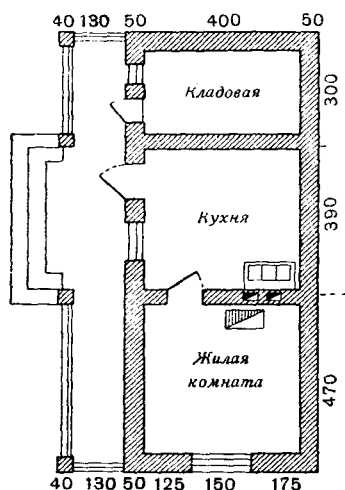

Рис. 6. Индивидуальный жилой дом в одну комнату Матейко Ивана Юрьевича. Село Дравцы Ужгородского округа, 1948 г.

та драницей, четырехскатная, усеченная. В плане имеет горницу (велику хижу), кухню, «малу хижу» и комору. По фасадной стороне горницы и кухни идет балкон (ганок). Окна высокие и широкие, пол деревянный, а потолок оштукатуренный (рис. 7).

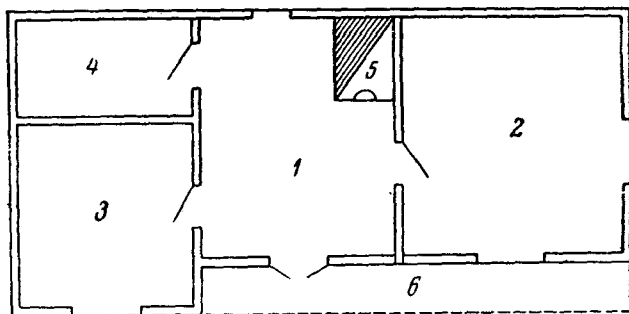

Рис. 7а. План новой хижы в Воловом. 1 — кухня, 2 — «велика хижа». 3 — «мала хижа», 4 — комора, 5 — плита, 6 — ганок (масштаб: в 1 см 1 м)

Герой Социалистического Труда колхозница села Великие Лучки Анна Ладани, получив высокую оплату за трудодни, в зиму 1948/1949 г. выстроила себе новый светлый дом. Вместо старой глинобитной избушки бывшая батрачка имеет просторный дом, покрытый черепицей.

Строительство идет такими темпами, что через 8—10 лет трудно будет найти устаревшие, уже не отвечающие запросам современного со-

ветского человека формы построек, которые еще сегодня сравнительно широко бытуют.

Приведенные выше цифры и факты наглядно показывают, как под руководством партии и правительства происходит ломка старой и построение новой жизни.

Рис. 76. Внешний вид хыжи в Воловом. Новостройка

Украинское население Закарпатья после тысячелетнего пребывания под гнетом венгерских магнатов-землевладельцев и местной кучки богатеев-кулаков и помещиков, впервые в истории получило свободу, а вместе с ней материальное благополучие. Украинцы Закарпатья быстро перестраивают свой быт, создают культуру, социалистическую по содержанию, национальную по форме.

Закономерно, что и психология крестьян, складывавшаяся веками, сейчас резко меняется. Крестьянин Закарпатья уже не смотрит на плоды земли как на «богом данное». Освободившись от угнетения, темноты и религиозного дурмана, крестьяне увидели, что земля, преобразуемая человеком, может давать несравненно большие урожаи. Крестьяне Закарпатья, в прошлом религиозные до фанатизма, за три года существования первых колхозов убедились, что не бог, а социалистический строй и созданная народом под руководством партии колхозная система избавляют от нищеты и вымирания, создают богатую, культурную и счастливую жизнь.

Этнографические экспедиции 1945—1948 гг. фиксировали очень много различных реликтов, характеризующих отсталость, малокультурность украинского населения Карпатских гор. Даже еще в 1948 г. зафиксировано много пережиточных явлений. Однако сила движения нового, характеризующего социалистический строй с его богатейшей культурой и зажиточной жизнью, настолько велика, что реликты старого, отжившего, быстро уничтожаются.

Урким примером может быть тот факт, что имевшие распространение различные игры при похоронах уже почти забыты. Новые, культурные развлечения дают неизмеримо большую возможность широкого проявления подлинно народного искусства, массового проявления талантов, вышедших из народных глубин.

Этот процесс изменения мировоззрения не проходит спокойно, без осложнений, без борьбы. Традиции старого, особенно частнособственнические настроения, еще сильны и по-разному проявляются. Вот при-

мер: крестьянин Х. Габор, вступая в колхоз, долго думал, расставаться ему или нет с парой волов: «я не против колхоза, он выгодный для меня. Только жаль с волами разлучиться, привык к ним. Отдам в колхоз, пусто во дворе станет». После некоторых колебаний Х. Габор вступил в колхоз имени Ленина. Вскоре под давлением кулаков он променял своих больших волов, теперь уже колхозных, на худших волов. Узнав об этом, колхозники стали строго осуждать Х. Габора. Поразмыслив, он понял, что поступил плохо, купил и передал колхозу лучших волов. Подобного рода явления не единичны. Кулаки, используя веками укоренившееся у человека чувство собственности, усиленно агитировали против обобществления рабочего скота при вступлении в колхоз. Подбивали уничтожать скот. В колхозе имени К. Маркса (Береговский округ) Андрей Ковач перед вступлением в колхоз продал волов на убой, а Габор Надь продал своих волов и купил взамен худшие, которые и передал в колхоз. Так же поступили Феделеш Стефан и Бейла Бойон из колхоза имени Сталина (с. Вары).

В селе Ключары Мукачевского округа кулаки особенно распоясались. Сначала они вели агитацию против колхоза, доказывали, что колхоз развалится. Когда это не действовало, кулаки перешли к открытому выступлению: зверски избили члена колхоза коммуниста Михаила Гебеша, пытались избить председателя колхоза т. Гужвая, уничтожили часть колхозных посевов кукурузы (срезали молодые стебли кукурузы), пытались скосить колхозное сено и, наконец, сожгли скирду колхозного хлеба.

Но ни вредительские действия классового врага, ни угрозы не смогли остановить движения вперед к новой, социалистической жизни. Колхозы, под руководством большевиков, растут и крепнут.

Жизнь Закарпатья строится заново. Это отчетливо понимают все трудящиеся — они создают новый мир. Отмечая эту новую жизнь в новых, создаваемых сейчас, песнях, колхозники Закарпатья говорят: «Ой, не буде більше бідн, не буде ніколи, бо нам Сталін тепер дав колгоспи та школи». Под руководством партии большевиков Закарпатье включилось в социалистическое строительство и гигантскими шагами догоняет своих восточных братьев, далеко ушедших вперед.

С. М. АБРАМЗОН

В КИРГИЗСКИХ КОЛХОЗАХ ТЯНЬ-ШАНЯ¹

В политическом отчете Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) И. В. Сталин выдвинул в качестве практической задачи социалистического строительства в деревне «...постепенный перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне»².

На этот путь создания колхозного, социалистического хозяйства вступило 20 лет назад и киргизское крестьянство. Его неизменным руководителем на этом пути была ВКП(б).

Переход батрацких и бедняцко-середняцких масс к сплошной коллективизации происходил в обстановке ожесточенной классовой борьбы и сопровождался ликвидацией кулачества, байства и манапства как класса.

Нужна была большая и длительная помощь со стороны партии и Советского государства, чтобы создать условия для перехода свыше 50 тысяч кочевых киргизских хозяйств к оседлому образу жизни, без чего нельзя было успешно решить задачу сплошной коллективизации в обширных животноводческих районах Киргизии. Такая помощь и была оказана. Ныне на плодородных землях Чуйской долины, вдоль побережья высокогорного Иссык-куля, у подножья хребтов Тянь-шаня и Алая, на тучных лёссах восточной Ферганы раскинулись сотни цветущих киргизских колхозов.

Чтобы по достоинству оценить результаты социалистической реконструкции сельского хозяйства Киргизии, сопоставим картину современного состояния одного из колхозов Джумгалского района Тянь-шаньской области с характеристикой киргизского хозяйства этого же района, имеющейся в некоторых прежних источниках.

Джумгалский район расположен в северо-западной части Тянь-шаньской области Киргизии. В его пределы входит знаменитая своими пастбищами Сусамырская долина. Район простирается с запада на восток почти на 180 км и с севера на юг на 100 км. Джумгалский район принадлежит к числу основных животноводческих районов Республики, но в нем развито и полеводство.

При царизме в Джумгалском районе было лишь 2,78% оседлых хозяйств. Ныне на территории этого района, вместо 3354 единоличных

¹ В основу настоящей статьи положены материалы, собранные автором в 1948 г. за время экспедиции Института этнографии АН СССР в Джумгалский район Тянь-шаньской области Киргизской ССР. Экспедицией посещены колхозы «Кызыл-Кыргызстан», «Орто-кууганды» Каирминского сельсовета, и «Кызыл-Октябрь», «Бирлик» Сары-камышского сельсовета. Помощницей при сборе материалов была Зайнахан Белекова.

² И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 309.

хозяйств, насчитывавшихся в 1920 г., существует 36 коллективных хозяйств и один животноводческий совхоз «Джумгал». Коллективизация крестьянских хозяйств сопровождалась оседанием кочевого населения, открывшим возможности для создания устойчивых крупных хозяйств, организованных на принципах сочетания отгонного животноводства с развитым полеводством.

Раньше рядовой кочевник, уходя весной с небольшим стадом в горы, на пастбища, оставлял почти на произвол судьбы свой крошечный участок, засеянный пшеницей и ячменем, выделяя временами кого-либо из членов семьи для ухода за посевами или поручая за небольшую плату этот уход остававшимся возле посевов бесскотным «джатакам». Теперь в каждой сельскохозяйственной артели существуют бригады, обслужи-

Рис. 1. Беседа инструктора райкома КП(б) Киргизии т. Бабаева с пастухами и табунщиками на летних пастбищах колхоза «Кызыл-Октябрь»

вающие только животноводческие фермы, и бригады чисто полеводческие.

В описываемом нами колхозе «Кызыл-Кыргызстан» имеются две овцеводческие, коневодческая, молочно-товарная и небольшая верблюдоводческая фермы, с закрепленным за ними контингентом чабанов, пастухов, табунщиков, доярок. Фермы обслуживаются зоотехниками и ветеринарами. Работают и три полеводческие бригады, в распоряжении которых имеется рабочий скот и необходимый инвентарь. Между животноводческими фермами, находящимися на летне-осенних пастбищах в местности Кӧлмӧ — в 25—30 км от селения — и полеводческими бригадами существует оживленное хозяйственное общение. С гор везут для питания полеводоов кислое молоко — «айран», иногда кумыс, доставляют масло, шерсть и кожсырье для сдачи государству и в колхозную кладовую («кампа»), привозят лес для хозяйственных нужд колхоза. Колхозникам-животноводцам отправляют в горы муку, другие продукты питания, хозяйственный инвентарь и промтовары.

Коллективизация сельского хозяйства явилась для огромной массы кочевников-скотоводов долгожданным выходом из беспроектной нищеты и байской кабалы.

В 1912 г., как говорят данные, содержащиеся в «Материалах» Переселенческого управления³, бескотные и малоскотные хозяйства (т. е. батраки, полунищие бедняки и мелкие скотоводы, находившиеся в той или иной степени зависимости от байских и манапских хозяйств) составляли в описываемом районе 40,5% всех хозяйств. Этим хозяйствам принадлежало всего 8,6% общего поголовья скота. В то же время небольшая группа скотоводов, составлявшая лишь 6,7% хозяйств района, концентрировала в своих руках более трети всего стада (34,3%)⁴. Лучшие пастбища находились фактически в распоряжении этой же верхушки.

На 1 сентября 1948 г. общественную собственность колхоза «Кызыл-Кыргызстан» составляли: 10711 овец и коз, 583 лошади, 433 головы крупного рогатого скота и 16 верблюдов. В колхозе состоит 120 семей. Следовательно, на одну колхозную семью приходится в среднем 97,85 головы скота. В приведенные данные не вошел скот, имеющийся в личном хозяйстве колхозников.

Таким образом, обеспеченность скотом большинства колхозных семей во много раз превышает мощность единоличных хозяйств, относившихся к первой из указанных выше групп и обладавших сплошь и рядом всего лишь полутора-двумя десятками голов скота (а многие из них и вовсе были лишены скота)⁵.

Но это лишь одна сторона дела. Изменились и самый характер и качественное состояние животноводческого хозяйства. В условиях колхозного строя оно развивается по государственному плану, исключаяшему столь частые в прошлом массовые падежи скота, имеет все возможности для непрерывного роста, который основан на широком использовании естественных ресурсов — богатейших пастбищ — при одновременном развешивании травосеяния и производства концентрированных и сочных кормов.

Колхозное животноводство — высокопродуктивное и высокоотоварное — доставляет социалистическому хозяйству ценное сырье и продовольствие. За один только 1948 г. колхоз «Кызыл-Кыргызстан» поставил государству более 46 т мяса, около 6,5 т шерсти, более одной тонны животного масла, полторы тонны брынзы, несколько сотен кож.

Помимо денежной оплаты трудодней и натуральной оплаты в виде зерновых продуктов (пшеницы, ячменя и проса) и сена, колхозники получают на трудодни и продукты животноводства. Так, в 1947 г. на трудодни колхозникам было выдано более тонны мяса и сала, 4,5 ц масла, 72 тысячи литров молочных продуктов (цельного овечьего молока, кумыса и др.), 47 штук кож; многие колхозники получили по 2—3 кг шерсти. Помимо этого, оплата трудодней частично производится и живым скотом. В более широких размерах производилась дополнительная оплата скотом труда колхозников, перевыполнявших установленные планы выращивания и сохранения скота. В течение 1946 и 1947 гг. в

³ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. VII. Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство, вып. 1, 2. Петроград, 1916. И использованные нами данные о социальной дифференциации скотоводов разработаны в книге П. Погорельского и В. Батракова «Экономика кочевого аула Киргизстана» (Москва, 1930). Авторы привлекли цифры, относящиеся по классификации составителей «Материалов» к IV району («горные местности северного берега озера Сон-куль и южных склонов Александровского хребта»). Хотя этот район по размерам территории несколько больше Джумгалского, однако его характеристика в силу общности условий экономического развития уверенно может быть применена к рассматриваемому нами району.

⁴ П. Погорельский и В. Батраков, Указ. соч., стр. 31, 32.

⁵ Свыше 40% хозяйств IV района не имели овец, 68% хозяйств не имели коз, 14,5% хозяйств не имели крупного рогатого скота и т. п. («Материалы...», вып. 2. Текст, стр. 300).

порядке дополнительной оплаты труда было выдано: овец и коз — 217, ягнят и козлят — 347, телят — 6, жеребят — 4.

К 1 сентября 1948 г. государственный план развития животноводства был колхозом выполнен (за исключением плана по лошадям, недовыполненного на 3%), а по крупному рогатому скоту перевыполнен на 13,9%. Теперь уже не грубошерстная курдючная овца господствует в стаде киргизского колхоза, а прекрасные метисы (их называют «мытыс»). Из 11 отар «Кызыл-Кыргызстана», встреченных нами на осенних пастбищах, только три были местной породы, остальные — метисы.

Весь колхозный скот находится под зоотехническим и ветеринарным надзором. На лечение скота в 1947 г. было израсходовано свыше 11 тыс. рублей. Однако поголовье в колхозах растет так быстро, что наличные кадры зооветработников уже с трудом справляются с обслуживанием колхозов, и руководители артели «Кызыл-Кыргызстан» настойчиво добиваются получения «собственного» зоотехника.

В колхозах уже не прибегают к господствовавшему ранее, далеко не безвредным, знахарским методам лечения животных. Еще не так давно сап («ман,ка») «лечили» ядовитой травой («уу коргошун»); ее размельчали и насыпали в мешок, который надевали животному на голову. При лечении опухолей на ногах у лошадей убивали змею и привязывали ее к больному месту. Мелким животным, заболевшим поносом («чычкак»), давали семена белены («мендубана») или жевательный табак («насыбай»). При появлении повальной болезни у овец («тополон,») их несколько раз прогоняли вокруг священного места («мазар») и т. д.⁶ Символом новых методов ухода за животными может служить купальня для овец (носящая название «банда»), построенная в начале скотопрогонной дороги на пастбища, идущей через ущелье Орто-кууганды; в целях предохранения от чесотки («котур») через купальню пропускаются отары овцеводческих ферм колхоза «Кызыл-Кыргызстан».

В прежнее время скот содержался зимой главным образом в загонах, представлявших собой небольшие площадки, обнесенные невысокой оградой, сложенной из камня или глины. Лишь иногда эти загоны покрывались крышей, сделанной из хвороста и камней. Такие сооружения могли в лучшем случае защищать скот от снежных буранов, но не от холода, свободно проникавшего через стены и крышу, не смазанные даже глиной⁷. Теперь большая часть колхозного скота размещается зимой в многочисленных, построенных прочно и добротно из сырцового кирпича (реже — глинобитных) помещениях. Колхоз «Кызыл-Кыргызстан» имеет 42 таких помещения, в том числе 3 телятника, 4 коровника, 6 конюшен и 29 овчарен.

Изменились также роль и значение полеводства, носившего в прошлом узко потребительский характер. 96,6% всех земельных угодий рассматриваемого района составляли при царизме пастбища, 2,8% — пашни, остальное — покосы⁸. Своего хлеба нехватало, приходилось его закупать в соседних районах.

Ныне колхозы Джумгалского района, освобожденные (как и колхозы всей Тянь-шаньской области) от хлебопоставок, полностью обеспечивают себя хлебом. Посевные площади в районе сильно выросли. Посевная площадь одного только колхоза «Кызыл-Кыргызстан» под зерновыми культурами достигла в 1947 г. 694 га, а вместе с укосной площадью многолетних трав — 834 га, то есть составила около четверти дореволюционной посевной площади всего района.

Еще более разительными окажутся происшедшие перемены при рассмотрении размеров посевной площади, приходящейся на одно хо-

⁶ «Современный аул Средней Азии», вып. X, Ташкент, 1927, стр. 81—83.

⁷ Там же, стр. 112; см. также «Материалы...», вып. 2, стр. 288.

⁸ «Материалы...», стр. 80.

зяйство. Если в 1912 г. одно единоличное хозяйство засевало в среднем менее двух десятин, то на одну колхозную семью в артели «Кызыл-Кыргызстан» в 1947 г. приходилось уже около 7 десятин посева, т. е. в три с половиной раза больше.

Одним из ярких показателей глубочайших изменений в организации хозяйства, свидетельствующих об его интенсификации на социалистической основе, служит широкое развитие травосеяния и массовые заготовки сена. Из года в год колхоз «Кызыл-Кыргызстан» производит заготовки сена на естественных сенокосах площадью в 742 га. Площадь

Рис. 2. Уборка зерновых культур. Колхоз «Орто-кууганды»

многолетних трав этого же колхоза в 1947 и 1948 гг. равнялась в среднем площади, занятой под этими культурами в 1912 г. по району в целом (151,5 дес.). В 1946 г. колхоз заготовил 74 тыс. пудов сена и сочных кормов. В 1946 г. «Кызыл-Кыргызстан» заложил 181 т силоса, а в 1948 г. было заложено уже 290 тонн.

Радикальному обновлению подверглась важнейшая часть сельскохозяйственного производства — его техническое оснащение. В «Материалах» Переселенческого управления мы находим характерное замечание по этому поводу, относящееся ко всему б. Пишпекскому уезду: «...железных плугов и борон сравнительно очень немного... машин же совершенно нет»⁹. Основным пахотным орудием кочевника была примитивного типа деревянная соха с железным наконечником («буурсун»). Вместо бороны употреблялось обычно бревно с необрубленными сучьями. Уборочным орудием служил серп. Лишь на рубеже XIX—XX вв. в киргизское хозяйство начала проникать русская коса (литовка). Но и этого несложного инвентаря была лишена почти половина киргизских хозяйств Пишпекского уезда.

Данные обследования, проведенного на территории современного Джумгалского района за несколько лет до начала коллективизации (в 1925 г.), говорят о весьма небольших переменах. Так, в 3 сельских обществах, где насчитывалось 622 хозяйства, имелось 498 «буурсунов» и 98 борон местного типа («жыгач-мала»), железных же плугов было всего 23, а железных борон — 1. Однако, помимо 576 серпов

⁹ «Материалы...», вып. 2, стр. 290, 291.

насчитывалось уже 468 кос. Плуги были сконцентрированы преимущественно в байских хозяйствах¹⁰.

Почти вся эта «техника» (за исключением части уборочного инвентаря) отошла в прошлое. В колхозе «Кызыл-Кыргызстан» мы обнаружили два «буурсуна» — в семьях 90-летнего Ногоя Чыныбекова и 80-летнего Мусы Арсымканова. Ими пользуются для вспашки приусадебных участков. Сохранились еще в некотором количестве «буурсуны» в отдаленных высокогорных колхозах («Бирлик», «Кызыл-Октябрь», «Тунук» и др.), где рельеф местности не всегда допускает применение плуга.

Решающим фактором внедрения современной машинной техники в хозяйство большинства артелей Джумгалского района явилось создание машинно-тракторной станции (ее называют «эметес»). Машинный парк МТС обрабатывает значительную часть посевной площади колхозов района, что видно на примере того же «Кызыл-Кыргызстана». В 1947 г. вспахано с помощью тракторов и машин МТС 43% площади колхоза под зерновыми культурами, а в 1948 г. уже 54% этой площади. Уборка зерновых производится пока главным образом простейшими машинами и вручную; но уже в 1947 г. комбайном МТС было убрано в колхозе 19 га.

Колхоз имеет полуторатонную грузовую машину, 3 сенокосилки, сортировку, 18 плугов, 8 железных борон, 3 конных граблей, 6 пароконных бричек, 70 кос. Среди трактористов МТС — колхозники из колхоза «Кызыл-Кыргызстан» Акматбек Асыранов, Качкынбек Айбашев, Усеке Күчүков и Качкынбек Байсариев.

Едва ли покажется необычным, что целое колхозное звено («испина») занято работами, связанными с удобрением полей навозом. Однако этот факт приобретает существенное значение, если мы прочтем в упомянутых «Материалах» Переселенческого управления: «Удобрение пахотной земли навозом у киргизов не практикуется»¹¹.

Среди новых отраслей местного хозяйства отметим прежде всего птицеводство, самое появление которого стало возможным только в результате перехода к оседлому быту. В редком дворе не разводят кур, иногда встречаются и утки. Обычной принадлежностью усадьбы колхозника становятся курятник, носящий название «куриного гнезда» («тооктун уясы»).

Огородные культуры на приусадебных участках (сами участки называют по-русски «агарот») имеются не у всех колхозников, но с каждым годом их удельный вес увеличивается. Самыми распространенными культурами, возделываемыми на приусадебных участках (заняты в основном пшеницей и ячменем), следует считать кукурузу и картофель: встречаются изредка капуста, лук, табак и др. Картофель завоевывает все большее признание и нередко входит в пищевой рацион бывших кочевников, но в колхозах, более отдаленных, высокогорных, он пока встречается sporadически.

Проникает на Тянь-шань совсем новое занятие — пчеловодство. Нам довелось видеть первую пасеку в Джумгалском районе на территории колхоза «Бирлик». В ней насчитывается уже около полусотни ульев («бал-челек»). Пионером пчеловодства явился здесь Мамбет-муса Мамырбаев, живший в течение последних лет в колхозе «Толук» соседнего Токтогульского района Джалал-Абадской области и обучившийся этому делу у живущих там русских пчеловодов. В августе 1948 г. колхоз получил первый доход от пасеки в сумме 2500 рублей. Этому новому подсобному занятию в колхозах Тянь-шаня принадлежит большое будущее вследствие изобилия медоносных трав в горных долинах.

¹⁰ «Современный аул Средней Азии», вып. X, стр. 87.

¹¹ «Материалы...», вып. 2, стр. 364.

Глубокие изменения в экономике киргизского хозяйства сопровождались коренным переустройством всего материального уклада жизни кочевников. Еще 30—40 лет назад долины рек Джумгала и Сусамыра и прилегающие к ним урочища представляли собой необозримые пустынные пространства с редкими признаками оседлой жизни. Лишь кое-где на зимних стойбищах можно было встретить небольшие хижины из камня, обмазанного глиной или глинобитные. Значительная часть населения круглый год жила в войлочных юртах. Теперь на этих же пространствах раскинулись десятки селений, построенных с помощью государства. Объединившись в колхозы, скотоводы переселились в проч-

Рис. 3. Пасека колхоза «Бирлик»

ные, тепло устроенные жилища и в большинстве своем начали вести вполне оседлый образ жизни.

Колхозные селения, расположенные в Джумгальской долине, спланированы обычно в виде одной или нескольких параллельных широких, ровных улиц, вдоль которых, иногда на значительное расстояние, вытянуты в две линии усадьбы колхозников. Возле многих домов имеются молодые зеленые насаждения. Каждая усадьба состоит из жилого дома и двора с хозяйственными постройками. По соседству обычно расположен приусадебный участок. Если в селении несколько улиц, то между ними пролегает полоса приусадебных участков.

Черты населенного пункта нового типа в горной Киргизии отчетливо выражены в селении Чаек. Здесь живут колхозники одноименного колхоза, оно является в то же время центром Джумгальского района. Селение построено в начале тридцатых годов на берегу р. Джумгала. Большую роль в его планировке и строительстве сыграл заслуженный учитель Киргизской ССР Кудайберген Карымбаев. В начале селения имеется большой тенистый парк. На главной улице, с обеих сторон усаженной пирамидальными тополями, можно увидеть немало домов городского типа. Среди них — здания районных учреждений, клуба, типографии, почты, детского дома, кооперативного магазина. В расположенной на холмах части селения высится хорошее здание средней

школы с интернатом (ее возглавляет молодой воспитанник Киргизского педагогического института т. Ниязов), постройки Райпромкомбината, хозяйственные помещения колхоза. Дальше, среди густого сада — район-

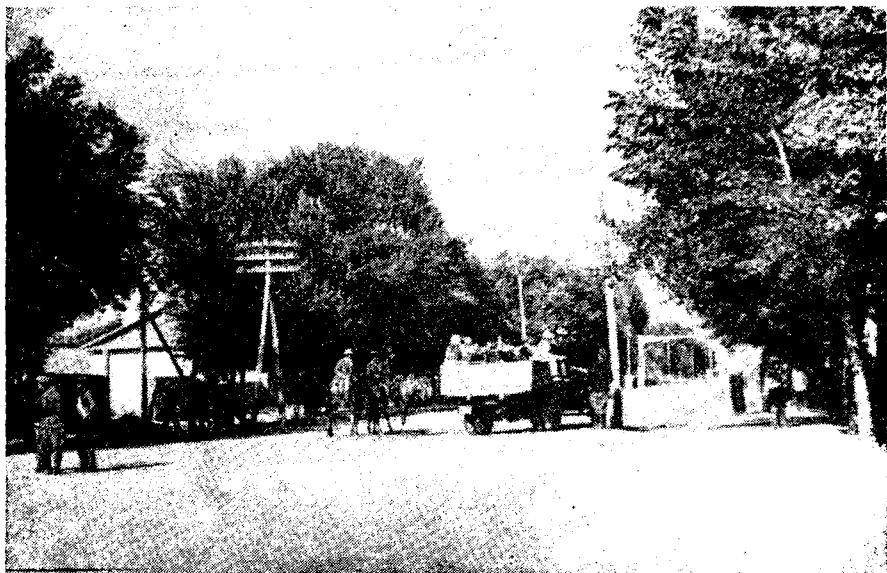

Рис. 4. Улица в селении Чаек — центре Джумгальского района

ная больница и амбулатория. Новое селение Чаек возникло на той площади, которую в прошлом занимала обширная усадьба крупнейшего в

Рис. 5. Улица в колхозе «Орто-куганды»

этой округе богача и фактического властителя судеб населения Джумгальской долины — маната Мурзабека Дикамбаева.

Центр деловой жизни каждого колхозного селения составляет комплекс построек, в которых размещаются правление колхоза, материаль-

ный и продовольственный склады, кузница, хозяйственный двор; на последнем хранятся строительные материалы и сельскохозяйственные машины. Имеющиеся помещения часто уже не соответствуют возрос-

Рис. 6. Поселок Чонз-таалга, в котором живет одна из бригад колхоза «Кызыл-Октябрь»

шим потребностям. В колхозе «Кызыл-Кыргызстан» заканчивается строительство нового здания — самого крупного в селении после шко-

Рис. 7. Вzbивание шерсти, идущей на приготовление войлоков. Ими покрывают юрты колхозных пастухов. Колхоз «Кызыл-Октябрь»

лы-семилетки. Спроектировал его председатель колхоза (обычно его называют «башкарма») Кулуй Көпчүков. В нем предусмотрены шесть комнат и большой зал для собраний и кино. Две комнаты отводятся

для культурно-просветительной работы, остальные отводятся под кабинет председателя колхоза, бухгалтерию, помещение для бригадиров и учетчиков, помещение для партийного комитета. В отделке нового здания совершенно добровольно принимали участие 75-летний Эстебес Кошоев и 72-летний Чоткара Ыбраимов.

Поздним летом и осенью, в период уборки урожая, центр деловой жизни частично перемещается на главный ток («кырман»). Ток колхоза «Кызыл-Кыргызстан» находится в хозяйственной усадьбе, на расстоянии 1—1½ км от селения; там имеются помещения для скота (конюшни, коровники и т. п.), фуражные склады и др. Там же возвышаются огромные стога сена. В двух стоящих здесь юртах готовится

Рис. 8. Внутренний вид юрты председателя Сары-булунского сельсовета Кулбая Абдиева

пища для колхозников, работающих на уборке и обмолоте, третья юрта отведена под красный уголок («кызыл-уй»). Здесь часто бывает председатель колхоза, сюда собираются бригадиры и звеньевые, иногда здесь же устраиваются хозяйственные совещания, отсюда отправляется зерно нового урожая в счет натуроплаты за работу МТС, в возврат семсуды и т. п.

Несколько иначе выглядят населенные пункты в высокогорной части района. Так, например, колхоз «Кызыл-Октябрь» состоит из пяти небольших селений, отделенных друг от друга довольно значительным расстоянием. Эти селения расположены в ущельях, вдоль небольших горных рек, без какого-либо плана. В каждом из селений живет одна из бригад колхоза (жители селений Кёл и Кыргоо составляют одну бригаду). В расселении сохраняется еще родственный принцип. В селении Чоң-таалга живут 17 семей из поколения Аранжан, в селениях Кёл и Кыргоо — 18 семей поколения Кайдуулат.

Современные жилища колхозников возведены большей частью из сырцового кирпича, реже — глинобитные. Они сохраняют черты построек обычного среднеазиатского типа, но имеют и существенные отличия: выделено отдельное помещение для кухни, полы довольно часто делаются деревянными, обязательно имеются окна и т. д. Побелка стен

внутри и снаружи — частое явление. В колхозе «Бирлик» (и отчасти «Кызыл-Октябрь») мы встретили много домов с четырехскатными камышевыми крышами («шыпа»), ибо первые дома здесь строил мастер Ногой-уста из Чуйской долины, причем за образец этого типа им были взяты крыши, распространенные в русских и украинских селах.

Во внутреннем убранстве дома, перешедшем частично из кочевой юрты, имеется много ранее неизвестных кочевнику предметов. Из мебели назовем металлические кровати (иногда с сетками), столы, табуреты, низенькие скамеечки для сидения («отургуч»), небольшие шкафчики местной работы, украшенные национальным орнаментом («ишкап»), зеркала и т. д. Среди предметов домашнего обихода следует назвать широко распространенную (наряду с деревянной) металлическую и фаянсовую посуду, утюг («ўтўк»), занавески на окнах, покрывала на кровати с подзорами («керебетинин пардасы»), белые наволочки с кружевами и т. п.

Юрта до сих пор широко используется в колхозах наряду с постоянным жилищем. Она служит жильем для персонала, обслуживающего фермы в пастбищный период, прохладным летним жилищем колхозников в селении (ее ставят во дворе или по соседству с ним). Используется она также и для хозяйственных нужд.

В одежде и пище тяньшаньских колхозников можно отметить те же черты, которые наблюдаются и в других областях Киргизии: сочетание национальной одежды с элементами одежды городского покроя, причем последние менее выражены в одежде стариков; в пище сохраняется больше национальных традиций, чем в других областях быта. Однако следует отметить появление нового принципа в организации питания. Во время уборочных работ колхозы организуют общественное питание. Колхозники артели «Кызыл-Кыргызстан», работающие на жатве, обмолоде и т. д., получают летом кислое молоко («айран»), иногда кумыс, а осенью по утрам — напиток из ячменя («жарма» или «максым»), днем тот же напиток и хлеб. Иногда режут какую-нибудь скотину и раздают мясо по бригадам; бригады распределяют его по звеньям, где мясо и варят, заправляя бульон лапшой.

Крупнейшим событием для района в свое время явилось установление прямой автомобильной связи со столицей Республики и с областным центром. Сейчас из районного центра ежедневно отправляется (и прибывает туда) почтово-пассажирская машина, идущая до сел. Рыбачье. Этими рейсовыми машинами широко пользуются колхозники. Наряду с этим обычны и традиционные способы передвижения. Непрерывно развивающийся процесс улучшения материального быта колхозников как нельзя лучше иллюстрируется отрывком из письма председателя колхоза «Кызыл-Кыргызстан» — К. Көпчүкова от 5/IV 1949 г., в котором он пишет: «Теперь занимаемся строительством Большого Чаекского канала. Скоро в нашем районе будет электричество».

Вместе с укреплением колхозного строя и с ростом материального благосостояния колхозников неуклонно повышается их культурный уровень. Колхоз выписывает по два экземпляра республиканской, областной и районной газет. Помимо колхозных красных уголков, имеется читальня при Каирминском сельсовете. В читальне систематически вывешивается бюллетень о ходе соревнования между колхозами и бригадами, о работе передовиков. Язвительно пишут о лодырях («жалкоб»). Такой бюллетень называют доской показателей («көрсөткүч доска»).

Сравнительно новым, но успешно прививающимся учреждением в киргизских колхозах являются сезонные детские ясли, которые всюду называются детскими садами («балдар бакчасы»). Для работы в яслях освобождаются две-три колхозницы, которым начисляется соответствующее число трудовых. Для питания детей, находящихся в яслях, колхоз выделяет молочный скот (корову или некоторое число дойных коз).

Кроме того, выделяются коровы для снабжения молоком колхозники имеющих маленьких детей, но не обеспеченных своими корова. В колхозе «Кызыл-Кыргызстан» на каждого ребенка выдается ежедневно 2 л. молока.

Забота о матерях и детях проявляется и в строгом соблюдении отпусков беременным колхозницам. В колхозе «Орто-кууганды» встретились с двумя колхозницами — Асылбюбю Молдокуловой и Үм Токомбаевой, которые в самый напряженный момент уборочной кампании были освобождены от полевых работ и, пользуясь отпуском по беременности, отдыхали, занимались мелкими домашними делами.

Несмотря на относительную близость районного центра (8—9 км), где имеется амбулатория, недавно было приступлено к созданию фельдшерского пункта при Каирминском сельсовете для обслуживания медицинской помощью населения четырех колхозов, объединяемых сельсоветом. Пункт временно помещается в небольшой комнате рядом с зданием сельсовета.

Ежедневно на прием приходят несколько колхозников. Работники пункта — Абубакир Кудайбергенов во время Отечественной войны окончил Харьковское военное-медицинское училище.

Внушительное, сверкающее на солнце белизной своих стен здание Каирминской неполной средней школы видно издали. Оно находится в самом центре окрестных колхозов. Дружный коллектив учителей, большая часть которых — дети местных колхозников, возглавляет двадцатилетний Асылбек Молдокеев, уроженец колхоза «Кызыл-Кыргызстан», имеющий среднее педагогическое образование. Среди учителей — две молодые киргизские женщины: Дары Акматова и Рыскай Акматова и две русские девушки, недавно приехавшие сюда после окончания одногодичных курсов преподавателей русского языка для киргизских школ.

Школа пользуется всеобщим вниманием и заботой. Она обеспечена топливом, своевременно проведен ремонт. Случаи непосещения школы настолько редки, что они превращаются в общественное событие. Мы были свидетелями того, как председатель колхоза «Кызыл-Кыргызстан» т. Көпчүков, узнав от учителя о непосещении занятий девочкой-первоклассницей, немедленно послал бригадира за нею. Девочку привели (родители были на работе). Бережно расспрашивали ее руководители колхоза, выясняя причину уклонения от занятий. Беседа закончилась обещанием девочки аккуратно ходить в школу.

В другом случае мы застали в учительской смущенного бригадира колхоза имени Ленина, просившего извинения у директора школы. Бригадир самовольно задержал нескольких учащихся из своего колхоза и использовал их на срочной колхозной работе. Его основательно пристыдили за допущенное им нарушение распорядка школьной учебы.

Повсеместный рост грамотности вместе с проникновением в широкие массы идей социалистического соревнования вызвали к жизни своеобразную форму агитации: социалистические обязательства колхоза и колхозных звеньев воспроизводятся на стенах жилых домов.

Все в большей мере ощущается и в школе и среди колхозников тяга к изучению русского языка.

Наряду со школой серьезным воспитательным фактором в Джумгалском районе следует считать детский дом в с. Чаеке, в котором воспитываются около 180 детей-сирот, потерявших родителей главным образом в период Великой Отечественной войны. В нем хорошо поставлена воспитательная и культурно-просветительная работа; воспитанники, обеспеченные сытной и вкусной пищей, имеют здоровый вид и занимаются весьма успешно.

Большой любовью населения пользуется кинотеатр в с. Чаеке. В дни, когда кинотеатр работает и колхозники свободны от полевых работ,

улицы районного центра полны молодежи из окрестных колхозов, приходящей погулять и посмотреть новый фильм.

Радиотрансляционные точки имеются уже во многих домах с. Чаек. На очереди — появление их во всех колхозах Джумгала. Патефоны проникли к колхозникам даже отдаленных артелей. В высокогорном колхозе «Кызыл-Октябрь» мы были очевидцами, с каким живым интересом (в который раз!) колхозники слушали пластинки патефона, принадлежащего бригадиру Жусупбеку Масыралиеву. У него имеются пластинки с записями песен на киргизском, казахском и русском языках.

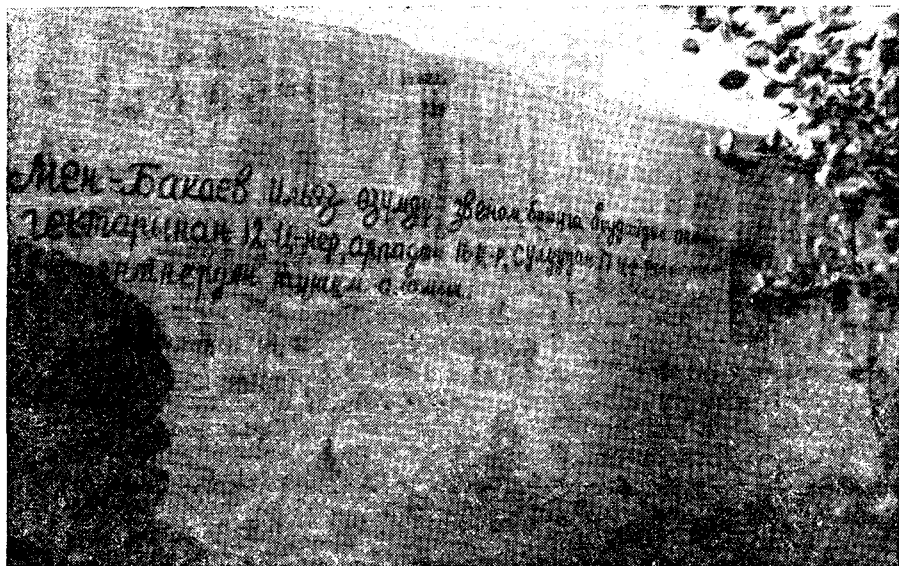

Рис. 9. Надпись на стене дома — социалистическое обязательство колхозного звена (Колхоз «Кызыл-Кыргызстан»)

Самыми излюбленными считаются песня известного киргизского акына Токтогула «Алымкан» в исполнении Мусы Бастова, народная песня Күйдүмчөк», исполняемая Атаем Огонбаевым, а также фронтовые советские песни.

Одним из злободневных событий лета 1948 г. в районе был закончившийся 1 августа шахматный турнир, проводимый уже не впервые, в котором участвовало 30 шахматистов. Острая борьба на шахматных досках завершилась победой 70-летнего колхозника Мунайбаса, занявшего первое место. Это увлечение шахматами говорит о несомненном росте культурности колхозников. Об этом же самом говорит полное забвение населением широко популярной в прошлом «священной» рощи («мазар»), в которую отправлялись для поклонения «покровителю» Джумгальской долины — «Жумгал-ата» и принесения жертв в случаях стихийных бедствий, семейных несчастий, болезней и т. п. О том же росте культурности свидетельствует наличие новой профессии «боштоочу» — почтового агента, обслуживающего обычно несколько колхозов.

Следует упомянуть о рядовых колхозниках, имеющих шести- и семилетнее образование, об уроженцах местных колхозов — трактористах, учителях, фельдшерах. Немало детей колхозников учится в районном центре (в средней школе), в областном центре — г. Нарыне и в столице Республики — г. Фрунзе. Только из двух соседних колхозов — «Кызыл-Кыргызстан» и «Орто-кууганды» учатся в различных учебных заведениях г. Фрунзе — сельскохозяйственном, кооперативном техникумах и других — шесть юношей и девушек.

Крупную роль в общественной, производственной и культурной жизни колхозов играют демобилизованные из рядов Советской Армии. Среди них мы встречаем и председателей сельсоветов (Шекел Тюменбаев, Сары-камышский сельсовет), и председателей ревизионных комиссий колхозов (Дербиш Байбосунов, колхоз «Орто-кууганды» — имеет 4 благодарности от И. В. Сталина), и заведующих фермами (Дюйшө Токомбаев, колхоз «Орто-кууганды», Турсунк Ожукеев, колхоз «Кызыл-Кыргызстан»), и учителей (преподаватель физкультуры Каирминской НСШ Карыбек Сандыбаев, воевавший в рядах 1-го Уральского добровольческого танкового корпуса), и многих других.

Совместный труд в колхозах изменил отношение к труду, к социалистической собственности, к общественному долгу. Интересы советского государства стали родными для многих тысяч людей, живших ранее заботами о личном хозяйстве, враставших в узком мирке своей родовой общины.

Новое социалистическое отношение к труду проявляется сейчас и в повседневном поведении и поступках сотен передовых колхозников, среди которых мы видим и представителей старого поколения, и людей, сознание которых формировалось в значительной мере в советское время, и молодежь, воспитанную советской школой, комсомолом, всем строем новой, колхозной жизни.

С гордостью рассказывал нам 67-летний табунщик Абдыке Надырбаев о своем восемнадцатилетнем труде в колхозе «Кызыл-Кыргызстан», где он состоит со дня его основания! Весь этот большой труд был отдан выращиванию колхозных коней. В 1940 г. Абдыке был дважды премирован и ездил в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, участником которой он являлся. В 1942 г. он получил в премию корову, а в 1946 г. премирован девятью овцами. В 1947 г. от 32 кобыл вырастил 32 жеребенка, — за перевыполнение плана по всем показателям он получил 4 жеребят.

Вспоминая прошлое, жизнь конских пастухов у баев, он рассказывал о том, как трудно и небезопасно было пасти табуны зимой одному со своей семьей на далеких пастбищах. Всего можно было ожидать: и нападения волков и нападения людей. Приходилось прибегать к «самопомощи». Пастух брал овечью плечевую кость («кары жилик»), просовывал через нее стельку чия и подвешивал эту кость к решетчатому остову юрты. Существовало поверье: если придут воры, то благодаря этому амулету им покажется, что в этом месте не один пастух, а 5—6 пастухов; они испугаются и убегут. Теперь этого, разумеется, не делают. Колхозный скот не нуждается в охране амулетами. Его оберегают люди, которые не считают скот чужим, а чувствуют себя его хозяевами.

Чабан козьей отары (в том же колхозе), 70-летний Мамбет Кошоев, с 1944 г. систематически перевыполняет задания и получает премии. Только за 1947 г. Мамбет вместе со своим помощником — козьим пастухом («эчкичи») — получил в порядке оплаты за трудодни и за перевыполнение плана 48 козлят («улак»). Уже семь лет старый Мамбет бережно сохраняет сотни маленьких животных. Новорожденных козлят помещают сразу же в специальную юрту, которую утепляют: между решетчатым остовом юрты и чиевой циновкой кладут слой камыша толщиной в 10 см; нижнюю часть юрты, где может проходить ветер, обкладывают травой и землей; помимо обычной навесной двери из кошмы, ставят еще двустворчатую деревянную дверь («каалга»). Дымовое отверстие плотно закрывают. Юрту эту ставят в защищенном от ветра месте. Для такой юрты употребляется тот же термин («күпкө»), которым раньше в единоличном хозяйстве называлось место в левой половине юрты (около двери), где привязывали новорожденных ягнят и козлят.

За козлятами ведется непрерывное наблюдение, пока они не станут на ноги. В течение месяца коз не доят, давая возможность козлятам сосать вволю. Для кормления козлят выпускают из юрты трижды в день к маткам. Внутри юрты к решетчатому остову привязывают снопы сена, которое меняется три раза в день. Ежедневно в юрте кладется свежая подстилка из самана. Через месяц, когда маток начинают доить, козлят окончательно выпускают из юрты. Днем они пасутся отдельно от маток, а после их доения пасутся вместе с ними. На ночь козлят привязывают на специальную привязь («көгөн»). Козы охраняются и днем и ночью. Ночная охрана отар — тяжелый труд для чабана и пастуха. Между ними устанавливается очередь: каждый дежурит трое суток подряд, чередуясь с женой или с кем-либо из членов семьи.

Заботливый уход позволил Мамбету и в 1948 г. перевыполнить план. От 260 маток он сохранил и вырастил 315 козлят. Выполнил и задание по заготовке молочных продуктов, а козьего пуха («тыбыт») сдал вместо 160 г с каждой козы (по норме) по 200 г.

Киргизские женщины стали большой силой в колхозах. В прошлом киргизская женщина была в большинстве случаев прикована к своему домашнему хозяйству; лишь частично ее труд использовался в полеводстве. Помимо собственно домашних работ, женщина ухаживала за скотом, собирала и приготавливала топливо, занималась изготовлением айрана, масла и кумыса, прядением, ткачеством, катанием кошом, обработкой шкур и т. п.

Ныне трудно представить себе колхозное производство без участия женщины. Ранним утром в селении встречаются прежде всего женщины, спешащие на колхозную работу. Не всегда детские сезонные ясли работают регулярно, но очень редко можно слышать от киргизской колхозницы, что маленький ребенок мешает ей работать.

Сүйүмкан Чоткараевой всего 27 лет. В 1942 г. она проводила на фронт своего мужа. До этого работала в колхозе нерегулярно. После ухода мужа в армию она стала на его место. С этого времени не пропускала без уважительной причины ни одного рабочего дня. В 1947 г. она выработала 350 трудодней, а к концу августа 1948 г. имела уже 290 трудодней. Она выполняет в колхозе разнообразную работу, в том числе считавшуюся раньше мужским делом, — в период пахоты рыла арыки, летом полола пшеницу, ячмень и овес, затем косила сено, убирая в день 0,65—0,70 га вместо 0,5 по норме. Осенью работала жницей, также систематически перевыполняя норму: убирала 33—35 соток (при норме 25 соток).

Муж Чоткараевой пропал на фронте без вести. Она воспитывает двоих своих детей не хуже, чем при отце. Она — комсомолка с 1937 г., имеет четырехклассное образование, а в 1939 г. окончила двухмесячные курсы работниц детских яслей, после чего два года заведывала детскими яслями в колхозе «Ак-чий».

Различны биографии 40-летней Рапии Шакановой, познавшей в детстве сиротскую бедняцкую долю и работающей со своим мужем Жэналы в колхозе со дня его основания, семнадцатилетних девушек Маани Жапаралиевой и Дюйшёнбюбю Медербекковой, окончивших семилетку и ныне работающих в колхозе «Кызыл-Кыргызстан», 55-летней Алийман Оросалиевой, с нежностью ухаживающей за ребятами в детских яслях (колхоз «Орто-кууганды»), — но всех их объединяет преданность колхозному строю, сознание того, что они являются строительницами нового общества.

Побывав на осенних пастбищах и погостив среди животноводов, мы имели возможность вплотную соприкоснуться с новым поколением колхозников. Это молодые пастухи и табунщики, деловито, с сознанием своей ответственности работающие на колхозных фермах с лучшими показателями.

Маркису Орозобекову всего 17 лет, но он, потомственный табунщик, уже самостоятельно выращивает коней; как и его отец, он борется за перевыполнение плана. От 30 кобыл он вырастил 29 жеребят. К результатам работы Маркиса колхозная общественность относится с большим одобрением.

Два молодых овцевода Шукун Жунушалиев и Токон Чыбыев полностью отвечают за отару, состоящую из 350 неягнвившихся овец («субай»). Шукун как старший (ему 21 год) играет главную роль. Он более опытен, работает третий год, а Токону 17 лет и работает он всего год. Несмотря на свою молодость и короткий стаж пастуха, он успел получить в 1947 г. 10 голов овец за перевыполнение плана при ничтожных потерях. Как их деды и прадеды, они прирожденные скотоводы, но их труд внешне похожий на труд их предков, наполнен совершенно иным, социалистическим содержанием. Как и многие другие молодые колхозники, эти пастухи имеют не одно лишь начальное образование: Шукун окончил 8 классов, Маркис и Токон — 6 классов.

Свои незаурядные технические способности колхозный кузнец (он же серебряных дел мастер) Адыш Шертаев (колхоз «Орто-кууганды») направляет на благо всего колхоза. Нам пришлось видеть сконструированный Адышем станок для точки часто тулящихся ножей сенокосилки. Используя части от других машин, Адыш создал простое в обращении приспособление, облегчающее труд своих односельчан. В этом «малом деле» отразилось то большое, что принесла с собой коллективизация сельского хозяйства в застойную жизнь кочевого киргизского айла.

Киргизская колхозная семья переживает период известной ломки. Некоторые стороны семейной жизни еще сохраняют следы патриархальных традиций, в семейных отношениях еще имеются кое-где отдельные архаические обычаи, но процесс изживания остатков патриархального уклада, становления и укрепления нового типа семьи приводит к исчезновению «родимых пятен» старого общества.

Киргизская женщина охотно и успешно участвует в производственной жизни колхоза и осуществляет свое право на равное с мужчиной положение в обществе. Этот факт изменил во многих семьях самую основу внутренних отношений. Медицинская помощь в трудных случаях родов, оказываемая имеющимся в районной больнице и в медпунктах персоналом, сезонные детские ясли, отпуска по беременности, снабжение детей колхозным молоком, — все эти и другие немыслимые в старом обществе формы заботы о женщине и ребенке поставили киргизскую женщину-мать в совершенно новые условия.

Стержнем, вокруг которого строится повседневная жизнь колхозной семьи, является ныне общественный труд для колхоза. Этому труду (сочетаемому, разумеется, и с воспитанием подрастающего поколения) подчинен весь распорядок семейной жизни: организация внутрисемейного труда, правовые взаимоотношения, моральные нормы, наконец, в значительной мере и содержание духовной жизни членов семьи.

Приводя ниже краткую характеристику нескольких семей, мы хотим подчеркнуть именно эту самую важную сторону современного семейного уклада.

В дружной, крепкой семье Качыбая Шукуралиева, табунщика колхоза «Кызыл-Октябрь», все трудятся. Сам Качыбай тщательно наблюдает за условиями выпаса своего табуна, своевременно выбирая участки пастбищ с лучшим кормом, следит за состоянием маленьких жеребят и т. д. Его жена Алтынкыз ни минуты не сидит без дела: в течение дня она много раз отправляется для доения кобылиц, в ее обязанности входит также приготовление пищи, взбалтывание кумыса, починка одежды. Алтынкыз является настоящей помощницей и другом своего мужа; без совета с нею он не делает ни одного серьезного шага. 10-летний сын Качыбая от первого брака — Токтагазы — самостоятельный

участник трудовой жизни семьи. Он перешел в 4-й класс, отличник, все каникулы проводит возле лошадей, помогая отцу. Он прекрасный наездник, вскакивает без седла на любую лошадь. Вместе с сестрой Качыбая — 14-летней Асылкан — Токтагазы чуть свет разывает и пригоняет отпускаемых пастись на ночь кобылиц с жеребятами, привязывает жеребят, помогает своей мачехе Алтынкыз при доении, колет дрова, выполняет много других поручений. Асылкан тоже учится и помогает жене брата по хозяйству.

Несмотря на то, что семья Качыбая Шукуралиева живет значительную часть года вдаль от селения (на расстоянии 4—5 часов езды верхом), она не чувствует себя оторванной. В юрту Качыбая часто собираются выпить кумыса его соседи-чабаны, пасущие поблизости овечьи отары, приезжают заведующий фермой («жылкы перма»), зооветработники, председатель колхоза и т. д. Большинство разговоров за чашкой кумыса вращается вокруг вопросов хозяйственной жизни колхоза, фермы; беседуют и о современных политических событиях в стране.

Мать Карымшака Надырбаева (члена колхоза «Кызыл-Кыргызстан») Сарыкыз была знаменитым борцом («балбан»). Она неоднократно выступала в состязаниях во время тризны и выходила победительницей, получая крупные призы. Так, во время тризны по маналу Сарпеку Сарыкыз выступала и победила в турнире на копьях женщину из Кетментюбе. Умерла Сарыкыз 84 лет от роду. Борцами были и дядя матери Карымшака — Шургуй, и ее брат — Коной, и собственный брат Карымшака — Бокчубай. Отпрыск этого богатрского рода, Карымшак, и сам имеет атлетическое сложение. Но прославил себя Карымшак не победами в борьбе и поединках, а успехами в колхозном труде. Карымшак — один из лучших звеньевых в колхозе. Где бы он ни работал — на пахоте, поливе, молотье, на лесозаготовках — всюду он впереди. В 1946 г. он выработал 550 трудодней, к сентябрю 1948 г. — более 300 трудодней. От Карымшака почти не отстают его жена Мистекан. Она не только успевает трудиться для колхоза, но и вести домашнее хозяйство, ухаживать за скотом (у Карымшака корова с теленком, 8 овец и 2 козы), соткать шерстяную ткань для семейного обихода, сшить одежду для всех членов семьи. Она выработала в 1946 г. 300 трудодней, в 1947 — 330 и к сентябрю 1948 г. — 230.

Дочь Карымшака, 16-летняя Күкүш, учится, но, работая летом 1948 г. учетчицей, а затем на сенокосе, заработала 150 трудодней. Ее сестра, 14 летняя Ырыс-бюбү — отличница, лето провела у дяди на ферме, участвуя в уходе за скотом. Обе дочери помогают матери по дому. Даже маленький Муктар (перешел во второй класс), участвуя летом в обмолоте колхозного урожая, заработал несколько десятков трудодней. Карымшак справедливо гордится своими детьми, своей трудолюбивой женой. Это передовая, прочная колхозная семья, спаянная общими с колхозом трудовыми интересами, взаимной любовью и уважением.

Трудовая колхозная семья поддерживает тесные родственные узы, которые были характерны для старой киргизской семьи. Встречаются семьи, в которых воспитываются дети родных, погибших во время Великой Отечественной войны, живут вдовы покойных братьев, дети братьев отца и т. д. Во время войны погиб Абылабек Шертаев (колхоз «Ортокууганды»), а вскоре умерла и его жена. Их дети не остались без семьи и крова. Двоих взял себе на воспитание брат Абылабека — Адыш, одного — сестра, живущая в Чуйской долине, одного двоюродный брат — Сарбан Шергазиев (в том же колхозе), двоих устроили в детский дом в районном центре.

Оттенок своеобразия лежит на некоторых семьях, ведущих общее хозяйство, но значительную часть года живущих далеко друг от друга. Часто это довольно большая семья, состоящая из семей двух родных братьев, одна из которых работает в животноводстве и, начиная с вес-

ны и до поздней осени, находится на пастбищах, а другая круглый год живет в селении и работает в одной из полеводческих бригад. Таковы семьи Дюйшона и Насина Токомбаевых (колхоз «Орто-кууганды»), Рыскельды и Сөлпү Татыгуловых (колхоз «Кызыл-Кыргызстан») и др.

Новые отношения, создавшиеся в киргизской колхозной семье и в значительной степени основанные на возросшей роли и самостоятельности женщины, ее общественном равенстве с мужчиной, находят свое проявление в различных фактах повседневной жизни.

Существенные изменения можно наблюдать и в формах брака. В дореволюционном прошлом, при обычном расселении небольшими родственными группами и прочных традициях экзогамии, жену приводили чаще всего издалека. Переход к оседлому образу жизни, при котором во многих случаях в одном селении или колхозе поселились различные родовые подразделения, создал предпосылки для заключения браков внутри своего колхоза, что не могло не привести к созданию более прочных семейных союзов, поскольку молодые люди обычно хорошо знают друг друга с детства, вместе учились в школе и т. д. Современные формы жизни в колхозе, даже при известном сохранении экзогамности брака, преобразили самую базу брачных отношений. Браки на девушках из своего или соседнего колхоза стали частым явлением.

Господствовавшей в прошлом формой брака был сговор родителей или старших родственников относительно брака молодых людей, обычно без их согласия. Существовали и другие формы брака, в частности (хотя и довольно редко), — брак путем умыкания, с обязательным на то согласием девушки.

За последние годы среди киргизской молодежи получила большое распространение форма брака, состоящая в своеобразном умыкании, «увводе» девушки тайком, по договоренности с нею и без предварительного согласия ее родителей. «Новая» форма брака явилась выражением протеста молодежи против обычного в прошлом насильственного брака. В ней проявилась выросшая самостоятельность молодежи, ее новое советское мировоззрение. В то же время в этой современной форме брака неожиданно возродилась старинная его форма (похищение девушки), причем сохранились и существенные черты старинного свадебного обряда, например, обычай «примирения» с родителями похищенной девушки, сопровождаемый преподнесением им подарка, иногда довольно ценного.

Отметим существенное новшество, проникшее даже в далекие селения: браки с представителями других национальностей, не исповедующих мусульманской религии. К таким бракам в прошлом относились резко отрицательно, и они насчитывались единицами на всю Киргизию. Теперь эти браки отнюдь не редкость. Появление таких браков (в особенности в послевоенное время) свидетельствует о крупнейших сдвигах в сознании киргизского общества. Представляя собою несомненно прогрессивное явление, они имеют пока односторонний характер: мужчины-киргизы женятся на девушках и женщинах — русских, белорусских и т. д., но киргизские девушки и женщины относительно редко выходят замуж за представителей других национальностей.

Нам пришлось познакомиться с тремя случаями таких браков. В колхозе «Кызыл-Октябрь» живет семья Кененбая Кожомбердиева, женатого на белоруске Марии Супранович. Кененбай привез Марию из Вицецкого района Молодечненской области, где он воевал с немцами в качестве десантника и партизана. Мария в некоторых отношениях «окиргизилась»: научилась говорить по-киргизски, в обращении с родственниками мужа соблюдает киргизские обычаи (например, избегает называть по имени его старших братьев), готовит преимущественно кир-

гизские блюда, стала хорошо ездить верхом и т. д. Кененбай (для жены он Сергей; так его звали в армии) и Мария — дружная, привязанная друг к другу пара, любовно воспитывающая своего маленького сынишку Костю. Вторая семья — Ыйманбека Бекишева (колхоз «Кызыл-Кыргыз-стан»). Свою жену, Марию, Ыйманбек привез из Свердловской области, где он работал во время войны на заводе. У Ыйманбека и Марии двух-летняя дочка Сабира. Мария свободно разговаривает по-киргизски.

Н. Н. Нигай — заместитель директора детского дома в районном центре — с. Чаек. Он — кореец, живущий в Киргизии уже 10 с лишним

Рис. 10. Колхозница Мария Бекишева с дочкой Сабирой

лет и хорошо владеющий русским и киргизским языками. Его жена — 19-летняя Айша Асылбекова, с которой он познакомился, будучи преподавателем семидетки. Она родом из колхоза имени Ленина. У Н. Н. Нигая свой домик с прилегающим к нему огородом, который по всем правилам корейского огородничества возделывает его мать. Мать Нигая немного говорит по-русски, но не знает киргизского языка. Айша уже изъясняется по-русски, но корейский язык ей не дается. В результате внутрисемейным языком стал русский язык. Вся семья не может наглядеться на маленького Мирика (Мирослава). Н. Н. Нигай заботится о культурном развитии своей жены и надеется в будущем дать ей возможность учиться. С родными Айши Нигай находится в самых лучших отношениях. Он пользуется также уважением окружающего киргизского населения, уже давно не смотрящего на него как на «чужого».

* * *

В. И. Ленин и И. В. Сталин неоднократно указывали, что при советском строе отсталые в прошлом народы нашего Союза, сохранившие еще значительные черты патриархально-феодального строя, могут, минуя стадию капитализма, непосредственно перейти к социалистическому производству. На примере киргизских колхозов Тянь-шаня мы видим, как под руководством ВКП(б), при братской помощи великого русского народа еще недавние кочевники-скотоводы становятся участниками и поборниками коллективного сельскохозяйственного труда, создающего и

новые взаимоотношения между людьми и иное отношение их к труду на этой почве — новое, социалистическое сознание, уже давшее крепкие, прочные ростки. Конечно, еще многое предстоит сделать для развития экономики и культуры киргизских колхозов, для дальнейшего укрепления коммунистического сознания колхозников. Основой успешного и всестороннего преуспевания животноводческих колхозов Киргизии послужит выполнение трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.) утвержденного Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б).

Уверенный подъем, который ощущается во всех областях колхозного строительства, и самоотверженный труд людей, которые, все более умело подчиняя себе природу, переделывают и свою собственную природу — отсталого в прошлом пастушеского народа, — являются прочным залогом того, что «глубочайший революционный переворот»,¹² осуществленный в кочевьях Тянь-шаня, приведет к еще большему расцвету зажиточной и культурной жизни в колхозах.

¹² История ВКП(б). Краткий курс. 1938, стр. 291.

Б. О. ДОЛГИХ

КОЛХОЗ ИМ. КИРОВА ТАЙМЫРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА

Ненцы и энцы, обитающие в районе устья Енисея, в прошлом были очень отсталой частью народностей Северной Сибири. Как и все другие народы Севера, это были темные, угнетенные царским правительством охотники, рыболовы и оленеводы, постепенно вымиравшие от эпидемий и голодовок.

Великая Октябрьская социалистическая революция возродила к новой жизни и ненцев и энцев в районе устья Енисея. Советская власть принесла ненцам и энцам в тундру свободу и культуру. Советская торговля ликвидировала купеческую эксплуатацию. Как и другие народы Советского Союза, ненцы и энцы были вовлечены в социалистическое строительство и быстро пошли по пути хозяйственного и культурного прогресса.

В настоящее время усть-енисейские ненцы и энцы, как и другие народы Северной Сибири, организовались в колхозы. Одним из образованных ими колхозов является колхоз им. С. М. Кирова. Если не считать части энцев, еще до революции ассимилированных своими соседями — долганами и ненцами, то основная масса энцев входит в настоящее время в четыре колхоза. Наиболее компактная группа энцев входит в колхоз им. С. М. Кирова.

I

Колхоз им. Кирова является самым северным колхозом по правому берегу Енисея. Колхоз им. Кирова охватывает все коренное население Долгано-ненецкого кочевого совета Усть-Енисейского района Таймырского национального округа; территория кочевого совета почти совпадает с территорией, осваиваемой колхозом им. Кирова (30 тыс. км²).

Вся территория колхоза находится в полосе тундры. Топливом поэтому служит плавник, собираемый по берегам Енисея и Енисейского залива, и кустарник — карликовая береза и ивняки (их больше в южных пределах территории колхоза, куда пастухи приходят только в декабре).

Главнейшими, имеющими хозяйственное значение представителями животного мира являются: дикий северный олень, песец, снежная куропатка и (летом) дикий гусь. Кроме того, встречаются волк, лисица и горностаи. Заходят на территорию колхоза и белые медведи, а на берегу встречается нерпа. Иногда с моря в Енисей заходят косяки дельфинов.

В прошлом на территории, занимаемой в настоящее время колхозом имени Кирова, жили энцы, ненцы, нганасаны и долганы.

Каждая из этих групп принадлежала к разным «родовым» административным единицам, часто даже к нескольким.

В 1931 г. все коренное население, обитавшее тогда на территории, ныне осваиваемой колхозом им. Кирова (и энцы, и ненцы, и долганы,

и нганасаны), было объединено в один Долгано-ненецкий кочевой совет. Группа энцев вошла затем в ненецкий колхоз «Новая жизнь» и соответственно в ненецкий Мало-Хетский кочевой совет. Нганасаны и другая значительная группа энцев перешли в нганасанский колхоз «Пура» Авамского района. В результате всех этих изменений этнический состав колхоза им. Кирова в 1948 г. был следующий:

Таблица 1

Этнические группы	% к общему количеству населения колхоза
Ненцы	45,7
Энцы	42,1
Долгане	10,3
Нганасаны	1,6
Русские	0,3
Итого	100,0

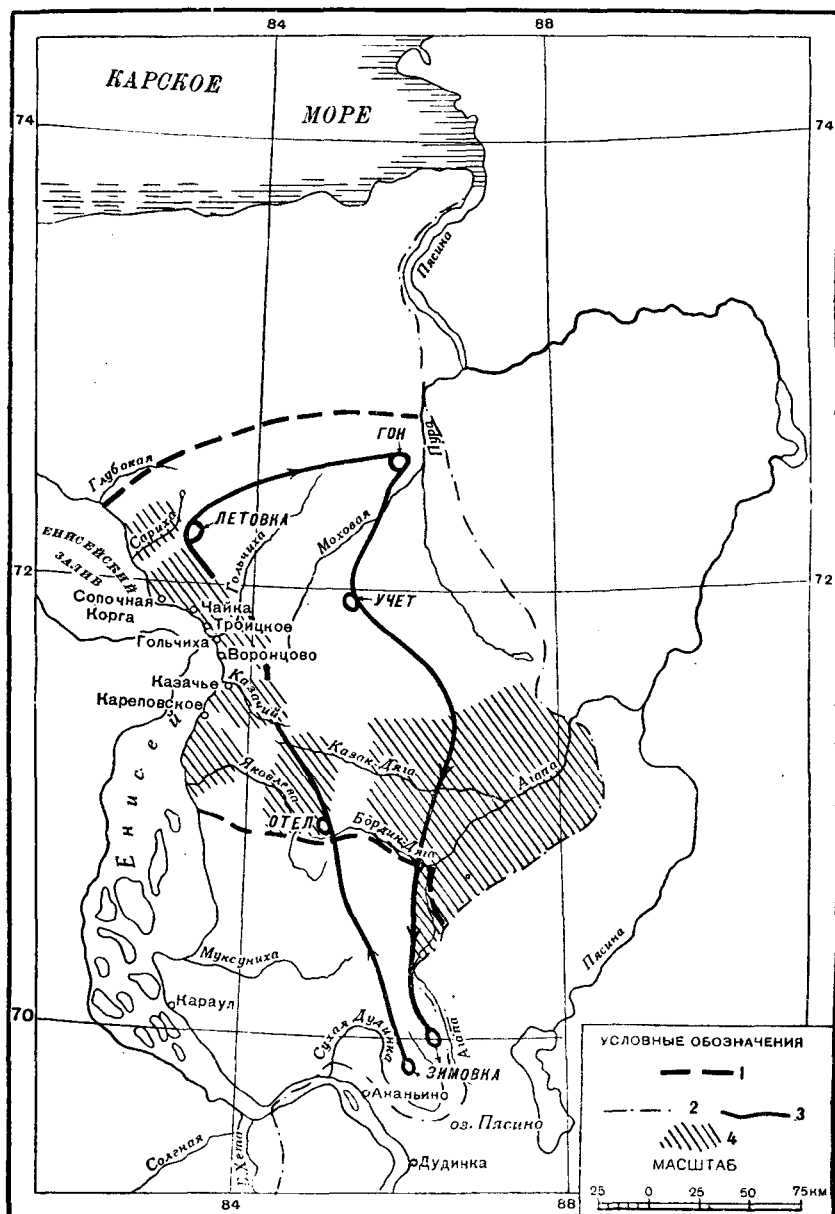
Все энцы знают ненецкий язык, и разговорным языком между ними и ненцами является ненецкий. Даже дома в одной трети энецких семей господствует ненецкий язык. Из ненцев энецкий язык знают немногие. Долгане не все знают ненецкий язык и обычно объясняются с энцами и ненцами по-русски. Русский язык знают сейчас все энцы и долгане. Ненцы тоже почти все, за исключением части женщин, говорят по-русски, но хуже, чем энцы и долгане. В общем родным и домашним языком являются в колхозе ненецкий для 60% его населения, энецкий — для 30% и долганский — для 10%.

Перед коллективизацией в населении Долгано-ненецкого сельского совета существовала резкая имущественная дифференциация — результат неравномерного распределения оленей между хозяйствами. Только 8,6% хозяйств владело 68,7% всех оленей. Беднота, имевшая меньше 50 оленей на семью и составлявшая 60,9% всех хозяйств, владела только 7,8% оленей; 5% хозяйств были совсем безоленными. Все хозяйства, имевшие более 500 оленей, были энецкие. Формы эксплуатации бедноты крупными оленеводами были очень разнообразны. Практиковался и прямой наем батраков. При этом батрак за пищу, одежду, незначительную плату (иногда 1—2 оленя за год) не только пас оленей и выполнял для хозяина вместе со своей семьей все домашние работы, но и свою личную охотничью добычу должен был отдавать хозяину, а также помогал ему в рыбной ловле. Беднота, сохранившая видимость самостоятельного хозяйства, вынуждена была брать у кулаков в пользование оленей и оплачивать это пушшиной или отработками. В руках кулаков сосредоточивались не только олени, но и товарная пушнина. Борьба с кулачеством была затруднена тем, что эксплуатация часто переплеталась и прикрывалась родственными и родовыми отношениями и традициями, различными формами мнимой взаимопомощи и т. д. Даже в кочевом совете были если не сами кулаки, так их ставленники. В такой трудной обстановке пришлось партии и советской власти вести работу по переходу к коллективным формам ведения хозяйства.

Организация колхозов у народов советского Севера началась несколько позже, чем в других частях Советского Союза.

В 1931 г. рост политической активности трудящихся масс народов Севера позволил организовать на Севере СССР национальные округа и районы. В Таймырском национальном округе к этому же времени относятся первые шаги колхозного строительства. В Долгано-ненецком сель-

ском совете первый колхоз — промысловая артель «Север» — была образована уже в 1930 г. В нее вошло 12 человек, по большей части ненцев. Председателем артели был энец-бедняк Муча Мирный.

Карта территории колхоза имени Кирова Усть-Енисейского района Таймырского национального округа: 1 — граница колхоза им. Кирова, 2 — граница Усть-Енисейского района, 3 — маршрут оленеводческой бригады, 4 — место зимнего охотничьего промысла

В Долгано-ненецком сельском совете было три члена и кандидата партии. В 1931 г. эта партийная группа при содействии районных, партийных и советских организаций, решила организовать новый колхоз. Согласие на вступление в него изъявило 39 бедняков (энцев и ненцев). В отличие от артели «Север», новый колхоз был организован на уставе

не промысловой, а сельскохозяйственной артели. Ему было присвоено название «Коммунист». Председателем «Коммуниста» был избран энец Н. И. Силкин, единственный тогда член партии и грамотный человек.

Несколько позже, в 1934 г., по совету коммунистов-энцев и инструктора из района организовали свой колхоз «Таймырец» и долгане Долгано-ненецкого сельского совета; в него сразу вошли все долгане. Председателем колхоза «Таймырец» был избран бедняк Г. К. Яроцкий.

Эти три колхоза («Север», «Коммунист» и «Таймырец») существовали до 1938 г. Колхоз «Коммунист» сильно вырос за счет середняков энцев и ненцев и к 1938 г. включил в себя все население кочевого совета, за исключением членов колхозов «Север» и «Таймырец», а также, разумеется, кулаков и шаманов. После Н. И. Силкина, выдвинутого на другую работу, председателем колхоза «Коммунист» стал тоже энец, ныне здравствующий, член партии А. И. Мирный.

Рис. 1. Алексей Иванович Мирный, один из организаторов и активистов колхоза им. Кирова

На объединенном собрании члены всех трех колхозов осенью 1938 г. решили объединиться в один колхоз им. С. М. Кирова. Его председателями последовательно были А. И. Мирный, Н. И. Силкин и др., а в 1947 г. председателем был избран И. Ф. Самарский — русский, уже 17 лет живший на севере.

Коллективизация в Долгано-ненецком сельском совете протекала в обстановке жестокой классовой борьбы. Кулаки и шаманы вели бешеную агитацию против колхозов и сумели нанести последним значительный ущерб.

II

Хозяйство колхоза им. Кирова основано на оленеводстве, охоте и рыболовстве. За последние годы оленье поголовье колхоза неуклонно возрастает. Поголовье обобществленных оленей с 1947 по 1949 г. увеличилось более чем на 21%, стадо личного пользования с начала 1948 г. на 8%. Это — заслуга пастухов. Так, в 1947 г. звено Чано Турутина сохранило взрослое поголовье оленей на 92% и вырастило 86 телят на

100 маток, в 1948 г. звено К. Н. Силкина (сына упоминавшегося выше Н. И. Силкина) сохранило сверх плана 77 телят и т. д. Тем не менее существующие темпы увеличения поголовья считаются недостаточными. На окружном совещании передовиков оленеводов решено было добиться ежегодного прироста оленей в 16% к поголовью на начало года. Этих темпов колхоз пока еще не достиг. Так как все усилия колхоза в области оленеводства направлены сейчас на увеличение поголовья, то формально, в денежном выражении оленеводство не дает дохода колхозу.

В будущем, когда ежегодная выбраковка оленей охватит не 3—4% поголовья (как сейчас), а 10—15%, оленеводство, даже не считая его транспортных услуг, несомненно, станет одной из самых доходных отраслей хозяйства колхоза.

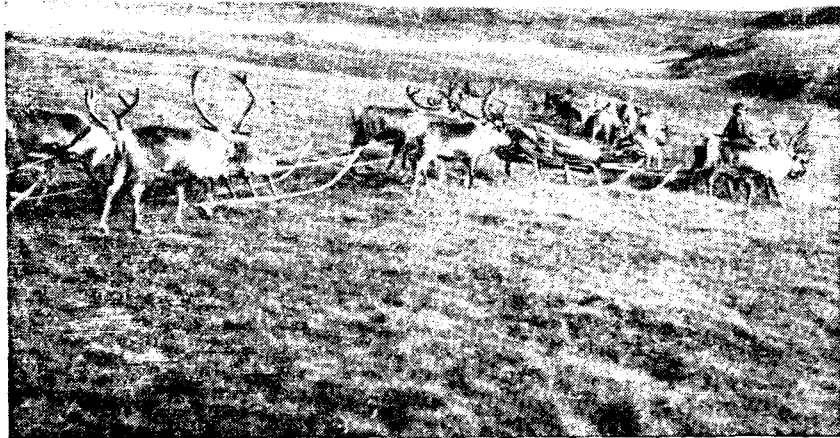

Рис. 2. Отправление охотничьего звена колхоза им. Кирова. Осень 1948 г.

Все олени колхоза принадлежат к местной («самоедской») породе, мелкой, слабосильной, но выносливой. Олени колхоза им. Кирова, проводящие круглый год в тундре, считаются более выносливыми, чем олени соседних колхозов. Правда, иногда после сильных пург, особенно с ветром с севера, отдельные олени, главным образом телята, замерзают, но такого рода потери в общем невелики.

Рыболовный инвентарь колхоза составляют 11 неводов, 372 ставные сети и 10 лодок. В 1947 г. колхоз им. Кирова сдал государству 851, а в 1948 г. — 1359 ц рыбы. Больше всего добывается муксуна, затем идут сельдь, омуль и нельма. В 1948 г. колхоз им. Кирова по выполнению плана рыбозаготовок вышел на первое место по всему Таймырскому национальному округу. Одной только премии за перевыполнение плана колхоз получил 46 тысяч рублей.

Кроме рыболовства, производимого специальными бригадами в Енисее и Енисейском заливе, колхозники занимаются и индивидуальным рыболовством (большей частью для личного потребления), главным образом осенью подо льдом в тундровых реках и озерах.

Охотничий промысел в колхозе им. Кирова делится на три вида: пушной промысел, охоту на диких оленей и охоту на птицу — гусей летом и куропаток зимой.

В пушном промысле главное значение имеет добыча песка. За каждого песка охотник получает от заготовительной организации некоторую сумму сверх того, что ему начисляется по трудодням. Инвентарь пушного промысла состоит из 1400 стальных капканов и более 2000 деревянных самодельных ловушек («пастей»).

Диких оленей колхозники добывают 300—400 в год. Часть этой добычи они потребляют сами, часть сдается колхозом заготовительной организации.

Большая часть добытых гусей и куропаток также потребляется самими колхозниками. Заготовительным организациям сдается около 1000 гусей и до 500 куропаток. Кроме того, колхоз сдавал около 200 кг пуха. Выдача на трудодни, начисленные за охоту на диких оленей и птицу, составляла только половину стоимости сданной продукции, так что эти виды охоты давали колхозу значительную сумму для покрытия различных расходов и для накоплений. Техника охоты на дикого оленя, являвшейся главным занятием предков членов колхоза им. Кирова — энцев, ныне коренным образом изменилась. Исчезли хищнические «поколки» на речных переправах, исчезла требовавшая большой затраты труда охота с помощью кожаных сетей, сложная, доступная лишь самым опытным охотникам, охота с маньщиком и т. п. В основном сейчас охотятся с винтовками, позволяющими бить оленей издалека, без долгого утомительного подкрадывания, и при этом бить на выбор, главным образом самцов, оставляя маток и телят в живых.

В охоте на песка применяется прикармливание его разбросанной на определенных местах в тундре подкормкой в виде мясных крошек, после чего зимой на этих местах ставятся капканы. Увеличилось число капканов и улучшилось их качество. Появились усовершенствованные советскими охотоведами пасти (так называемые «корытные»), предохраняющие песка, после того как он попадет в пасть, от поедания другими песцами.

Старинные приемы оленеводства дополняются научно обоснованными методами, выработанными зоотехникой, применением палаток и щитков, предохраняющих телят от замерзания, подкормкой оленей солью и даже заготовкой корма в виде веников из побегов «тальника» (карликовая береза и ивняки).

Колхоз организует и кустарные промыслы — выделку оленьих шкур и пошивку из них одежды и обуви, которые сбываются заготовительным организациям. Общую структуру доходов и расходов колхоза за 1947 г. показывает табл. 2.

Таблица 2

Д о х о д ы		Р а с х о д ы	
Статья дохода	% к общей сумме до- ходов	Статья расхода	% к общей сумме рас- ходов
Оленеводство	19,2	Выдача на трудодни	72,7
Охота	45,3	Отчисления в неделимый фонд	15,0
Рыболовство	22,8	Отчисления на культурные нужды	2,0
Кустарные промыслы	2,7	Производственные затраты	3,9
Прочие доходы	10,0	Административно-управленче- ские расходы	3,0
		Прочие расходы	3,4
Итого	100,0	Итого	100,0

Распределение трудодней по отраслям показывает таблица 3.

Таблица 3

Вид хозяйственной деятельности	% трудодней к общей сумме трудодней, выработанных колхозниками
Оленеводство	31,4
Охота	43,7
Рыболовство	16,3
Кустарные промыслы	2,1
Строительство и капитальный ремонт	1,1
Административно-управленческая работа	3,2
Прочие работы	2,2
Итого	100,0

Главными производственными единицами колхоза являются: бригада оленеводов, функционирующая круглый год, бригады охотников — зимой и бригады рыболовов — летом. Участие колхозников в этих бригадах в 1948 г. показано в табл. 4.

Таблица 4

Названия бригад	Лето и осень			З и м а		
	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
Оленеводы	30	1	31	24	1	25
Охотники (15.X — 15.III)	—	—	—	62	—	62
Рыбаки (5.VII — 5.X)	58	20	78	—	—	—
Итого	88	21	109	86	1	87

Наряду с этими основными бригадами образуются и другие. Так, в октябре формируется бригада для подледного лова рыбы из 5—6 мужчин. Весной образуется бригада для отстрела гусей, из 30—35 охотников. Осенью выделяются звенья на ремонт и постройку пастей, зимой для разных хозяйственных работ выделяются 10—12 женщин и т. д. Бригады в этническом отношении смешанного состава. Только долгане, живущие на Сопочной Корге, всегда образуют одну производственную единицу. Приводим ниже данные об этническом составе бригад и их звеньев.

Таблица 5

Этнический состав бригады оленеводов (пастухов) (конец 1948 г.)

З в е н ь я	Энцы	Ненцы	Долгане	Всего
Пастухи племенного стада № 1	3	3	—	6
» плодового стада № 2	4	2	—	6
» » № 3	4	1	1	6
» стада личного пользования	5	—	1	6
Зоотехник	1	—	—	1
Итого	17	6	2	25

Таблица 6

Этнический состав бригады охотников (конец 1948 г.)

Бригада и звенья	Энцы	Ненцы	Долганы	Всего
Бригада на р. Агапе				
1-е звено	4	4	—	8
2-е »	3	1	—	4
3-е »	3	4	—	7
Итого	10	9	—	19
Отдельные звенья:				
На р. Яковлевой	3	2	1	6
Поселка Сопочная Корга	—	—	7	7
Поселка Троицкое	1	9	—	10
» Казачье	4	4	—	8
» Кареповское	—	6	—	6
» Воронцово	—	6	—	6
Всего	18	36	8	62

Таблица 7

Этнический состав бригад рыбаков (лето 1948 г.)

Б р и г а д ы	Энцы	Ненцы	Долганы	Всего
На Широкой бухте (3 звена) ¹	5	10	—	15
» песке «Пометка» (3 звена)	4 ²	11	—	15
У поселков Гольчиха - Троицкое (7 звеньев)	20	16	—	36
У поселка Сопочная Корга (2 звена)	—	—	12	12
Всего	29	37	12	78

Пережитки родовых связей существенной роли не играют. Формирование бригад и звеньев определяется производственными требованиями. Формирование охотничьих бригад идет таким образом. В отдаленные участки на Агапу идут, с одной стороны, такие охотники, которые имеют достаточно оленей в личном пользовании, а с другой, — такие, которым правление доверяет дать оленей из транспортного стада колхоза. Остальные охотничьи звенья сформированы главным образом из людей, издавна занимающихся охотой в тех или иных участках тундры, в зависимости от места жительства. Только отдельные охотники иногда перебрасываются из звена в звено для подкрепления того или иного участка. Чтобы обеспечить выполнение планов заготовки пушнины и отстрела дикого оленя, лучших охотников всегда включают зимой в охотничьи бригады, а летом, следовательно, они оказываются в бригадах рыбаков. Весьма тщательно подходит правление к выбору пастухов. В оленеводческую бригаду включаются, как правило, лучшие люди колхоза.

¹ Это выездные бригады, выезжавшие за пределы территории колхоза в Енисейский залив.

² В том числе одна нганасанка.

Трудоспособные мужчины в общем все заняты на колхозном производстве. Из трудоспособных женщин в колхозном производстве не участвовало около 40%. Это по большей части многодетные матери и жены пастухов, живущие вместе с мужьями.

У колхозников колхоза им. Кирова высокая выработка. Лучший охотник колхоза Пудано Вэнго выработал в 1947 г. 1378 трудодней. В зиму 1947/48 г. им было добыто 85 песцов и 100 диких оленей. Всего Пудано Вэнго заработал в 1947 г. около 25 тыс. рублей, не считая диких оленей и рыбы, использованных для личного потребления, и 1500 рублей премии. Он лучший охотник не только в колхозе им. Кирова, но и во всем Усть-Енисейском районе. Свой индивидуальный план по добыче пушнины в IV квартале 1947 г. он выполнил на 930%. Но он не исключение. Семья охотника А. И. Мирного выработала в 1947 г. 932 трудодня, семья оленевода К. Н. Силкина — 938 трудодней, семья оленевода Пимена Надера — 924 трудодня и т. д. В среднем эти семьи получили по 16 тыс. руб., не считая мяса и рыбы для личного потребления. Кроме дохода по трудодням, оленеводы колхоза имеют еще дополнительный доход от премий за выращенных ими сверх плана телят. В 1948 г. было выделено на премирование оленеводов 95 телят, из которых звено вышеупомянутого К. Н. Силкина должно было получить 40, в том числе сам звеньевод — 15 телят. Следует отметить, что все упомянутые семьи до коллективизации были бедняцкими и едва сводили концы с концами. Рост зажиточности этих колхозников, в частности, показывает следующая таблица.

Таблица 8

Фамилия и имя	Было оленей в личном пользовании	
	1929 — 1930 гг.	1948 г.
Пудано Вэнго ³	30	91
А. И. Мирный	9	42
К. Н. Силкин ³	31	61
Пимен Надер	23	43
Итого	93	237

III

Из изменений в быту колхозников в первую очередь отметим переход их к оседлости. Населенными пунктами, в которых происходит оседание членов колхоза им. Кирова, являются: Сопочная Корга, где осела большая часть долган колхоза; Троицкое, где осела большая часть ненцев рода Яндо; Воронцово, где оседло живут 4 семьи ненцев, 2 семьи энцев и 1 семья долган; Казачье и Кареповское, где в настоящее время переходит на оседлость ряд ненецких семей. Всего перешло на оседлость 42% всего населения колхоза.

Первое время перешедшие к оседлости еще сохраняют в своих домах обстановку чума. Мебели еще нет. Сидят и спят на полу, сохраняя даже деление комнаты на две половины — направо и налево от входа по обеим сторонам железной печки, подобно тому как чум делится на две половины по обе стороны костра. Утварь, столы и т. п. — все перенесено из чума без изменений. На полу стелятся те же циновки из гравы, поверх их — оленьи шкуры. Женщины также располагаются ближе к выходу, мужчины дальше, как и в чуме.

³ Эти колхозники в 1929—1930 гг. были еще совсем молодыми людьми и жили вместе с родителями. Данные 1929—1930 гг. относятся к их родителям.

Затем происходит уже переход к кроватям, столам, табуреткам, стульям, появляются шкафы, полки. Именно так сейчас живет уже большинство долган. Пол не только подметают, как в чуме, но и моют. Деление комнаты на две половины исчезает. Печь стоит обычно сбоку, прямо против входа у окна стол, в глубине комнаты — кровать. Иногда, вместо кроватей, пользуются нарами, например, когда поселяются в старых избушках, оставшихся от русских промышленников.

Иногда в обстановке сказываются старые русские традиции — лавки вдоль стен, стол в красном углу и т. п. Есть семьи, которые живут так же, как и соседние с ними семьи русских рабочих и служащих.

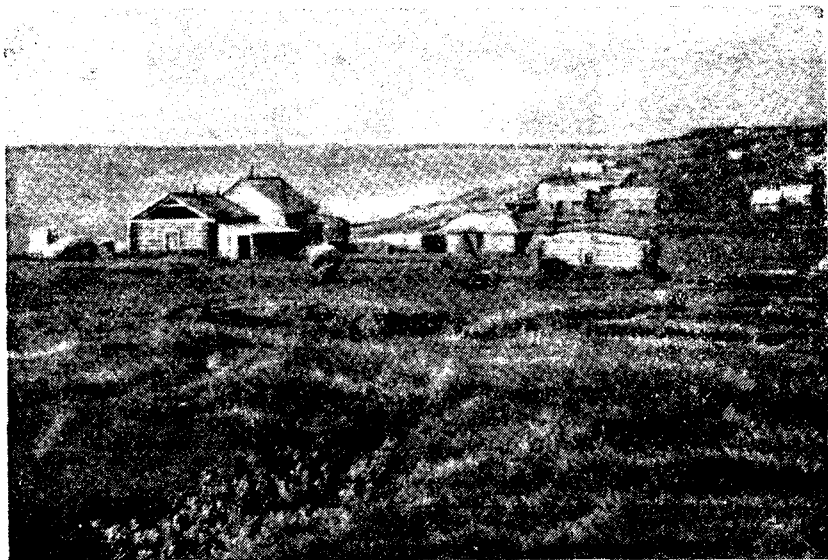

Рис. 3. Вид на жилые дома колхоза им. Кирова в поселке Воронцово

Вся группа колхозников, перешедшая на оседлость, носит общее название «береговых». «Береговые», живущие в чумах, сейчас являются единственной группой в населении колхоза, сохранившей старый конический чум в качестве зимнего жилища.

Остальная часть населения колхоза ведет подвижный образ жизни. Наиболее подвижную часть ее представляют пастухи-оленоводы. Так как состав оленеводческой бригады довольно устойчив, а пастухи живут вместе с семьями, то можно считать, что эта группа составляет около 20% населения колхоза, большей частью энцев. Вместе со своими табунами оленеводы в год проходят около 1 000 км, не задерживаясь подолгу на одном месте, так как олени быстро съедают корм около стана, начинают уходить далеко от него и тогда их трудно охранять. Правда, в период отела, гона и учета оленей передвижения невелики, только меняются пастбища. Но при переходе с зимних пастбищ к местам отела, на летовку, затем к местам гона и учета и особенно при движении стада после учета из района летних пастбищ на зимние дневные переходы составляют 20—30 км и совершаются иногда по нескольку дней подряд. Таким образом, специфика хозяйственной деятельности этой части колхозников обуславливает сохранение ими некоторых элементов кочевого быта, но вместе с тем эта часть колхозников является самой зажиточной и передовой частью колхоза. Престарелые члены семей пастухов оставляются иногда в поселках, а зимой дети из этих семей живут в школе-интернате.

Все звенья оленеводческой бригады (их зимой 4, а летом 5, так как

на лето формируется еще транспортное стадо, олени из которого на зиму выдаются охотникам) идут недалеко друг от друга, на расстоянии 15—20 км. В начале зимы, когда оленей перегоняют на юг, интервалы больше, так как некоторые звенья отстают. Такие отставшие звенья больше теряют оленей, так как волки обычно нападают на табуны, идущие сзади.

К концу ноября оленеводы должны находиться в районе зимних пастбищ. К сожалению, организационные неувязки нередко задерживают отправление стад на юг — затягивается учет оленей, авансирование пастухов и т. д.; в результате движение стад происходит иногда в конце декабря и в январе, в самые жестокие морозы и пурги, что, разумеется, очень вредно для оленей, особенно для телят.

Рис. 4. Колхозники колхоза им. Кирова Яр Нарвэ и Яндо Ябсо с помощью русского плотника строят дом в поселке Воронцово. Лето 1948 г.

Маршрут движения оленеводов колхоза им. Кирова сократился по сравнению с прежним доколхозным маршрутом, когда энцы уходили в лес по рр. Малой Хете и Дудинке, примерно километров на 150—200. Сейчас пастухи колхоза в лес не заходят, а проводят зиму в тундре, в ее южной кустарниковой зоне, по р. Сухой Дудинке, километрах в 100 от края леса. Зимние пастбища колхоза им. Кирова находятся за пределами территории колхоза и Долгано-ненецкого сельского совета — на территории колхоза «Новая жизнь», Мало-Хетского сельского совета того же Усть-Енисейского района. Дальше на юг начинается территория Дудинского района, куда члены колхоза им. Кирова заходить со стадами не имеют права. Олень, не нагулявший жира летом, зимой в тундре уже не поправится, а в лесу такой олень на зиму может превратиться в упущенное лето. Сейчас руководители Усть-Енисейского района возбудили ходатайство о разрешении посылать бригады оленеводов своих колхозов в леса Дудинского района, так как там лучше корма, а лес защищает оленей от ветра. Это несколько удлинит маршрут движения оленеводов колхоза, но улучшит быт пастухов и облегчит их труд, а также благоприятно отразится на оленях.

Иначе организован годовой цикл хозяйственной деятельности не перешедших на оседлость охотников и рыбаков. Это одни и те же люди, зимой они охотятся, а летом ловят рыбу. С выпадением снега в середине октября, а иногда и несколько раньше, в определенные места на

Енисее им пригоняют оленей (как своих, так и выделенных колхозом), и охотники уходят в тундру. Там они располагаются группами по звеньям в районах охоты, время от времени сменяя пастбище. В отличие от оленеводов, охотники всю зиму остаются в одном определенном районе, не уходя на юг. Передвижения охотников представляют новый тип специальной промысловой организации быта. В последних числах апреля охотники сдают оленей пастухам и располагаются на берегу Енисея. В мае-июне они занимаются еще охотой на гусей, а с июля начинается рыболовный сезон. Лето рыбаки живут оседло на местах промысла. Переезды с мест весновок на рыболовные пески и обратно к

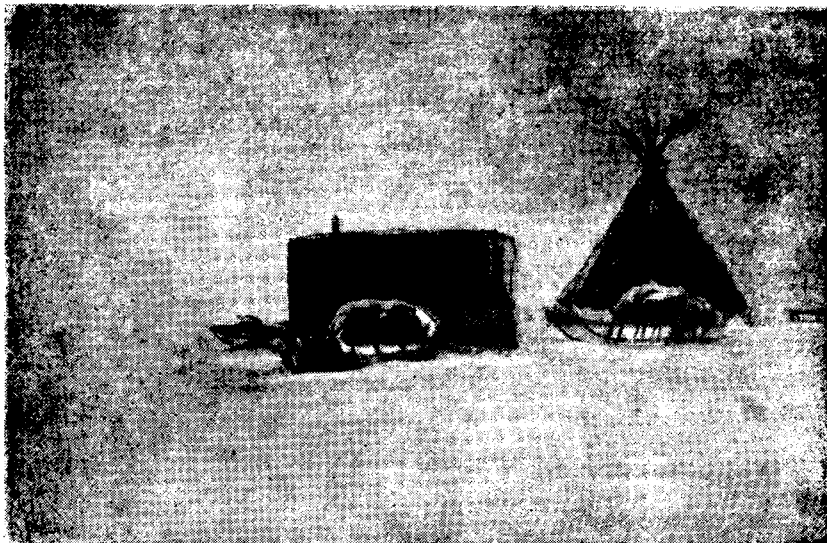

Рис. 5. Балок и чум в тундре близ Воронцово. Осень 1948 г.

местам, куда осенью пригоняют оленей, совершаются на лодках, а выезд на экспедиционный лов в Енисейский залив — на пароходах (сейнерах) рыбозаготовительных организаций.

В прошлом единственным видом жилища энцев и ненцев был конический чум. Сейчас в таком чуме живут лишь летом, месяцев пять, пастухи и некоторые звенья рыбаков. Раньше чумы принадлежали к трем различным типам; энецко-нганасанскому, ненецкому и долганско-му⁴. С переходом долган на оседлость долганский чум почти исчез.

⁴ Долганский чум отличался от энецкого и ненецкого тем, что он покрывался покрывками (нюками), сшитыми не из «постелей», т. е. не из шкур с оставленной на них шерстью, хотя и подстриженной, а из ровдуги, т. е. оленьих кож, с которых была удалена вся шерсть. По планировке долганский чум отличался тем, что у него жилой была вся его площадь кругом очага, включая и место за очагом против входа, которое у энцев и ненцев считалось нечистым и вместе с тем священным, где мог сидеть только шаман, когда его приглашали в чум для камлания; обычно здесь лежали дрова и стояла утварь.

Ненецкий и энецкий чумы различались тем, что у энцев внутри чума было три дополнительных вертикальных шеста «симки», к которым прикрепляются перекинутые для подвешивания котлов и чайников над костром, у ненцев лишь один. Ненецкие нюки были больше, так что каждая сторона чума (направо и налево от входа) покрывалась лишь одним нюком, а всего на чум шло два нюка; у энцев же на чум требовалось 4 нюка, по 2 на каждую сторону, так как нюки были меньшего размера. Кроме того, у энцев был специальный маленький нюк на дверь, у ненцев такой «двери» не было и для входа в чум просто откидывался край большого нюка. Ненцы ставили чум прямо на снег, энцы предварительно раскапывали его до земли, поэтому их чум стоял как бы в яме. Вход в чум у энцев всегда был с востока или юго-востока, у ненцев он был обращен обычно в ту сторону, куда шло направление кочевки.

Различие между энецким и ненецким чумом тоже сглаживается и в общем преобладает, даже в энецких семьях, ненецкий тип чума. Часто вместо костра устанавливается железная печка.

Зимой часть охотников, уходящая в тундру на промысел, и пастухи колхоза живут в «балках» («нартенных чумах»). Балок является русским изобретением, еще до революции использованным долганями, но энцы и ненцы перешли к нему только после коллективизации. Конструкция балка осталась такой, какой она была выработана русскими. Но в отношении его внутренней планировки энцы и ненцы внесли ряд своих черт. А именно, балки меньшего размера планируются, как чум с одной жилой стороной, а балки большего размера — как чумы с двумя жилыми половинами. В соответствии с этим меняются и места двери и печки в балке. Обстановка в балке такая же, как в чуме, но обычно в балке имеются полки вдоль его передней и задней стенок.

Существенные изменения произошли в одежде колхозников. В прошлом здесь было три различных типа одежды: энецко-нганасанская, ненецкая и долганская. Сейчас в колхозе им. Кирова ненецкая одежда вытесняет другие типы. Долганки еще сохранили свой национальный костюм и для зимы и для лета: — длинное платье русского типа и верхние парки (меховые шубы) своего особого долганского покроя. Мужчины-долгане почти все ходят зимой в ненецких малицах (нижняя глухая одежда мехом внутрь с капюшоном) и сокуях (верхняя глухая одежда мехом вверх с капюшоном). Но обувь у долган по большей части долганского типа. Летом долгане одеваются по-русски (короткие пальто или двубортные куртки), только шапки остаются долганские. В манере носить шарф, закрывая им подбородок, сохранилась старая манера носки нашийного платка.

Большинство энцев перешло на ненецкую одежду. В 1948 г. 71% взрослых мужчин и 68% взрослых женщин в колхозе им. Кирова носили ненецкую одежду, и только 19% мужчин и 21% женщин в большей или меньшей степени сохранили энецкие формы одежды.

Еще в 1926 г. соотношение различных типов одежды в Долганоненецком кочевом совете было совсем иное: энецко-нганасанский тип одежды носили 55% населения, ненецкий — 30% и долганский 15% населения.

Таким образом, за 22 года удельный вес ненецкой одежды возрос более чем вдвое, а энецкой — уменьшился почти втрое.

В качестве верхней зимней одежды ненецкая одежда распространилась и на русское население. Ненецкие малицы и бакари (высокая меховая обувь) русские надевают не только при дальних поездках, но и во время работы на открытом воздухе близ дома. Ненецкая одежда сохраняется со всеми деталями; энецкая одежда даже там, где она сохранилась, обнаруживает ряд отступлений от традиционных форм и в чистом виде встречается только у женщин, в особенности нганасанок по происхождению. Характерный белый султан, возвышавшийся на капюшоне энецко-нганасанского сокуя, исчез совершенно. Последний султан был срезан стариком (и при этом не энцем, а нганасаном) осенью 1948 г. Именно с султаном на сокуе (нака — по-энецки, сунгуку — по-нганасански) связывалась принадлежность к «настоящим людям» («онэй-энне-чэ» — по-энецки и «нганонганаса» — по-нганасански).

«Настоящими людьми» нганасаны называли и себя и тех энцев, которые носили султан, а уже во вторую очередь выделяли среди этих «настоящих людей», с одной стороны, себя в качестве ня-нганаса («родных людей») и с другой, — «самату», т. е. энцев. Повидимому, название «настоящие люди» и султан на сокуе отражали принадлежность части предков нганасан и энцев по происхождению к одному аборигенному этническому компоненту. Исчезновение султана является косвенным свидетельством того, что энцы перестают осознавать себя особой народностью.

Отступлением от старинных форм является в энецкой (теперь уже женской) одежде появление короткого платья, которое начали надевать поверх мехового комбинезона. Мужчины-энцы свои старого традиционного типа парки часто носят без ее орнаментированного верхнего покрытия, сохраняя лишь ее внутреннюю часть мехом к телу.

Но есть одна деталь энецкого комплекса одежды, которая продолжает бытовать и даже распространилась среди ненцев. Это женская энецко-нганасанская шапка. Ненецкая женская шапка представляет довольно сложное сооружение с большим количеством деталей орнамента и металлических подвесок. У энцев же, кроме парадной шапки, имеется обыденная, очень простая. Сейчас эту энецкую женскую шапку носят в колхозе как энецкие, так и ненецкие женщины, как с энецкой, так и с ненецкой одеждой и обувью, и только немногие, из самых зажиточных семей, имеют ненецкие шапки. При этом ненецкая женская шапка не свидетельствует об этнической принадлежности ее носительницы, а является показателем особой нарядности костюма. Носят ненецкую женскую шапку только вместе с одеждой и обувью тоже ненецкого типа.

Можно отметить также распространение у энцев ненецкого орнамента, причем не только на ненецкой одежде, но и на собственно энецкой.

Нижняя одежда как энцев, так и ненцев состоит из русских рубах и брюк. Летом широкое распространение получили высокие резиновые (рыбачьи) сапоги. Их носят не только рыбаки, но и оленеводы и колхозники, занятые на других работах. Рубахи предпочитают с нагрудными карманами и отложным воротником, темных цветов. Но так как холода бывают и летом, то обычно все-таки поверх рубах надевают старые малицы и сокуи, которые заменяют также необходимые здесь в это время года брезентовые плащи. Носят также пиджаки, френчи.

Необходимо сделать несколько общих замечаний о господствующей в колхозе ненецкой одежде, ныне распространенной от Мезени и до Пясины. Повидимому, она сравнительно позднего происхождения и в свое время сменила другие старинные полярные типы одежды, одним из которых является энецко-нганасанская.

Длинная ненецкая малица и тем более длинный тяжелый ненецкий сокуй совершенно не приспособлены для пешей охоты за диким оленем, не говоря уж об охоте на морского зверя. Но те же ненецкие малица и сокуй совершенно незаменимы в тундре при дальних поездках на оленях в санках; они позволяют несколько суток пробыть на морозе, спать зимой под открытым небом. Наоборот, энецко-нганасанская одежда короче, легче, но плохо сохраняет тепло и неудобна при езде на санках. У энецко-нганасанской одежды капюшон представляет органическое целое с паркой, так как кроится вместе с частью спинки. Капюшон ненецкой малицы представляет просто шапку, пришитую к одежде. Вся малица шьется мехом внутрь, а капюшон — мехом вверх, вдобавок из шкуры другого зверя, иногда даже бобра или выдры, и, как и шапки, расширяется на затылке по сукну бисером. В энецко-нганасанской одежде сукно употребляется лишь для орнамента, заменив, видимо, полосы кожи, окрашенные охрой и графитом. Наоборот, старинная ненецкая малица покрывалась сукном вся (кроме шапки-капюшона) и орнаментировалась по сукну.

Таким образом, есть основание предполагать, что малица была изобретена народом, знакомым с сукном, имевшим в прошлом одежду без арктического капюшона и занимавшимся в широких масштабах тундровым оленеводством. Судя по орнаменту, этот народ был связан с хантами. В энецких преданиях в качестве богачей-олeneводоv часто выступают оленеводы-ханты, а представители чисто ненецких и энецких родов иногда показаны в качестве батраков у этих оленеводов. Может быть, вытеснение зимней энецкой одежды зимней ненецкой в районе устья Енисея отражает завершение процесса, начавшегося

когда-то в низовьях Оби и заключавшегося в переходе аборигенного и пришлого, самодийского, населения тундры от хозяйства и культуры малооленных охотников и рыбаков к массовому тундровому оленеводству, первоначальными носителями которого были оленеводы ханты. Вместе с этим изменялся и быт, в частности одежда.

Ненецкая женская одежда тоже больше приспособлена для езды на оленях, чем энецкая, — она длиннее и теплее. Женская одежда и у ненцев и у энцев не глухая, а раскрывается спереди, что вызвано необходимостью кормить грудью детей.

В настоящее время члены колхоза им. Кирова по характеру своего быта образуют несколько переходных групп. В ряде семей старинный быт исчез совершенно. Таковы, например, семья бывшего фронтовика-сержанта ненца Николая Сюхуня, занимающая отдельную квартиру в колхозном доме, семья председателя кочевого совета, члена ВКП(б) — долгана Афанасия Вануйта⁵. Но и в семьях пастухов, ведущих подвижный образ жизни, много нового. Уже сама обстановка балка с его окном и печью накладывает свой отпечаток. Пол в балке не только подметается, но и выскребается ножом. Совершенно изменился рацион. Хлеб превратился в основной продукт питания. Даже в тундре пастухи и охотники регулярно едят хлеб, доставляемый им с «берега». Вошли в быт такие продукты, как сахар и масло. Традиционное вареное мясо и рыбу едят уже с хлебом, хотя попрежнему без соли. К мясу подается в фаянсовых тарелках мясной бульон. Почти исчезла примитивная самодельная деревянная посуда, которая заменена покупной, причем наибольшим спросом пользуется алюминевая.

Резко изменилось отношение к труду. Оленеводческие звенья делятся на три смены по два человека в каждой, которые охраняют стада круглые сутки. Особенно трудно приходится дежурным в пургу, когда в трех-четыре метра ничего не видно. Раньше в такую погоду олени оставались без присмотра и многие из них терялись или заедались волками. Сейчас пурга не останавливает колхозных пастухов. В такие трудные дни с особенной силой проявляются у колхозников лучшие качества советских людей, их готовность прийти на помощь товарищу, хотя иногда и не без добродушного юмора по отношению к неопытным или неловким.

Однажды, в декабре 1948 г., бушевала жестокая пурга. Была очередь дежурить двум неопытным парням, которые днем кое-как собрали табун, но в ожидании предстоящей им ночи явно волновались. Тогда звеньевой предложил им остаться в балке, а сам вместе с другим опытным пастухом заменил молодых колхозников, продежурив всю ночь. На следующие сутки была очередь дежурить самого звеньевого с сестрой. И он снова ушел в пургу, на этот раз один, приказав сестре остаться дома. На третий день, часов в 11 пурга стихла, а часа через два после этого звеньевой вернулся, пригнав в целости весь табун. Как раз в это время женщины собирались идти за топливом. Звеньевой вошел в балок, закурил и, чуть усмехнувшись, сказал молодым пастухам, которых заменял на дежурстве: «Надо бы и вам пойти за дровами, но боюсь, что простудитесь». Надо заметить, что заготовка топлива раньше вообще считалась женским делом, так что намек был ясен. Оба парня, конечно, с предельной быстротой выскочили из балки.

Большую роль в жизни колхозников играет социалистическое соревнование. Соревнуется колхоз им. Кирова с расположенным к югу от него колхозом «Новая жизнь», соревнуются бригады и звенья, соревнуются и отдельные охотники. Когда на общем собрании зачитываются

⁵ Дед А. Е. Вануйта был обдорский ненец, поселившийся среди норильских долган, женившийся там, вошедший в долганский род Орук, но сохранивший свою ненецкую фамилию. Сейчас А. Е. Вануйта и его брат Павел Егорович Вануйта, несмотря на ненецкую фамилию, являются и считаются долганами.

вызовы, то все колхозники живо реагируют на это. Раздаются голоса: — Ну, это правильно, у них равные силы, посмотрим, кто одолеет.

Или же:— Правильно! Оба старые люди. Пусть покажут, кто лучше знает промысел!

Благодаря социалистическому соревнованию появились новые слова и обороты в речи колхозников. Так, например, бригадир негодуяше заявляет: *«Это звено тянет назад всю бригаду. Не будь их, мы бы давно вышли на первое место»*.

Многие колхозники колхоза им. Кирова награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а ряд фронтовиков — боевыми орденами и медалями.

В мае 1948 г. колхоз, обсудив на общем собрании письмо рыбаков и рыбачек Красноярского края И. В. Сталину, взял на себя обязательство перевыполнить план сдачи рыбы на 6%. Колхоз выполнил свой план на 151%, т. е. перевыполнил взятое им обязательство в 8 раз.

Распорядок дня в семье меняется в зависимости от сезона и обстановки. В оленеводческом звене зимой, например, распорядок дня был следующий. Подъем в 6—7 часов утра. В 8—9 часов завтрак — чай, хлеб, холодное мясо. К чаю приходят и дежурные — закусить и согреться. Затем мужчины идут к табуну и проверяют наличие оленей. В 12 или 13 часов снова чай и смена дежурных. Сменившиеся ложатся отдыхать. Женщины помоложе отправляются за топливом. Часам к пяти вечера топливо собрано, нарублено и сложено в балок за печку. В это же время рубят или пилят мясо [мороженое] и наполняют им котел. Перед ужином едят строганину (рыбу или мясо) и пьют чай; к 7 часам вечера готов ужин — вареное мясо, обычно дикого оленя. Его едят, макая в растопленный жир и прихлебывая бульон. После ужина дежурные идут на ночь к табуну, а остальные в 10 часов вечера ложатся спать.

При смене пастбищ после утреннего чая начинают ловить оленей. В 12 или 13 часов начинается передвижение и длится до 16—17 часов. Впереди обычно едет налегке мужчина, затем идут аргиши (вереницы груженых санок⁶, запряженных оленями) и балки. Каждый балок, запряженный 6 оленями, ведет мужчина или женщина, едущий в санке, запряженной 4 оленями. Аргиши сейчас ведут не только женщины, но и мужчины. В каждом аргеше по 5—6 санок, запряженных каждая по два оленя. Позади аргешей молодые люди и девушки гонят табун. Звеньевой обычно едет около табуна, время от времени выезжая вперед.

Сильные изменения произошли в семейной жизни. Исчезло многоженство и калым. Браки заключаются свободно, большей частью без участия сватов. Жених просто приводит невесту к себе и устраивает пирушку. Иногда невесту сватают, причем сватом бывает кто-нибудь из знатных людей колхоза, часто бригадир или звеньевой. Бригадиры и звеньевые считают себя даже обязанными устраивать браки членов своих бригад и звеньев и сами проявляют инициативу в этом деле.

Заметно отступает на задний план прежнее строгое половое разделение труда. Например, заготовкой топлива стали заниматься и мужчины. В работах, связанных с устройством балка, мужчины работают наравне с женщинами, но шестовой чум строят попрежнему только женщины.

В состав семьи, кроме мужа, жены и детей, иногда входят еще не женатые или не вышедшие замуж братья и сестры, мать-вдова или нетрудоспособный отец. Женившийся молодой человек обязательно выделяется с женой в отдельную семью.

⁶ Слово «санка» прочно вошло в русский язык Северной Сибири. Им обозначаются высокие оленьи сани, конструктивно отличающиеся и от конских саней и от нарт. Слово санка женского рода и склоняется. Можно, например, сказать «сесть на санку», «ехать легкой санкой» и т. д.

Хотя женившиеся мужчины, как правило, образуют новую семью, но оленями, находящимися в личном пользовании, разделившиеся семьи обычно продолжают владеть совместно.

Семейные конфликты, иногда имеющие место, обычно возникают на почве отношений снохи и свекрови. Последние пытаются по-прежнему проявлять свою власть над снохой; молодые женщины, выросшие в советское время, сопротивляются этому, а мужья обычно принимают сторону жен. Иногда старухи, не ужившиеся со снохой, живут отдельно на «берегу», причем сыновья материально поддерживают их.

Основными пережитками в семейно-брачных отношениях является закон родовой экзогамии, у ненцев усложнявшийся еще экзогамией фратриальной. Последняя явно отживает и имеются уже браки, заключенные с нарушением фратриальных норм. Но родовая экзогамия до сих пор сохранилась. Правда, благодаря большому числу родов вступление в брак не особенно затруднено, тем более, что браки между энцами и ненцами составляют правило, а в последнее время заключаются браки также между энцами и долганами. Но дело осложняется тем, что при заключении браков учитывается не только принадлежность к роду, но и происхождение. Так, в роде Масодай всего 15 лиц мужского пола, из которых 10 представляют семью вышеупомянутого А. И. Мирного (его самого, его сыновей и внуков). А. И. Мирный родился от отца из рода Лодоседа, но, рано осиротев, был воспитан в семье рода Масодай и стал членом этого рода. Поэтому он и его потомство не могут вступать в брак ни в роде Масодай, ни в роде Лодоседа. Другая семья рода Масодай происходит от ненца рода Ябтонгэ, прижившего сына с девушкой рода Масодай. Этот внебрачный ребенок вырос и стал членом рода Масодай, но ни он сам, ни его дети не могут вступать в брак с членами рода Ябтонгэ. Таким образом, для членов рода Масодай при заключении браков выбор значительно сужен и, повидимому, благодаря происхождению А. И. Мирного сейчас уже считается, что вообще род Масодай не может вступать в брак с родом Лодоседа. Подобные коллизии создались и в других родах; может быть, ими вообще объясняется ряд брачных запретов между родами, которые, таким образом, оказываются иногда не пережитками фратриальной экзогамии, а явлением более позднего и своеобразного происхождения. Соблюдение этих экзогамных норм является главным реальным пережитком родовых отношений. Кроме экзогамных норм, некоторая близость вообще существует между членами одного рода. Все члены рода считаются родственниками, рассчитывают на помощь друг друга, хотя они иногда даже говорят на разных языках»⁷.

Если быстро стираются грани между энцами и ненцами, то родовые связи оказываются более устойчивыми.

Отход от религии в колхозе им. Кирова стал всеобщим явлением. В прошлом долгане и часть энцев считались православными, большая часть энцев и ненцы не были крещены. Сейчас внешние проявления православия сохранились лишь у стариков долган. У стариков-энцев и иганасан православные верования переплелись с дохристианскими верованиями, в которых наряду с «богом Оспой» фигурирует и «Миколка бог». Верующих в полном смысле слова в колхозе осталось два-три старика и несколько старух. Шаманы в колхозе им. Кирова исчезли совершенно. Сохранились, правда, некоторые приметы и суеверия. В оленеводческой бригаде колхоза автору этой статьи пришлось наблюдать следующий случай. Во время пурги мать звеньевского сказала сыну, что неплохо было бы выставить топор против ветра, чтобы пурга, напорвшись на него, затихла. Сын что-то раздраженно ответил, и на этом дело как будто кончилось. Через два дня пурга все еще не ути-

⁷ Например, в энцких родах Бай и Масодай в некоторых семьях говорят по-энецки, а в других по-ненецки.

хала. На наш вопрос, поставлен ли топор, звеньевой поморщился и сказал: «Давно стоит, да толку нет».

Видимо, чтобы не обидеть мать, топор все-таки был поставлен.

Вот к таким суевериям сводятся ныне пережитки религии у энцев. Вообще же к религии, к шаманам, в частности, отношение отрицательное; прежние проделки шаманов иногда служат темой для рассказов, напоминающих старинные русские анекдоты о попах.

В прошлом население Долгано-ненецкого совета было сплошь неграмотным. К 1948 г. число неграмотных было уже незначительным. В 1948/1949 учебном году школой-интернатом в Гольчихе было охвачено более 90% детей школьного возраста. Три взрослых колхозника учились на курсах в Дудинке, а один (Турутин Ломи) в Ленинграде в университете. Ряд колхозников имеет образование в объеме 5—6 клас-

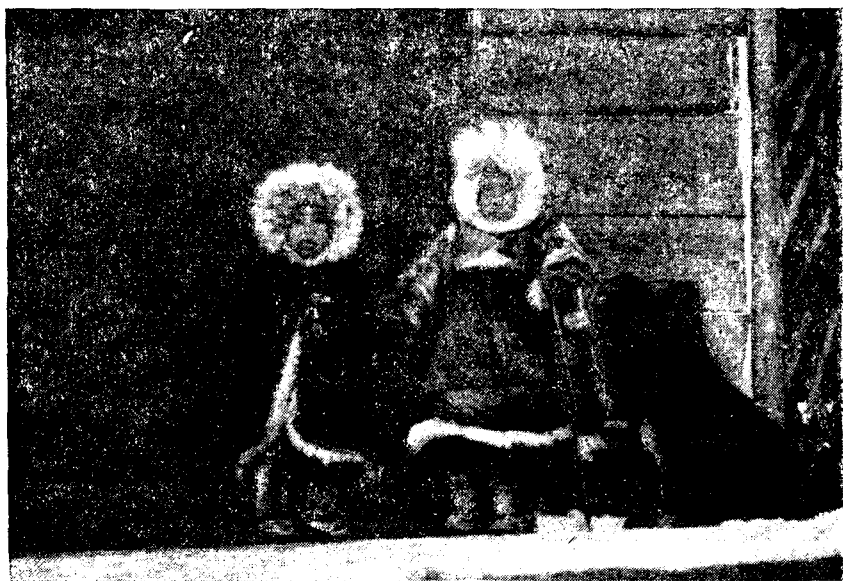

Рис. 6. Дети—ненец и энец—на крыльце магазина в поселке Воронцово. Осень 1948 г.

сов. Колхозникам сейчас приходится много писать. Каждый утерянный или павший олень оформляется актом. Бригады пишут служебные записки в правление колхоза и звеньевым. Кассиру колхоза приходится вести кассовую и амбарную книгу, техник-оленовод в письменной форме составляет маршрут олениводческой бригады и другие документы и т. д. В колхозе своя интеллигенция: техник-оленивод, ветеринарный фельдшер и ряд колхозников, окончивших колхозные курсы в Дудинке. Одна девушка с шестиклассным образованием работает в школе-интернате воспитательницей.

Среди бригадиров и звеньевых — ряд бывших фронтовиков, а всего в рядах Советской Армии побывало 10 человек.

Колхозу оказывают большую помощь районные советские и партийные организации. Колхозники колхоза им. Кирова в качестве членов районного Совета депутатов трудящихся и районных партийных и комсомольских организаций участвуют в общественно-политической жизни своего района. Правление колхоза и отдельные колхозники получают центральные, краевую, окружную и районную газеты; чтение газет прочно вошло в быт колхоза.

Партийная организация колхоза состоит из 9 членов и кандидатов партии: 4 ненцев, 3 энцев, 1 долгана и 1 русского, среди них — 4 женщины. В комсомольской организации 20 человек: 9 ненцев, 10 энцев и 1 долган, в том числе 4 девушки. Комсорг — энец, техник-оленьевод колхоза Илуку Мирный.

Колхоз и сельский совет обслуживаются больницей и амбулаторией, находящихся в Воронцове. Несколько фельдшерских пунктов расположено по побережью. Колхозники теперь охотно пользуются услугами медицинского персонала; роды, как правило, происходят в больнице. Кроме рожениц, осенью 1948 г. в больнице был лишь один больной — пастух, которому случайно прострелили ногу при стрельбе в цель. В дореволюционное время ближайший представитель медицины — фельдшер — жил в 450 км отсюда — в Дудинке.

В Долгано-ненецком сельском совете вполне удовлетворяющая население торговая сеть: четыре торговые точки Рыбкоопа. Для обслуживания охотников на р. Агапе зимой функционировал подвижной ларек. До революции весь этот район обслуживала только одна купеческая лавка — в Гольчихе. До революции этот район зимой терял всякую связь с остальным миром. Сейчас в поселках на Енисее две радиостанции, при них — почтовые отделения. Почта, правда, ходит еще медленно, так как зимой ее возят по льду Енисея на собаках; летом почтовую корреспонденцию доставляют сразу большими партиями заходящие по пути суда. Радиостанции обеспечивают быструю связь.

Таким образом, главным изменением, происшедшим в жизни энцев и ненцев — членов колхоза им. Кирова, является их переход от полунатурального патриархального хозяйства к социалистическому колхозному и связанная с этим ликвидация кулачества как класса; превращение всего населения в тружеников социалистического общества, повышение товарности хозяйства, неуклонный рост благосостояния колхозников, повышение их культуры и приобщение прежде отсталых «самоедов» к советской культуре, к культуре великого русского народа.

Наряду с этим в колхозе им. Кирова завершается процесс консолидации мелких тундровых «самоедских» племен и народностей, одной из которых были энцы, в единый ненецкий народ — процесс, уже закончившийся в других ненецких национальных округах⁸. В прошлом царское правительство, консервируя обособленность отдельных племен, искусственно задерживало этот процесс. В настоящее время фактически энцев как цельной народности уже нет. Они лишь вкраплены в качестве быстро сливающегося национального меньшинства в трех ненецких⁹ и одном нганасанском¹⁰ колхозах.

Превращение всех обитателей колхоза им. Кирова в ненцев не происходит путем простого усвоения ненецкого языка и старой ненецкой культуры. Этот процесс совершается на основе общего хозяйственного и культурного прогресса и энцев и ненцев и сопровождается появлением в их хозяйстве и культуре новых черт, вызванных к жизни социалистическим строем и советской культурой.

Вместе с этим в колхозе им. Кирова в результате слияния энцев с ненцами, вероятно, еще долго сохраняются особенности, отличающие ненцев этого колхоза от остальных ненцев. В дальнейшем эти особенности будут, конечно, сглаживаться. Но, вероятно, в течение известного времени можно будет говорить о ненцах правобережья Енисея, как об очень своеобразной группе.

⁸ Ненецкий национальный округ, Архангельской обл., Ямало-ненецкий национальный округ Тюменской обл.

⁹ «Им. Кирова», «Новая жизнь» Усть-Енисейского района, «Заполярик» Дудинского района.

¹⁰ «Пура» Авамского района.

М. Г. ВОСКОВОЙНИКОВ

НАРОДЫ СОВЕТСКОГО КРАЙНЕГО СЕВЕРА О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела на светлый и счастливый путь многочисленные народности и племена далеких северных окраин России. Этим народностям и племенам предстояло совершить гигантский исторический прыжок от разлагающегося родового строя непосредственно к эпохе социализма. Как известно, этот гигантский прыжок народы Крайнего Севера совершили благодаря правильному проведению ленинско-сталинской национальной политики, благодаря всесторонней помощи великого русского народа, под руководством партии Ленина — Сталина.

Народы, в прошлом бесправные, с исключительно примитивными формами хозяйственной жизни, обреченные колониальным режимом царизма на вымирание, стали равноправными членами великой многонациональной семьи страны социализма.

За годы советской власти совершенно преобразился Крайний Север. Где стояли стойбища охотников, оленеводов, зверобоев, возникли города — Нарьян-Мар, Игарка, Магадан. Построены культбазы, школы, клубы, санатории, больницы, радиостанции, электростанции, зоотехнические пункты, краеведческие музеи, различные детские учреждения. Неграмотные и не имевшие своей письменности народы Севера получили при советской власти свою письменность. На северных языках издается политическая, художественная, детская и учебная литература. Открыты не только сотни начальных и средних школ для детей народов Севера, но молодые северяне имеют возможность получать высшее образование на полном государственном обеспечении при северных факультетах в Ленинградском университете, Ленинградском и Хабаровском педагогических институтах. За советский период выросла многочисленная армия национальной интеллигенции — учителей, врачей, техников, агрономов, партийных, советских и хозяйственных работников. Интересы трудящихся северян представляют в Верховном Совете СССР депутаты, избранники народа, — чукча Отке, эвенк Койначонок, коряк Обухов и другие.

Большевистская партия вырастила замечательных руководителей районных и окружных партийных организаций. Окончивший два советских вуза и Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) эвенк В. Н. Узачан работает первым секретарем ОК ВКП(б) Эвенкийского национального округа.

Теперь у народов Крайнего Севера имеются свои поэты, писатели, художники, скульпторы, артисты. Созданы все условия для расцвета устного народного творчества¹.

¹ В этой статье я совершенно не касаюсь якутов, так как считаю, что в настоящее время якутская литература и якутский фольклор настолько выросли, кроме того, имеется большое количество публикаций по фольклору и литературе якутов, что было бы неправильным объединять все малые народы Крайнего Севера с якутами в одной статье.

* * *

Одновременно с созданием письменности, с изданием первого букваря появлялись первые поэты и писатели у народов Севера. Они использовали богатейшую сокровищницу разнообразных фольклорных жанров своего народа, отшлифовывали лучшие слова-самоцветы и любовно украшали ими образы самых дорогих и близких для народа людей — образы Ленина и Сталина. Слагают песни, сказки, предания о Ленине и Сталине наиболее крупные народности на Крайнем Севере, как эвенки, эвены, нанайцы, ненцы, саамы, манси, чукчи; слагают их также самые маленькие по численности — эскимосы, юкагиры, негидальцы и др. «Нет такого народа в СССР, у которого не было бы своих даровитых, талантливых рассказчиков, певцов, с большой силой и чувством славящих и воспевающих новую жизнь, радостную и счастливую»².

Еще в первые годы советской власти по тундре и тайге долго ехали люди в собачьих упряжках или шли с большим караваном оленей к Ревкому, чтобы узнать подробно про Ленина, про Сталина. И тогда уже на берегах Тунгуски зарождалась песня о Ленине. Эвенки с радостью, но еще с некоторой недоверчивостью воспринимали все новое, которое приходило вместе с «новым советским законом» в тайгу, на Север. Приводим одну из первых песен о Ленине, бытовавшую в кочевьях эвенков и записанную эвенком А. Салаткиным в Ербогачене.

Вот за горами рассвело,
Ночь убавляется теперь.
Вот подымается эвенк,
Вот рукавицы он надел.
Вот на все стороны глядит,
Вот он на горы поглядел,
Вот свое солнце видит он.
Вот это — Ленина лучи,
Вот это — партия его!³

Во всех народных песнях, сказках, преданиях, в художественных произведениях авторов-северян Сталин неотделим от Ленина. Их называют «двумя соколами», «двумя орлами», «двумя богатырями», «двумя братьями», «двумя солнцами».

Сталин выступает «сыном Ленина».

Вот отрывок из саамской песни:

Спасибо тебе, сын мудрого Ленина — Сталин.
За заботы
О кольских саамах.
Большое спасибо тебе
За школу,
За книги,
Большое спасибо
За красивую жизнь лопарей...⁴

В одной из удэгейских песен народ благодарит вождей за освобождение жителей хорских лесов от японских и китайских купцов-вымогателей

...И радость свободное племя
Гордо носит в своих сердцах.

² Из предисловия к книге «Творчество народов СССР», изд. «Правда», М., 1939.

³ Сб. «О Ленине», т. II, М., 1939, стр. 311.

⁴ Сб. «Ленин — Сталин в поэзии народов СССР», ГИХЛ, М., 1938, стр. 268—269.

Пусть здоровствует мудрый вождь Ленин,
 Пусть здоровствует Сталин в веках!
 Э-э-э-эва! Эва-а!
 Э-э-э-эва! Эва-а! ⁵

Обращаясь к образам Ленина и Сталина, писатели Севера вспоминают свое тяжкое и невозвратимое прошлое, смотрят бодро и уверенно на счастливое и радостное будущее.

Н. С. Вылка вспоминает свое прошлое в холодной тундре в рассказе «Как мы жили при царе». В эпилоге автор пишет:

«Так жил в прошлом мой народ. Не жил, а ползал от нужды и горя.

Но вот пришли к нам новые вести. Говорят, что где-то в России война. Крупные страны напали друг на друга. Но мы ведь не знали, какие страны воюют.

Говорят, русские рабочие захватили в свои руки фабрики, заводы; земли попали в руки крестьян. Это мы поняли быстрее.

Узнали мы и еще новость: рабочие на Большой Земле поют песню «Интернационал». Говорят, Ленин во главе рабочих и руководит ими.

Я посмотрел после журналы, газеты. Верно. В журнале был нарисован портрет Ленина...

На Большой Земле началась новая жизнь.

Мы стали ждать ее прихода к нам на Новую Землю. И она пришла. Ненецкий народ навсегда освободился от векового рабства, от насилия купцов, шаманов и царской волчьей власти. Сейчас советская тундра поет песни про радость жизни, воспеваает в них любимых вождей наших — Ленина и Сталина» ⁶.

Один из эвенкийских поэтов и писателей из Читинской области Н. Сахаров, автор повести «Красный суглан», рассказа «Маленький Никита» и многих стихов, в своих произведениях рассказывает о культурной революции в самых отдаленных уголках, о благодарности народа вождю Сталину.

Пионерский дворец и клуб
 Электрическим светом горят,
 Над культурной советской тайгой
 Новой жизни сияет заря.
 На сосновом шесте без сучков
 Знамя алое вьется ввысь,
 Слово светлое, что всех ближе слов,
 Имя Стали и на нем написано ⁷.

Так же, как на берегах Витима поют эвенки песню Никиты Сахарова, так и на Я-мале, на Новой Земле, на Таймыре поют ненцы слова из песни о великом Сталине:

В тундре прибоем морским гремит,
 Сталин, имя твоё!
 Слышали мы, поняли мы,
 Сталин, слово твоё!
 Стало роднее нам лучших слов,
 Сталин, имя твоё!
 Будет делом всех бедняков,
 Сталин, дело твоё! ⁸

⁵ «На рубеже», кн. 4, Хабаровск, 1936, стр. 17. Песня записана П. Смирновым в колхозе «Красный удэгеец».

⁶ «Советская Арктика», 1937, № 11, стр. 81.

⁷ «Север поет» — стихи поэтов народов Севера, ГИХЛ, Л., 1939, стр. 38.

⁸ «Ненецкая песня о Сталине», «Молодой колхозник», 1937, № 3, стр. 20—21.

* * *

Страшной скорбью в сердцах честных тружеников отозвалась весть о смерти Владимира Ильича Ленина. От юрты к юрте, от яранги к яранге, от стойбища к стойбищу передавали люди скорбное известие о смерти «самого большого большевика».

Оделись в траур тайга и тундра.

Автор повестей «На острове» и «Марья» — ненец Николай Вылка — в своем стихотворении «Солнце Ленина светит в тундре» вспоминает эти тяжелые дни утраты основателя советского государства:

Но вот над тундрой туман повис:
Он умер — самый большой коммунист.
Буря пролетел из конца в конец:
Он умер — Ленин — отец!⁹

Окончившая Ленинградский университет им. А. А. Жданова манси М. Вахрушева, автор ряда песен и стихов на мансийском языке, выражает чувства своих сородичей в дни смерти вождя:

До нашего дальнего края,
К берегам мелководной Юконды
Докатились вести печали —
Дедушка Ленин умер!¹⁰

Хантыйский поэт Григорий Лазарев в стихотворении «О Ленине» передает чувство тревоги своего народа после того, как в низовье Оби пришли «вести печали».

Кто в непогоду и в бурю
Нашей ладьей будет править?
Кто нашим солнцем будет?¹¹

И устами поэта народ отвечает:

Лучший друг Ленина — Сталин!¹²

Коряки сложили легенду «Самый большой Илиич». Здесь очень ярко выражена любовь всего народа к Ленину. Народ видит, слышит и все знает о Ленине. Народ не верит в смерть Ильича («Илиича»). Легенда кончается сценой отправления охотников в большую тундру. Когда коряку-охотнику «пришлось уйти в большую тундру, он радовался и всем говорил о том, что теперь он встретит Илиича и не уйдет от него, а будет его путь освещать кострами и укрывать его мягкими шкурами»¹³.

У эвенков бытует много сказок и легенд о том, что Владимир (Ленин) жив. Это народное поэтическое творчество нашло свое отражение в стихотворении Н. Сахарова «Ленин».

На горах наших Ленин,
По рекам — Ленин,
В наших стойбищах — Ленин,
С эвенками Ленин!¹⁴

Хантыйский поэт Г. Лазарев пишет:

Трудиться он нам помогает,
Он в каждом из нас живет.
И Ленин не умер, я знаю,

⁹ Журн. «На рубеже», Петрозаводск, 1949, № 3, стр. 37.

¹⁰ «Солнце над чумом», Детгиз, Л., 1948, стр. 23.

¹¹ «Хантыйская и мансийская поэзия», Омск, 1940, стр. 11.

¹² Там же.

¹³ «О Ленине», ч. I, М., ГИХЛ, 1939, стр. 559.

¹⁴ «Радость тайги», Сб. стихов эвенкийских поэтов под редакцией М. Воскобойникова, Л., ГИХЛ, 1938, стр. 65.

На промысел нас ведет.
 Как солнце весь мир озаряет,
 Так Ленина мысли сияют
 И их не потушит никто¹⁵.

Широко известно среди нанайцев имя поэта Акима Самара, первого члена Союза советских писателей из северян, героически погибшего под Сталинградом. А. Самар написал и издал две книги стихов и повесть «Сын бедняка». Поэт, воспевавший обновленный дальневосточный край, воспевавший свой «вторично рожденный» нанайский народ, пришел к мавзолею бессмертного Ленина. Работая у себя на родине в школе, Самар рассказывал детям про Ильича, а в день годовщины со дня смерти Ленина школьный хор исполнял в клубе на нанайском языке песню, написанную поэтом-учителем.

Я сердце свое отдал бы,
 И жизнь свою отдал бы,—
 Чтобы ты снова ожил,
 Чтобы из мавзолея вышел.
 Если бы ты жил,
 ты бы узнал,
 Как мы живем по твоим заветам,
 Как мы трудимся по твоим заветам,
 Ты узнал бы, что слово твое не умерло!¹⁶

Автору этих строк приводилось неоднократно слушать песни-импровизации эвенков в глухой тайге. Часто подобные импровизации бывают вариантами стихов и песен, авторами которых являются эвенкийские поэты: А. Салаткин, А. Платонов, Н. Сахаров и др. Зарегистрировано немало импровизаций, где рассказывается о большой дороге эвенков, проложенной для них Лениным — «Вот по этой-то дороге нас ведет великий Сталин».

Приводим вариант одной из импровизированных песен о Ленине эвенка-дальневосточника.

Объединенную жизнь свою
 Строят по-ленински,
 По заветам Ленина,
 По проложенному пути идут.
 По оставленной меже его,
 По оставленным знакам его,
 По засечкам идем,
 По меткам его идем¹⁷.

* * *

Известны фольклорные произведения, где рассказывается о пребывании в ссылке в с. Шушенском В. И. Ленина, о пребывании в ссылке на Крайнем Севере И. В. Сталина.

В 1903 г. товарищ Сталин был выслан на три года в Восточную Сибирь, в Балаганский уезд Иркутской губернии в с. Новая Уда. 5 января 1904 г. И. В. Сталину удалось совершить побег.

Многие местные жители — русские, буряты и эвенки — запомнили живой образ вождя во время нахождения его в с. Новая Уда. Через 30 лет Сталин получил письмо от школьников Новоудинской школы, в котором они писали:

¹⁵ «Хантыйская и мансийская поэзия», Омск, 1940, стр. 11.

¹⁶ А. Самар, Песни нанайца под ред. О. Суник, стих. «Ильич не умер», Учпедгиз, Л., 1946, стр. 23.

¹⁷ Импровизация Н. Н. Трофимова из Аянского района Хабаровского края, «Советский фольклор», 1941, № 7, стр. 74.

«...Бабушка Литвинцева нам рассказывала, как Вы жили здесь у нас, и избушку показывала, только жаль, избушку своротили, когда была у нас война... А с бабушкой было вот так: пришла она к нам в школу, посмотрела на Ваш портрет и говорит: «А я этого мужика знаю,— это она так про Вас сказала, товарищ Сталин.— Еще помню,— говорит,— краюху хлеба дала ему, когда он отсюда ушел». И мы ее, конечно, всем отрядом за эту краюху хлеба очень благодарили»¹⁸. Новоудинские пионеры и школьники в 1933 г. побывали в Москве у товарища Сталина. Они увидели вождя народов, который согревает своей улыбкой суровый северный край. Они привезли трубку, из которой курил товарищ Сталин, находясь в изгнании, и повторяли слова: «Трубку друга курить будешь, друга не забудешь». И вот под этим впечатлением незабываемой встречи ребят со Сталиным, дети сложили песню, обработанную затем поэтом-эвенком Н. Сахаровым, про мальчика Кену, побывавшего в Москве.

К мавзолею Ленина
Кена подошел.
В светлом доме пионеров
Очень хорошо.
И встречали пионеры
Под огнями яркими
Нового товарища
С разными подарками.
А потом сел в поезд
Кена на вокзале.
И московские ребята
Кену провожали,
Вновь по рельсам застучали
Бойкие колеса.
Вот домой приехал Кена,
Собрались ребята в школе,
Задают про Сталина вопросы¹⁹.

Живут еще седовласые старцы в далеком Туруханском крае, которые запомнили на всю свою жизнь «царского изгнанника» в холодную тундру Иосифа Виссарионовича Сталина. И теперь пионеры — эвенки и кеты, дети советских полярников, приходят к домику-музею И. В. Сталина на Курейке, чтобы посмотреть на койку в углу, небольшую керосиновую лампу, на рыболовные снасти, которыми так умело пользовался друг охотников эвенков и кетов (остяков). Сохранившиеся старожилы с берегов Курейки приходят к детям на пионерские сборы и с увлечением вспоминают отдельные эпизоды жизни товарища Сталина на Курейке в маленьком домике. И во многих преданиях мы можем услышать о замечательном следопыте-охотнике и рыболове, подружившемся с местными жителями.

Под руководством Ленина — Сталина партия большевиков раскрепостила и освободила народы Крайнего Севера, закрепив эту свободу в великой хартии народов — Сталинской Конституции. Теперь чукчи на далекой Чукотке, коряки на Камчатке, нанайцы на берегах Амура, эвенки в бассейнах Енисея, Лены и Витима, ханты и манси в низовьях Оби и ненцы на широких просторах тундры приходят в библиотеки, красные чумы и красные юрты, садятся за стол и читают на своих родных языках текст Сталинской Конституции. Далеко на Север, за пределы нанайских колхозов, ушла песня «о золотой грамоте — мудром Сталинском законе», написанная Акимом Самаром:

¹⁸ «Ленин и Сталин о молодежи», 1938, стр. 352.

¹⁹ На русском языке это стихотворение публикуется в книге «Мы — люди Севера», изд. «Молодая Гвардия», Л.

Мы золотую грамоту свою
Как самый светлый ценим дар,
Народы Севера теперь
Счастливую узнали жизнь²⁰⁻²².

Ханты сложили сказку «Сталин смотрит на Север». В яркой и художественной форме повествуется о том, как Сталин, находясь в Москве, всегда видит хантов и следит за их славными делами²³. В одной из эвенкийских сказок рассказывается о том, как старого охотника Баркауля везут на огненной птице-самолете в Москву к Сталину. Баркауль побывал в столице нашей Родины и затем летит обратно в тайгу. Приводим одно из мест сказки.

«Долго смотрел Баркауль на Кремль, не дрогнул ни глазом, ни телом, смотрел на звезды, смотрел на самую большую звезду, радовался и плакал от радости. Смотрел и думал: «Велики и ярки звезды. На всю землю светят звезды. Каждое сердце согревают звезды. Далеко в тайгу к эвенкам несут счастье звезды. Тут жил Ленин. Он указал нам дорогу к счастью. Тут живет великий Сталин, он указал нам звезду счастья. Он создал великий закон для счастья всех людей. Слава великому другу!»

Баркауль летел на огненной птице домой в тайгу и пел песню:

Много на небе звезд,
Ярко горят звезды,
Ярче всех горят звезды
На башне Кремля.
Счастье несут звезды народу.
Слава великому другу — Сталину!²⁴

* * *

Народы Крайнего Севера оглядываются вокруг и всюду замечают новое: строится школа, созревают богатые урожаи картофеля в Заполярье, построен зверосовхоз, где выращивают тысячи чернобурых лисиц, летят над тайгой пассажирские и почтовые самолеты, пришвартовываются к берегам суровых морей пароходы, привозящие стандартные домики для чукоч. Во всем этом люди Севера видят заботу вождя. О заботе товарища Сталина говорила на выпускных экзаменах студентка-эскимоска Вера. Автору этих строк навсегда запомнятся ее замечательные ответы экзаминаторам, которые сидели за столом в одной из аудиторий Ленинградского университета имени А. А. Жданова. О заботе товарища Сталина говорит «первый из удэге», член Союза советских писателей Джанси Кимонко, автор повести «Зарево над лесами»²⁵. Об этой сталинской заботе поется в песнях хантэ:

Я учиться иду,
Чтоб родной уголок
Этой юрты моей
Новой жизнью зацвел,
Стал он частью счастливой
Советской земли,
Обновленной вождем —
Великаном страны²⁶.

²⁰⁻²² «Север поет» — стихи поэтов народов Севера, стр. 48.

²³ Газ. «Сталинская трибуна», от 11 января 1941 г., Ханты-Мансийск.

²⁴ Альманах «Новая Сибирь», Иркутск, 1940, № 6, стр. 27.

²⁵ Когда статья была уже написана, телеграф принес печальную весть о безвременной смерти Джанси Кимонко. См. «Литературную газету» № 45 за 1949 г.

²⁶ «Хантыйская песня о Сталине», «Молодой колхозник», 1937, № 3, стр. 21.

Далеко на Витиме по Усть-Тананде ходили по тайге девушки-охотники из охотничьей бригады колхоза им. Калинина. После богатого промысла охотники сдавали пушнину на фактории. А потом состоялся вечер самодеятельности, и в глухой тайге, в маленькой охотничьей избушке, зимой 1947 г. пелась песня поэта А. Платонова на языке эвенков:

В дальней тундре и чаще сосновой
Светлой жизнью колхозы живут,
Всюду слышится Сталина слово,
Вдохновляя на песню я труд²⁷.

Люди Севера воспевают Сталинскую Конституцию и ее творца. Хант Кирилл Посохов выражает благодарность творцу «счастья миллионов людей» в своем стихотворении:

В самом мудром законе,
Что крепче стали и скал,
Счастье людей миллионов
Сталин наш записал²⁸.

У ненцев, у которых бытует так много чудесных и увлекательных сказок, записана песня «О Сталинской Конституции».

Земля!
Конституции песню пой,
Власть Советов, и Сталина пой —
Отважнейшего из героев
Слушай, Сталин,
Тебя мы любим.
Слово Сталина —
Наш закон.
Сталин вывел
Туземцев в люди,
Тундры этого не забудут.
Мы за Сталина —
Хоть в огонь!...²⁹

Одной из особенностей всего нового, что пришло с Советами на Север, является неподкупная, искренняя дружба русского народа с народами Севера и дружественные связи между народностями в тайге и тундре. «Родина-мать» — это стало девизом для каждого гражданина Советского Севера. Любовь к Родине, сознание народов, что у него есть свое отечество — Советское государство — это одно из величайших завоеваний Октября.

Русский, хантэ, ненец — братья,
Мы в правах своих равны.
Все мы счастливы в объятьях
Нашей матери-страны³⁰.

Еще задолго до Великой отечественной войны в Ленинграде был организован «чудесный чум» — Институт народов Севера. Здесь обучались представители свыше двадцати народностей Крайнего Севера³¹. Это была исключительно спаянная, единая, дружная семья лучших

²⁷ «Север поет», стр. 28.

²⁸ «Хантыйская и мансийская поэзия», стр. 18.

²⁹ Юракская песня о Сталине, «Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии», Госвоениздат НКО СССР, М., 1939, стр. 60.

³⁰ «Хантыйская и мансийская поэзия», стр. 13.

³¹ Подробно о расселении народов Крайнего Севера и их истории за советский период см. в статье М. А. Сергеева «Народы Севера в эпоху социализма», «Советская этнография», 1947, № 4.

посланцев с далекого Севера. Ленинград сыграл большую роль в подготовке кадров северной интеллигенции. Ленинград — центр научно-исследовательской, учебно-педагогической и издательской работы для народов Севера. Здесь молодежь Севера приобретает и приобретает знания из величайшей сокровищницы русской и советской науки, а затем передает их своим «сородичам» на далеких окраинах нашей страны.

В этом году страна отмечала славный 150-летний юбилей «солнца русской поэзии» — А. С. Пушкина. Произведения Пушкина переведены на языки народов Севера. Сбылась мечта поэта. Его голос слушал «тунгус» когда-то «дикий». Приводим отрывок из произведения манси М. Казанцева, из его повести «Рассказ о себе».

«Я готовился в Институт народов Севера и жил под Ленинградом, в Пушкине. Помню, когда я в четвертом классе учил говорить наизусть «Памятник», я все старался себе представить, какой он был великий Пушкин. А теперь я его вижу: вот он сидит бронзовый на скамейке, подперев кулаком щеку, и около памятника не зарастает тропинка. Сюда приходят все народы, как сам Пушкин предсказывал, и я, манси, пришел к нему, по этой народной тропинке, и мой друг эвенк Сумрин пришел, и ульчи Ван пришел. Мы садимся около памятника и готовимся к экзамену по Конституции народов СССР. Я поднимаю голову и мне кажется, что бронзовый Пушкин слушает, как мы разговариваем»³².

Над голосами многих поэтов из народов Севера возвышается звучный голос Акима Самара. Его слышат не только нанайцы, его слышат и любят все трудящиеся Севера, озаренные солнцем Сталинской Конституции. Приводим строфы из послания Акима Самара своим землякам из Ленинграда в день выборов в Верховный Совет СССР в 1938 г.:

Я пишу, товарищи, вам
На нанайском родном языке
Светлой грамотой золотой,
Что доступна нам всем теперь.
Ты расцвел, молодой мой народ.
Ты идешь дорогой прямой.
Путь указывает вперед
Солнце Сталина над тобой³³.

* * *

В молодой поэзии северян и особенно в их фольклоре образ Сталина украшается самыми яркими и красочными изобразительными средствами родного языка. Народ старается найти сравнения с образом вождя, но нет таких слов, которые могли бы отыскать поэты, певцы и сказители для сравнения с гением Сталина.

Вот отрывок из стихотворения «Сталин» Акима Самара:

Ум его широк,
Как поля-луга широки.
Ум его глубок,
Как синее море глубоко.
Сердце его так крепко,
С чем сравнить его — не найти.
Голова его так велика,
С чем сравнить ее — не найти³⁴.

Такие же сравнения мы встречаем в стихотворениях, посвященных Сталину у А. Платонова, Г. Лазарева, Н. Вылка и Д. Кимонко. В на-

³² «Звезда», Л., 1949, № 6, стр. 168.

³³ «Север поет», стр. 44.

³⁴ А к и м С а м а р, Песни нанайца, стр. 43.

родных песнях воспеваются величие, мудрость, твердость, честность и доброта Сталина.

Он велик и мудр, как Ленин,
Он велик — утес гранитный,
Он такой же, как и Ленин,
И приветливый и добрый.
Он саамов, он и ненцев —
Всех, кто чист душой и телом,
Кто работать честно любит,
Называет первым другом,
Он и прост и мудр, как Ленин ³⁵.

В Баунтовском районе Бурят-Монгольской АССР пользуется широкой популярностью имя сказителя эвенка Найканчина (Малунчи). Когда собираются к нему гости, они просят сказителя спеть или рассказать сказку. Малунча знает много былин о древних богатырях, сказания о межродовых и племенных столкновениях. Он сложил былинку о новой жизни своего колхоза. Весной 1947 г. во время колхозной самодеятельности была записана от Малунчи песня-импровизация «Приезжай, родной Сталин».

Приводим полностью записанный текст:

Мы за нашим вождем
К светлой жизни идем.
Ого-го-ло-ой!
Богатырь исполни
Выше горных вершин,
Ого-го-ло-ой!
Смотрит он из Кремля,
Перед ним вся земля.
Ого-го-ло-ой!
Эвенкийский Хойгот ³⁶.
Тебя в гости зовет,
Ого-го-ло-ой!
Приезжай к нам, мы ждем,
Посмотри, как живем.
Ого-го-ло-ой!
Твой закон золотой
Управляет тайгой,
Ого-го-ло-ой!
Ого-го-ло-ой ³⁷!

В день двадцатипятилетия Бурят-Монгольской республики эвенки Баунта выделили лучших ковровщиц, которые расшили бисером в подарок товарищу Сталину ковер из кабарожьих лапок. В Москве, в Музее революции, хранится ковер с расшитой национальной орнаментикой с надписью: «Сталину! Нашему любимому учителю от учеников Нижнехалбинской нанайской Н. С. Ш. Комсомольского района». Чукотские косторезы на моржовом клыке изобразили «Чукотскую легенду о Ленине» и «Песню о Сталине». Эти исключительно тонкой работы изделия чукчи прислали в подарок товарищу Сталину.

* * *

Любовь народов Крайнего Севера к своей могучей советской Родине, к товарищу Сталину была особенно ярко выражена в дни Великой Отечественной войны советского народа против немецких захватчиков.

³⁵ Из саамской «Песни о Сталине», «Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии», Госвоениздат НКО СССР, М., 1939, стр. 63.

³⁶ Хойгот — селение.

³⁷ «Великие баторы», Бурмонгиз, Улан-Удэ, 1948 г., стр. 30.

В эту священную войну впервые в своей истории народы Крайнего Севера с оружием в руках сражались в подразделениях и частях Советской Армии. Автоматчики и танкисты, связисты и следопыты-разведчики из тайги и тундры стояли «на-смерть» вместе с русскими братьями у стен Ленинграда, под Москвой, Сталинградом, форсировали Днепр и брали штурмом Берлин.

Еще не написано ни одной повести о бесстрашных делах воинов ненцев и манси, участвовавших в оленных отрядах на Северном фронте. Еще не воспеты героические подвиги народных богатырей нанайца Максима Пассара и эвенка Иннокентия Увачана. Но народ на берегах Амура и на Таймыре, на Колыме и в Олекме, в Сале-Харде и Нарьян-Маре слагает песни и сказы о тех, кто прославил своими подвигами Крайний Север, кто отдал свою жизнь за прекрасное будущее всего человечества.

Нанайский народ послал на фронт Максима Пассара, который пал смертью героя в боях за Родину. Правительство присвоило Максиму Пассару посмертно звание героя Советского Союза. В ответ на это нанайские колхозники провожают на фронт младшего брата Максима — Александра Пассара. Автору довелось встречаться в 1944 г. со старшим сержантом в одной из частей нашей армии. Это был поистине чудобогатырь, грудь которого украшали многие ордена и медали и ярко горела золотая звезда — знак Героя Советского Союза. От батальона к батальону, от полка к полку, от дивизии к дивизии воины разносили славу о бесстрашных подвигах разведчика Александра Пассара.

Бывший учитель эвенк Михаил Савин, приобретший хорошую офицерскую выправку, вдохновлял советских воинов на героические подвиги. Майор Савин, находясь на ответственной политической работе, личным примером храбрости и героизма увлекал подразделения на штурм вражеских группировок. Два брата — эвенки Савины Михаил и Петр — удостоены правительством многими боевыми наградами и теперь работают по своей специальности. С именем Сталина на устах защищали город Ленина подразделения майора эвенка Комбагира. С громовым «ура!», с возгласами: «за Родину, за Сталина!» бросился в атаку у деревни Кряково Волосовского района Ленинградской области бывший студент Института народов Севера парторг пехотного подразделения эвенк Паша Алексеев. Неувядаемой славой покрыл себя эвенк-комсомолец Иннокентий Увачан, погибший смертью героя при форсировании Днепра. Школа, где учился мальчик Кена, названа именем Героя Советского Союза Иннокентия Увачана. Лучшему ученику предоставляется теперь право сидеть на окаямленной кумачом парте, где когда-то сидел Кена Увачан. От рядового солдата до капитана Советской Армии дошел манси Михаил Казанцев, воевавший против немецких фашистов и японских империалистов. Да можно ли всех этих героев будней войны, отдававших все свои силы горячо любимой Родине, перечислить! На мемориальной доске в Ленинградском Доме писателей «Памяти погибших писателей Ленинграда на фронтах в дни Великой Отечественной войны» рядом с другими именами высечено золотыми буквами имя нанайца Акима Самара. Нам приходилось неоднократно встречаться на фронте с рядовыми, сержантами, офицерами — представителями многих народностей Севера. Демобилизованные офицеры — нанайец Оненко, долган Попов, ульчи Ван, манси Казанцев скоро закончат различные факультеты Ленинградского университета.

Весьма трогательные встречи устраивали колхозники тайги и тундры при возвращении земляков-победителей из Советской Армии.

Где бы ни находился советский человек, он всегда думает о своей Родине. Еще до Великой отечественной войны японские самураи и немецкие фашисты совершали провокационные вылазки и диверсии в отношении СССР.

В ответ на потопление фашистами советских пароходов один из алеутов на дальних Командорских островах заявил: «Если будет нужно, мы по первому сигналу партии и правительства дадим наших сынов на защиту Родины. Мы сами пойдем защищать свою родную страну!»³⁸

В трудные дни для нашего народа люди Севера, по примеру русского колхозника Ферапонта Головатого, отдавали свои сбережения, часть своего промысла в фонд победы Советской Армии. Матери и жены, сестры и невесты провожали мужское население на фронт, сами брали берданки, «тозовки» и уходили на промысел «мягкого золота», а оставшиеся дома шили парки, дошки, унты, шапки и рукавицы для раненых воинов-фронтовиков. В районных и окружных газетах написано много интересного о фактах гражданских подвигов советских патриотов в суровые времена войны. Для сбора средств на постройку самолетов, танков все шире разрасталось патриотическое движение среди охотников и оленеводов. Люди, сидя у костра в глухомани, пробираясь по забуренной тундре, отсчитывали шкурки песцов в фонд победы. По вечерам собирались все семьи в школы или клубы, чтобы приложить свою руку, подписать письмо великому полководцу Сталину. Товарищ Сталин получал эти письма и в Заполярье приходили радиogramмы с ответом вожда.

Приводим здесь одно из многих писем товарищу Сталину от трудящихся Крайнего Севера, письмо чукотского народа.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Трудящиеся Чукотки, воодушевленные патриотическим подъемом колхозного крестьянства, героическим наступлением Красной Армии на решающих фронтах Отечественной войны и успешным разгромом многих вражеских дивизий, горя желанием быстрее очистить советскую землю от фашистской нечисти, внесли на текущий счет Госбанка из личных сбережений на строительство вооружения Красной Армии 2.261.719 рублей.

Трудящиеся Чукотки в далеком тылу самоотверженным трудом помогают Красной Армии. Государственный план пушнины в четвертом квартале по округу выполнен на 128 процентов. Идеи защиты нашей социалистической Родины проникли в сердца оленеводов, охотников самых отдаленных кочевых стойбищ. Только при Советской власти суровый Чукотский край стал родным и счастливым уголком нашей Родины для каждого чукчи, эскимоса, он согрет яркими и теплыми лучами Сталинской Конституции, повседневной заботой партии большевиков и советского правительства.

Трудящиеся Чукотки передают Вам, товарищ Сталин, пламенный привет и желают доброго здоровья. Живите многие годы на радость советского народа, на страх ненавистным врагам человечества»³⁹.

Нам посчастливилось услышать исполнение патриотических песен, сочиненных в дни войны народными певцами. Эти песни исполняли учащиеся эвенкийской семилетней школы в г. Улан-Удэ, их исполняли в эвенкийских колхозах на Витиме в 1946—1947 гг.

Студенты-ненцы читают песню сказителя и художника Тыко-Вылка о товарище Сталине, написанную Вылка в дни борьбы трудящихся ненцев с немецко-фашистскими армиями.

³⁸ «Советская Арктика», 1937, № 11, стр. 83.

³⁹ Николай Шундик, На далекой Чукотке, «Звезда», 1949, № 3, стр. 117.

Песни, сложенные в дни войны о Сталине и Советской Армии, передаются из уст в уста и до сих пор. На эти мотивы слагаются новые варианты ⁴⁰⁻⁴¹.

Пусть по тундре сегодня мой голос плывет;
 Будьте зорче людского добра сторожа!
 Чтоб к любимым стадам в этот тягостный год
 Не подкрались голодные звери, дрожа;
 И чтоб было в моей полнокровной стране
 Много вкусного мяса и теплых мехов,
 Чтобы братья-бойцы отвечали втройне
 Смертоносным огнем на удары врагов.
 ...Я оленей от волчьих клыков стерегу.
 Крепко тундру обняв напряжением глаз.
 Ни за что, ни за что не удастся врагу
 Победить в этом грозном сражении нас! ⁴²

В Восточной Сибири широко распространена песня, сложенная во время войны на Ленинградском фронте бойцом Моноконовым и переведенная с эвенкийского сибирским поэтом Анатолием Ольхоном:

В семье народов
 Земли советской
 Святое право — солдатский долг.
 Якут, эвенк, бурят и русский
 Соединились в сибирский полк.
 Мы — уроженцы
 Тайги и тундры
 Давно сроднились в краю отцов.
 И здесь на фронте, в бою как братья,
 Идут на подвиг сердца бойцов... ⁴³

* * *

Великий Советский Союз является светочем для угнетенных трудящихся всего мира. На примере малых народов советского Крайнего Севера ярко и убедительно видна единственно правильная ленинско-сталинская политика в разрешении национального вопроса. В противоположность империалистам из англо-саксонского лагеря, проводящим политику агрессии и дискриминации малых и «цветных» народов, все народы страны социализма в нерушимой дружбе идут по пути мира, прогресса и цивилизации. При повседневной поддержке и помощи великого русского народа, под руководством партии большевиков, сплоченные вокруг друга, вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, народы Крайнего Севера идут уверенно вперед к сияющим вершинам коммунизма.

⁴⁰⁻⁴¹ См. статью М. Воскобойникова «Эвенкийская народная песня», «Сибирские огни», Новосибирск, 1948, № 4.

⁴² «Из ненецкой папстужеской песни», «Омский альманах», кн. четвертая, Омск, 1944, стр. 97—98.

⁴³ «Солнце над чумом». Л. Детгиз, 1948, стр. 92.

С. В. ИВАНОВ

ЧУКОТСКО-ЭСКИМОССКАЯ ГРАВЮРА НА КОСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, предоставила народам Советского Союза неограниченные возможности для их творческого роста во всех областях культуры и искусства.

За последние 30 с лишним лет народы Советского Союза прошли огромный путь исторического развития и коренным образом изменили основы своей экономики, общественных отношений и мировоззрения.

Глубокие сдвиги произошли в художественном творчестве этих народов, как в крупных республиках, так и на далеких окраинах Советского Союза.

Не осталось в стороне от этих сдвигов и изобразительное искусство чукчей и эскимосов, шагнувшее за годы Советской власти далеко вперед по сравнению с дореволюционным прошлым. Если прежде об этом искусстве знали немногие, главным образом этнографы и лица, побывавшие на Севере, то теперь оно стало широко известно не только в Советском Союзе, но и за его пределами. И это не случайно, так как чукотско-эскимосское искусство отличается ярко выраженным стремлением к реалистической трактовке явлений окружающей действительности, понятно каждому и, подкупая своей искренностью, вызывает чувство симпатии к скромным охотникам далекой Чукотки.

В настоящей статье речь идет только об одном виде изобразительного искусства чукчей и эскимосов — об их гравюре на кости.

Гравюра на кости известна оседлым чукчам, азиатским и американским эскимосам. Но только на азиатском берегу и притом в советское время, благодаря вниманию и поддержке ряда центральных и местных учреждений, осуществляющих политику партии в области национальной культуры, творческая деятельность чукотских и эскимосских мастеров приобрела широкий размах и получила все возможности для своего дальнейшего развития.

С установлением Советской власти на Чукотском полуострове резчики по кости, работавшие прежде в одиночку и сбывавшие свои изделия случайным покупателям, были объединены в производственные артели и обеспечены необходимым сырьем и инструментами. Сбыт их продукции приобрел организованный характер, мастерские стали получать заказы не только от местных, но и от центральных организаций. Неоднократно резные изделия чукчей и эскимосов экспонировались на выставках как в Советском Союзе, так и за границей, неизменно получая высокую оценку. В советское время создано очень много разнообразных гравюр на кости, значительная часть которых поступила в музеи¹. Но дело, разумеется, не только в количестве работ. В гравюрах советского времени отражены глубокие качественные изменения, свидетельствующие о новых формах отражения действительности, о рас-

¹ Музей народов СССР, Всесоюзная торговая палата (Москва), Музей при Институте художественной промышленности (Москва), Музей Арктики (Ленинград), Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), Владивостокский музей и др.

ширении художественного кругозора мастеров, о поисках новых средств изобразительности. Для понимания всех этих процессов и выяснения того, что сохранилось от старого художественного наследия, что и в каком направлении изменилось и что создано заново, необходимо хотя бы кратко рассмотреть историю развития эскимосской гравюры. Только сопоставляя старое с новым, мы увидим, как далеко ушло это искусство вперед, каковы его тенденции и дальнейшие перспективы.

Вопрос о том, когда и где на эскимосской почве впервые появились изображения животных и человека, гравированные на кости, остается пока открытым. Известно, что кость и клык моржа с давних времен употреблялись для изготовления различного рода орудий и утвари, однако ни для древнеберингоморской, ни для предшествовавших ей стадий развития эскимосской культуры тематические рисунки, гравированные на кости, не характерны. Находки, относящиеся к пунукскому времени, также не дают пока достаточных оснований говорить о развитии этого искусства². Искусство Пунука представлено скульптурой и орнаментом. Но можно все же предполагать, что в это время гравированные изображения уже были известны на азиатском берегу³.

Наиболее ранние из известных нам гравированных изображений американских эскимосов относятся ко времени культуры туле, широко распространенной по всему арктическому берегу Америки, до Гренландии включительно. Они обнаружены в следующих пунктах: на Аляске — на побережье Берингова пролива, на мысе Хоп, на мысе Барроу; в Канаде — на о. Саутхемптон, на п/о Мелвилл; в Гренландии — в северо-западной ее части, в районе Туле. Период времени, в течение которого развивалась культура туле, заканчивается XVII ст., когда культура эскимосов начинает приобретать современный характер, хорошо известный по этнографическим материалам. Предметы из кости, покрытые гравированными рисунками, относятся, повидимому, к последним столетиям существования культуры туле, т. е. к XV—XVI ст. Надо, впрочем, заметить, что гравированные изображения найдены пока в крайне ограниченном количестве. Они имеются на костяных гребнях, на палочках для лучковых сверл, на отдельных кусочках оленьего рога и моржовой кости, на костяных ножах и иглообразных инструментах, т. е. на предметах бытового назначения. Единичные экземпляры гравированных изделий, несмотря на значительное количество других археологических находок, относящихся к культуре туле, говорят о том, что этот вид искусства не получил еще в указанный период широкого распространения.

Сюжеты рисунков на предметах, относящихся к культуре туле, характеризуют некоторые моменты хозяйственной деятельности эскимосов, их средства передвижения, жилище, а также местную фауну. Изредка встречаются фигурки человека, иногда стилизованные хвосты китов (рис. 1). Старинные гравюры исполнялись с помощью осколков кремня или других твердых камней (рис. 2-а). В резные линии втиралась черная краска. В этих пока еще очень скромных рисунках намечаются уже характерные черты эскимосского искусства, известного по более поздним этнографическим источникам. Человеческие фигурки трактованы линейно, в виде обобщенного контура или силуэта. Они представляют собою не индивидуальный, а типовой образ человека. Такой же характер имеют и другие изображения.

² Древнеберингоморский этап развития эскимосской культуры начинается за несколько столетий до н. э. и заканчивается в конце первого тысячелетия нашей эры. Пунукский этап охватывает период между X и XVII ст. н. э.

³ Проф. А. Л. Портанко принадлежит первая находка этого рода. Работая на Чукотском полуострове в составе зоологической экспедиции, он нашел потемневший от времени кусок кости, на котором оказалось несколько гравированных изображений оленя, носивших примитивно-реалистический характер.

Особенности рисунка времени туле сводятся к следующему: установка фигур на линию (землю), друг за другом; покрытие некоторых изображений штриховкой, создающей впечатление силуэта; мелкие размеры фигур; свободные позы; подчеркнутое движение; соединение фигур в простейшие группы; примитивно-реалистическая трактовка изображений.

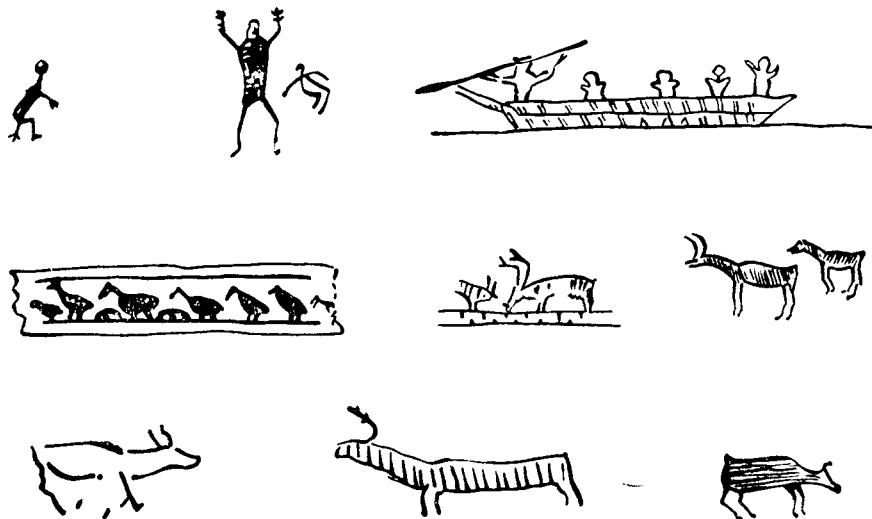

Рис. 1. Изображения человека и животных на костяных предметах, относящихся ко времени культуры туле. Американские эскимосы (По Т. Матиассену и Е. Хольтведу)

По содержанию рисунки, по всей вероятности, относятся к области бытового иллюстративного искусства. Не исключена, впрочем, возможность, что некоторые изображения преследовали магические цели.

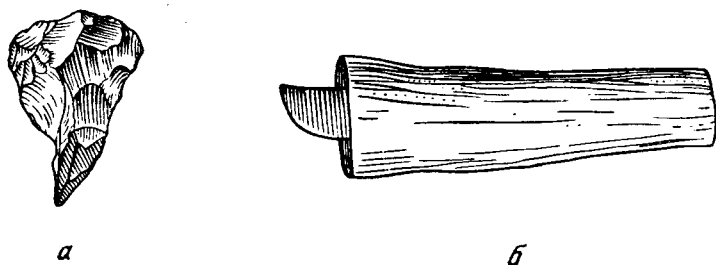

Рис. 2. Каменный (а) и железный (б) резцы для нанесения гравировки (по С. И. Руденко и Э. Нельсону)

Находки гравированных изображений, датируемых временем туле, заставляют признать несостоятельной гипотезу Гофмана о том, что искусство гравюры обязано своим возникновением контакту эскимосов с европейцами⁴. Следуя Гофману, эту мысль высказывали позже и другие авторы, опиравшиеся в своих исследованиях только на этнографический материал.

⁴ W. I. Hoffman. The graphic art of the Eskimos. Report of the U. S. Nat. Mus. for 1895. Washington, 1897, стр. 765.

Рис. 3. Образцы гравировки по кости на эскимосских изделиях XIX ст. (МАЭ, №№ 2938—17 и 633—25)

Следующий этап развития эскимосской гравюры представлен коллекциями, собранными в XIX ст.⁵

Имеющиеся в распоряжении науки материалы первой половины XIX ст., свидетельствуют о том, что к этому времени гравюра на кости получила среди американских эскимосов широкое распространение. Крупным центром гравюры на кости была в это время Аляска, в особенности районы, ближайшие к азиатскому материку: к северу от залива Кукоквим и далее по побережью Берингова моря и по Арктическому побережью до мыса Барроу или несколько восточнее его.

В это время для нанесения резьбы применялись железные резцы (рис. 2-6). Рисунок обнаруживает везде одни и те же черты; его техника и стиль примыкают к гравюрам туле, но круг сюжетов значительно шире и разнообразнее. Композиции отличаются сложностью и включают большое количество фигур. Сценки повествовательного характера раскрывают перед нами хозяйственную деятельность эскимосов (охоту на кита, моржа, тюленя, дикого оленя), домашние занятия, обществен-

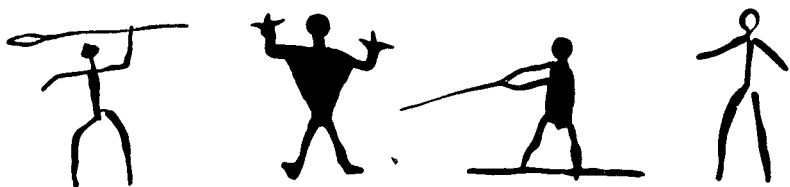

Рис. 4. Изображения человека на эскимосских гравюрах XIX ст.

ные праздники и развлечения (рис. 3). Образ человека попрежнему обобщен; встречаются примитивные линейные и силуэтные изображения, в линии которых втерта черная краска (рис. 4). Насколько позволяют судить об этом имеющиеся материалы, эскимосская гравюра на кости сохраняет указанные выше черты до середины XIX столетия. О каком-либо влиянии европейского искусства на гравюру эскимосов в этот период говорить не приходится. Она носит вполне самобытный характер и попрежнему тесно связана с различными предметами бытового назначения — утварью, посудой и т. д. В этот период гравюра создавалась эскимосами для удовлетворения собственных потребностей. В то же время эскимосы иногда продавали или выменивали европейцам отдельные предметы, покрытые резьбой, если это представляло для них выгоду.

На Чукотском полуострове в XIX в. рисунки, гравированные на кости, исполнялись сравнительно редко, но область рисунка была весьма развита. Как приморские (оседлые) чукчи, так и азиатские эскимосы рисовали красками на деревянных дощечках, веслах и скамейках для байдары те же охотничьи сценки, морских животных, яранги, стоящие вдоль берега, и тому подобные сюжеты. Эти рисунки исполнялись во время сезонных праздников, а предметы, на которые они наносились, по окончании праздников уничтожались. Для всех этих рисунков характерно четкое деление их на две группы. Одни относились к морю и помещались на одной стороне предмета, другие изображали сушу и располагались на другой его стороне (рис. 5). Рисунки на дереве носили примитивно-реалистический характер и имели много общего с гравированными на кости рисунками аляскинских эскимосов, относящимися к XIX столетию.

С середины XIX ст. в водах северной части Берингова моря стали хозяйничать американские торговые и китобойные суда, команды кото-

⁵ Экспедиции Коцебу, Бичи, Вознесенского, Долла, Нельсона, Якобсена, Норденшельда, Гондатти, Иохельсона и др.

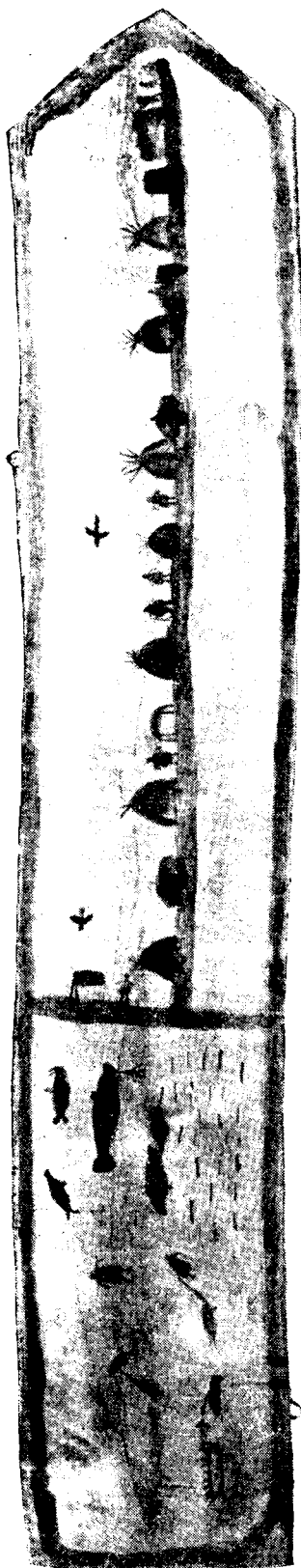

Рис. 5. Деревянная досочка, покрытая рисунками, нанесенными краской. Чукчи (МАЭ, № 422—42)

рых завязывали регулярные торговые отношения как с эскимосами Аляски, так и с оседлыми чукчами и эскимосами Чукотского полуострова⁶. Китобои и торговцы не только приобретали местные изделия из кости, но и заказывали их мастерам. Последние, учитывая вкусы потребителей, стали изготавливать много вещей, рассчитанных на сбыт. Среди них были такие предметы, как, например, цепочки для часов, вилки, ножи, ложки и тому подобная мелочь, в большинстве случаев лишенная каких-либо художественных достоинств. Картальяк и Брейль в своей работе «Альтамирская пещера», вышедшей в 1906 г., отмечают, что эскимосы копируют рисунки из европейских журналов и применяются к графическим приемам европейцев, что отражается и на композиции рисунков. В то время, по словам указанных авторов, искусство эскимосов находилось на пути к вырождению⁷. Некоторая часть изделий эскимосов, рассчитанная на рынок, действительно отличалась небрежностью исполнения и носила стандартный характер. Но из этого еще не следовало делать вывод, что эскимосское искусство в целом клонилось к упадку. В этом отношении проникнутое пессимизмом заключение Картальяка и Брейля оказалось поспешным. Во всяком случае, на азиатском берегу, где также изготавливались вещи для продажи, отмеченные печатью безвкусицы, народное искусство сохраняло тем не менее свои лучшие традиции и вновь расцвело, как только были созданы для этого необходимые условия. Это произошло в советское время, после того как войска белых и интервентов были разбиты и окончательно вытеснены с Чукотского полуострова, а на побережье ликвидировано было влияние американских торговцев.

⁶ К. К. Нейман пишет по этому поводу следующее: «По словам чукчей, в наши бухты заходят ежегодно не более 10 судов, из которых большинство приходит налиться водой и запастись олениной. За то торгующие суда обирают чукчей самым наглым образом. Дорогую пушнину и моржевые клыки они выменивают на разные безделушки, но преимущественно на водку...» («Несколько данных о современном положении наших северо-восточных побережий». Из отчетов К. К. Неймана, Сб. историко-стат. сведений о Сибири, т. II, вып. 1, СПб., 1875 г.).

⁷ E. Cartailhac et H. Breuil, *La caverne d'Altamira...*, 1906 г., стр. 155.

Среди новейших чукотских и эскимосских изделий из кости, покрытых гравировкой, особый интерес представляют целые (не распиленные) клыки моржа. Для XIX ст. такие клыки не характерны. Не встречаются они и среди археологических находок. Повидимому, появление гравировки на целых клыках следует относить к концу XIX или к началу XX столетий⁸. Самый ранний из известных нам датированных гравированных клыков относится к 1904—1907 гг. Он доставлен был в Гос. музей этнографии (Ленинград) Н. П. Сокольниковым. Далее следует упомянуть клыки с о. Лаврентия, снимки с которых хранятся в Музее антропологии и этнографии (поступили в 1909 г.), и клык Гос. музея этнографии (№ 1805—1), приобретенный в 1909 г. у чукчей. К 1910—1912 гг. относятся клык и отрез клыка, приобретенные доктором Кирилловым у чукчей (хранятся в Музее антропологии и этнографии и в Гос. музее этнографии). Известно также несколько образцов изделий этого рода, изготовленных в период между 1912 и 1928 гг. Они приобретены у чукчей и аляскинских эскимосов. В течение первой четверти XX ст. гравированные клыки как на азиатском, так и на американском побережьях Берингова моря изготовлялись все же в ограниченном количестве, и производство их носило случайный характер.

В начале XX ст. чукотские и эскимосские резчики начинают придавать изображениям человека индивидуальные черты. Последние интересовали мастеров и прежде, но дело сводилось при этом или к наделению фигур теми или иными атрибутами, или к приданию им какой-либо характерной позы. Традиционные мелкие размеры фигур, при сохранении старой техники исполнения, препятствовали дальнейшей индивидуализации образа человека. Примитивные «человечки», похожие на детские рисунки, не давали представления ни об одежде, ни о поле, ни о чертах лица человека. Нужно было увеличить масштабы изображений. Прежде это было невозможно, так как клыки распиливались на небольшие кусочки или узкие пластинки кости. Теперь в распоряжении резчика находился целый клык, который позволял увеличить площадь для рисунка в несколько раз. Вначале по старой привычке клык расчерчивали по длине несколькими параллельными линиями, и в узких промежутках между ними гравировали те же мелкие фигурки людей, животных, лодок и жилищ.

Но рядом с такими клыками стали появляться и другие, с более крупными рисунками, представлявшими собою не механическое увеличение старых, а нечто новое. На этих рисунках изображения имели ряд деталей: у людей изображено было лицо, одежда, у тюленей и медведей — шерсть, глаза, у оленей — копыта и т. д. У резчиков появился интерес к окружающему пейзажу, они стали изображать холмы, траву, кусты, волны на море, плавающие льдины, облака. Познавательная сторона искусства таким образом значительно расширилась.

Резчики стали по-новому смотреть на окружающую их действительность, по-новому воспроизводить ее.

На клыке из коллекции МАЭ (№ 1927—26), относящемся к 1912 г., мы находим одновременно два способа изображения человека и животных — старый и новый. В известной мере резчик находится еще во власти прежних навыков, они ему близки, понятны, а главное — хорошо им усвоены. Новое же требует поисков, и тут резчик проявляет некоторую нерешительность (рис. 6). Однако пыливый глаз и острая наблюдательность мастеров способствовали быстрому усвоению новых образов, для передачи которых потребовались и некоторые дополнительные технические приемы гравировки. Так открылась новая страница в истории палеоазиатской гравюры. Известную роль при этом сыграли и за-

⁸ В XIX ст. клыки, предназначенные для продажи, только полировались, без нанесения на них гравировки.

просы покупателей, которых также не удовлетворял старый способ изображения людей и животных. Следует отметить, что иногда вещи делались по заказу, с явно навязанной мастеру тематикой. Нельзя не упомянуть и о нездоровых тенденциях, вызванных европейским спросом. Так, например, на одном клыке чукотской работы, хранящемся в Гос. музее этнографии, мы видим изображение полуобнаженной женщины с крестом на шее и бутылкой водки в руке. Очевидно, в свое время такие сюжеты находили своих покупателей среди лиц, посещавших Чукотский полуостров.

В рисунках на клыках работы аляскинских эскимосов в указанный период было еще мало целеустремленности. Изображения не обнару-

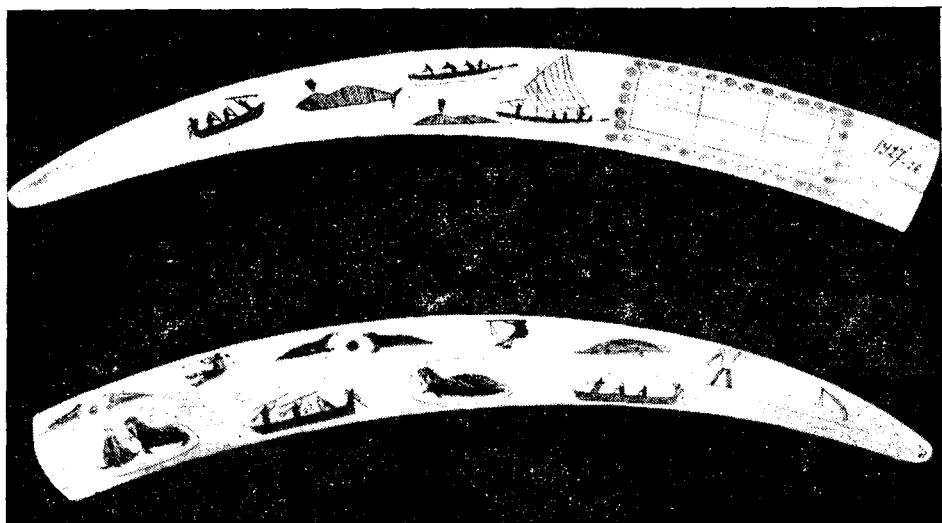

Рис. 6. Эскимосская гравюра на клыке. Первое десятилетие XX ст. (МАЭ, № 1927—26)

живали внутренней связи и представляли собой механический набор различных сюжетов. На одном из таких клыков мы видим, например, американского или европейского туриста, покупающего у эскимоса резной клык; тут же стоит женщина с ребенком, за ней какое-то крупное мифическое животное, с фантастической полосатой расцветкой тела, далее следуют: рыба, поставленная вертикально, и европеец в военной форме, едущий в санках, запряженных собакой⁹. На других аляскинских клыках представлены сюжеты, явно заимствованные из европейских журналов и книг.

Несмотря на ряд указанных недостатков и разброд в области содержания, гравюры первой четверти XX в. (по технике и форме) все же представляют собою шаг вперед по сравнению с XIX в.

В советское время, как уже отмечено выше, чукотско-эскимосская гравюра на клыках и других предметах, вырезанных из кости, начала развиваться быстрыми темпами, далеко опередив гравюру на кости у зарубежных эскимосов.

⁹ L. Giroux, Gravures coloriées sur dents de morse d'eskimaux de l'Alaska. Journ. de la Société des americanistes de Paris. N. S. Tome XVIII, Paris, 1926, стр. 99, табл. 1.

Оставляя в стороне ряд вопросов, связанных с организацией и деятельностью самих костерезных мастерских на Чукотском полуострове, остановимся только на основных моментах развития гравюры, которая со времени объединения мастеров в артели (1928 г.) претерпела ряд существенных изменений.

Вначале (1928—1932 гг.) клыки покрывались мелкими изображениями животных и человека, густо заполнявшими собою всю поверхность кости с обеих сторон. Резчикам хотелось рассказать о своей жизни как можно больше, отразить занятия и быт населения. Индивидуальные черты у людей выражены еще относительно слабо, все фигуры более или менее однотипны, но характеристика их тоньше: видно желание оттенить одежду и ее части, подчеркнуть детали орудий и других атрибутов. В указанный период впервые введен был рифель («кисточка») (рисунки 7 в) — зубчатая стамесочка, облегчившая нанесение штриховки на изображения, контуры которых исполнялись резцом («коготком») (рис. 7 а, б). Применение рифеля позволило резче оттенить

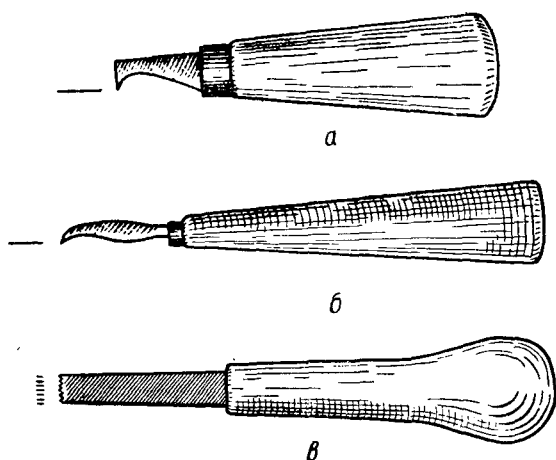

Рис. 7. Современные металлические инструменты для гравировки по кости: а, б — «коготок», в — рифель

фигуры на фоне кости, но в то же время придало рисункам некоторую тяжеловатость и сухость. Линии, проведенные рифелем, носили более или менее однообразный характер. Для того чтобы сделать гравировку заметной, в линии попрежнему втиралась черная краска. Как нововведение, следует отметить применение других красок или цветных карандашей, пользуясь которыми резчики значительно обогатили цветовую сторону гравюры. Легкой подцветкой фигур они умело подчеркивали детали, и тем самым делали рисунок еще более выразительным (рис. 8).

Увлечение штриховкой привело к тому, что фигуры стали почти силуэтными, с излишней резкостью выделяясь на светлом фоне кости.

Наряду с полихромной продолжала существовать и монохромная гравюра, без применения рифеля.

По своей тематике рисунки первого этапа очень разнообразны. Особое внимание резчиков привлекали сцены охоты на морских животных или отдельные животные, морские и тундровые, сцены нападения животных на человека. Значительное место занимали и процессы, связанные с результатами охоты (подвозка туш животных, разделка туш и т. п.), домашние занятия, бытовые сценки, танцы, езда на оленях. Нередко можно встретить изображения селений и отдельных жилищ, элементы пейзажа, интерес к которому все более усиливается. Появляются сюжеты на мотивы чукотских сказок.

В гравюре отражены и те изменения, которые произошли на Чукотском полуострове с приходом советской власти: изображены новые дома, поселки, пароходы, доставляющие грузы, радиомачты и т. п.

Впервые появляются в гравюре портретные изображения руководителей партии и правительства — В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина. Встречаются также портреты Карла Маркса. Чаще всего портреты помещаются в широкой части клыка, ближе к срезу и окружаются орнаментальной рамкой или советскими эмблемами. Мастера продолжают разделять сюжеты на две четко противопоставленные друг другу темы: на одной стороне клыка разверты-

Рис. 8. Чукотская гравюра конца 20-годов XX ст. Часть клыка. (Музей народов СССР)

вается жизнь на море, на другой — жизнь на берегу. В тех случаях, когда обе темы представлены на одной стороне клыка, они отделены друг от друга вертикальной чертой или орнаментальной полосой.

С течением времени (1932—1936 гг.) количество резных клыков значительно возрастает. Прежнее нагромождение фигур постепенно изживается, изображений становится меньше, но размеры их увеличиваются. Резчики выбирают несколько основных сюжетов и тщательно их разрабатывают (рис. 9). В этот период становятся известными имена многих талантливых резчиков, работы которых появляются на выставках. Среди них Этуги, Рошилин, Онно и молодой талантливый чукча комсомолец Вуквол. Сама гравюра становится тоньше, художественные достоинства ее возрастают. Сплошная штриховка фигур рифелем уже перестает удовлетворять мастеров, стремящихся перейти к более разрабатанному рисунку. В связи с этим многие из них отказываются и от слишком сильного зачернения фигур. Рифелем пользуются, главным образом для того, чтобы оттенить изображения по контуру. Благодаря такому приему фигуры кажутся более объемными, по сравнению с теми, которые имеют сплошную штриховку. Плоскостно-силуэтная трактовка изображений постепенно уступает место светотеневой. Особенно ясно чувствуется это на гравюрах Вуквола. Графические приемы гравировки

разнообразятся: зигзагообразная штриховка рифелем, серия точек, глубокие линии, отдельные тонкие штрихи применяются в зависимости от того, какой предмет или деталь изображается. В гравюре все чаще появляются элементы линейной перспективы. На более углубленной основе разрабатывается проблема движения (свободные позы, галоп, сложные повороты и неожиданные ракурсы). Резчики стараются также придать то или иное выражение лицу и всей фигуре человека, создавая иногда чрезвычайно яркие образы (рис. 10).

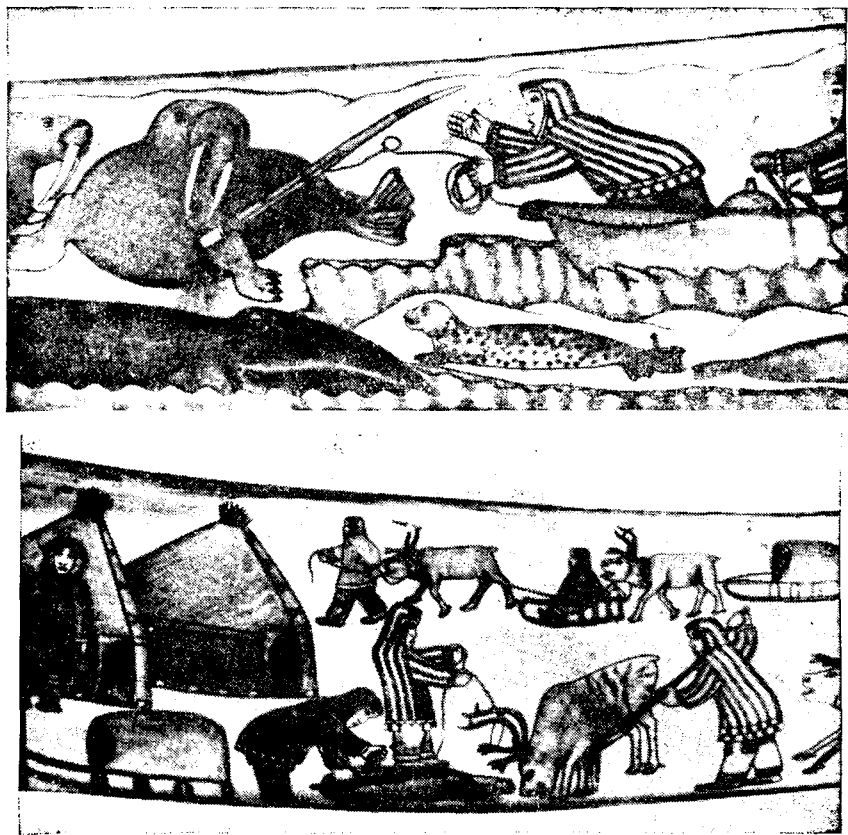

Рис. 9. Чукотская гравюра на клыке. Начало 30-х годов XX ст.
(Музей народов СССР)

Значительных успехов достигает и искусство портрета; оно свидетельствует о возросшем мастерстве резчиков и об их умении использовать различные приемы гравировки.

Если для первого этапа характерно было известное единообразие гравюры, малая индивидуализация творчества отдельных мастеров, то для второго этапа нужно отметить разнообразие техники и самой трактовки изображений. Все более выявляется творческий облик отдельного мастера. Число резчиков значительно возрастает. Если до революции их было не более 30—40, то к 1936 г. насчитывалось уже более сотни.

Тем же характером отличаются и работы, исполненные в 1937—1940 гг. Но линии гравюры становятся более легкими, штриховка, нанесенная рифелем, частично стирается наждаком и местами становится едва заметной, а втертая в линию краска — бледной и воздушной, благодаря чему гравированные рисунки кажутся похожими на акварельные.

Наряду с местными сюжетами в чукотской гравюре появляются темы, отражающие события из жизни Советского Союза. Известна, например, серия клыков с рисунками, изображающими челюскинскую эпопею. Гравюры на эту тему исполнены были несколькими резчиками по эскизам Вуквола. Вуквол был выдающимся резчиком, талантливым и вдумчивым, много работавшим над собой. Ему принадлежит, между прочим, первый опыт перевода миниатюры в монументальное декоративное искусство. Таков его портал из светлой пластмассы, изготовленный для художественной выставки 1937 г. в Москве. Тема рисунков на

Рис. 10. Чукотская гравюра на клыке. Начало 30-х годов XX ст. (Музей народов СССР)

портале — отчет председателя чукотского колхоза. Она последовательно разворачивается в ряде сюжетов, воспринимаемых как рассказ о трудовой жизни колхозников, их достижениях, домашних занятиях, играх и танцах. Тут же представлены сценки, изображающие чтение газеты и обучение колхозников письму. Рисунки отличаются четкостью и ясностью, в них много жизни, движения, сложных и трудных ракурсов. Эта работа со всей очевидностью доказала, что чукотско-эскимосские резчики могут стать хорошими монументалистами.

В предвоенные годы Вуквол задумывает интересную работу на тему «Чукотская легенда о Ленине». Рассказывая об этой работе, он пишет: «Мысль об отражении в изобразительном искусстве гениев человечества Ленина и Сталина давно возникла у меня, и я упорно работаю над овладением техникой резьбы, чтобы создать такие произведения»¹⁰.

После долгих творческих исканий работа на эту тему была им закончена¹¹. На одной стороне клыка художник развернул сюжеты, посвященные В. И. Ленину, на другой — И. В. Сталину (рис. 11). В этой работе, свидетельствующей о несомненном росте молодого художника, Вуквол не применяет штриховки, отказывается от рифеля и очень экономно пользуется только одним резцом. Все изображения, данные в контуре, отличаются большой выразительностью, характеристики людей

¹⁰ Вуквол, Чукотская легенда о Ленине. Народное творчество, № 1, 1938 г.

¹¹ Клык с гравюрами на тему «Чукотская легенда о Ленине» хранится в Музее В. И. Ленина в Москве.

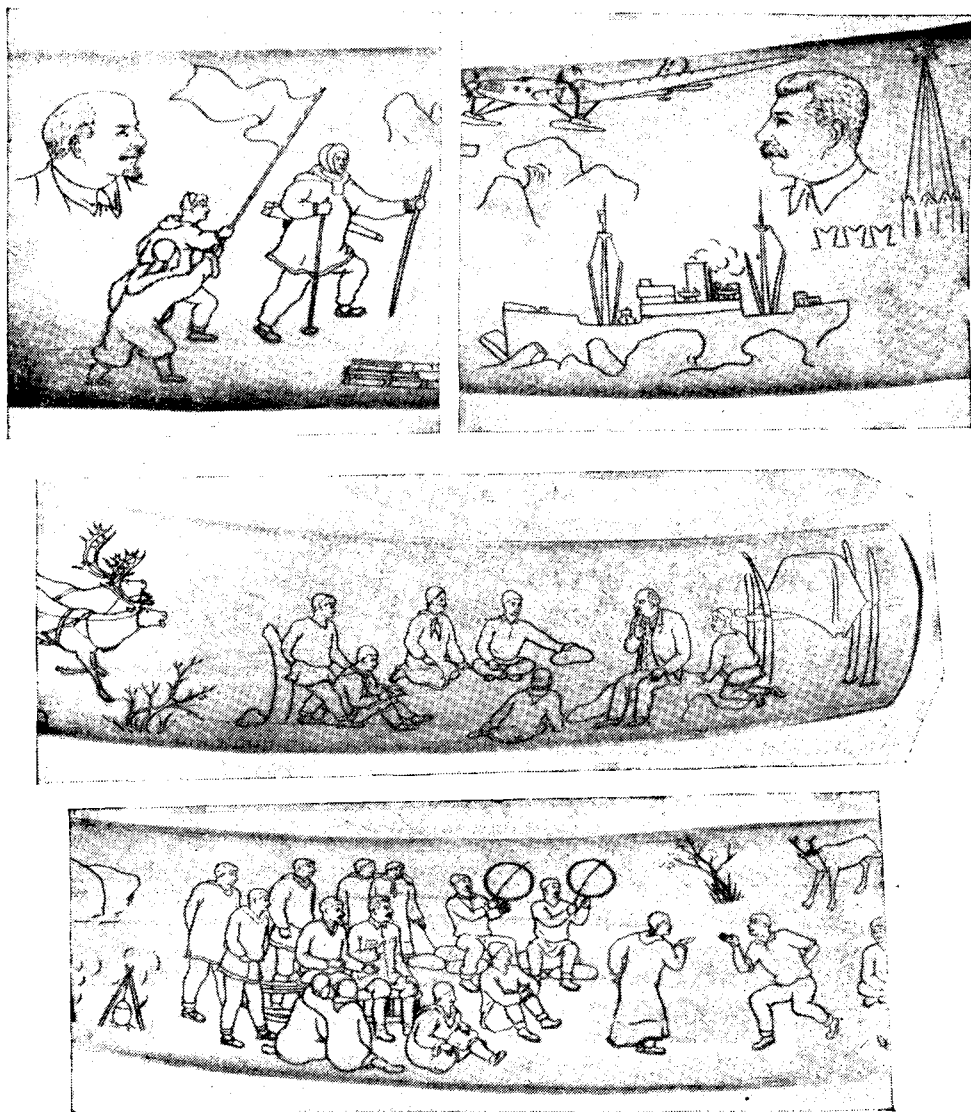

Рис. 11. Гравюры на кости работы Вуквола. 1937—1938 гг.

ярки и правдивы, портретные изображения выполнены очень удачно. Эти гравюры представляют собой образец подлинно реалистического, высокоидейного искусства.

Гравюры периода Великой отечественной войны дают новые, нередко волнующие сюжеты. На одном клыке работы Онно изображены эпизоды, связанные с получением на Чукотке вести о победе советских войск над гитлеровскими захватчиками. В последовательно развертывающихся картинках показаны: прием радиogramмы, митинг и разъезд чукчей по селениям с радостной вестью о победе (рис. 12). На другом

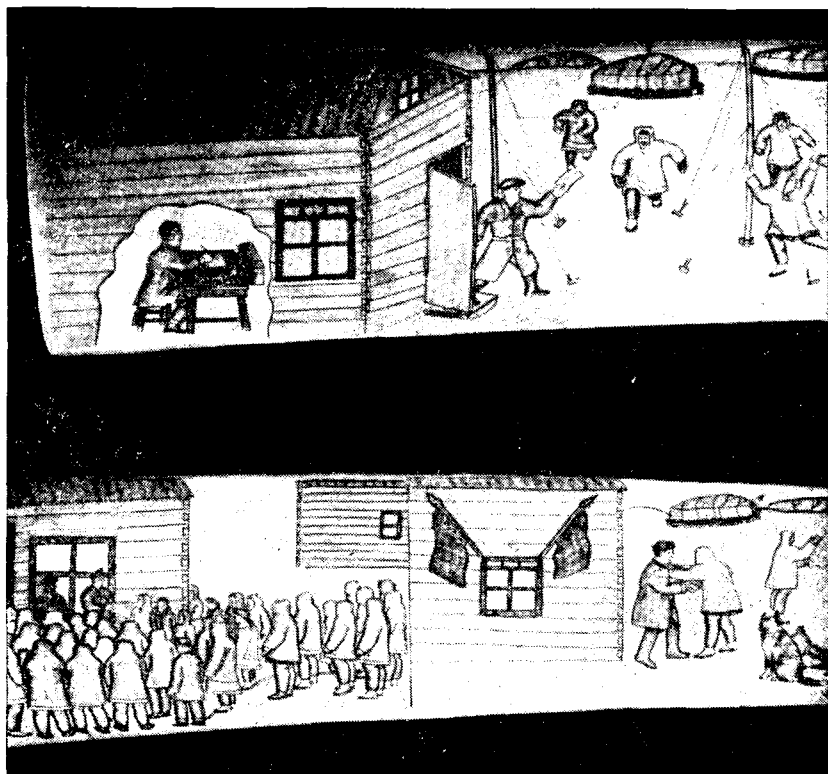

Рис. 12. Гравюра на кости чукотского мастера Онно. 1945 г.

клыке того же периода представлены прибытие на Чукотский полуостров советского парохода с грузом и сцена, изображающая постройку чукчами деревянного дома. Следующие рисунки той же серии дают представление о жизни колхозников в новом доме¹².

В послевоенные годы чукотско-эскимосские резчики создали ряд новых работ, среди которых много интересных. Заслуживает, например, внимания клык с изображением костерезной мастерской в Уэллене.

Появление среди чукотских и эскимосских резчиков нескольких молодых талантливых женщин, создавших уже ряд ценных гравюр, открывает новую страницу в истории палеоазиатской гравюры. Прежде, как известно, женщины не занимались резьбой, и еще в 30-х годах текущего столетия гравюра на кости была целиком сосредоточена в руках мужчин. Первые опыты женщин-резчиков комсомолок Энмины и Эмкуль и учениц Младкин и Анану, смело порвавших со старыми традициями, нельзя не расценивать как крупное событие в художественной жизни

¹² Клык работы Онно хранится в Музее Института художественной промышленности в Москве.

чукчей и эскимосов. Женские гравюры отличаются таким же характером, как и работы мужчин, и не уступают им по своим художественным достоинствам. Мы видим на них те же сцены охоты, умело переданные фигуры людей и животных, элементы пейзажа. Это искусство дышит таким же реализмом, как и лучшие образцы мужской гравюры (рис. 13).

Таков в общих чертах путь, пройденный чукотско-эскимосскими резчиками-граверами в советское время.

Оценивая достижения народных мастеров, мы прежде всего обращаем внимание на новую тематику, новые сюжеты в их искусстве. Эти сюжеты, свидетельствующие о крупных сдвигах в художественном мышлении чукчей и эскимосов, говорят о значительном расширении кругозора мастеров. Но это только одна сторона дела. Приобщение окраинных народов нашей страны к современной тематике неизменно сопровождается и новой трактовкой изображений, в чем не менее от-

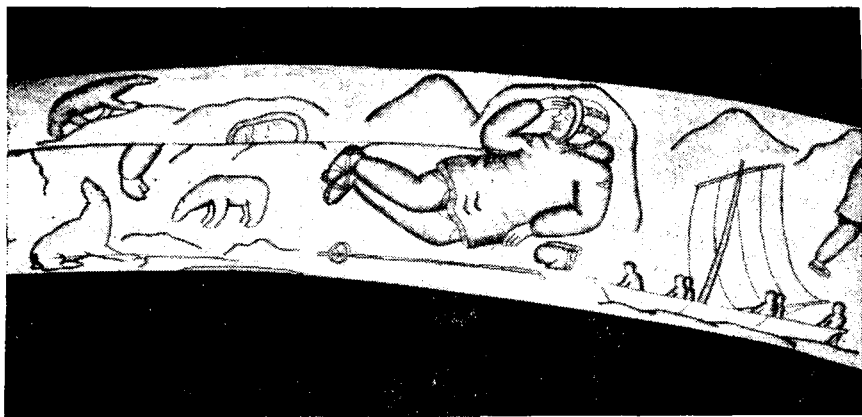

Рис. 13. Гравюра 1945 г. на тему чукотских сказок. Работа женщины-резчика Эмины

четливо прослеживается художественный рост народных мастеров, их критическое отношение к старым приемам резьбы, преодоление устаревших приемов и разработка новых средств художественной выразительности, отвечающих современным задачам, стоящим перед мастерами. Изучение всех этих процессов должно способствовать более глубокому пониманию тех крупных сдвигов, которые произошли и происходят в художественном мышлении и в художественной практике мастеров. Рассматривая их рисунки, выгравированные на кости в различное время, мы видим, что это искусство находится в процессе своего развития, становится все более богатым и полноценным. Чукотские резчики работают не только над темой, но и над созданием образа, умело используя для этого те или другие технические приемы.

Гравюра на кости, будучи тематически насыщенной, оказалась в советских условиях весьма жизненным, полезным и интересным начинанием, уже давшим прекрасные результаты. Гравированные клыки изготавливаются теперь сотнями, в то время как до революции они насчитывались единицами. Расширяя круг своей тематики, мастера далекой Чукотки уже не ограничиваются сюжетами из жизни своего народа; в меру своей осведомленности они откликаются и на события, волнующие каждого советского человека, где бы он ни находился. Это богатое реалистическое искусство в полной мере является социалистическим по содержанию и национальным по форме. Следует отметить, что сама национальная форма не остается при этом неизменной. Она меняет свое

лицо в соответствии с новым содержанием искусства. Если мы сравним чукотские и эскимосские рисунки начала XX в. с современными, то увидим, как далеко ушло это искусство вперед и по форме.

От некоторых «любителей старины» приходится иногда слышать о том, что палеоазиатское искусство в процессе своей творческой перестройки якобы утрачивает присущие ему национальные особенности. Так же отрицательно расценивается при этом и усвоение народными мастерами Севера некоторых приемов профессионального искусства, например перспективы, светотени и т. п. Нет необходимости доказывать, что такое понимание явлений, происходящих в национальном искусстве, является глубоко порочным и на практике могло бы привести к застою национального искусства, к насильственной консервации устаревших форм, к обеднению нового содержания, облеченного в несоответствующую ему изжившую себя форму. Расширение графических средств изобразительности нельзя расценивать как упадок национальной формы. Эта форма всегда сохраняется, но приобретает новые, более совершенные черты.

С этих позиций следует подходить и к оценке первых опытов создания чукчами и эскимосами портретных изображений. По исполнению эти рисунки зачастую еще слабы, подчас недостаточно грамотны. Не следует забывать, что перед нами искусство, еще не накопившее достаточных навыков в указанном направлении. Но с первых же опытов этого рода чукотские мастера постепенно оттачивали свою руку, переходя к более совершенным и законченным изображениям. Этот процесс легко может быть прослежен при сравнении старых портретных рисунков с новыми. Если на костяных изделиях 1928—1930 гг. портреты еще недостаточно разработаны, линии слишком обобщены, резки и сильно зачернены, причем мастера явно злоупотребляют штриховкой, то на вещах предвоенного времени наблюдаются уже иные приемы. Рисунки исполняются тонкими и плавными линиями, рифель нередко отбрасывается, и портреты приобретают большее сходство с оригиналом.

Исполнение портретных рисунков углубляло познавательную сторону искусства. Копируя портреты, имеющие обычно более крупные, чем остальные изображения, размеры, резчик должен был значительно глубже вникать в индивидуальные черты изображаемого им лица, в противном случае достичь желаемого сходства было бы невозможно.

* * *

Подводя итоги развития гравюры на кости в советский период, мы видим, что художественные достижения чукотских и эскимосских мастеров весьма значительны и могут быть сведены к следующему.

Введены новые инструменты — «коготок» и различные рифели, позволяющие придавать разнообразный характер линиям; появилась подцветка гравюры красками или цветными карандашами. Окончательно отказавшись от примитивной схемы, мастера перешли к более углубленной характеристике образа, найдя для этого новые средства художественного выражения. Линейная и отчасти плоскостная (силуэтная) трактовка фигур, остававшаяся почти неизменной на протяжении ряда столетий, уступила место иллюзорно-объемной (светотеневой). Дальнейшее развитие получил контурный рисунок, обогативший изображения тонко переданными деталями. Тяжеловатые и слишком зачерненные вначале линии стали более воздушными и разнообразными. От построения фигур в линию мастера перешли к расположению их в пространстве, с посильным учетом законов перспективы. Заметно углубилась этнографическая характеристика изображаемых персонажей, возник интерес к передаче материала (меха, кожи, тканей, дерева и т. п.). Усложнились позы, ракурсы, жесты, повороты фигур. Вместо прежних,

очень мелких фигур появились более крупные фигуры и портретные изображения. Повысился интерес к пейзажу, который нередко стал развертываться в виде панорамы. Элемент рассказа, составлявший характерную черту старозэскимосского искусства, усилился. Представляя собою своеобразные картины-миниатюры, это искусство стало широко повествовательным, разносторонне в реалистической форме отражающим социалистическое строительство на Чукотке и современную жизнь чукчей и эскимосов.

Будучи полноценным и жизненным, это искусство служит яркой иллюстрацией тех успехов, которые были достигнуты народами Чукотки в советский период. Проведение в жизнь ленинско-сталинских принципов национальной политики в области искусства пробудило к жизни новые творческие силы и обеспечило бурный рост и развитие народного изобразительного искусства среди чукчей и эскимосов, в частности, их гравюры на кости.

Организация в Уэллене художественного комбината, в котором работы по кости, несомненно, займут подобающее им место, должна способствовать дальнейшему улучшению качества гравюры, ее технической и художественной стороны.

Современная чукотско-эскимосская гравюра на кости далеко еще не исчерпала своих возможностей. Прежде всего следует обратить внимание на расширение ассортимента тех предметов, которые покрываются гравировкой. Существующий ассортимент этих изделий остается пока довольно скромным. Чернильные приборы, пресс-папье, спичечницы, салфеточные кольца, ножи для разрезания бумаги, табакерки, портсигары, рамочки для фотографий могут быть дополнены целой серией новых предметов, например шкатулками, пудреницами, стаканчиками для карандашей и т. п. При этом для многих из существующих изделий необходимо найти более усовершенствованную форму. Чернильным приборам придется иногда грубая форма и неудачная конструкция. Такие вещи не могут найти широкий сбыт, так как лишены стиля, громоздки и нередко представляют собою безвкусное нагромождение костяных пластин и неуклюже торчащих клыков. Оформление самих предметов явно отстает от высоко-художественной гравировки, покрывающей эти изделия. Руководителям костерезных мастерских следует в этом отношении учесть возросшие требования советского покупателя и позаботиться о создании таких предметов, которые могли бы удовлетворить его запросы.

Наряду с бытовыми предметами могли бы найти спрос и простые пластинки моржевой кости круглой, овальной или прямоугольной формы, покрытые гравюрами. Такие пластинки пригодны для украшения различных предметов быта, но могут иметь и самостоятельное значение, как произведения художественной миниатюры.

Дальнейшему развитию гравюры мог бы способствовать частичный переход ее к более крупным произведениям станкового типа (картины и различные по форме и размерам панно). Разумеется, клыки, как материал, для такого рода произведений непригодны: они малы, узки и тем самым исключают возможность использования их для крупных работ; однако удачный опыт Вуквола над порталом из светлой пластмассы указывает пути для нового направления искусства гравюры. Этот портал, будучи первым опытом монументального искусства, получил высокую оценку советской общественности, но, к сожалению, подобного рода работы в дальнейшем не повторялись. Между тем светлая пластмасса оказалась вполне пригодной для гравюры, сохранившей на новом материале все присущие ей особенности. Значительные размеры пластин позволили перейти к более крупным изображениям и притом в количестве, превышающем число рисунков на клыке. Опыт художников-палешан, создавших наряду с живописными миниатюрами ряд крупных

панно, театральных декораций и стенных росписей, говорит о том, что работы миниатюристов в области монументальной живописи не разрушают старого искусства, а лишь обогащают его новыми возможностями.

Надо надеяться, что уэлле́нские мастерские будут обеспечены пластинами светлой пластмассы и резчики получат возможность продолжить и развить на месте удачный опыт Вуквола. Едва ли можно сомневаться в том, что произведения монументального характера найдут широкий сбыт не только на Чукотке, но и в крупных центрах Советского Союза.

Различного размера панно могут быть использованы для украшения внутренних помещений общественных зданий (Домов культуры, клубов, фойе театров и кино) и жилых помещений. Небольшие пластины, покрытые гравированными рисунками, пригодны для отделки бюваров и альбомов, деревянных шкатулок, полочек и тому подобных предметов домашнего обихода.

Для осуществления этих и других мероприятий, ставящих своей целью улучшение качества существующего ассортимента резных изделий, изыскание путей для его расширения и создание новых видов гравюры, необходимо пригласить для руководства костерезными мастерскими не только опытных резчиков из среды чукчей и эскимосов, но и художников-профессионалов. В дальнейшем развитии замечательного искусства чукчей и эскимосов должны быть заинтересованы как снабжающие, так и научно-исследовательские учреждения, в первую очередь Институт художественной промышленности в Москве.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. А. БУТИНОВ и М. С. ДОЛГОНОСОВА

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Австралия и Океания играют весьма заметную роль на мировом рынке. Они дают треть мирового сбора шерсти, 13% мировой продукции копры, в менее значительных долях сахарный тростник, кофе, какао, хлопок, каучук, рис. Весьма значительна их часть в мировой добыче никеля (12%) и хрома (10,5%). На Новой Гвинее открыты запасы нефти, которые, возможно, скоро поставят ее по нефтедобыче наряду с Борнео. Немудрено, что английские, американские, французские и голландские империалисты рассматривают свои колониальные владения в Австралии и Океании как ценные «призы».

Европейское население островов Океании (если исключить Гавайи и Н. Зеландию) не превышает 33 тыс. При этом из них более 17 тыс. сконцентрировано на одном из островов, Новой Каледонии. На таком громадном острове, как Н. Гвинея, в 1938 г. проживало всего лишь 6 тыс. европейцев, на Соломоновых о-вах — 500, на Новых Гебридах — 935, на Гильбертовых и Эллисовых о-вах вместе — 261. В Австралии есть области, густо заселенные европейцами, но есть и такие, где их, наоборот, очень мало; например, на огромном пространстве Северной Территории проживает всего лишь 5 тыс. человек европейского происхождения.

Все плантации (за исключением квинслендских) и вся добывающая промышленность (за исключением австралийской) держатся на туземном труде. Так, во французских колониях продукция копры на 75% является продукцией туземного труда, на Зап. Самоа — на 77%, на о-вах Тонга — на 95%, а на Гильбертовых и Эллисовых о-вах, о-вах Кука, Ниуе, Гуам, Амер. Самоа — на все 100%. Не столь большая, но все же очень значительная доля сахарного тростника также является продуктом туземного труда. Широко применяется туземный труд на добыче золота (Н. Гвинея, Фиджи), никеля (Н. Каледония) и т. д. Короче, во всех основных областях австрало-океанийской экономики широко применяется туземный труд. Колонизаторы не прочь иногда сделать вид, что они заботятся об интересах туземцев. Они заставили своих ученых лакеев создать «теорию», согласно которой работа на европейцев является якобы единственным способом приобщения туземцев к «цивилизации».

Туземное население Австралии и Океании значительно уменьшилось со времени появления первых европейских кораблей в австрало-океанийских водах. Если в Австралии тогда насчитывалось приблизительно около 300 тыс. туземцев, то в настоящее время их в 6 раз меньше, — около 50 тыс. Туземное население Тасмании уничтожено совершенно

(в 1876 г. умерла последняя тасманийка). В Океании до появления колонизаторов было около 3,5 млн. туземцев, а ныне — почти вдвое меньше, 1,8 млн.¹

В ряде местностей жалкие остатки туземного населения не в состоянии удовлетворить потребности колонизаторов в рабочей силе. Поэтому с давних пор практикуется насильственное переселение туземцев из одних местностей Австралии и Океании в другие и ввоз рабочих из других стран в Австралию и на океанийские острова.

Характерна история колонизации Квинсленда. Все туземцы этого района были либо уничтожены, либо оттеснены в пустыни. Затем в Квинсленд в большом числе были завезены меланезийцы и полинезийцы для работы на сахарных плантациях. Невыносимые условия жизни, изнурительная работа, зверские расправы привели к тому, что эти меланезийцы и полинезийцы также довольно скоро вымерли, а дальнейший ввоз «цветных» рабочих в Австралию был запрещен (основная поставщица «цветных» рабочих — Н. Каледония — сама уже в то время ввозила яванцев; на Фиджи еще раньше были завезены индийцы и т. д.). Плантаторы Квинсленда в поисках дешевого труда решили привлечь к работе итальянцев, которых много наехало в Австралию после первой мировой войны. Но сейчас вновь ощущается на плантациях недостаток рабочих рук. Недавно австралийское правительство заявило о своем желании ввезти в Австралию 200 тыс. так называемых «перемещенных лиц», намереваясь использовать их на плантационных работах. Фактически их ожидает участь рабов.

История колонизации Австралии и Океании — это история неслыханных зверств колонизаторов по отношению к туземному населению. В Австралии аборигенов расстреливали, подбрасывали им отравленные продукты, сжигали их деревни, убивали их детей. Физическое истребление австралийцев и тасманийцев официально именовалось «очищением» территорий. Австралийцы до сих пор помнят о злодеяниях первых колонизаторов и с ненавистью называют их и их потомков терминами, которые означают: «захватчик», «охотник за женщинами» и пр. Так зарекомендовали себя английские колонизаторы, храбрые «очистители» чужих территорий от коренного населения, вооруженного лишь деревянными щитами и копьями. В конце концов колонизаторы загнали остатки австралийцев в пустыни, где и держат их сейчас в резервациях.

В Океании колонизаторами была организована охота за людьми или, как ее там называли, «охота на черных птиц» (blackbirding). Туземцев насильственно или обманным путем сажали на корабли и переправляли в Австралию, на о-ва Фиджи, Самоа и даже в Южную Америку, где они попадали в руки плантаторов и, по признанию последних, «мерли, как мухи». Высокая смертность туземцев официально объяснялась их якобы неумением или нежеланием приспособиться к «цивилизации». Между тем из всех благ цивилизации туземцы получали, не считая 18-часовой работы и скудной пищи, только ром и христианство, что, конечно, мало им помогало. Недаром один наблюдатель заметил, что христианское туземное население вымирает столь же быстро, как и нехристианское².

Не лучше было положение и тех туземцев Океании, которые не стали жертвой «охоты на черных птиц» и продолжали жить на своих островах. Колонизаторы заняли все острова Океании, отняли лучшие земли у туземцев и либо заставили их работать на себя, либо оттеснили в глубь островов. Туземное население, лишенное молодых сильных мужчин, угнанных в рабство, и плодородных земель, которые

¹ В том числе 1400 тыс. папуасов и меланезийцев, 330 тыс. полинезийцев, 100 тыс. микронезийцев.

² См. F. Speiser, *Südsee, Urwald und Kannibalen*, Leipzig, 1913, стр. 11.

оно обрабатывало веками, быстро вымирало. «Смертность всюду ужасна,— писал молодой английский ученый Дикон, попавший в 20-х годах нашего века на Новые Гебриды.— Целые деревни вымерли... Говорят, что все население Маликоло скоро вымрет, и я склонен думать, что это правда» Когда Дикон попросил туземцев продать ему черепа умерших, туземцы ответили: «Еще немного, и белый человек возьмет все наши»³.

Н. Н. Миклухо-Маклай, видевший все эти факты собственными глазами, оставил в своих дневниках многочисленные записи, вскрывающие полный произвол колонизаторов и абсолютное бесправие туземцев. С чувством глубочайшего негодования Миклухо-Маклай писал о печальной участи австралийцев, папуасов Новой Гвинеи, туземцев Соломоновых о-вов, о-вов Адмиралтейства и др. Он посылал колониальным правительством горячие и тщетные протесты против австрало-океанической торговли рабами, незаконного отнятия у туземцев земель, спаивания их тредерами (скупщиками), вербовщиками и т. п.⁴

Эти письма Миклухо-Маклая в защиту туземцев Океании сохраняют свою актуальность и ныне. До сих пор туземное население Австралии и Океании бесправно и является объектом самой хищнической эксплуатации.

Условия жизни современного туземного населения поистине ужасны. Справедливее назвать их условиями вымирания, что признают даже некоторые зарубежные авторы. Продовольственный рацион австралийцев в резервациях выглядит в настоящее время так: утром — чай и пресный хлеб, испеченный в золе; днем — чай и пресный хлеб, испеченный в золе; вечером — чай и пресный хлеб, испеченный в золе⁵.

Туземцы никогда не видят масла, яиц, мяса, фруктов, молока. Неудивительно, что все они истощены, их дети болеют бронхитом, пневмонией, рахитом; широко распространены болезни кожные, глазные и др. Туземец не имеет права оставить резервацию без разрешения, поэтому он готов подписать «контракт» на любых условиях, лишь бы вырваться из резервации⁶.

Численность туземного населения Австралии падает с каждым годом. Этот процесс преднамеренного уничтожения населения целого континента продолжается открыто и по сей день. Туземцев вообще не считают за людей. Так, в 1946 г. англо-австралийцы намеревались провести испытание ракетных бомб на территории туземных резерваций, выдвигая тот «довод», что жизнь нескольких туземцев не должна служить препятствием для «научного прогресса»; по каким причинам пришлось отказаться от этого каннибальского намерения — неизвестно.

Все, что сказано выше об австралийцах, относится в полной мере к туземному населению островов Океании. Всюду колонизаторы отняли у туземцев лучшие земли, оттеснили их на небольшие участки, где туземцы с большим трудом получают незначительные урожаи.

Империалисты откровенно признают, что современные промышленники и плантаторы в Океании все захватывают, что они «отличаются лишь номинально, но не по существу, от своих испанских прототипов»⁷. Плантаторы заслуженно пользуются репутацией «конкистадоров кокосовых орехов, конкистадоров сахарного тростника». Промышленники

³ A. B. Deacon, *Malecula. A Vanishing people in the New Hebrides*, 1934, стр. XIX, XXXI, XXXII, XXXIII.

⁴ Письма Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту туземцев Австралии и Океании будут полностью опубликованы в полном (пятитомном) собрании его сочинений, подготовляемом к печати Институтом этнографии АН СССР.

⁵ См. M. Reay, *A half-caste aboriginal community in northwestern New South Wales, «Oceania»*, 1945, No. 4, стр. 304.

⁶ C. Kelly, *Some aspects of culture contact in Eastern Australia. «Oceania»*, 1944, No. 2, стр. 143.

⁷ S. W. Reed, *The making of modern New Guinea*, 1943, стр. 126.

выкачивают из недр Океании золото, никель, хром, нефть, совершенно не заботясь о развитии местной, хотя бы легкой, обрабатывающей промышленности, не говоря уже о тяжелой. Во всей Океании имеются всего лишь два небольших кустарных предприятия, занятых обработкой местного сырья (на о-ве Гуам и о-вах Фиджи,— производство мыла из копры). Скупщики наживаются, скупая у туземцев за бесценок жемчуг, раковины, различные украшения, цыновки, одежду из коры и т. д., переправляя их на Гавайи и продавая там по высокой цене туристам. Вербовщики наживаются, навязывая туземцам невыгодные для последних «контракты», отрывая наиболее работоспособную часть туземного населения — молодых сильных мужчин — от работы на собственных огородах и принуждая их идти работать на промышленников и плантаторов.

Труд на плантациях и горных разработках чрезвычайно тяжел и изнурителен. Туземцев с восходом солнца, без завтрака выводят на плантации или спускают в шахты, и они работают там под строгим надзором, с двумя краткими перерывами для еды, до заката. После работы туземцев сгоняют в бараки, большие темные сараи, единственной «мебелью» которых являются нары. Здесь туземцев держат до начала следующего рабочего дня. Скученность в этих темных сараях невероятно велика⁸.

Зарплата туземных рабочих крайне низка (6 шиллингов в месяц). При этом туземец получает на руки лишь треть зарплаты, остальные две трети выдаются ему в виде «талонов», которыми он платит втридорога за выдаваемую ему пищу. Путем систематических штрафов зарплата еще более снижается (подробнее об этом см. ниже).

Туземный рабочий лишен элементарных человеческих прав. Он не имеет права на что-либо пожаловаться «хозяину» и вообще лично обратиться к нему (может это сделать только через босс-боев, т. е. надсмотрщиков). Тем более он не имеет права пожаловаться на «хозяина». Он не имеет права без разрешения «хозяина» выйти из барака. В любое время он может быть подвергнут телесному наказанию.

На Гавайских о-вах открыто нарушаются элементарные права человека, столь торжественно провозглашенные конституцией США. Восьмое дополнение к конституции США устанавливает, что «не допускается применение жестоких и необычных наказаний». Гавайский суд, однако, еще в 1931 г. провозгласил, что порка «территориальных заключенных» не может рассматриваться как «жестокое или необычное наказание, противоречащее восьмому дополнению к конституции Соединенных Штатов». Таким образом, широко распространенная на Гавайских о-вах практика телесных наказаний с 1931 г. рассматривается как не противоречащая конституции США. Американские граждане 49-го штата буквально на своей собственной спине ощущают все прелести «американского образа жизни».

Телесные наказания широко практикуются в Австралии и Океании. «Порка как вид наказания,— пишет С. Рид,— была запрещена австралийской администрацией, но затем была введена вновь». Правительство поощряет собственноручную расправу с туземцами. Колониальные администраторы на Н. Гвинее, например, давали Риду такой совет: «Когда вы бьете туземца, то не бейте его ниже подбородка»⁹.

Случаи безнаказанного убийства туземцев белыми очень часты, хотя сведения о них, разумеется, не попадают в печать. Интересные показания дает по этому поводу С. Рид: «Один белый, которого я знал, откровенно сказал мне, что он заранее решил убить при первом удобном случае

⁸ См. Н. J. Hogbin, *Sex and marriage in Busama*, «Oceania», 1946, No. 2, стр. 127.

⁹ S. W. Reed, Указ. раб., стр. 135, 143, 177.

одного туземца-смутьяна... Другой европеец утверждал, что было бы очень досадно, если бы туземца нельзя было убить на месте за оскорбление белого человека».

Вполне естественно, что туземцы не желают уходить из своих деревень на плантации и горные разработки. Они предпочитают держаться подальше от такой «цивилизации», проявляют, как пишет один автор, «отвращение к уходу из деревни»¹⁰. К этому необходимо добавить, что не только сам туземец, но и община в целом страдает от ухода из деревни лучших своих работников. Труд на плантациях и горных разработках — это труд, потерянный для общины. Она старается удержать молодых мужчин в деревне, прекрасно понимая, что «белый плантатор или владелец горных разработок — единственное лицо, получающее выгоду от туземного труда»¹¹.

Для оправдания принудительных мер, применяемых к туземцам для того, чтобы выгнать их на рынок труда, колонизаторы выдвигают наглую версию о «лености» туземцев, широко распространенную в кругах колониальных чиновников и в зарубежной этнографической литературе.

Наиболее широко применяемым в Австралии и Океании (как и в других колониальных областях) средством принуждения к труду является система контрактации. На одной только мандатной территории Н. Гвинеи из 580 тыс. общего числа населения насчитывалось в 1938 г. 48 тыс. законтрактованных туземцев.

В устах защитников колониальной политики система контрактации труда означает «свободу труда», «свободу договора». Примечательно, однако, что даже эти окончательно потерявшие совесть колониальные деятели не решаются говорить о «равноправии договаривающихся сторон». На одной стороне, признают они, «хозяин», а на другой — «грязный канака», который всегда должен знать «свое место». Разумеется, ни о какой «свободе договора», «свободе труда» при системе контрактации не может быть и речи. В действительности эта система является средством принуждения туземцев к рабскому труду, модернизованной «охотой на черных птиц».

Система контрактации труда вступает в действие задолго до того, как неграмотный туземец оттиснет под непонятным ему текстом контракта свой палец. Первый акт принуждения к труду разыгрывается либо в австралийской резервации, откуда умирающий с голоду туземец не может уйти иначе, как законтрактовавшись на работу, либо в океанийской деревне, взятой под «правительственный контроль», т. е., попросту говоря, обложенной денежным налогом. Основной смысл этого налога в том, что туземцы, никогда не имевшие и не имеющие денег, вынуждены их доставать (за неуплату налога — тюрьма и тот же принудительный труд). Туземцам остается один путь — на плантации и горные разработки или же в дома белых «хозяев», где их используют в качестве домашних рабов. «Туземец не имеет никакого выбора, — пишет К. Рид, — он должен оставить деревню, чтобы заработать деньги для уплаты налога»¹².

Туземец в конце концов примиряется с мыслью о необходимости покинуть семью, родственников, оставить родную деревню и пойти на заработки. Тогда в деревню является вербовщик, доход которого зависит от количества законтрактованных им туземцев. Он спаивает туземцев, обманывает их, рисуя самые привлекательные картины работы на плантациях, говорит им о сроке контракта в три месяца, когда на самом деле

¹⁰ P. M. Kaberry, Law and political organization in the Abelam tribe, New Guinea, «Oceania», 1941, No. 1, стр. 83.

¹¹ A. P. Elkin, Anthropology and the peoples of the South-West Pacific, «Oceania», 1943, No. 1, стр. 11.

¹² K. E. Read, Social organisation in the Markhaw valley, New Guinea, «Oceania», 1946, No. 2, стр. 95.

в контракте стоит три года, и т. п. Обман относительно срока контракта, зарплаты и т. д. является в Австралии и Океании общим правилом. Туземцы Н. Гвинеи говорят: «Никогда не было честного вербовщика»¹³.

Туземец «подписывает» контракт. После этого его переправляют в отдаленный район (чтобы он не мог сбежать обратно в родную деревню) и подвергают самой жестокой эксплуатации в течение трех лет (обычный срок контракта).

Колонизаторы применяют самые разнообразные средства, чтобы лишить законтрактрованных рабочих тех жалких остатков заработка, которые остаются — если только они остаются — после вычета штрафов, стоимости «талонов» и т. п., и продлить срок «контракта».

В результате туземец, работающий с утра до поздней ночи, ничего не получает на руки. «Хозяин» все туже затягивает накиннутую на шею туземца долговую петлю, принуждает его еще и еще раз к продлению срока контракта. Лишь после того, как туземец становится непригодным к труду, «хозяин» отправляет его обратно в деревню.

Система контрактации труда наибольшее свое применение находит на плантациях и горных разработках. На таких же работах, как расчистка дорог, ремонт мостов и пр., колонизаторы открыто, не прикрываясь даже фиговым листком контракта, практикуют принудительный труд. Они сгоняют туземцев из разных деревень к месту работы и, угрожая тюрьмой или телесным наказанием, заставляют делать то, что нужно колонизаторам. Подобного рода злоупотребления были узаконены в 1929 г. международным бюро труда при Лиге наций. Конвенция, утвержденная общим собранием Лиги наций, «О регулировании принудительного труда» допускала его, когда работы, подлежащие выполнению, носят «общественный характер», когда они актуальны или неотложны и т. д. Совершенно очевидно, что колониальной администрации ровно ничего не стоит любые работы объявить актуальными или неотложными, утверждать, что они носят «общественный характер».

Во время второй мировой войны принуждение к труду практиковалось в самых широких масштабах. «Если армии нужна дорога, — пишет Летт, — дорога делается, хотя стоимость ее нарушает нормальный бюджет Папуа на целое поколение... Если армии нужен туземный труд, туземное население должно это обеспечить»¹⁴. После окончания военных действий на Н. Гвинее (1943) туземцы еще надолго были задержаны в армии для выполнения разного рода работ, в том числе и плантационных. Мужчины, и не мобилизованные в армию, также принуждались к выполнению работ, в то время как их семьи голодали.

Деревня Бусам (Н. Гвинея) была совершенно разрушена в результате бомбардировок, часть населения убита, уцелевшие жители бежали в леса. Прибывшие англо-австралийские войска забрали всех мужчин для постройки палаток, приготовления пищи, переноски грузов и т. п. Даже в 1945 г. (через два года после окончания военных действий на Н. Гвинее) 43% мужчин еще не вернулись в родные деревни. Люди живут кое-как, жилища некому построить, пищи очень мало¹⁵.

Одним из средств принуждения туземцев к труду являются наказания за «преступления». Австралиец может быть посажен в тюрьму за «неприличные выражения», «непристойные манеры», «шумное поведение», игру на деньги и т. п. В районе Вальгет (Новый Южный Уэльс) из 300 туземцев, проживающих здесь, в 1943 г. сидело в тюрьме 129¹⁶. Разумеется, в тюрьме туземцы работали с утра до вечера.

На Соломоновых о-вах туземцам запрещено под угрозой трехмесяч-

¹³ S. W. Reed, Указ. паб., стр. 183.

¹⁴ Lewis Lett, Papua. Its people and its promise, Melbourne, 1944, стр. 108.

¹⁵ См. Н. I. Hogbin, Указ. паб., стр. 120—121.

¹⁶ M. Reay, A half-caste aboriginal community in northwestern New South Wales, «Oceania», vol. XV, 1945, No. 4, стр. 30.

ного тюремного заключения или штрафа в 5 ф. ст.: 1) говорить громко, собирая много людей; 2) драться или поднимать шум; 3) шуметь в церкви; 4) уходить из деревни более чем на неделю без разрешения вождя; 5) держать свиней вблизи дома (поросят — разрешается); 6) «говорить что-либо плохое или неверное о чем-либо»; 7) «рассказывать неверную историю, которая вызывает смятение»; 8) не выполнять ту работу, которую совет или правительство приказывает выполнить; 9) играть на деньги и т. д..

Также наказуемы (тюрьмой или штрафом) пьянство или нищенство¹⁷.

Колониальный чиновник может любого из туземцев всегда подвести под одну из этих многочисленных статей и приговорить его к тюремному заключению (ибо ему платить нечем). Но все дело в том, что «преступника» в тюрьму никогда не сажают. «Заключение его в тюрьму, — пишет Хогбин, — вызвало бы непреодолимые (!) трудности в отношении пищи». Поэтому «преступник» ночует дома, а «в течение дня выполняет трудные работы...» такие, как расчистка дорог или ремонт мостов¹⁸. Система наказаний построена так, что труд и жизнь туземцев находятся в бесконтрольном распоряжении колониальных чиновников. Туземцы совершенно лишены человеческих прав.

Ярким примером организации принудительного труда является пункт Кокода, небольшое селение золотоискателей на Н. Гвинее. Здесь есть аэродром и тюрьма. Когда золотоискателям понадобились рабочие руки для содержания аэродрома в порядке и для других надобностей, они построили тюрьму, поймали нужное им число первых попавшихся туземцев, «судили» их (не зная их языка) за вымышленные «преступления» и теперь содержат в тюрьме и заставляют работать на себя. «Преступников» вполне достаточно. «Посадочная площадка содержится в отличном порядке, так как периодически очищается от сорной травы туземцами, содержащимися в тюрьме»¹⁹. Характерно, что Чисман сообщает об этом злостном издевательстве как об ...остроумной шутке.

Весьма распространенным средством принуждения к труду в Австралии и Океании является отчуждение от туземцев веками принадлежавших им земель. Туземцы, потерявшие землю, остаются жить в своих деревнях, но их земли уже считаются для них чужими, и новый землевладелец закрепощает их, заставляя за использование ничтожных участков отнятой у них же земли работать бесплатно до 200 и более дней в году. Ярким примером такого барщинного труда являются о-ва Фиджи, где европейскими плантаторами закрепощены как фиджийцы, отделившиеся от своих родов (так называемые «изъятые люди»), так и завезенные сюда в большом числе индийцы. Иногда землевладельцы предпочитают барщине систему найма. Это позволяет им совершенно изолировать туземцев от внешнего мира и ставить их фактически в положение рабов. Так обстоит дело, например, на Гавайских о-вах, где (по статистике 1940 г.) около половины всей земельной площади находилось в распоряжении 135 американских плантаций. На этих плантациях осуществляется рабский труд и применяются телесные наказания.

Широко применяется в Океании политика разведения принудительных агрикультур. Колонизаторы заставляют туземцев — опять-таки под угрозой штрафа или тюремного наказания — разводить «обязательную агрикультуру», предназначенную ими для экспорта. В ряде английских владений — Папуа, подопечной территории Новой Гвиней, на о-ве Науру — законодательство накладывает на туземцев обязательство непре-

¹⁷ Notes and instructions to native administrations in the British Solomon islands, «Oceania», vol. XIV, 1945, No. 1, стр. 68—69.

¹⁸ H. I. Hogbin, Native councils and native courts in the Solomon islands, «Oceania», vol. XIV, 1944, No. 4, стр. 262.

¹⁹ L. E. Cheesman, Japanese operations in New Guinea, «Geographical Journal», 1943, No. 5, стр. 104.

менно заниматься культурой «кокосовых пальм и других полезных растений и деревьев». На о-вах Фиджи туземцы также принуждаются к разведению кокосовых пальм, на Соломоновых о-вах — к добыче копры, на Зап. Самоа колониальные власти определяют размеры плантаций и характер культуры, которую туземцы обязаны разводить (чаще всего хлопок). У туземцев, опутанных сетью принудительных обязательств, совершенно не остается времени для работы на своих огородах. Туземцы племени абелям (Н. Гвинея) всего лишь через 4 года после установления над ними «правительственного контроля» говорили: «До прихода белых мы имели большие огороды, выращивали много ямса, справляли часто праздники. Теперь мы расчищаем дороги, отдаем пищу в Маприк (административный центр). Мы не можем обрабатывать огороды, мы умираем с голоду»²⁰.

На этом мрачном фоне выделяется позорная роль апологетов и пособников колониальной политики, англо-австралийских этнографов. При чтении их статей и книг неопытному читателю может показаться, что авторы их далеки от колониальной политики. Нередко они просто ее замалчивают. Но умолчание здесь является пособничеством. Так, проф. Элькин, посетивший почти все туземные резервации Австралии, написал затем только о брачных классах и магических ритуалах туземцев и ни словом не обмолвился об их повседневной жизни, напоминающей голодную пытку.

Но еще чаще англо-австралийские этнографы идут гораздо дальше, становясь прямыми пособниками колонизаторов. Они тщательно изучают, например, правила землевладения и землепользования среди туземцев, так как знание этих правил «крайне важно для администрации, в частности в таких вопросах, как отчуждение земли европейцами»²¹.

Чтобы обмануть общественное мнение, англо-австралийские этнографы созывают конференции для обсуждения вопроса об уничтожении «контрактации» труда. Такая конференция состоялась в декабре 1944 г.; на ней присутствовали плантаторы, миссионеры, администраторы, владельцы горных разработок и этнографы (Элькин, Хогбин, Чиннери). Разумеется, никаких решений не было принято. Одновременно в полевой своей практике англо-австралийские этнографы ставят перед собой, в качестве одной из своих задач, «определение числа мужчин, которые могут быть законтрактованы». Так, Летт считает, что нельзя законтрактовать более 10% населения. «Если этот лимит превысить, тогда страдает туземная жизнь... И что хуже всего, с чисто деловой точки зрения, население с каждым годом все быстрее и быстрее уменьшается»²².

Дело доходит до того, что этнографы «теоретически» оправдывают практику принуждения к труду. Супруги Биглхол, например, предложили превратить здание недавно закрытого колледжа на Н. Зеландии в каторжный дом для маорийцев и обосновали это предложение модной в настоящее время психо-расистской «теорией». Маорийцы не захотят пойти в этот «центр», — нужно их «заманить». Маорийцам придется испытать «много огорчений и неприятностей», — их нужно будет все же удержать в «центре» и заставить работать. В процессе работы «структура характера» маорийцев (на которую авторы сваливают все их несчастья) «будет постепенно изменяться». Маорийцы, посаженные в «центр», «передадут уроки своим детям, а их дети в свою очередь — своим детям». Авторы обещают «через два или три поколения» создать новую «структуру характера» маорийцев²³.

²⁰ P. M. Kaberry, Указ. раб., стр. 83.

²¹ См. «Oceania», 1942, No. 4, стр. 343.

²² L. Lett, Указ. раб., стр. 96.

²³ E. and P. Beaglehole, Some modern Maoris, Wellington, 1946, стр. 341—343.

Англо-австралийские этнографы целиком подчинили свою деятельность обслуживанию интересов своих хозяев. Одни из них обслуживают колониальную администрацию (например, «правительственные антропологи» — Стронг Армстронг, Уильямс), другие — частные компании (например, Чиннери, изучавший контрактацию труда для горно-промышленной компании на Н. Гвинее; супруги Берндт, исследовавшие вопросы контрактации труда для скотоводческой компании Северной Территории).

С первых же дней колонизации Австралии и Океании туземное население ведет борьбу с чужеземными захватчиками (маорийские войны, восстания на Гавайских и других островах, нападения на миссионерские пункты и европейские поселения на ряде островов и т. д.).

Племенная разобщенность туземцев значительно уменьшала силу их сопротивления. Этот фактор на некоторых островах продолжает действовать и сейчас. Указав, что туземное население подопечной территории Н. Гвинеи превышает европейское в 100 раз, С. Рид пишет: «Неспособность туземных групп объединяться в эффективные политические агрегаты делает проблему контроля более легкой, чем это кажется из статистики населения. Не один белый на 100 туземцев, но скорее один белый на 10 групп по 10 туземцев или на 20 групп по 5 туземцев в каждой». Однако на большинстве островов фактор племенной разобщенности потерял свое прежнее значение. Стихийные движения протеста против колониального гнета, охватывающие подчас значительную часть населения островов, выводят туземцев за рамки их племенных границ.

Движения протеста против колониального гнета имели место за последние годы на Н. Зеландии, Фиджи, Самоа, Таити и в других местах. Эти движения имеют большое прогрессивное значение, способствуя в ходе борьбы с чужеземными захватчиками развитию национального самосознания, консолидации отдельных разобщенных племен в единую народность. Наряду с этим приобретает серьезное значение новая форма борьбы с колонизаторами, в которой туземцы осознают свою не только национальную, но и классовую принадлежность. Этой новой для Австралии и Океании формой борьбы являются забастовки. В Рабауле (Н. Британия) в 1929 г. имела место забастовка трех тысяч рабочих. Проснувшись утром, колонизаторы с удивлением увидели, что в городе нет ни одного рабочего — они покинули его и расположились лагерем в нескольких километрах от города. Пришедший позднее депутат от рабочих потребовал от колонизаторов повышения заработной платы. Рассказывая об этой забастовке, С. Рид особенно подчеркивает тот «факт, что туземцы многих различных племен, работающие в разных местах, смогли забыть племенную вражду и объединиться для общей цели». В 1937 г. вблизи Рабаула рабочие объявили, что они не выйдут на работу, пока им не удвоят заработную плату. Подобного рода забастовки туземных рабочих имели место и в Австралии, на скотоводческих фермах и на ряде островов Океании.

В ходе забастовочной борьбы туземные рабочие объединяются с рабочими-иммигрантами — яванцами, индийцами, китайцами и с рабочими европейского происхождения, так называемыми «белыми бедняками». Туземное население Австралии и Океании переходит от стихийных форм борьбы к организованному. Усиливающаяся роль туземного рабочего класса служит порукой тому, что эта борьба в союзе со всеми демократическими силами будет доведена до победоносного конца.

Н. Р. ГУСЕВА

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ИНДИИ

Женщины Индии находятся в особенно тяжелом положении по сравнению с женщинами других стран. Владычество англичан довело страну до полного обнищания, разорило тысячи семей ремесленников, лишило земли миллионы крестьян, сделало страшные голодовки закономерностью индийской истории и ничего не дало населению взамен бесчисленных лишений и бедствий, которые невыносимой тяжестью ложатся на плечи широких слоев трудящихся Индии и особенно давят индийских женщин. Кроме страшного колониального гнета, притеснений со стороны нового буржуазного правительства и деспотизма князей, женщинам Индии приходилось, и доньше приходится, страдать от тяжелых феодальных пережитков, в частности, в области брачных и семейных институтов.

Чтобы уяснить себе до конца положение женщин, нужно последовательно ознакомиться с историей возникновения этих институтов, с условиями жизни и труда индийских женщин, с их борьбой за свое раскрепощение и с их участием в национально-освободительной и классовой борьбе всех трудящихся Индии.

В тех памятниках ведической литературы, которые отражают жизнь доклассового общества древней Индии, нет никаких указаний на существование обычаев, подчиняющих женщину мужской воле, запрещающих ей свободный образ жизни и добровольный выход замуж в соответствующем возрасте.

Развитие института частной собственности и оформление классового общества постепенно поставили женщину в зависимое и подчиненное положение. В санскритской литературе уже встречается термин «авагунтхани», обозначающий женщину, должностную скрывать свое лицо от взглядов посторонних. Кодекс Ману (основы древнеиндийского права) вполне конкретно указывает, что «жена, сын и раб лишены собственности, и все, что они приобретают, принадлежит их господину». В том же кодексе читаем: «Женщина в детстве зависит от отца, в молодости — от мужа, в старости — от сына. Ей никогда нельзя давать самостоятельности».

Упрочение устоев патриархальной семьи в классовом обществе явилось в Индии, как и в других странах, основной предпосылкой закрепощения женщин, но чисто индийская специфика этого явления создавалась в процессе выработки устава о наказаниях за межкастовые связи и незаконное потомство.

Кодекс Ману явился итогом многовекового законодательства; он суммировал мероприятия, внедряемые высшими кастами древней Индии для упрочения своих привилегий и для закрепления социальных и материальных преимуществ. Этот кодекс устанавливает, что сын брахмана (жреца) от женщины касты кшатриев (воинов) лишается $\frac{1}{4}$ наследства, но считался все-таки брахманом; сын брахмана от женщины вайшья (земледельцев) лишается уже $\frac{3}{4}$ наследства и становился членом касты цырюльников, а от женщины-шудры (т. е. самой низшей

касты древней Индии) совсем лишался наследства и становился членом одной из низших каст. Здесь мы видим, что «грех» мужчины карается не столь сурово, как межкастовые связи женщин, ибо тот же Ману предписывает исключение из касты потомков женщин высших каст от мужчин низших каст, — такие дети попадали в самые низы общественного строя древней Индии.

Пути, связывающие женщину, становились все туже с развитием брахманизма — первой классовой религии Индии. Один из памятников поздневедической (или, по мнению некоторых исследователей, — эпической) литературы Падма-Пурана дает полное описание обязанностей жены по отношению к мужу. Здесь уже имеются предписания жене считать мужа своим земным богом, радоваться, когда он улыбается, и печалиться при виде его печали, не есть пищи, нелюбимой им, спать на голых досках в его отсутствие и т. д. Брахманизм канонизирует обычай «сати» — самосожжения вдов на погребальном костре умершего мужа. Женщина рассматривается только как средство приобретения потомства и как таковое становится полной собственностью своего мужа-повелителя, лишаясь даже права на жизнь после его смерти.

Боязнь межкастовых связей явилась также одним из характерных для Индии стимулов появления детских браков, о которых нет никаких упоминаний в ведической литературе.

В знаменитых древнеиндийских восьми способах брака невеста старше 16 лет. Пять первых способов связаны с волей отца невесты, но это еще отнюдь не принудительная выдача замуж. В эпоху создания сутр — сборников кратких правил науки, жизни и поведения (середина и конец I тысячелетия до н. э.) срок обучения мальчиков сильно сокращается, причем по окончании обучения должен сразу следовать брак. В Законах Ману (II в. до н. э. — III в. н. э.) уже есть предписание замужества в восьмилетнем возрасте, а ко времени реставрации брахманизма и расцвета его в виде новой религии — индуизма (IV—VIII в. н. э.) индийское законодательство фиксирует обязательность замужества девочек.

Но поскольку нельзя выдавать дочерей за мужчин более низкой касты и нет гарантий своевременного отыскания женихов из равной или более высокой касты, то становится понятным весьма неприязненное отношение родителей из «высших» каст к появлению на свет младенцев женского пола. До самого недавнего прошлого (а в отдельных сельских местностях Индии и в наши дни) практиковался обычай убийства новорожденных дочерей, которые осмелились появиться на свет раньше сына, или, по мнению родителей, «лишних» в семье. Если их не топили в молоке и не спаивали опиумом, то полное отсутствие ухода за ними или лечения при заболеваниях приводило (и доньше приводит) к желательным для таких родителей результатам: подавляющий процент детской смертности (от 0 до 5 лет) падает на девочек. Обычай убийства новорожденных девочек распространен на севере Индии, в среде «высших каст» — раджпутов и джатов. Этот обычай имеет, конечно, гораздо более глубокие исторические корни, чем кастовая гипергамия, и наблюдался у ряда народов; приведенные выше причины являются только частичным его обоснованием, выявляющим его индийскую специфику.

Детские браки калечили и уносили миллионы женских жизней. Если в случае сочетания детей, близких по возрасту, появлялось слабое потомство и сами они были недолговечны, то при выдаче замуж девочки 6—8 лет за мужчину 35—50 лет брак кончался полным физическим и моральным изуродованием жены. Раннее материнство имело результатом трудные роды с тяжелыми осложнениями и появление болезненных, нежизнеспособных детей, средний вес которых не превышал 2 кг. Такое положение существует и в современной Индии и является одним из условий, порождающих колоссальную детскую

смертность. Ежегодная смертность детей в стране равна 160—195 чел. на 1000 (сравни. с Великобританией: 60 на 1000)¹, а в промышленных городах 400—500 чел. на 1000², что является главным образом результатом невыносимых условий жизни рабочих семей в антисанитарных и тесных жилищах рабочих кварталов³.

Прогрессивные люди Индии в XIX и даже XVIII вв. поднимали свои голоса против института детских браков. Общество Брахмо—Самадж, основанное в 1828 г. выдающимся индийским просветителем Рам-Мохан-Роем, стало резко протестовать против наиболее мрачных обрядов и обычаев индуизма: самосожжения вдов, детских браков и затворничества женщин.

В двадцатых—тридцатых годах XX в. строгая приверженность обычаю детских браков наблюдалась в Центральные Провинциях, Бераре, Бихаре, Ориссе, Бенгале и Соединенных Провинциях как среди индусов, так и среди мусульман. В меньшей степени соблюдают его Северо-Западная пограничная провинция, Пенджаб, Мадрас и Ассам, причем в двух последних областях девочки-мусульманки и не брахманки ожидают наступления зрелости⁴. В наше время детские браки еще существуют, но зачастую только в форме свадебной церемонии с условием более позднего фактического брака, до которого невеста живет в доме жениха под охраной старших женщин и в качестве их служанки. Последнее условие не соблюдается в семьях интеллигенции и крупной буржуазии⁵. Начало фактического брака отмечается снова особой церемонией, называемой в различных местностях по-разному — двирагаман, гауна, ритушанти, гарбхадан, рукшати, доли и т. д.⁶. Эта церемония происходит почти сразу за наступлением зрелости и все же без промежутка, необходимого для полного развития организма девочки, что также часто имеет своим результатом трудные роды и слабое потомство. Индийские мусульмане практикуют детские браки не реже индусов, ссылаясь на то, что сам Магомет женился на своей последней жене, когда ей было всего 12 лет. О том, что обычай детских браков еще далеко не искоренен в Индии, говорят цифры переписи 1941 г., согласно которым только в провинции Бомбей среди индуистов было 344 женатых мальчика и 1755 замужних девочек в возрасте до 10 лет, 557 вдовствующих детей этого же возраста, а из числа мусульман 24 женатых мальчика, 45 замужних девочек и 25 вдовствующих детей. Если называть детскими браками и те, которые заключаются между 10 и 15 годами, то таких семейных индуистов в одном Бомбее в 1941 г. было: 1259 мальчиков и 6000 девочек (в это число не вошли 306 вдовствующих детей).

В манифесте королевы Виктории (1 ноября 1858 г.) было заявлено, что правительство Индии будет «с должным вниманием относиться к старинным правам, установлениям и обычаям Индии». Этот тезис явился базой, на которой расцвела двурушническая лицемерная политика английского правительства в Индии. Оно не всегда могло игнори-

¹ Census 1941 г.— 160 на 1000, Census 1921 г.— 195 на 1000.

² Rameshvari Nehru, *Early Marriage*, Собрн. «A symposium by Indian Women» и Vidia Kanuga, Выступление на Международном женском конгрессе, Париж, 1945.

³ Пальм Датт, *Индия сегодня*, М., 1948, стр. 400.

⁴ Rameshvari Nehru, *Указ. раб.*

⁵ Нельзя забывать о том, что, несмотря на развитие капитализма в стране, следившее класс гораздо более значимой социальной единицей, чем каста, все же касты в Индии существуют и продолжают жить по своим, совершенно особым законам. Поэтому женщины одного и того же класса, но разных каст могут жить в сходных материальных условиях, но исповедывать разные религии и придерживаться несходных обычаев. Эта специфика Индии чрезвычайно затрудняет бытовое слияние классовых групп общества, особенно в области брака и семейных отношений.

⁶ Rameshvari Nehru, *Указ. раб.*

ровать требования ведущих организаций и прогрессивных деятелей страны, поэтому часто его ловкие маневры и фиктивные декреты создавали видимость чуткого руководства общественной жизнью и затемняли сущность пресловутой политики «разделяй и властвуй». Большинство этих декретов было состряпано так, что какой-нибудь их параграф сводил на-нет все их содержание. Поэтому история англо-индийского законодательства является историей нарастания колониального гнета и одновременно историей создания законов «о двух концах», которые и старинных тяжелых обычаев фактически не отменяли и вместе с тем имели вид прогрессивных и гуманных постановлений. Особенно это заметно в законодательстве, относящемся к положению женщин, так как, с одной стороны, в этой области сохранилось множество обветшалых институтов, калечивших женские и детские жизни, и, с другой стороны, нельзя было совсем заглушить голоса прогрессивных людей Индии, требовавших отмены этих институтов. Так, в 1860 г. при выработке уголовного кодекса фактический брак с девочкой моложе 10 лет стал наказуемым. Затем к концу XIX в., после того как в 1891 г. в Бенгале были зафиксированы случаи смертей девочек от ранних браков, правительство провело билль о повышении брачного возраста девочек до 12 лет, который не дал никаких результатов, так как население не знало о его существовании. В 1925 г. брачный возраст был повышен до 13 лет, а в сентябре 1929 г. под давлением общественного мнения проведен так называемый «акт Сарда», запрещающий под угрозой тюремного заключения и штрафа браки ниже 14 лет для девушки и 18 лет для юноши. Этот акт вступил в действие только с 1 апреля 1930 г., а за эти месяцы (с сентября 1929 г.) по всей стране прокатилась волна протестов со стороны консервативных слоев населения. Мусульманская конференция при поддержке «Комитета защиты религии» провела резолюцию, призывающую к массовому неповиновению акту. Индуистское религиозное общество Санатан Дхармо Сабха организовало демонстрацию протеста. В Гуджерате было заключено 2 тысячи детских браков, а в одном из дистриктов Бенгала, где в 1921—1929 гг. среднее ежемесячное число браков составляло 305, в январе 1930 г. было заключено 419 браков, в феврале — 1920, а в марте — 8789⁷. Но, несмотря на демонстрации и протесты консервативной массы населения, «акт Сарда» приобрел силу закона. Однако в деревнях, среди неграмотного населения, акт все же оставался неизвестным, хотя для его внедрения были созданы особые «Комитеты Сарда». Специальный Комитет по установлению брачного возраста (созданный в 1927 г.), предложил ряд мер, облегчающих внедрение акта: а) широкую пропаганду, б) обязательную регистрацию браков, в) обязательную регистрацию рождений с выдачей метрик родителям и др. Но правительство, конечно, не провело в жизнь этих мероприятий, так что случаи детских браков встречаются в Индии и сейчас.

Сами индийцы делали разрозненные попытки ограничения брачного возраста. Так, еще в прошлом столетии общество Брахмо-Самадж требовало отмены детских браков, многие крупные писатели поддерживали эти требования, секта джайнов — шветамбары в 1930 г. запретила браки мужчин старше 45 лет, в княжестве Идаре запрещено брать жен моложе половины возраста мужчин и т. п. Но эпизодичность и территориальная разобщенность таких мероприятий чрезвычайно замедляла процесс отмирания детских браков.

Официальный запрет детских браков таит в себе лазейку для его нарушителей и поэтому не улучшает положения женщины: «акт Сарда» запрещает суд над нарушителями закона, за исключением «особых жалоб», да и то при гарантии уплаты жалобщиком 100 рупий в случае

⁷ Census of India, 1931.

проигрыша дела⁸. В результате фактической недейственности акта количество вдов в возрасте ниже 15 лет увеличилось уже в 1941 г. Вследствие высокой смертности женщин и девочек, женщин по переписи 1931 г. было в Индии на 10 млн. меньше, чем мужчин, а по переписи 1941 г. — на 13,05 млн., причем в Дели, на 1000 мужчин приходится 715 женщин, в Синде — 818, в Пенджабе — 847, в Бенгале — 889 и т. п.

Это положение осложняется запрещением вдовам вступать во второй брак. С древнейших времен до сравнительно недавних пор вдова должна была умирать вместе со своим мужем, искупая самосожжением тот тяжкий грех, который она якобы совершила в одном из своих прежних перерождений и за который боги наказали ее смертью мужа. (Генерал-губернатор Индии Гастингс писал в своем отчете, что только за время его правления, т. е. с 1774 по 1786 г., в одном Бенгале было 800 случаев сати). Те вдовы, которые оставались жить, влачили и влачат ужасную жизнь. Их волосы по обычаю должны быть острижены, руки обнажены; есть им полагается один раз в день, разговаривать с ними можно только в форме приказания, им нельзя встречаться с беременными и показываться на праздниках и свадьбах. Каждый может их гнать и оскорблять; ни один мужчина — член касты не имеет права жениться на вдове, под угрозой исключения из касты и тяжких гонений. Сами индусы говорят, что иногда только страх вдовства удерживает женщин от покушений на жизнь мужей, которые зачастую обращаются с ними весьма жестоко. Характерным для Индии является то обстоятельство, что женщины трудящихся классов находятся в лучших условиях в смысле равноправия и свободы, чем эксплуататорских. У «неприкасаемых» и ряда «низших» каст нет вообще запретов на браки вдов, нет убийства девочек, затворничества и т. п. Чем выше удастся индусам подняться по социально-экономической лестнице, тем скорее они перенимают обычаи «высших» каст и стараются жить по их образу и подобию.

В 1818—1828 гг. в Индии было зарегистрировано 600 случаев саможжения вдов, а в 1829 г. был издан закон, объявляющий сати преступлением, за которое подлежат уголовной ответственности родные сгоревшей вдовы. Этот закон, как и подобные ему, остался на бумаге. В 1856 г. правительство издало закон, легализовавший браки вдов. Он стал известен главным образом кругам городского зажиточного и консервативного населения и вызвал появление 40 массовых контрпетиций (50—60 тыс. подписей), а также демонстративное ухудшение отношения к вдовам; начались гонения на тех, кто подчинялся этому акту⁹, из касты исключался не только тот, кто осмелился жениться на вдове, но и его родные и друзья (пока не оплатят своего восстановления в касте). На требования помощи, исходившие из лагеря прогрессивных деятелей страны, английское правительство отвечало отказом вмешиваться в «дела религии». Постепенно в стране стали открываться «дома спасения» для вдов (эти дома часто превращались в дома терпимости) и школы, в которых их стали обучать ремеслам. Нельзя забывать о том, что в Индии существуют вдовы в возрасте до 10 лет (так, по переписи 1931 г. количество вдов в возрасте до 1 года было равно 1515, от 1—5 лет — 29 364, от 5—25 — 1 650 800). В крупных городах вдовы поступают на фабрики и заводы в качестве работниц или же прислугами к европейцам. Многие вдовы вынуждены нищенствовать или идти в публичные дома. Прогрессивные люди Индии борются всеми силами за улучшение жизненных условий вдов. Во время последней войны в каждой провинции были организованы отделы охраны детского здо-

⁸ Laxmibai Rajwade, *The Indian Mother and her Problems*, Allahabad, 1941.

⁹ Chandravati Lakhnapal, *The Hindu Widow*.

ровья, которые подготавливали кадры нянек и сестер, используя для этой цели и вдов. За последние годы отношение к вдовам несколько смягчилось. Даже в газетах публикуются объявления о поисках женихов для «вдов», чьи мужья умерли в детстве — после обручения и до фактического брака¹⁰. В рабочих и крестьянских семьях и среди «низших» каст запрет на браки вдов почти совсем отмер, но среди ортодоксальных брахманов он процветает доньше.

По сравнению с тяжелым положением вдов жизнь замужних женщин может считаться сносной, хотя и она далеко не завидна. Если в литературе древней Индии имелись предписания только относительно желательности ограничения свободы женщин, то со времени мусульманских завоеваний затворничество женщин стало системой, быстро воспринятой индуистским обществом, — главным образом его зажиточными классами, так как в сельских местностях и в среде низших каст городского населения мужчины и женщины обычно работают вместе и экономика этих семей не позволяет им изолировать женщин от общественной и производственной жизни. Обычай затворничества — парда — держит женщину в зенане (женской половине дома) с момента ее брака до смерти. Почти полное отсутствие движения и прогулок и необходимость проводить все свое время в плохо вентилируемом помещении создают почву для туберкулеза. Из женщин-мусульманок больны туберкулезом 44,46%, а индуисток — 18,81%¹¹. Сюда нужно добавить гнетущий надзор старших женщин и, главное, свекрови, что является даже причиной многих самоубийств среди молодых женщин. Роль свекрови велика, главным образом в объединенных индуистских семьях (так наз. митакшара), где под ее надзором ведется хозяйство всех ее сыновей и внуков и где собственность и деньги обобщены. Но за последнее время участились случаи выделения молодых пар из общего хозяйства, что благотворно отражается на положении молодых женщин. Большой процент смертности женщин падает на северную Индию (на 40% выше мужской смертности), где доньше силен обычай парда (главным образом у мусульман), тогда как в Декане он исчез, а мараты и парсы или совсем не придерживаются его или придерживаются частично. К началу тридцатых годов XX в. 40 млн. индийских женщин пребывали в зенане.

Брак у индуистов является священным актом, «продиктованным волей богов», а потому почти нерасторжим (развод осуществим только при принятии христианства, по акту 1866). Существует много индуистских браков по обычаю, и британский закон признает их, если этот обычай достаточно прочен и давно установлен. Полигамия, санкционированная Кодексом Ману, встречается редко из-за бедности огромного большинства населения. Полиандрия практикуется найарами, рядом дравидийских племен, племенем тода (в горах Нильгири), кастой тийаров (собиратели пальмового сока, Малабара и Траванкора) и многими другими группами населения.

Выдать девочку замуж могут отец или другие родственники по отцу, брат и мать. Нельзя заключать браки внутри своей готры, т. е. с кем-нибудь из потомков одного предка по мужской линии (к шудрам это правило не относится, причем шудрами для брака считаются также новообращенные в индуизм), нельзя также жениться на своей савинда, т. е. на родственнице до 7-го колена по мужскому предку и до 5-го колена — по женскому. За невесту обычно вносится установленная цена, без этого брак считается неполноценным. Гипергамия породила и обратный обычай — цену жениха, которая тем выше, чем выше его

¹⁰ D. Mandelbaum, The Family of India, «Southwestern Journal of Anthropology», 4, No. 2, 1948.

¹¹ Lakshmi Menon, The position of women, Oxford, 1944.

социальное положение и образование. Цена жениха с английским образованием доходит до 5 тыс. рупий¹².

Жена-индустка должна безоговорочно подчиняться мужу; развод по ее одностороннему желанию не допускается. Женщины низших каст могут откупиться от мужа (по его согласию или с разрешения панчайата, т. е. совета касты); в высоких кастах жена может подать в суд за увечья, нанесенные ей мужем. Права на собственность семьи мужа жена не имеет, так как нельзя выделять на сторону имущество объединенной семьи (митакшара). Иногда женщина наследует имущество — в случае отсутствия прямых мужских потомков до третьего колена, а также при разделе семейного имущества, если нет сыновей¹³. Повторный брак вдовы лишает ее права этого наследования. Единственной собственностью женщины являются ее личные вещи и часть приданого, называемая стридхан.

Развод осуществим по одностороннему требованию мужа из-за бесплодия жены или за ее «неуменьше» родить мальчика. Рождение сына, который считается полномочным наследником и единственным исполнителем поминальных церемоний, является основным долгом жены и придает ей право на некоторое уважение со стороны остальных членов семьи. Ради благополучного зачатия женщины ходят в храмы богини Кали, чтобы пить или втирать в нижнюю часть живота кровь козлят, приносимых в жертву, а также сжигают детские изображения¹⁴. Ради приобретения потомства женщины уходят в паломничества к храмам Шивы, где проводят иногда несколько суток и где храмовые жрецы, играя роль нисходящего бога, успешно выполняют обязанности мужа, часто пораженного бесплодием. В благодарность богу приносятся в храм стриженные волосы первого ребенка и кладутся у подножия священного дерева. Мир жены-индустки строго ограничен ее обязанностями по отношению к мужу и его семье и заботами о детях. Роды считаются нечистым актом. Они протекают в нежилом помещении, «очищенном» коровьим навозом, без света и вентиляции, на ложе из тряпок. Принимает роды невежественная дхаи — акушерка по касте (но не по образованию). Она зажигает ароматные палочки от дурного глаза, а при задержке родов мнет роженицу кулаками или ногами и вводит в нее специальные ускорительные шарики из земли, смешанной с козьим волосом, жалом скорпиона или кожей змеи. Плаценту дхаи обычно извлекает руками, а тело неблагополучной роженицы согревают свежим навозом или горячей золой. Перерезывание пуповины считается еще более нечистым делом, и дхаи приводит для этого особую ассистентку, из еще более низкой профессиональной группировки, которая применяет в качестве инструмента осколок стекла, кусок жести или нож. Пупок ребенка замазывается землей с навозом или толченым древесным углем. Услугами дхаи обусловлен колоссальный процент женской (из 1000 родильниц умирает около 100) и ранней детской смертности (40% в первую неделю и 60% в первый месяц жизни), а также тяжелых гинекологических заболеваний¹⁵. Ш. Чандрасекар в своей книге «Население Индии» (Москва, И. Л. 1949) пишет, что в Индии в среднем ежегодно во время родов или от послеродовых осложнений погибает 200 тыс. матерей (стр. 61).

Женщины из интеллигентных или буржуазных семей пользуются обычно услугами родильных домов, количество которых ничтожно — во всей Индии 226 женских больниц. Из них на Соединенные Провин-

¹² D. Mandelbaum, Указ. раб.

¹³ Beghum Shah Nawaz, Women's Movement in India, 1942.

¹⁴ Census, 1931, т. 1, ч. 1, гл. XI.

¹⁵ Census, 1931.

ции приходится 82, на Бомбей — 14, на северо-западные пограничные провинции — 4, а на Ассам — 1¹⁶.

Если мать не умирает от родов, то погибает часто от их последствий и плохого питания, которое является правилом для подавляющего большинства индийского населения (в Бомбее в среднем на человека приходится в год 7 галлонов молока, а в Калькутте — 8). Затраты правительства на здравоохранение ничтожны. Женские организации требуют устройства широкой сети ясель и больниц и введения во всех школах преподавания гигиены и санитарии.

Мусульманки вступают в брак по собственной воле, если они совершеннолетни, и по согласию отца или деда по отцу, если еще не достигли совершеннолетия. Брак, заключенный по принуждению или обману, может быть расторгнут, и это не будет считаться разводом. Предложение и согласие на брак должны быть сделаны в присутствии свидетелей — двух мужчин или же одного мужчины и двух женщин (обязательно мусульман). Религиозные церемонии или запись брака после этого уже несущественны. Но лица, устраивающие брак, должны обязательно получить согласие невесты. При этом нужно подробно описать ей будущего супруга и его социальное положение. Женщина не должна выходить за человека, занимающего более низкое социальное положение, — такой брак может быть расторгнут ее родней. При заключении брака мужчина должен выплатить женщине некую сумму; при разводе эта сумма остается за женщиной, или заменяется подарками. До уплаты этих денег жена может отказываться от несения супружеских обязанностей и быть фактически свободной¹⁷, но этот обычай на деле не соблюдается. Полигамия законна (но не больше четырех жен), полиандрия запрещена. Разводы бывают трех родов: а) по желанию мужа — без суда (талак), б) по взаимному желанию без суда (мубарат), в) по желанию жены — по суду (кхула).

Разводящиеся стороны могут всегда возобновить брак, или женщина может выйти за другого через 3 лунных месяца после развода. Вдова может вторично выйти замуж через 4 месяца и 10 дней после смерти мужа. Этот период носит название «иддат» и в случае беременности растягивается до родов. В период траура она может уходить из дома, куда заходит, а после его окончания имеет право и совсем оставить семью покойного мужа. Мальчик после развода остается с матерью до 7 лет, а девочка — до наступления зрелости. В случае повторного брака дети возвращаются отцу.

Муж обязан поддерживать разведенную жену только в период иддата. Вообще же муж теоретически обязан по шариату содержать жену всю жизнь и обеспечить ей отдельное (но подконтрольное) помещение. Если муж обеднеет, то судья может разрешить женщине добывать себе средства любым путем. Условия такого обеспечения женщин выполняемы только в зажиточных семьях. Крестьянки и жены рабочих трудятся зачастую больше своих мужей для обеспечения прожиточного минимума семьи.

Нельзя жениться на женах отца, на матери и всех женских предках, на дочерях и их потомствах, на сестрах родных и сводных, на тетках по отцу и матери и на племянницах по братьям и сестрам. Мусульманка не имеет права выхода за иноверца, тогда как мусульманин может жениться на христианке или на еврейке. Вдова получает $\frac{1}{8}$ часть наследства, если есть наследники мужчины, и $\frac{1}{4}$ — если их нет. Дочь получает $\frac{2}{3}$, если нет сына, и $\frac{1}{2}$ — если он есть. Другие женские потомки предпочитают (в противоположность индуистам) отдаленным родственникам-мужчинам.

¹⁶ Lakshmi Menon. Указ, раб.

¹⁷ Хидая, Комментарий мусульманского права. 1893.

Существует еще форма брака по договоренности на определенный срок (мута). При заключении такого брака должна точно определяться в контракте вдовья часть имущества. Прав на взаимное наследство этот брак не дает, но детей считают законными наследниками.

Главными обязанностями жены по шариату являются покорность мужу, полное воздержание от посторонних встреч и появлений в публическом с открытым лицом и строгая верность.

В общем положение мусульманки несколько легче положения индуистки, хотя обычай затворничества (парда) одинаково тяжел для обеих. В Малабаре, Траванкоре и Кочине, где доньше сохранились многие пережитки матриархата, права женщин на брак, развод и наследование равны мужским правам, а иногда и превышают их.

Многие статьи о женщинах Индии, появляющиеся в прогрессивной индийской прессе, ставят им в пример борьбу и работу женщин Советского Союза. Эта пресса мобилизует их на получение образования и на борьбу за раскрепощение.

Проникновение капитализма в Индию и массовое обезземеливание крестьян разорвали внутренние связи каст и общин, подорвали феодальный строй, способствовали разрушению многих индийских семей, заставили женщину приобщиться к самостоятельной жизни и деятельности, принудив ее работать на фабриках и плантациях. Пути парда стали быстро спадать с женщин Индии.

Основная масса индийских женщин (как индуисток, так и мусульманок) неграмотна. Исключением являлись девочки брахма-самаджистов, парсов, малаяли и высокородных индуистов и мусульман, которые имели право на получение частичного образования.

Проведенные в пятидесятых годах XIX в. реформы образования поставили на очередь обучение девочек, но соответствующие мероприятия встречали сильное сопротивление со стороны реакционных слоев населения. Девочки обучались в пределах зенаны, сидя на циновках на полу. Обстановку зенаны дополняли качели для отдыха и развлечений (стулья были только на мужской половине). Общение с женщинами других семей допускалось только в дни праздников и различных церемоний. Во второй половине XIX в. стали постепенно открываться женские школы, но посещать их могли только дети зажиточных родителей и устроены они были по реакционному принципу религиозных курий. Возникла женская пресса (первый журнал для женщин «Бамабадхини Патрика» начал выходить в Бенгале в 1883 г.), послужившая сильным толчком к пробуждению женщин. В 1883 г. из калькуттского колледжа были выпущены первые женщины с высшим образованием, а в 1935/36 учебном году в Индии обучалось уже 3 млн. девочек¹⁸. Но все же огромный процент девочек и женщин Индии остается неграмотным. В богатых семьях они часто обречены вести жизнь рабынь зенаны, а в семьях рабочих, крестьян и ремесленников они с самых малых лет помогают взрослым в работе и не имеют материальной возможности посещать школы.

За десятилетие 1931—1941 гг. грамотность мужчин возросла с 14 до 22%, а грамотность женщин осталась равной 2%. Характерно, что не на севере, где было сильно влияние англичан, а в южных княжествах — Траванкоре и Кочине, где положение женщин выше в силу традиций матриархата, их грамотность — 36 и 26,5%.

Еще один бич женщин — проституция, имеет в Индии, кроме материальных причин, и религиозную основу. Посвящение девочек богине Матери является древней основой современного института девадаси, т. е. храмовой проституции. В Индии девочку отдают в храм («посвящают») в благодарность за какую-либо милость бога. Годом к

¹⁸ Данные, Indian Year-Book, 1938—1939.

пяти она уже становится •наложницей жреца. Ее обучают чтению, письму, пению и пляскам, которыми она сопровождает богослужение. Такие девадаси предоставляются паломникам за плату, поступающую на нужды храма. Дочери девадаси не могут выйти замуж за мужчин касты, поэтому их обычно продают богачам в наложницы. У некоторых каст Мадраса положение девадаси дает ей ряд преимуществ, например, право наследования имущества родителей и исполнения поминальных церемоний, что уравнивает ее в правах с сыном. Она может взять себе мужа в дом своего отца и ее дети будут носить имя ее отца, а не мужа. Ее сын продолжает род и наследует имущество, а дочь может повторить ее историю. Это является одним из многочисленных пережитков матриархата в районах Мадраса. Такая девадаси считается приносящей счастье на свадьбах (возможно, вследствие того, что не может стать вдовой). В 1927 г. Государственный совет Индии проектировал полное запрещение «посвящения» девочек, но, конечно, безрезультатно. В 1930 г. удалось добиться от правительства акта о повышении возраста посвящения до 18 лет, а в 1930 г. в Траванкоре отменено посвящение вообще (в Майсоре оно было отменено уже в 1910 г.). Но что могут сделать постановления, касающиеся только храмовой проституции, если массовая проституция в той или иной форме является иногда единственным путем приобретения средств к жизни? Тяжелые условия брака, вдовство, отсутствие прав наследования, периодические голодовки в разных районах страны и ужасные условия женского труда в промышленных центрах являются источниками, питающими проституцию в Индии. К этому нужно добавить большую нехватку женщин в городах (в Калькутте на 1000 мужчин приходилось в 1931 г. 475 женщин, а в 1941 г. — 452; соответственные цифры для Бомбея: в 1931г. — 553, а в 1941 г. — 580).

Англо-индийское правительство предлагало ряд «мер» для борьбы с проституцией, вроде разъяснения вреда этой профессии для здоровья, устройства «домов спасения» и тому подобных утопических мероприятий, которые вполне бесцельны в условиях разорения страны, массовой безработицы, голода и ужасающей бедности и являются обычно источником дохода для предприимчивых дельцов.

В прежней феодальной Индии женский труд применялся главным образом в сельском хозяйстве и в пределах семьи для ее обслуживания. Проникновение капитализма в Индию вызвало спрос на женский и детский труд на промышленных предприятиях, где женщина работает в крайне тяжелых условиях. Зарплата женщин повсеместно ниже мужской (например, в джутовой промышленности Бенгала мужчины зарабатывают до 40 рупий в месяц, а женщины 11—14 рупий; в рудниках Бихера и Ориссы неквалифицированные рабочие получают около 8 анна в день, а работницы 2—6 анна). Кроме того, большинство женщин работает не на фабриках, а получает работу от посредников — мастеров, которые обшчитывают работниц и берут с них взятки. Существуют и так называемые зависимые рабочие, получающие работу от основных рабочих, занятых на самом производстве. (В среднем на каждую 1000 таких зависимых приходится 733 женщины.) Женщины составляют около 45% общего числа рабочих на плантациях, куда обычно нанимаются целыми семьями и где условия труда невероятно тяжелы. Рост капитализма в стране породил массовую безработицу, которая гонит женщин в поисках заработка не только из одной провинции в другую, но и в другие страны — Бирму, Малайю и др.

Фабричные помещения тесны, грязны, темны и плохо вентилируются, а дома для рабочих не имеют воды и канализации и находятся в таком антисанитарном состоянии, что туберкулез и колоссальная детская смертность повсеместны. В однокомнатных жилищах Бомбея, где живет 90% фабричных рабочих и где по несколько семей ютятся

в одной комнате, на 1 тыс. детей умирает 550¹⁹. Ясель, детсадов и родильных домов для женщин, занятых на производстве, почти нет. В результате требований прогрессивных женских организаций и индийской прессы были сделаны кое-какие попытки улучшения условий труда (вроде постройки опытных домов для рабочих в Центральном провинциях), но эти попытки не дали сколько-нибудь заметных результатов.

Остановимся на борьбе женщин за свои избирательные права. По реформе Монтегю-Челмсфорда (1919 г.) право голосования женщин ограничивалось таким высоким имущественным и образовательным цензом, что фактически лишало женщин Индии возможности принимать участие в голосовании. Всеиндийские женские организации обратились к конференции «Круглого стола» с требованиями уничтожения неравенства в голосовании и предоставления права голоса всем совершеннолетним женщинам. Комитет по выборам конференции «Круглого стола» ответил, что, поскольку правом голоса пользуется только 1,8% населения Индии, то нельзя это право сразу предоставить всем, чтобы не возникло беспорядков (!). В результате неоднократно повторявшихся требований предоставления избирательных прав женщинам, конституция 1935 г. приравнивала женщин к мужчинам по имущественному цензу и несколько снизила для женщин образовательный ценз. Кроме того, было дано право голоса женам избирателей в провинциальные законодательные собрания. В результате всех этих изменений 6 600 тыс. женщин Индии стали избирательницами, что составляет ничтожный процент от общего числа женщин. Меморандумы, направленные правительству в 1931 г. и в 1933 г. тремя главными женскими организациями страны (Всеиндийской женской конференцией, Женской индийской ассоциацией и Национальным советом индийских женщин) имели своим результатом предоставление 41 места для женщин в провинциальных законодательных собраниях.

Столь ничтожное количество мест, да еще четкое их разграничение по религиозным куриям вызвало много протестов со стороны индийских женщин. Так куца английская конституция поддержала реакционные установки религиозного законодательства, но не сломила решимости женщин бороться до конца за свои права.

Женское движение началось с пятидесятых годов XIX в., т. е. со времени издания правительственного акта о праве девочек на получение образования наравне с мальчиками. Оно возникло в среде индийской интеллигенции и членов общества «брахмо-самадж» как буржуазное феминистическое движение и вскоре охватило собой многих женщин из городских зажиточных семей. К концу XIX в. индийские женские организации уже имели ряд своих журналов и газет, принимали участие в деятельности Национального конгресса и активно осуществляли свои права на получение образования. Первой крупной буржуазно-помещичьей женской организацией явилась Всеиндийская конференция мусульманских женщин, просуществовавшая до 1926 г. С 1912 г. стал работать Национальный совет индийских женщин, как филиал буржуазного Международного женского совета. Он имеет свои ответвления почти во всех провинциях и многих княжествах Индии. В 1917 г. женская делегация обратилась к вице-королю Челмсфорду и министру по делам Индии Монтегю с требованиями: 1) отпуска средств на женское образование, на оборудование родильных домов и поддержание общей санитарии, 2) предоставления прав на участие в выборах, 3) установления равенства полов в местных органах законодательства и самоуправления и т. п. Эти требования были поддержаны

¹⁹ Видиа Кануга, Выступление на Международном женском конгрессе, Париж, 1945.

волной женских митингов по всей стране, но не удовлетворены правительством.

Великая Октябрьская социалистическая революция наряду с общим подъемом национально-освободительной борьбы вызвала огромный рост женского освободительного движения Индии. В это движение стали включаться массы трудящихся женщин, и оно утратило свой феминистический характер. Между 1921 и 1929 гг. все провинциальные законодательные собрания признали права женщин на голосование наравне с мужчинами, но «милостиво утвержденная» английским королем конституция 1935 г. не признала этих прав. Весьма показательным для роли англичан в Индии можно считать то обстоятельство, что они всегда тормозили все прогрессивные мероприятия, объясняя это своим нежеланием оскорблять религиозные представления индийцев.

В 1927 г. начала свою работу Всеиндийская женская конференция, связанная с Национальным конгрессом и взявшая в свои руки дело борьбы за политические права женщин имущих классов. Кроме нее, в начале тридцатых годов XX в. начала работать еще Женская ассоциация Восточной Индии. Необходимо отметить, что первая из этих организаций не пользуется в наши дни среди трудящихся женщин большой популярностью. Коммунистическая газета «People's Age» от 16 мая 1948 г. пишет, что ею руководят леди, а основную массу ее членов составляют женщины средних и высших классов. Кроме таких крупных буржуазных женских организаций, в разных провинциях работают более мелкие, число которых пополняется с каждым годом. Такова Женская индийская ассоциация Мадраса и много других. В 1931 г. была избрана первая женщина в Совет Мусульманской лиги, а в 1938 г. несколько женщин стали ее членами и был избран специальный подкомитет для работы с мусульманками. Несмотря на буржуазное руководство женских организаций, их деятельность способствовала улучшению положения женщин Индии. Чрезвычайно повысилась их политическая сознательность и активность, и с каждым годом все большее количество трудящихся женщин вовлекается в борьбу. Собрания провинциальных женских обществ добиваются от законодательных органов таких важных постановлений, как отмена запрещения вторых браков вдов (например, в Бхаратпуре)²⁰, уравнивание женских политических прав с мужскими, увеличение женского представительства в законодательных органах и пр.²¹ По инициативе женщин проводилась активная помощь населению провинций, страдающих от голода и эпидемий. Такова, например, была работа женских отрядов, пришедших в пораженный голодом Бенгал в 1943—1944 г.²²

Значительно возросло участие женщин в национально-освободительной и классовой борьбе индийского народа в наши дни. События второй мировой войны весьма повысили политическую сознательность женщин. Они направили национально-освободительное движение всех колониальных и полуколониальных стран по линии создания демократических организаций, борющихся как против своей буржуазии и феодалов, так и против мирового империализма. В то время, когда японцы подходили к границам Бенгала и Ассама, свыше 40 тыс. бенгальских патриотов, голодных и раздетых, объединились в организации сопротивления и готовились к борьбе с врагом. В те дни, когда японские бомбы падали на Мадрас, в нем возникла местная женская организация — «Kistna District Mahila Sangham», охватившая собой свыше 25 тыс. членов. Эта организация, подобно ряду аналогичных ей прогрессивных женских обществ других провинций и дистриктов, борется

²⁰ Газ. «Dainik Jagriti» от 7 октября 1944 г.

²¹ Газ. «Hindustan» от 26 апреля 1943 г.

²² Газ. «Dainik Jagriti» от 18 октября 1944 г.

с безграмотностью и суевериями, отстаивает политические права женщин и привлекает их к участию в борьбе против двойного гнета — иноземного капитала и индийского феодализма. Женская организация «Andhra Mahila Sangham», руководимая демократической организацией трудящихся земли Андхра, стала в 1948 г. издавать на языке телугу свой журнал, который вскоре был закрыт правительством. Ответом на это была массовая демонстрация протеста, разогнанная полицией, подвергшей многих женщин аресту²³. Демонстрации следуют за демонстрациями. Печатные органы демократических организаций публикуют отчеты о репрессиях и резолюциях протеста. Женщины доросли до настоящей политической борьбы.

Трудящиеся женщины Индии принимают участие в забастовках наравне с мужчинами, доказывая этим свою готовность бороться, используя своих сил, за победу демократии. Коммунистическая партия Индии и Всеиндийский конгресс профсоюзов являются главными организаторами политической борьбы индийских женщин. Правительство расстреливает женские демонстрации, бросает демонстранток в тюрьмы, пускает в ход бомбы со слезоточивыми газами, избивает и убивает женщин-коммунисток²⁴, но не может остановить роста политической активности индийских женщин и их стремления к раскрепощению и равноправию.

²³ Газ. «People's Age» от 16 мая 1948 г.

²⁴ Газ. «People's Age» от 25 апреля и 9 мая 1948 г.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РАСАХ И РАСОВОЙ ПРОБЛЕМЕ

(К шестидесятилетию со дня смерти)

Научно-литературная деятельность Н. Г. Чернышевского — великого русского ученого и критика, как назвал его Маркс¹, столь многогранна, что трудно назвать область знания, которой так или иначе не коснулся бы его энциклопедический гений. Заметное место в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского занимала тематика, связанная с антропологией и сопредельными с ней дисциплинами. И здесь, как и во всей своей деятельности, Н. Г. Чернышевский выступает как великий революционный мыслитель и демократ, непримиримый борец против абсолютизма, крепостничества, национального гнета, как крупнейший философ-материалист. «Как ни возвышенно зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы, человек важнее, интереснее всего для человека. Потому, как ни высок интерес, возбуждаемый астрономией, как ни привлекательны естественные науки, важнейшую, коренную наукою остается и останется навсегда наука о человеке», — писал Н. Г. Чернышевский в 1855 г.² Наука о человеке для Чернышевского это, в первую очередь, наука о развитии общества, об этапах его поступательного движения, об историческом процессе. Но и специальные вопросы антропологии нашли свое место в многочисленных работах Чернышевского.

50-е годы прошлого столетия — период, когда антропология еще не оформилась как самостоятельная научная дисциплина, да и самый термин «антропология» не получил еще четкого содержания. Но тот круг проблем, который составил в дальнейшем содержание антропологической науки, отнюдь не остался чуждым интересам эпохи. Напротив, и вопросы происхождения человека, и в особенности, вопросы, связанные с изучением человеческих рас и интерпретацией расовых особенностей приобрели в середине прошлого столетия особую остроту. Старый спор между поли- и моногенистами, не стихавший в литературе на протяжении многих десятилетий, приобрел новое содержание и иную направленность в связи с политической борьбой вокруг невольничества в США. Если раньше теория полигенизма бросала вызов библейской традиции, а моногенисты выступали как защитники церковных догм, то в новых условиях полигенизм становится оружием в руках защитников рабства в борьбе с аболиционистами. Именно в это время (1854 г.) выходит в США

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I. Послесловие ко второму изданию. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 13.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., изд. М. Н. Чернышевского, СПб., 1906, т. I, стр. 223. Все цитаты — по этому изданию. В дальнейшем указываются только том и страницы.

книга Нотта и Глиддона «Типы человечества», книга, отвечавшая социальному заказу рабовладельцев и с позиций полигенизма доказывавшая отсутствие родства между белыми и неграми, которые, по утверждению авторов, составляют особый вид, близкий к человекообразным обезьянам.

Книга Нотта и Глиддона — далеко не исключение в антропологической литературе середины прошлого века. Те же идеи о неполноценности негров, об их особом от белых происхождении, о полифилетическом происхождении человеческих рас развивают такие научные авторитеты того времени, как Агассиц, как Джемс Гент — основатель Лондонского антропологического общества и другие. 50-е годы прошлого столетия — время зарождения и того реакционнейшего псевдонаучного направления в антропологии, которое стало в дальнейшем известно под названием «антропосоциологии». Родоначальником его по праву считается французский аристократ граф Артур Гобино, автор опубликованных в 1853—1856 гг. «Очерков о неравенстве человеческих рас». Было бы, конечно, неправильно представить антропологию середины прошлого века как безраздельное господство расистских концепций, но надо признать, что положение о расовой обусловленности национальных и классовых различий было широко распространено в литературе, и смешение понятий расы и племени, расы и нации характерно для буржуазной антропологии того времени. Это были темы, далеко выходявшие тогда за сферу чисто академических дискуссий. Это был период национальных движений в Европе, время широкой колониальной экспансии европейских государств, когда учение о нации, вопросы о национальном характере, национальных особенностях приобрели особую политическую актуальность. Теории о биологической обусловленности национальных различий, об их неизменности, независимости от исторических условий становятся оружием в руках реакции. Против них и выступает Чернышевский, продолжая и развивая традиции В. Г. Белинского. На протяжении всей своей деятельности Чернышевский последовательно проводит мысль о том, что национальные особенности, различия в психическом складе народов не связаны с их расовыми чертами, что эти особенности и различия исторически обусловлены, что «Мы знаем не качества народов, а только состояния этих качеств в данное время»³. «Стремление объяснить историю народа особенными неизменными умственными и нравственными качествами его имеют своим последствием забвение о законах человеческой истории». Поэтому не обосновано и «фантастическое деление народов на способные и неспособные к достижению высокой цивилизации»⁴, — писал Чернышевский.

Первая работа Н. Г. Чернышевского, в которой сформулированы его взгляды по вопросу о расах, относится еще к 1855 г. Это подробная библиографическая статья, посвященная разбору вышедшего в 1854 г. III тома «Магазина земледения и путешествий»⁵. Уже в этой работе молодой Чернышевский четко формулирует задачи этнографии, указывает на значение этнографического материала по первобытным племенам для реконструкции далекого прошлого цивилизованных народов, развивает положение о том, что «каждое племя, стоящее на одной из степеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена». Значение этой работы Чернышевского, в которой он четко формулирует уче-

³ Т. X, ч. 2, «Статьи последнего времени», стр. 155.

⁴ Там же, стр. 156 и 157.

⁵ Там же, стр. 222—230. Полное название статьи: «Магазин земледения и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым». Эта статья Н. Г. Чернышевского была помещена в № 1 «Современника» за 1855 г.

ние о стадияльной закономерности развития человеческого общества, выступая как предшественник Люиса Моргана, было уже отмечено в нашей литературе⁶.

Следует особо указать, что, рассматривая вопрос о различиях в уровне развития отдельных народов, Чернышевский специально подчеркивает независимость этих различий от расовых особенностей, а их обусловленность ходом исторического развития различных народов. «Степень развития и внешние условия жизни, с нею соединенные, почти безусловно властвуют над характером общества, его обычаями, понятиями и учреждениями; самое развитие в характере различных рас человеческого племени оказывает влияние, почти совершенно ничтожное сравнительно с могущественным действием этих условий (подчеркнуто нами.— М. Л.); потому-то для каждой степени развития на низших, для каждого направления цивилизации на высших ступенях исторической жизни человечества, существует один тип; каковы нравы и учреждения одного пастушеского племени, таковы есть и были нравы и учреждения всех племен, когда они стоят на той же ступени развития», — писал Чернышевский в той же работе 1855 года⁷.

Еще более определенно высказывается по данному вопросу Н. Г. Чернышевский в 1857 году в статье по поводу речи И. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала»⁸. Он резко критикует тех авторов, которые считают, что «коренное основание различия между народами заключается в племенных особенностях организма»⁹. (Здесь, как и в других местах, Чернышевский под «племенными» подразумевает расовые особенности.) «Зоологические сравнения и физиологические соображения, — пишет он, — доказывают со всей той несомненностью, какая только возможна при доказательствах, основанных на умозаключении и аналогии, что племенные особенности европейских народов не могут служить основанием различия в их быте и привычках..., что ...особенности, которыми один национальный тип отличается от другого, не нуждаются для своего объяснения в предположении первобытного различия племен, а совершенно достаточную причину должны иметь в различии исторической судьбы различных народов Европы»¹⁰. Но это положение должно быть отнесено не только к европейским народам, подчеркивает Чернышевский. «Мы убеждены, — пишет он, — что и негг отличается от англичанина своими качествами исключительно вследствие исторической судьбы своей, а не вследствие органических особенностей»¹¹. Эти слова Чернышевского, написанные им около 100 лет назад, звучат вполне актуально и сейчас и непосредственно направлены против столь распространенных в зарубежной этнографии и антропологии реакционнейших концепций о расовой обусловленности исторического процесса, о мнимых расовых общностях и различиях, как определяющих факторах политической жизни.

Чернышевский, который, по словам Ленина, «был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»¹², не только высказывается против расовых теорий, но и вскрывает политические корни этих теорий. Чернышевский гениально вскрыл

⁶ Г. Виноградов, *Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского. К пятидесятилетию со дня смерти (1889—1939)*. «Советская этнография», Сборник статей, III, 1940, стр. 35—55. С. А. Токарев, *Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку*. «Советская этнография», 1948, № 2. стр. 195—197.

⁷ Т. I, стр. 225.

⁸ Т. III, стр. 505—524.

⁹ Там же, стр. 510.

¹⁰ Там же, стр. 512—513.

¹¹ Там же, примечание к стр. 510.

¹² Ленин, *Соч.*, т. XVII, изд. 3-е, стр. 342.

зависимость философских учений, научных теорий от политики. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения,— писал он,— создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»¹³. Так возникли и развивались и расовые теории, в частности, теория о расовой неполноценности негров, эта «плантаторская теория рас», исходящая из мотива, ничего общего не имеющего с научной истиной. «Когда встревожились за свое рабовладение плантаторы южных штатов, ученые расуждения в защиту рабства быстро получили такую разработку, какая была нужна для опровержения мыслей партии, сделавшейся опасною для рабовладельцев южных штатов», «когда они серьезно встревожились за судьбу своих плантаций и увидели надобность защищаться от нападения аболиционистов, то нашлись у них на ораторскую, газетную, ученую борьбу громадные силы, как нашлись после на военную»,— писал Чернышевский¹⁴.

Вопрос о расах рассматривается Чернышевским и в его известных дополнениях к переводу работы Джона Стюарта Милля «Основания политической экономии». Перевод, дополнения и примечания к нему были напечатаны в журнале «Современник» в 1860 г. В своих примечаниях Чернышевский писал: «В числе предубеждений, о которых, быть может, и надобно сказать, что в них есть некоторая, небольшая часть истины, но которые без всякого сомнения теоретически несправедливы и практически вредны, когда принимаются за полную и очень важную для практики истину, очень заметное место занимает предвзвешенность, будто особенные племенные свойства, происходящие от особенностей самого организма, играют очень сильную роль в судьбе народов; будто один народ по самой своей прирожденной натуре, по своей расе, неспособен к тому, к чему способен другой народ также по своей расе. Главною опорю этого ошибочного мнения представляется неподвижность азиатских народов по сравнению с прогрессивностью истории европейских народов. Но тут оказывается, что придают важность гипотезе только по невниманию к фактам, которые или совершенно уничтожают надобность в ней, или оставляют ей очень мало места». «Мы говорим все это к тому, чтобы ослабить слишком сильное расположение к приписыванию коренного значения расе народа в его судьбе»,— продолжает он, указывая на значение исторических и географических причин различий в судьбах европейских и азиатских народов. «В образовании нынешнего положения каждого народа такая громадная часть принадлежит действию обстоятельств, не зависящих от природных племенных качеств, что если эти особенные, различные от общей человеческой природы качества и существуют, то для их действия оставалось очень мало места, неизмеримо микроскопически мало места»¹⁵.

В целом ряде своих ранних работ Чернышевский неоднократно возвращается к вопросу о неравномерности исторического процесса, о различиях в судьбах отдельных народов; постоянно вместе с тем подчеркивая, что эти различия ни в какой степени не снимают основного положения об общих закономерностях исторического развития. В своей наиболее крупной философской работе «Антропологический принцип в философии» (1860 г.) Чернышевский подробно аргументирует это положение. «Когда мы поверхностным образом обозреваем две страны,

¹³ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии. Госполитиздат, 1944, стр. 8.

¹⁴ Т. X, ч. 2, «Статьи последнего времени», стр. 82 и 83.

¹⁵ Т. VII, стр. 18, 20 и 21.

очень далекие по развитию одна от другой, страну дикарей и страну высоко цивилизованного народа, нам кажется, будто бы в одной из них нет даже и следа тех явлений, какие поражают нас своим колоссальным размером в другой»¹⁶. Но это глубоко неверно. «Дело иного рода, насколько где развилось известное явление; но явления всех разрядов в разных степенях развития существуют у каждого народа. Зародыш один и тот же; он развивается повсюду по одним и тем же законам, только обстановка у него в разных местах различна, оттого различно и развитие»¹⁷. Большое значение придавал Чернышевский географическому фактору, различиям в географических условиях, в которых протекало историческое развитие разных народов. Но он отнюдь не склоняется к упрощенному географическому материализму, столь характерному для философов-материалистов домарковского периода. Он указывает на различную роль географической среды на разных ступенях исторического развития народа. «Особенно в начале народной жизни географическая обстановка обнаруживает всю свою силу над народными занятиями. Но впоследствии является даже в этих занятиях, не говоря уже об обычаях народа, перемена, необъяснимая ни природою страны, ни географическим ее положением». «Таким образом,— продолжает Чернышевский,— ни природа, ни порождаемый ею темперамент народа вовсе недостаточны для объяснения народных занятий и быта, как скоро народ выходит на поприще исторического развития. Чем же объяснить различие национальных качеств и быта в различных европейских народах? Для этого нужно только, не останавливаясь на первоначальном факте их жизни, на отношении их к природе стран, с таким же вниманием наблюдать и влияние других отношений, среди которых проходила и проходит их жизнь. Отношения эти определяются гражданским устройством народов». Так писал Чернышевский в 1857 г. в указанной уже выше статье по поводу речи Бабста¹⁸. Значение географических условий Чернышевский видит не в прямом, непосредственном их воздействии на общество, на культуру народа, а в том, что тот или иной характер географической среды, то или другое географическое положение страны способствует или препятствует общению между народами, связывает или изолирует страну от других и т. д.

Первый период научно-литературной деятельности Н. Г. Чернышевского, к которому относятся рассмотренные выше его высказывания по вопросу о расах, охватывает немногие годы его пребывания в Петербурге, до заточения в Петропавловскую крепость (1853—1862 гг.). Затем следует 21 год тюрьмы, каторги и ссылки — годы беспрестанных страданий, когда царское правительство все делало для того, чтобы изолировать Чернышевского от жизни, лишить его всякой возможности не только политической, но и научно-литературной деятельности. Только в 1883 г. Чернышевскому было разрешено вернуться из Сибири и поселиться в Астрахани, где он провел шесть лет, лишь за несколько месяцев до смерти получив возможность переехать в свой родной город Саратов.

В астраханский период своей деятельности Н. Г. Чернышевский был вынужден ради литературного заработка заняться переводом «Всеобщей истории» Георга Вебера¹⁹. Труд Вебера не мог удовлетворить Чернышевского. Он прекрасно видел его методологическую несостоятельность, националистические тенденции автора и в предисловии к I тому рус-

¹⁶ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, Госполитиздат, 1944 г., стр. 76.

¹⁷ Там же, стр. 77.

¹⁸ Т. III, стр. 513 и 515.

¹⁹ Из 15 томов «Всеобщей истории», вышедших в издании Солдатенкова (Москва, 1885—1893 гг.), первые 11 и половина двенадцатого тома переведены Чернышевским под псевдонимом «Андреев».

ского издания перевода писал, что «без философских рассуждений в трансцендентальном тоне и без рассуждений о превосходстве немецкой нации над итальянской, французской и английской книга Вебера была бы несравненно лучше»^{19а}. Это побудило Чернышевского сопроводить перевод рядом пространных дополнений-статей, объединенных им под общим заголовком «Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории». Сюда относятся статьи: «О расах», «О классификации людей по языку», «О различиях между народами по национальному характеру», «Общий характер элементов, производящих прогресс», «Климаты. Астрономический закон распределения солнечной теплоты» и, наконец, самостоятельный «Очерк научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена»²⁰.

Как видно из заглавий, большая часть этих работ непосредственно связана с антропологическими вопросами и представляет для нас особый интерес.

В статье «О расах» Н. Г. Чернышевский блестяще вскрывает политическую сущность расовых теорий, подробно разоблачает мнимую научную аргументацию защитников полигенизма, в том числе и довольно распространенное в свое время убеждение о бесплодности мулатов, что приводилось полигенистами как доказательство различного видового происхождения белой и черной расы.

Специально останавливается Чернышевский на вопросах расовой классификации. «Классификация рас,— пишет он,— остается до сих пор очень шаткой в своих подробностях. Специалисты, справедливо признаваемые наиболее компетентными судьями по вопросам этого рода, не сходятся между собою в том, сколько коренных рас должно считать. И последователи известного способа классификации не сходятся между собою в мнениях, к той или другой из принимаемых им рас причислить то или другое племя. Признаки, по которым следует делить людей на расы, тоже остаются предметом споров»²¹. Но эти чисто специальные вопросы,— подчеркивает Чернышевский,— не могут и не должны заслонить основного положения, что каковы бы ни были различия людей по цвету кожи, характеру волос на голове, форме черепа — «все эти различия довольно незначительны сравнительно с элементами тождества в организации всех рас»²². «Все расы произошли от одних предков. Все особенности, которыми отличаются они одна от другой, имеют историческое происхождение»²³.— таково основное положение Чернышевского в учении о расах.

Второе положение Чернышевского — отрицание роли расового фактора в истории. «Научная осторожность не допускает ставить различия между белой и желтой расами принципом объяснения каких бы то ни было фактов их истории. До сих пор еще остается сильна старая привычка объяснить исторические разницы расовыми; но этот метод объяснений устарелый и дающий два очень дурные результата: во-первых, объяснение, основанное на нем, обыкновенно бывает само по себе ошибочно; во-вторых, успокаиваясь на этом фальшивом, мы забываем искать истинного объяснения.

Во многих случаях истина была бы ясна сама собою, если бы не была закрыта от нас фантастическим объяснением факта посредством расовых отличий. Так, например, мнимая неподвижность быта и понятий китайцев была бы без всякого труда понята нами в истинном ее виде как ряд падений цивилизации под гнетом варваров, если бы наше вни-

^{19а} Т. X, ч. 2, «Статьи последнего времени», стр. 76.

²⁰ Там же, стр. 81—229.

²¹ Там же, стр. 87.

²² Там же, стр. 89.

²³ Там же, стр. 90.

мание не было отвлечено от этих бедствий произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше известного уровня цивилизации»²⁴.

Было бы, конечно, неправильно модернизировать взгляды Чернышевского и приписывать ему современное марксистское разрешение вопроса о происхождении и значении расовых различий. «Чернышевский, — писал Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»²⁵.

Отсюда и некоторая противоречивость, которая выступает в отдельных формулировках Чернышевского по вопросу о расовых особенностях, недоучет качественного своеобразия человеческих рас по сравнению с породами животных, недооценка того скачка, того качественно нового, что отделяет человека как социальное, а не только физиологическое существо от животного мира. Чернышевский отдает дань современному ему уровню антропологических знаний, когда приводит в непосредственную связь деятельность мозга со строением черепа, когда пишет, что «с развитием умственной жизни людей какого-нибудь племени лоб их становится выше»²⁶, что «те негритянские племена, у которых передняя часть черепа очень продавлена, конечно имеют передние части головного мозга мало развитыми»²⁷. Но, излагая эти распространенные в его время неправильные взгляды, Чернышевский сумел преодолеть господствовавшее в антропологии положение о неизменности расовых особенностей. «Вопрос вовсе не в том, — продолжает он, — низко ли нынешнее состояние их (негритянских племен. — М. Л.) умственной жизни, а в том, способны ли они к высокой цивилизации, может ли развиваться передняя часть головного мозга их, подняться их лоб. Факты показывают, что может»²⁸.

В оценке расовых различий, как было показано, Чернышевский неизменно оставался на позициях ярого борца против расовых теорий, в очень многих вопросах антропологии далеко опередив свой век.

Теснейшим образом со статьей «О расах» связана статья Н. Г. Чернышевского «О классификации людей по языку». В ней Чернышевский специально останавливается на несоответствии языковой и расовой классификаций, на несовпадении делений национальных и расовых. «Классификация людей по расам основывается на некоторых из их различий по наружности. Если к характеристике расы мы будем прибавлять определения видоизменений этих основных признаков или другие различия по наружности, то получим характеристики отделов расы; продолжая идти этим путем подразличений, мы будем получать подразделения более и более подробные. Эти физические типы будут по нисходящему порядку подразличения более или менее соответствовать группам людей, называемым семействами народов, народами, племенами народа, отделами племени народа; но лишь более или менее, а не вполне; и степень соответствия будет в очень многих случаях — вероятно, в большинстве случаев — неудовлетворительна для исторических надобностей»²⁹.

²⁴ Там же, стр. 96.

²⁵ Ленин, Соч., т. XIII, Изд. 3-е, стр. 295.

²⁶ Т. X, ч. 2, стр. 90.

²⁷ Там же, стр. 92.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 97.

Современные нации неоднородны в расовом отношении. «Изучая состав тех нынешних западноевропейских наций, которые наиболее многочисленны и с очень давнего времени имеют особенно важное историческое значение — испанской, итальянской, французской, английской и немецкой нации, — мы видим, что каждая из них — соединение людей нескольких очень различных физических типов, что каждый из этих типов принадлежит лишь меньшинству людей, составляющих нацию, и что в составе других наций находится очень много людей того же типа. Перепутанность эта так велика в пяти главных нациях Западной Европы, что если говорить с научной точностью, то о каждой из них должно сказать: нельзя составить точную характеристику наружных особенностей, под которую подходило бы большинство людей этой нации и которая с тем вместе оставалась бы относящейся собственно к этой нации, как ее отличие от других наций, а не была бы характеристикой группы людей гораздо более обширной, чем эта нация»³⁰. И, далее: «Вавилоняне, ассирияне, персы, греки, римляне тоже состояли из людей разных физических типов. Ни один из этих народов не может быть характеризован по физическим признакам такими чертами, которые не были бы гораздо шире его народности. Классификация по физическим признакам дает вместо народов более широкие группы людей, лишенные национального единства, состоящие из людей разных народностей...»³¹. Рассматривая далее классификацию людей по языку, Чернышевский пишет: «Разряды языков мало совпадают с делением людей по расам: изолирующими языками говорит только часть желтой расы; к народам, говорящим агглютинирующими языками, принадлежит часть желтой расы, краснокожая и малайская расы (если считать их не видоизменениями желтой, а коренными расами), черная раса (насколько известны ее языки) и некоторые отделы белой расы»³².

На чем покоятся существующие различия в строе различных языков? Каковы общие законы их развития? Эти вопросы подробно разбираются в той же статье «О классификации людей по языку». Острые своей критики Чернышевский обращает в первую очередь против тех специалистов по языкознанию, которые «пускаются в философствования о характере человеческого языка вообще и об умственных и нравственных особенностях людей, склоняющих существительные по падежам, от людей, заменяющих падежи предлогами»³³. Чернышевский показывает всю методологическую несостоятельность рассуждений о том, что «человек уже рождается способным мыслить только посредством того языка, который тождествен с его индивидуальностью...», что «язык, которым говорит человек, вполне обусловлен его происхождением», что различный строй языков связан с природными различиями людей, деление языков на изолирующие, агглютинирующие и флектирующие — с различием их умственных способностей. «Это беспрепятственное шествие торжествующего мышления флектирующих ученых от произвольных предположений путем силлогизмов к желаемому выводу напоминает, — пишет Чернышевский, — средневековую схоластику, с которой и действительно имеет очень близкое родство немецкая трансцендентальная философия, давшая основные аргументы для изложенной нами теории отношений между тремя разрядами языков: языками глупых народов, не совсем глупых, но и не умных народов, и народов очень умных»³⁴.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 99.

³² Там же, стр. 116—117.

³³ Там же, стр. 103.

³⁴ Там же, стр. 106.

Мы привели основные высказывания Н. Г. Чернышевского по вопросу о расах. Из антропологических тем именно этот вопрос наиболее интересовал Чернышевского. Это проистекало из политической его актуальности. Мы видели, что на протяжении своей научно-литературной деятельности Чернышевский по различным поводам касается вопроса о расах и всегда выступает здесь как пропагандист передовых идей, как неумолимый борец против расистских концепций и в антропологии, и в этнографии, и в лингвистике. Эта сторона деятельности великого русского революционного демократа, совершенно недостаточно оцененная до сих пор, сыграла крупную роль в развитии антропологической науки в России. Вряд ли можно сомневаться, что ранние работы Н. Г. Чернышевского, в которых трактуются вопросы антропологии, были знакомы тому кружку прогрессивных деятелей Московского университета, который в 60-х годах прошлого столетия основал при университете Общество любителей естествознания, в недрах которого зародилась русская академическая антропология³⁵. Русская академическая антропология, в отличие от антропологии зарубежной, в большей или меньшей степени подпавшей под влияние расистских теорий, вскормленных колониальной политикой империалистических стран Запада, сумела в лице своих наиболее крупных представителей противостоять этим модным теориям и на протяжении всего своего развития пронести передовые идеи, завещанные ею Н. Г. Чернышевским.

Советская антропология, развивающаяся на основе методологии марксизма-ленинизма идущая по пути, указанному ей работами великого Сталина, высоко чтит эти прогрессивные тенденции русской науки. В своей непримиримой борьбе с новейшими расистскими концепциями в зарубежной антропологии, в борьбе за подлинную науку советские антропологи с гордостью вспоминают своих предшественников и среди них бессмертное имя Н. Г. Чернышевского.

³⁵ См. нашу статью «А. П. Богданов и русская антропология». Советская этнография, 1946, № 1.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. П. ПРУСАКОВ

ПЕСНИ РАБОЧИХ О И. В. СТАЛИНЕ

Народ в своей памяти бережно хранит воспоминания о встречах с В. И. Лениным и И. В. Сталиным, о революционных боях, проводимых под их руководством, о социалистическом строительстве в нашей стране. На каждом заводе есть кадровики-рабочие, хранящие и рассказывающие замечательные произведения советского фольклора, устные сказы, отразившие события истории страны Советов. Хорошо известны молодым рабочим московского завода имени Владимира Ильича сказы — воспоминания о В. И. Ленине и об исторической клятве И. В. Сталина, рассказы-взятые старыми кадровиками Будановым, Веселовым, Калачевым, Подкопаевым, Решиковым, Уваровым, Яруниным. Вздвинуто слушает молодежь московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» воспоминания своих кадровиков Филиппова, Ширяева и других о революции 1905 и 1917 гг. На всю жизнь запоминаются молодыми рабочими цитируемые стариками строки из дооктябрьских и по-октябрьских рабочих песен. В память врезаются образные строки народных песен о Ленине, позвавшем соратников «в полет орлиный» и надевшем «на Сталина родного золоченый меч свой и броню...».

Такого же рода беседы с молодежью часто проводят на предприятиях Красной Пресни в Москве и старый наборщик Симонов, а в Кировском районе столицы — текстильщики Макаров и Одиноква. Они увлекательно и проникновенно рассказывают о борьбе московских большевиков с царским самодержавием и капитализмом, о своих встречах с В. И. Лениным и о том, как под руководством И. В. Сталина советский трудовой народ борется за коммунизм.

Десятки таких же кадровиков, бывших красногвардейцев, одаренных рассказчиков известны на многих предприятиях города-героя Ленинграда и в других промышленных центрах страны.

Устные сказы — только один из популярных видов поэтического творчества рабочих. Наряду с ними и, пожалуй, еще более широко расцвело песенное искусство. Оно охватывает широкие круги работников советских фабрик и заводов, создается поэтически и музыкально одаренными людьми, шлифуется народными массами. Песенное творчество — один из самых значительных видов современного коллективного искусства советского народа.

Безграничной любовью к И. В. Сталину наполнены современные песни рабочих.

В Москву, к ильичевцам была, например, завезена в ноябре 1948 г. народная песня — сказ стахановцев заводов и шахт Красноярского края, воспевающая товарища Сталина — вдохновителя и организатора грандиозных социалистических преобразований, осуществленных в их крае по его гениальным планам. Там, в Сибири, «на краю света», где в годы самодержавия «звенели кандалы», где в селении Шушенском отбывал ссылку В. И. Ленин, а в рыбацком поселке Курейке находился в ссылке И. В. Сталин, — теперь, в наши дни, отлично и вдохновенно работают настоящие хозяева своей земли — мастера высокопроизводительного труда — красноярские шахтеры-новаторы Ирша-Бородинских, Назаревских, Канских и Черногорских угольных шахт, труженики золотых приисков и лесоразработок, строители паровозов, комбайнов, мощных кранов, врубковых машин, цементники и текстильщики, охотники и рыболовы. Об этом и говорится в их песне:

...Стал наш край теперь неузнаваем,
Нет державу нашему границ,
Родина гордится нашим краем —
Стороной заводов и пшениц.

По рабочей Москве, где живет товарищ Сталин, равняются красноярцы. Они говорят:

На столицу держим мы равенье,
Выверяем сердце по тебе...

В глубине страны, «на Таймыре, на хребтах Саяна, светят им Кремлевских звезд лучи».

Они обещают товарищу Сталину «превратить Сибирь в цветущий сад», говоря, что «партия большевиков дала им могучую силу в руки» и что «Москва показывает им пример вдохновенного труда».

Как бы перекликаясь с рабочими-сибиряками, московские станкостроители в своей песне «Сталину слава!», сложенной авторским коллективом рабкоров, поют:

...Народы страны его солнцем согреты,
Делами его зажжены их сердца.
Несут миллионы рабочих по свету
Великую мудрость родного отца.
Пой славу вождю, знаменосец-столица,
И ленинской правдой над миром сияй!
Народ большевистской Отчизны гордится
И в Сталине славит свой солнечный край.

Еще в 1947 г. была записана в Кашире от железнодорожников Донбасской железной дороги песня «Сталин нас к коммунизму ведет!» Вот ее припев:

...Мы землю героев
По Ленину строим,
Советскую землю труда.
Под Сталинским стягом,
Уверенным шагом.
Идем, обгоняя года.

Рабочне-подростки Подольска и его района, приходя на местные заводы и продолжая учиться в школах рабочей молодежи, приносят в цехи заводов свою песню «На Сталинской вахте», где в основе лежат мысли, вызванные указаниями товарища Сталина о советской рабочей молодежи:

...В заводских цехах управляем станком,
За школьную партой в учебе растем,
Мы помним завет Ильича боевой:
«Учиться на радость страны молодой».

Примечательна одна из послевоенных рабочих песен города Сталиногорска и его района. В ней о родном городе, носящем имя тогарища Сталина, сказано:

...Защитник Тулы — город как солдат,
Крутой хваткой, волей небывалой
Ты стал похож собой на Сталинград.
Ведь ты ему недаром кровный брат.

Песня эта заканчивается так:

...Мы в сердце свято сохраняем
Любовь к тому, кто имя дал тебе!

Поют о любимом Сталине металлурги Магнитогорска в своей песне «Заводу-гиганту», коломенские и харьковские паровозостроители в своих лучших заводских песнях и припевках. Поют о вожде горьковчане и москвичи-автомобилистроители в своих «автозаводских песнях». Москвичи, например, говорят о И. В. Сталине в своей новой песне, возникшей в текущем году:

...В этом имени — гордость народа,
В этом имени — песня побед!

Работницы завода «Красное Сормово» сложили «девичьи песни», посвященные столетнему юбилею завода в текущем 1949 г. Песни овеяны образом И. В. Сталина. В одной из этих песен просто и ярко выражено счастье женщины-работницы сталинской эпохи в таких словах:

...По дороге сормозской
Раньше шел отец с тоской.
Я тоски не ведаю,
Я горда победою.

Светлым чувством гордости послевоенного мирного строительства пронизан новый вариант «Песни стахановок» московских шарикоподшипниковцев. В нем стахановки говорят:

...Если Сталин в цех заглянет к нам, придет —
Он нам руки обязательно пожмет
И, приветствуя, похвалит от души —
Ведь подшипники в работе хороши.

Эта песня хорошо известна на 1-м Подшипниковом заводе. Отметим, что сейчас ее поют дети стахановок — пионеры и школьники, с которыми при завкоме завода ведется содержательная внешкольная воспитательная работа.

Величественно звучит в цехах того же московского 1-го Подшипникового завода новая «Песня счастья», посвященная товарищу Сталину. Песнь сложена на заводе недавно коллективом художественной агитбригады «Телескоп». В ней говорится:

...Над страной проносятся песни,
Воспевая наш доблестный труд,
Но одну всех теплей и чудесней —
Песнь о Сталине люди поют.
Она летит, она зовет,
На подвиг нас с собой ведет...

Варируется на нескольких подмосковных предприятиях легкой промышленности песня о Сталине «Великое имя», где есть слова:

...И так хочется жить,
Больше делать, творить;
Жизнь такую для нас создал Сталин.
Сберегай же, страна,
Эту славу века,
Это имя великое — Сталин!

У ярославских рабочих известна «Песня резинщиков», в которой рассказано так:

...Вся страна за Сталиным следом,
Под знаменами Ленина шла...
И народ от победы к победе
Большевистская воля вела.

Песни рабочих о товарище Сталине создаются в Ленинграде и Сталинграде, в Свердловске и Молотове, в Калининне и Ростове, в Саратове и Выхксе, в Стерлитамаке и на Алтае, всюду в великом Советском Союзе. В Туле, например, в первые месяцы послевоенной пятилетки пелась молодежная рабочая песня-величание:

...Да здравствует Сталин великий!
Пусть долгие годы живет!
Сплотил он в Союз многоликий
Могучий советский народ.

В Молотове среди учащихся ремесленных училищ бытовала песня, начинавшаяся словами:

Мы сталинской эпохи поколение,
Взлелеяны заботливым вождем.

Славят вождя ивановские текстильщики в песне «Молодые ткачи»; ореховские текстильщики в песне «Моя фабрика». Шлют ему горячий привет московские трехгорцы в своих «юбилейных припевках», сложенных ткачихами и прядильщиками к 150-летию Комбината Трехгорной мануфактуры, отмечаемого в 1949 г. В этих припевках они поют:

Над Трехгоркой взвейтесь птицы
И летите стаями,
Отнесите в Кремль привет
Дорогому Сталину.

В каждом промышленном центре Советского Союза рабочие различных профессий сливают свои голоса, слагая песни о товарище Сталине. В народных песнях и припевках выражена сыновняя благодарность Ленину и Сталину за счастливую и радостную жизнь. Некоторые из таких припевок стали теперь общенародными.

Что сказал товарищ Сталин —
Много раз повторится:
Когда весело живет
И работа спорится.
Все равны в труде свободном.
Всем — великие права,
Это Сталина простые
И правдивые слова.

Огромно, неисчерпаемо народное творчество, озаренное образом И. В. Сталина. Рабочие песни и припевки о Ленине и Сталине, о большевистской партии создаются и бытуют на фабриках и заводах. В этих песнях воспевается героический, самоотверженный труд, прославляющий отчизну, труд советских рабочих — гвардии Сталина, — идущей под водительством Сталина к коммунизму.

...Куда ни взглянешь, песня эта льется,
 Как верный друг могучих наших дел.
 В стране у нас привольно всем живется,
 В ней Сталин лаской весь народ согрел.

Так говорят рабочие в своих трудовых песнях.

Тексты и мелодии песен слагают рабочие и мастера — песельники-самоучки, «умельцы», как называют их наши фольклористы. В числе наиболее одаренных, по имеющимся сведениям, можно пока упомянуть следующих авторов-умельцев, создающих рабочие народные песни о вожде: Беляева (Магнитогорск), Андрианова (Выкса), Яркина (Балашиха), Тулину (Саратов), Маркелова (Приуралье), Тришича (Каширский район), Шкаровского (Молотов)¹, Сусленникова (Ивановская обл.), Гомберга (Стерлитамак), Дмитриева-Кабанова (Донбасс) и других. В Москве активно участвуют в создании таких песен рабочие: Сарцевич и Курдюков (автотавол завод имени Сталина), Быковский (1-й Подшипниковый завод), Зерщикова (обувная фабрика «Парижская Коммуна»), конструктор Каплан (станкозавод «Красный пролетарий»), Князев (старый слесарь-электрик), многие еще не выявлены.

Князев, например, создал сейчас мелодию рабочей песни «Великое счастье» на текст А. Филатова (завод «Серп и Молот»), где говорится:

Нам дорог в труде неустанном
 Горячего времени час.
 Работать по сталинским планам
 Великое счастье для нас.²

Необходимо в ближайшее время как можно больше сделать в этом направлении, — еще шире повести работу по собиранию и исследованию песенного рабочего народного творчества наших дней.

¹ Тришин и Шкаровский недавно умерли.

² Отдел народной поэзии и Музыкальный отдел Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской частично проводят сейчас общую работу по выявлению и принятию на учет лучших рабочих песельников — «умельцев» — самоучек. Несколько десятков их консультирует композитор С. В. Аксюк. Есть о таких рабочих «умельцах» также частичные сведения в культотделе ВЦСПС, в Управлении воспитательной и культурно-массовой работы Министерства трудовых резервов, в методическом кабинете Высшей школы продвижения и в других организациях.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

НАНАЙЦЫ-ХУДОЖНИКИ

Нанайцы — небольшая (по переписи 1926 г. 5860 чел.) народность тунгусо-маньчжурской группы, расселенная в колхозах нижнего Приамурья — в Нанайском и соседних с ним районах Хабаровского края.

Главными и почти исключительными занятиями нанайцев до революции были рыболовство и охота. Мясо и пушнина служили предметом обмена и уплаты податей. Средством зимнего передвижения служили нарты и собаки, летнего — лодка. Собак держали все нанайцы. Рыболовство обслуживало главным образом домашние нужды (питание себе и корм собакам). Отдельные нанайцы разводили маленькие огороды по образцу китайских и держали свиней. Хозяйство было отсталым и примитивным. Низка была и грамотность. Хотя до революции и было восемь школ, в которых могли учиться нанайские дети, но условия школьной жизни были настолько плохими и обучение родному языку на чуждом и непонятном материале церковных книг было настолько трудным (грамоте учили путем чтения молитв), что богатые нанайцы предпочитали не отдавать своих детей и откупались от школы. В них тогда учились преимущественно сироты.

Нанайское искусство давно обратило на себя внимание не только соседей, которые делали заказы нанайским вышивальщицам и кузнецам, но и искусствоведов.

Замкнутая жизнь и двойная кабала со стороны купцов (китайцев и русских) и своих богачей ограничивали до революции развитие богатых способностей нанайцев областью декоративной бытовых вещей (лодки, амбары, посуда, мелкие домашние вещи из дерева, бересты и металла, одежда) и предметов культа. Орнамент вышивок, тиснений по бересте, долбления по дереву и металлу ограничивался богатыми комбинациями растительных преимущественно и реже геометрических мотивов. Изображения человека и животных были связаны с предметами культа. Все они были по преимуществу объемными, в редких случаях рисовались «иконно» китайского образца. Изображения на них были плоскими и схематичными контурами, без перспективы.

Октябрьская революция и освобождение Дальнего Востока от интервентов были переломным моментом в жизни нанайцев. Был создан национальный район, ликвидированы все формы кабальной зависимости, оказана помощь бедноте, положено начало первичным формам коллективного хозяйства, дети получили возможность учиться в школах-интернатах на родном языке. Начала систематически выходить учебная, политико-просветительная, оригинальная и переводная художественная литература. Нанайцы — учащиеся Хабаровска и Ленинграда — стали активными участниками создания своей литературы и наиболее талантливые из них сделали писателями и поэтами (Л. Бельды, Аким Самар, Гэйкер и др.).

Все ранее скрытые способности нанайцев получили теперь развитие. На местах были организованы кружки самодеятельности, где развивались национальные игры-партизммы, сочинялись и пелись новые песни и ставились пьесы. Эти кружки самодеятельности пользовались и пользуются большим успехом среди колхозников. Они выезжали на краевые олимпиады: в олимпиаде 1938 г. принимало участие 59 нанайцев.

Большую роль в развитии национальной культуры нанайцев сыграл Институт народов Севера в Ленинграде. При нем в 1934 г. была открыта художественная мастерская. Скульптурные и живописные произведения нанайцев привлекали внимание посетителей на выставках Московского музея народов СССР в 1935 г., на Хабаровской выставке 1938 г., на выставке Ленинградского союза писателей в 1939 г.; особенно выделялись акварели Киле Пячки, искусство вышивки Ольги Бельды.

Параллельно с работой художественной мастерской шла работа театральной группы. Постановки первых пьес познакомили общественность Москвы и Ленинграда с нанайским театральным искусством. Театральная группа выехала на родину, где положила начало нанайскому театру. К сожалению, она была немногочисленна, и в начале войны почти весь мужской состав ушел на войну. Но начатое дело не прекратилось; во время войны выросли новые кадры талантливых певцов и актеров, которые заменили ушедших. В колхозной самодеятельности появился новый вид —

сольное пение: начали исполнять не только песни, но и классические романсы Чайковского и Глинки.

Во время Великой Отечественной войны нанайцы горячо откликнулись на призыв товарища Сталина. Большая часть молодежи ушла на фронт. На фронте многие нанайцы выделялись как лучшие снайперы. Двум нанайцам было присвоено звание Героя Советского Союза — Александру Пассару и героически погибшему под Сталинградом Максиму Пассару. Большинство молодежи, вернувшейся с фронта, имеет правительственные награды. Нанайские колхозы во время войны перевыполняли планы по рыбозаготовкам, вносили деньги и продукты в фонд обороны.

К талантам, раскрывшимся после войны, относятся два юных художника — Бельды Андрей и Виктор. Как видно из прилагаемых автобиографий, первые рисунки в книгах, уроки рисования в школах производили на этих детей сильное впечатление. Естественно, рисунки, сделанные в школе, еще имели много недостатков.

Чувство перспектив и светотени особенно ярко выражено в рисунках Виктора Бельды, который получил первые навыки рисования только в неполной средней школе (см. его рисунки на темы охоты). Приехав в Ленинград учиться, он однажды принес мне показать свои школьные работы. Я предложила ему попробовать нарисовать сцены из охоты на зверей, а также сделать иллюстрации к сказке «Мэргэн». Через некоторое время он принес три картины, написанные тушью, пером и кисточкой. Это — подлинный талант-самородок. По состоянию здоровья Виктор Бельда принужден был покинуть Ленинград и работу по иллюстрации сказки он закончил уже дома, в Торгоне. Сказка «Мэргэн», выбранная им для иллюстрации и помещаемая в сокращении ниже, представляет интерес как с этнографической точки зрения, так и с исторической.

МЭРГЭН СКАЗКА

На берегу большой реки угрюмо стоят сосны и ели, ниже растут густые тальники.

Давно, давно на этом месте было большое стойбище. Люди жили счастливо и богато. Однажды ночью на стойбище напал злой лесной владыка тайги. Он связал сонного старшину стойбища, заковал его в цепь и вместе с женою посадил в клетку. Все дома сжег, разрушил, жителей тогда же угнал к себе на океан. В знак своей победы он оставил один дом старшины. В доме старшины была спрятана за *дюлин*ом (изображение духа-покровителя семьи и дома, которое обычно стоит в углу) люлька с маленьким сыном старшины. Его спрятала жена. Мальчик спал днем и ночью и рос. На месте разоренного стойбища выросли высокие деревья и густые тальники, дом исчез в зелени.

Мальчик вырастает и становится богатырем-мэргэном. Узнав, каким образом было разорено его стойбище и угнаны в плен его жители, Мэргэн решает спасти свой народ. Он отправляется к злому владыке тайги.

До вечера шел он по ельникам и кедрачам, наконец, вышел на чистое место с небольшим холмиком, на котором стоял домик. Мэргэн обрадовался ночлегу. Не успел взбежать он на холм, как навстречу ему выбежало пять волков. Мэргэн не растерялся и сильными ударами ноги расшвырял их. Подошел к домику и удивился: вокруг лежали груды человеческих черепов и были разбросаны человеческие кости. «Будь что будет, но обратно не пойду. Умру, но не отступлю», и он, держа стрелу и лук наготове, вошел. У печи сидела дряхлая старуха и грызла человеческий череп. Увидев Мэргэна, она бросила в угол череп и, хихикая, как лиса, сказала: «Вот удача! Свежее мясо само идет. Сынок, ты наверно устал, ложись, отдохни, а я тебе поесть приготовлю». — «Есть я не хочу, а спать буду», — сказал он и подумал: «Сегодня уж спать не придется, или она меня убьет, или я ее. Посмотрим!».

Легли спать. Мэргэн на одной стороне дома, старуха на другой. Поставил лук и стрелу около себя, но не заснул, стал следить за старухой.

Следует рассказ о том, как старуха хотела убить Мэргэна и как он разгадал все её злые умыслы. Тогда старуха пускается на последнюю хитрость.

«Ты пожалел меня, и я выручу тебя. Я знаю, что ты идешь к владыке тайги и будешь биться с ним. Для безопасности я покрою тебя железом». Мэргэн не очень поверил, но согласился. Старуха поставила в печку новый котел, растопила печь, вынула из сундука горшок, вылила в котел синеватую жидкость, а крышку от котла поставила рядом. Когда жидкость в котле закипела, она сказала: «Ну, теперь прыгни в котел, посидишь немного и вылезешь из него железным». Мэргэн понял, в чем дело и, хитро улыбаясь, сказал: «Хорошо, только я привяжу к поясу веревку, а ты держи конец, чтобы я не утонул. А еще лучше, если я привяжу второй конец тебе к поясу, чтобы ты не опустила его». Старуха согласилась. Мэргэн привязал ее крепко, а себя слабо. Встали у края печки. Мэргэн сильным прыжком перескочил через котел и потянул за собою старуху. Та бухнулась в котел. Мэргэн распустил свой узел и быстро накрыл крышкой котел. Через некоторое время из котла вырвался столб пламени. Мэргэн, взяв головню, вышел из дома и воткнул ее

в соломенную крышу. Спустился вниз, нашел оморочку старухи и поехал вниз по течению на север. За поворотом реки он оглянулся: над холмом подымался черный столб дыма.

Мэргэн продолжает свой путь. По дороге он спасает девушку, унесенную злым чудовищем Кори, пустив в него стрелу.

Девушка со слезами радости сказала: «Ты спас мою жизнь. Теперь я готова стать твоей слугою». — «Не слугою, а моей верной женой ты мне будешь», — сказал Мэргэн, — ты жди меня. Сейчас же я отправлю тебя к матери. Она день и ночь горюет. Но у меня ничего нет, есть только стрела. Ты садись на стрелу, а я ее спущу в направлении твоего дома. Прилетишь домой, храни ее до моего возвращения». Девушка села, и пушенная стрела быстро скрылась за горизонтом.

Рис. 1. Навстречу ему выбежало пять волков. Мэргэн не растерялся и сильными ударами ноги расшвырял их

Мэргэн, переночевав, рано утром пустился в путь дальше. К полудню он пришел к развалившемуся домику. Около него были развешаны сети. Он вошел. Старик с мальчиком чинили на полу сети. Жили они очень бедно и пригласили его сестра на голую нару. «Откуда ты, добрый Мэргэн, и куда держишь путь?» — «Я с верховьев большой реки и иду к владыке тайги освободить своих людей и отомстить за родителей. Не знаешь ли, как его найти?» — «Добрый Мэргэн, ты почти рядом, но сможешь ли ты одолеть его? Для того чтобы убить его, надо вначале найти его душу. А душа его находится где-то за океаном. Вначале найди ее». — «Ничего, дедушка, можно померяться силами, и без души. Вот ты лучше расскажи, не обижает ли тебя он?» — «Добрый Мэргэн, я раньше жил не здесь. Нас угнал сюда с верховьев большой реки владыка тайги». И Мэргэн услышал знакомый рассказ. «Я был раньше плотником, а здесь меня заставили рыбачить. Я должен каждое утро привозить ему свежую рыбу. Если ты действительно сын нашего старшины, если ты пришел спасти нас, то, может быть, еще успеешь спасти своего отца. Он прикован на якорь за океаном на дне. Если ты отъедешь подальше от берега, то сможешь услышать звон цепей, мать же твоя сидит у него в под-

полье. Жива она или нет, я не знаю». Мэргэн поблагодарил и попросил уложить спать. Но не успел он заснуть, как в открытую дверь влетели две утки и сели на пол, помахали головами и превратились в двух женщин. Это были спасенная им девушка и ее мать. Мать обратилась к Мэргэну: «Ты спас мою дочь. Мы этого никогда не забудем. Мы решили тебе помочь, чем можем». Мэргэн расхохотался: «Как же вы можете мне помочь, ведь вы женщины и биться не можете!» — «Ты угадал, мы не будем биться, но мы полетим искать его [владыки тайги] душу. Я по рассказам знаю, куда лететь. А когда ты будешь биться, поглядывай на небо, увидишь — летят две утки, попроси противника дать передышку, отойди в сторону, а мы тебе сбросим [душу]». Женщины, превратившись в уток, вылетели в дверь.

Рис. 2. Мэргэн потянул за собой старуху. Та бухнулась в котел. Мэргэн распустил свой узел и быстро накрыл крышкой котел

Утром Мэргэн, отдав мальчику лук и стрелы на хранение, направился к городу владыки тайги. Недалеко от города он встретил возвращавшегося из города рыбака. Старик, увидев Мэргэна, крикнул: «Добрый Мэргэн, бейся с честью, разбей его и освободи всех лесных людей». Мэргэн помахал ему рукою и пошел дальше. Обогнув мыс, он увидел очень большое стойбище, это была столица владыки тайги. Гнев и ненависть у Мэргэна нарастали. Подходя к городу, он собрал все стоящие на берегу лодки, и, подойдя ко дворцу, составил горкой и зажег. Пламя поднялось к небу, это Мэргэн вызывал на бой.

Владыка тайги высылает своего слугу на поединок. Мэргэн убивает его.

Узнав о том, что слуга убит, владыка бросил тарелку, в бешенстве снял халат, одел боевую одежду и вышел, засучивая рукава. Мэргэн тоже засучил рукава.

Утки, полетевшие искать душу владыки тайги, после различных приключений находят её и летят к Мэргэну.

Только на берегу океана они сели отдохнуть. Развязали тряпку на горшке и вынули оттуда маленькое, похожее на человека существо. Это была душа владыки тайги. Положили обратно, завязали и быстро полетели через океан.

Летя, они поочередно держали этот горшок, от которого зависела судьба людей тайги. Уже на середине океана они услышали шум битвы.

На берегу бились два равных по силе богатыря. Вдруг Мэргэн в шуме битвы услышал крик утки. Мэргэн, притворившись, что устал, приостановился и спросил: «Богатырь, хоть ты и враг мой, но ты видишь, что я устал и что мне пришла пора умереть, не отпустишь ли ты меня, чтобы дать завещание моей жене». Противник расхохотался так, что все вокруг задрожало. «Что же это ты, молодец, разве не знал, с кем бьешься? У меня еще и самые главные мышцы не успели напрячься. Ну, уж пусть будет по-твоему. Только дай хорошее завещание жене». Мэргэн отошел в сторону. Утки, спустившись, уронили ему горшок. Мэргэн разбил горшок о камень и вернулся с душою к противнику. «Вот, смотри, что я нашел на траве. Ты старше меня и больше

Рис. 3. На берегу бились два равных по силе богатыря

знаешь, скажи, эта находка к добру или к несчастью?» Узнав свою душу, тот сказал: «Да, ты нашел ее, к несчастью. Если оставишь при себе, она убьет тебя мучительной болезнью. Если тебе дорога жизнь, отдай ее мне или кому-нибудь, старшему, тогда с тобой ничего не случится». Мэргэн, притворившись, вначале опустил низко голову, затем вскочил и сказал: «Зачем мне жалеть свою жизнь? Если я не умру от мучительной болезни, то ты все равно сейчас убьешь меня. Все равно смерть. Лучше я убью это существо, а потом ты убьешь меня».

Мэргэн убивает душу владельца тайги. Владыка гибнет.

Мэргэн пошел ко дворцу. Коренастая старуха, жена владыки, держа за спиною железную кожомялку, позвала Мэргэна к себе: «Подойди, сынок, я не сержусь на тебя. Сам виноват. Такому и смерть». Мэргэн подошел, старуха замахнулась, но он успел схватить ее за руку. Отшвырнул. Вошел в спальню, вытащил топорик величиною с беличий зуб, перерубил огромный замок, закрывавший темницу. Открыл подполье и с факелом в руках едва отыскал свою мать. Седая, она едва двигалась. Мэргэн взял ее на руки, вынес и велел накормить и одеть. Сам поехал на океан, взяв с собою несколько человек. В пути он встретил рыбакова, тот сообщил ему, что отца его охраняет двадцать военных лодок с солдатами. В полдень Мэргэн

подъехал к лодкам. «Эй! Солдаты, ваш хозяин убит, и я прошу вас по-хорошему, уезжайте на свое стойбище, а я освобожу своего отца». Из лодок послышался громкий смех. «Не спеши, герой, сказал старшина солдат, не так-то легко убить его. Пройти же к отцу ты сможешь только через наши трупы». — «Хорошо!» Мэргэн отправил своих помощников собирать народ для встречи освобожденного старшины, сам прыгнул в воду. Плыл быстрее морской рыбы, волны горами отходили от него. Подплыв к лодке старшины, он схватил ее за нос и приподнял, как щепку. Корма опустилась, солдаты побросали свои копья и луки и бросились на нос лодки. Но это не спасло. Нос перегрузился, а тяжелые кольчуги тянули их на дно. Мэргэн поплыл к другим лодкам, те, видя, как утонула лодка старшины, бросились к стойбищу. Мэргэн доплыл до последней лодки, влез в нее. Солдаты упали на колени. Тогда он велел главному везти себя к тому месту, где был закован отец.

Рис. 4. Подплыв к лодке старшины, Мэргэн схватил ее за нос и приподнял, как щепку. Корма опустилась, солдаты побросали свои копья и луки и бросились на нос лодки

Опять Мэргэн вытащил из-за пазухи топорик и нырнул с ним в воду. Звон цепей раздался близко. Вокруг плавали разные рыбы. Наконец, он увидел старика, прикованного к якорю. Он перерубил цепь, взял на руки отца и вынырнул к лодке. На берегу уже собрался народ встречать освободителя. Пировали три дня все: и слепые, и хромые, и горбатые. На четвертый день собрались к себе на родину. Поручив отцу руководить караваном, Мэргэн отправился через хребты другой дорогой. Дошел до стойбища у подножия одной горы. На стойбище стояла суматоха: народ сновал из дома в дом. «Что случилось?» спросил он старика. «Умирает наш старшина. Полмесяца лежит он со стрелой в груди, и никто не может ее вынуть. Шаманы бессильны что-либо сделать, говорят, что вынуть ее может только сам хозяин стрелы». Мэргэн, расталкивая людей, подошел к наре, схватил стрелу за торчавший конец, «Ну, злой человек, выбирай: если хочешь жить, то клянись, что не будешь похищать наших девушек; или сейчас тебе будет конец». Старик по-

клялся. Тогда Мэргэн вытащил стрелу, смазал рану слюною. Старшина встал здоровым и тут же велел устроить пир. На пиру он объявил всем, что он больше уже не старшина, а идет всем стойбищем в подчинение своему спасителю, и предложил завтра же собраться в путь на родину Мэргэна. Тот хотел возразить, но народ хором объявил о своем желании. На другой день Мэргэн со всем народом двинулся дальше. По пути он забрал спасенную им девушку и ее мать. Вернувшись, он не узнал свои места: вместо елей и кустов стояло большое стойбище. Людей поселили на другом берегу. Здесь же поселилась и старушка, жившая у болот.

Началась новая счастливая жизнь, и над рекою лились радостные песни.

Иллюстрации В. Бельды к приведенной сказке интересны не только как плод фантазии молодого художника, но и как графическое изображение повествования.

Автобиография художника, помещаемая ниже,— яркий пример того, как в советских условиях растут и развиваются народные таланты.

АВТОБИОГРАФИЯ ВИКТОРА БЕЛЬДЫ

Я родился на Амуре, на стойбище Торгон в холодную январскую ночь в ветхом шалаше. Родители мои занимались охотой и рыболовством. Они вступили в колхоз, когда мне было два года. В то время мои старшие братья

Рис. 5. Охота на лося. Рисунок тушью Виктора Бельды

уже разъехались по школам-интернатам. Когда мне исполнилось четыре года, отец впервые взял меня на рыбалку. Я никогда еще не видал такого количества рыбы; она трепетала и плескалась в неводе. От удивления и радости я прыгал и не заметил, как попал в воду. Так и проходил я весь день мокрым. Но на обратном пути я мерз, хотя и был закутан в отцовский халат и забрался в нос лодки. На другой день я заболел, болел долго. Братья, узнав, что я с трудом поправляюсь, приехали на каникулы домой и привезли мне подарки: краски, цветные карандаши и бумагу. Мне было шесть лет, когда я впервые начал выводить на бумаге рисунки.

Через год один из наших знакомых подарил мне книжку с картинками и копировальную бумагу и научил меня сводить на бумагу картинки и раскрашивать их цветными карандашами. Я полюбил рисование. Когда же я поступил в школу, я уже срисовывал без копирки. Моим любимым героем был В. И. Чапаев, и я везде рисовал его портреты. Мне всегда было жаль, что урок рисования кончается. Я рисовал все свободное время, всюду, где только мог поместиться рисунок. Кончилось это тем, что я остался на второй год в третьем классе. Учитель, уже рассказывавший мне о художественном училище, сказал мне, что я туда не смогу попасть, если не буду иметь свидетельства об окончании школы. Тогда я засел за учебу и кончил семилетку.

Но началась война, и я не смог поехать, мне нужно было работать и помогать семье.

Наша жизнь пошла нормально только после войны. Но и тут мне не сразу удалось поехать. Моя мечта исполнилась только в 1948 г., когда я попал в Ленинград и был принят на подготовительные курсы Северного факультета Университета.

Сейчас по болезни вернулся домой, восстанавливаю здоровье. Живу и работаю в своем колхозе. Надеюсь скоро поправиться и вернуться к учебе.

Андрей Бельда до приезда в Ленинград уже кое-чему научился за год пребывания во Владивостокском художественном училище. Естественно, что его сейчас не удовлетворяют его первые работы. Мы их помещаем, чтобы показать, как развивался его талант (школьный рисунок «Борьба на рыбалке», один из первых рисунков «Охота за лосями с лодки», который сохранил ученическую сетку; к первым же рисункам относится композиция ковра).

«Рыбалка» и «В школу на собаках» — последние по времени рисунки А. Бельды, первый акварелью, второй тушью кисточкой.

Ниже помещаем автобиографию Андрея Бельды.

АВТОБИОГРАФИЯ АНДРЕЯ БЕЛЬДЫ

Я родился в 1929 г. на стойбище Дондон Нанайского района Хабаровского края в семье рыбака-охотника. Стойбище Дондон стояло на маленьком островке реки Амур. На стойбище было всего 13 домов. Мне было еще 7 лет,

Рис. 6. Охота на медведя. Рисунок тушью Виктора Бельды

когда отец и старший брат, погибший на фронте Отечественной войны, начали брать меня на рыбалку и на охоту. Нередко случалось, когда во время переезда через трехкилометровый Амур река внезапно, как тигрица, начинала бушевать. В таких случаях отец учил меня быть как можно спокойнее. «Нужно крепко держаться за лодку, и, если она опрокинется, то ветер подбьет ее к берегу». При сильных ветрах отец давал мне рулевое весло и учил меня управлять лодкой во время шторма. Летом собаки служили нам бурлаками. Несколько запряженных собак на длинных веревках бежали по берегу, таща лодку очень быстро; нужно было только подруливать. Если же на берегу встречались кусты или наклоненное к воде дерево, собаки обходили берег вплавь. На Амуре летом часто бывают наводнения и ширина реки достигает четырех километров. Мы, собравшись группой, часто ездили на остров охотиться за зайцами. Ружья нам заменяла большая сетка. Когда наводнение спадало, много больших островов было еще под водою. Мы находили такой остров, ставили поперек него сетку. Около сетки оставались замаскированными два мальчика, они держали в руках длинные палки, отчего мы

Рис. 7. Охота на тигра. Рисунок тушью Виктора Бельды

Рис. 8. Борьба на рыбалке. Рисунок акварелью Андрея Бельды

называли их шутя «палачами». Остальные ребята с большими банками и ведрами отплавлялись тихонько на конец острова. Дойдя до конца, выстроившись в ряд, они поднимали шум: каждый кричал и бил по банке или ведру. С этим гамом медленно двигались мы в направлении сетки, не давая покоя ни одному кусту. Зайцы бросались к сетке и «палачи» не успевали их бить. Таким образом, мы привозили домой сразу несколько десятков зайцев. На такую охоту мы уезжали на несколько дней и охотились, переезжая с одного острова на другой. Эти охоты для ребят были самыми любимыми и самыми веселыми.

Когда я увидел первый раз пароход на Амуре, я решил сделать самоходную лодку. Выпрося у старика старую лодку, я тайком от ребят целый месяц мастерил свой «корабль». Они удивлялись, почему я перестал с ними играть, но я не выдавал своей тайны. Закончив работу, я позвал их, спустил лодку на воду; сел в нее и поехал. Я приделал колеса и вертушку, от вращения которой лодка двигалась. Несмотря на быстрое течение, мой «корабль» подымался вверх. Ребята кричали, подбрасывали вверх шапки, а некоторые из них, сняв одежду, поплыли за моим «кораблем». Мужчины, приехавшие с

Рис. 9. На рыбалке. Рисунок акварелью Андрея Бельды

рыбалки, долго смеялись над моим изобретением, покачивая головой, говорили: «Ай-да, пакси, ай-да, пакси». С тех пор ребята не давали мне покоя — каждый просил покатасть на «пароходе» и каждому хотелось «работать в машинном отделении».

В Дондоне был большой шаман. У него был *торо* (столб — место для жертвоприношения). На верхнем конце *торо* была изображена фигура человека, а сам *торо* был покрыт резьбой лучшего нанайского мастера. Несмотря на то, что мать запрещала мне смотреть на *торо*, я подолгу рассматривал рисунки на нем.

Однажды случилась такая история. Я насобирав по пустым домам больших и маленьких *дюли* и *пане* (изображения шаманских духов). Выстроил их в ряд и начал реставрировать разбитые. Мать, долго искавшая, нашла меня в укромном месте за работой. Увидела и ахнула: «Сейчас же бросай и уходи отсюда, злой дух принесет неприятность!». Со слезами она побежала к шаману и просила его защитить меня от злых духов. Старухи шептались, говоря, что я заболел и, может быть, умру. Тогда мои родители купили поросенка, зарезали его передо мною, заставили меня встать на колени и несколько раз прикуснуться лбом к земле. А шаман объяснял духам, что я маленький, бессознательный и подшутил над ними без всякого умысла.

Я и ребята любили строить «дворцы», образцы которых мы видели на больших китайских сундуках. Зимой мы строили их из снега, а летом из

прутьев и глины. В эти годы я еще не имел представления о рисовании. Любовь к рисованию появилась у меня после того, как на наше стойбище приехала экспедиция из Ленинграда в составе двух человек, один из которых был художником. Однажды художник сел около нашего дома и начал рисовать. Я, вытаращив глаза, с удивлением смотрел, как на бумаге быстро появился наш дом с высокой трубой. Мне очень хотелось попросить у него бумагу и карандаш, но я тогда не знал ни одного слова по-русски. Как только они уехали, я взял чистую доску и уголь и начал мазать, поглядывая на свой домик. Родители смеялись надо мной. День был жаркий, пот катился у меня с подбородка, ребята звали меня купаться, но я не пошел, пока не кончил. С тех пор я начал рисовать на песках, на досках и на стенах домов.

Рис. 10. В школу на собаках. Рисунок тушью Андрея Бельды

Первое сентября 1938 г. было для меня самым радостным днем — я поступил в школу. В этот день я впервые сел за парту. В школе все было интересно. Я узнал буквы и научился читать. Но самым радостным был для меня тот день, когда мне дали бумагу и карандаш для рисования; о них я мечтал так долго, рисуя на досках и стенах. В школе я узнал, что на земном шаре есть только одна страна, в которой человеку так хорошо жить, как рыбе в воде, где с маленькими народами обращаются как с равными; нам рассказывали о жизни негров в Америке, и я радовался, что родился не в Америке. Родители рассказывали мне, как тяжело было жить «до Ленина». Китайские и русские купцы постоянно обманывали нанайцев, напавая их спиртом и забирая всю пушнину. Жили в маленьких темных домах с окнами, заклеенными бумагой. В то время нанайцы пели песенку:

Солнце высоко,
А у меня в доме все темно.
Не для нас, видно,
Светит оно.

Потом, после Октябрьской революции, стали петь другую песню:

Ленин пришел,
И солнце стало нашим.

Теперь нет уже у нанайцев одежды из рыбьей кожи, нет деревянной посуды, забыта и охота из лука. Я радовался, что родился в другой жизни и с интересом слушал рассказы о старине.

Но вот настало грозное время — напали черные вороны, закотели они восстановить старую жизнь. И старики сказали: «Мы по звериным тропам в старую жизнь не вернемся. Мы широко открытую вперед дорогу не отдадим». Я видел, как молодые добровольно уходили на фронт. Они ехали на катерах,

на лодках, на оморочках с красными флагами, с песнями. Охотники выходили из тайги с винтовками, из которых они били белку только в глаз. Старики в напутствие просили их бить побольше немцев, не роняя на землю ни одного снаряда. Когда с фронта приходили тревожные вести, старшеклассники расставались со своей партией и уезжали на фронт. Так поступил Максим Пассар, Киле Захар и многие другие. Скоро мы услышали о них. Их имена постоянно повторялись во всех колхозах.

В 1944 г. я окончил нанайскую школу. Птенчики отрастили крылья и, как вольные птицы, улетали из своего гнезда. Только в нашей стране молодые могут летать, как свободные птицы. Летом я поехал в Хабаровск. Удивленный, ходил я по городу, — ведь я впервые был в большом городе. С папкой школьных рисунков я пошел в отдел искусств. Начальник спросил: «Поешь?» — «Нет, рисую», — сказал я. Он направил меня к директору худо-

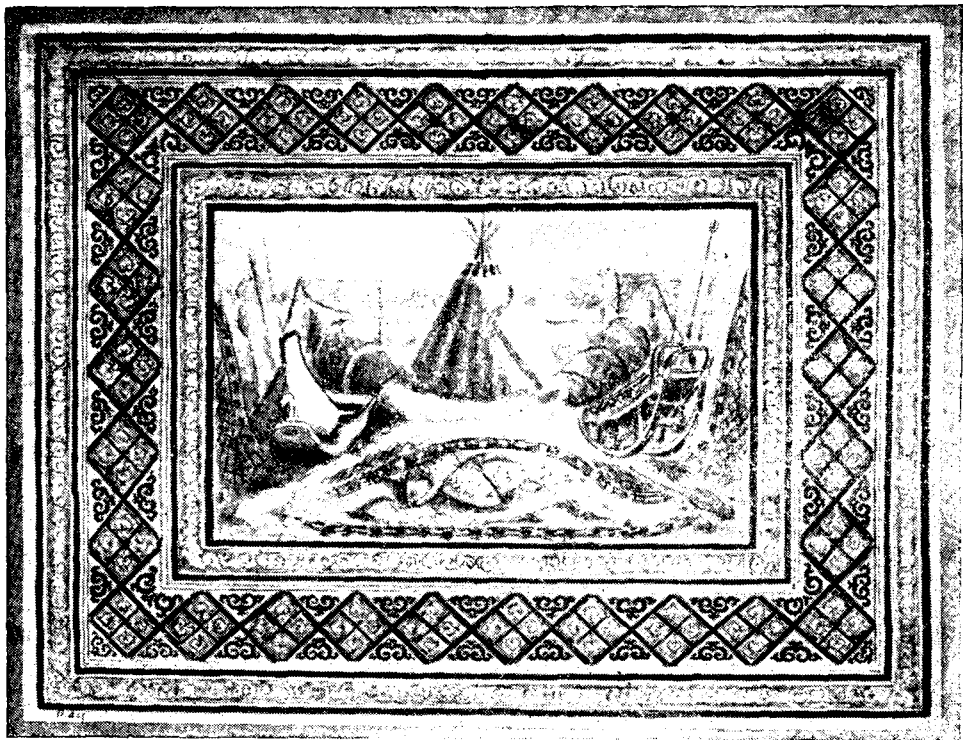

Рис. 11. Композиция — ковер. Рисунок акварелью Андрея Бельды

жественного музея, художнику Н. И. Туркину. Тот принял меня очень приветливо, показал мне картины. Я и во сне не видел таких полотен. Меня устроили в товарищество художников. Жить я стал в квартире Туркина. Вся семья полюбила меня. Когда Н. И. Туркин дал мне впервые набор красок, я не знал, какое слово ему сказать, и лишь только я вышел из музея, как слезы радости скатились у меня с глаз — впервые у меня в руках были тюбики волшебных красок.

Пробыв год в Хабаровске, я вернулся в Найхин, где стал работать художником в школе и библиотечарем в сельской библиотеке. В январе этого года меня приняли в ряды комсомола.

Однажды прихожу домой, мать говорит мне, что у поросенка течет кровь. Я сразу догадался и бросился к этюднику. Половины красок не было, их съел поросенок. Долго я плакал в обиде на себя и на поросенка.

В 1946 г. меня выдвинули участвовать в Третьей краевой олимпиаде. Там за рисунки и живопись, а также за фехтование и исполнение нанайской шуточной борьбы двух мальчиков я был награжден грамотой и ценным подарком. Осенью 1946 г. я поехал во Владивосток учиться в педагогическое художественное училище. Посмотрели мои рисунки и приняли без приемных экзаменов.

Первый курс я окончил отличником, а студенты сочинили про меня шуточный стишок:

Наш нанаец Бельды
 Парень, славный, хоть куда:
 По рисунку он силен,
 А по живописи — Левитан.

Окончив второй курс, я поехал на родину отдыхать. Здесь опять была экспедиция из Ленинграда. В. Н. Аврорин и О. П. Суник производили записи по нанайскому языку. Они посоветовали мне ехать учиться в Ленинград. Но беда была в том, что у меня не было денег на дорогу. И тут меня выручил русский человек. Я вместе с другим нанайцем Виктором Бельды отправился в далекий Ленинград. Мы ехали 10 дней, и всю дорогу у нас с уст не сходила песня «Широка страна моя родная». Живя на Амуре и в городах Дальнего Востока, я мог видеть города и просторы нашей родины только на открытках и в журналах. Теперь они проходили у меня перед глазами. Приехав в Москву, мы прежде всего отправились к тому, кто открыл нам новую жизнь и дал счастье. Ленин, как живой, лежит в мавзолее. Мы долго стояли против кремлевской стены, и мысли наши были со Сталиным, продолжателем дела Ленина.

Никогда не изгладится из моей памяти посещение Третьяковской галереи. Я не мог определить, какой художник мне нравится больше всего, у каждого было свое. Во мне подымалась гордость за свою страну, ее можно выразить словами Маяковского: «Завидуйте, я гражданин Советского Союза». Теперь я учусь в том городе, где Петр «прорубил окно в Европу», где жил и творил великий поэт Пушкин, где 14 студентов-художников ушли в народ писать, где рождалась музыка Чайковского, Глинки и других, где Великий Ленин создал новый строй. У меня одно желание — окончить художественное учебное заведение, вернуться к своему народу, писать на радость ему картины о новой счастливой жизни и этим добавить свою каплю в советскую культуру нашего Союза.

Рисунки и автобиографии обоих Бельды служат ярким примером того, как только в наших советских условиях могут развиваться таланты самых малых и самых отсталых прежде народностей, которые теперь стали строителями своей национальной культуры и вкладывают свою долю в сокровищницу культуры всего Советского Союза.

М. А. КАПЛАН

ТВОРЧЕСТВО ПЕРВОГО НАНАЙСКОГО ПОЭТА АКИМА САМАРА

Советский строй принес величайшие социалистические преобразования в экономике и культуре нашей страны, в общественных отношениях, в труде и в жизни всех народов Советского Союза.

За годы советской власти нанайцы¹ прошли громадный исторический путь от первобытно-общинного строя к социализму.

Колонизаторская политика царского правительства приводила многие народы России к вымиранию. Это были вынуждены отметить даже буржуазные исследователи. Так, например, Лопатин в своей монографии «Гольды», посвящая вопросу вымирания специальный раздел, писал: «Итак, перед нами неоспоримый факт быстрого вымирания гольдской нации... К великому прискорбию иногда приходится слышать от неосведомленных лиц... что вымирание туземцев не остановить, так как оно, будто бы, кроется в них самих, что туземцы обречены самой природой на вымирание, как не выдержавшие естественной борьбы за существование; поэтому будто бы, чем скорее они вымрут, тем лучше как для них самих (?), так и для культурных народов»².

В России, как и в других странах, империализм обрекал на гибель колониальные народы.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, с которой началась новая эра в жизни человечества, только национальная политика советской власти в корне изменили жизнь и быт нанайцев и создали им все условия для построения на социалистической основе счастливой и зажиточной жизни.

Советская власть воспитала у всех народов Севера целое поколение культурных передовых людей — советскую интеллигенцию. До советской власти нанайцы были совершенно неграмотными и не имели своей письменности. Ныне нанайцы на своем родном языке читают труды Ленина и Сталина, Сталинскую Конституцию, читают произведения Пушкина и Толстого. Все пути к творчеству, к знанию для нанайцев ныне открыты.

Нанайцы имеют богатый фольклор. Наряду с «нингман» — сказками и «тэлунгу» — преданиями, которые широко бытуют и сейчас, приобрели большое значение советские песни и частушки. Многообразны пути развития устного народного творчества, стражающего новое общественное сознание, развивающееся на основе социалистического уклада.

Творчество писателей и поэтов народов Севера свидетельствует, что национальная литература, порожденная современной жизнью, развивается, крепнет, имеет большое будущее. Она связана, с одной стороны, с богатейшими традициями устного поэтического искусства своего народа, с другой — с лучшими образцами русской литературы.

Наиболее талантливая молодежь народов Севера, приобщившись к сокровищнице русской литературы, начинает сама творить, писать стихи, рассказы, песни. Создается литература, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Ярким образцом является творчество первого нанайского поэта Акима Самара.

Имя нанайского поэта Акима Самара близко и дорого не только нанайцам, но и другим народам Севера, так как это творчество выражает мысли и чувства народностей Севера, до революции обреченных на гибель.

Аким Самар родился в 1916 г. в небольшом нанайском селении, расположенном на берегу реки Гории — одного из бурных притоков многоводного Амура. С семилетнего возраста он начал помогать отцу в охоте и рыбном промысле. Только тринадцатилетним подростком Аким Самар стал учиться. Учиться ему пришлось недолго. Болезнь отца помешала окончить школу: нужно было помогать семье. Однако желание учиться не покидало юношу. В 1932 г. комсомольская организация послала его на курсы политпросветработников. После успешного окончания этих курсов он был назначен преподавателем младших классов неполной средней школы в селении Найхин.

¹ Нанай или нанайцы известны в прошлом под именем гольдов.

² И. А. Лопатин, Гольды Амурские. Уссурийские и Сунгарийские, Записки Общества изучения Амурского края, т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 50.

К этому времени относятся его первые шаги в области литературной работы. Аким Самар проявляет большой интерес к устному народному творчеству нанайцев. Он беседует с бывальыми стариками-охотниками, записывает с их слов «нингман», «лунгу». Аким Самар начинает и сам писать на родном языке стихи и песни.

Социалистическое строительство меняет лицо родного края. Растут нанайским рыболовецкие колхозы, школы, клубы, избы-читальни. В селениях появляются радио и электричество, быстроходные глиссеры, мощные рыболовецкие катеры. Вблизи нанайского селения, где родился Аким Самар, вырастает город молодости — Комсомольск на Амуре.

Лучшие сыны и дочери нанайского народа едут учиться в Хабаровск, Владивосток, Ленинград. И молодой нанайский учитель Аким Самар в 1936 г. из селения Найхин едет в город Ленина, увозя с собой любимую тетрадь своих стихов.

В Ленинграде, в Институте народов Севера, перед жаждущим знаний юношей открываются широкие перспективы. Аким Самар хочет стать полноценным, разносторонне образованным учителем, чтобы, вернувшись в родные края, передать свои знания выросшему его народу.

В Ленинграде, где в то время была сосредоточена основная работа по развитию письменности народов Севера, Аким Самар принимает деятельное участие в создании книг на родном языке. Его перу принадлежат переводы на нанайский язык произведений русских классиков, переводы ряда политических статей и сборников. Он участвует в переводе на нанайский язык Сталинской Конституции, принимает участие в составлении и издании учебной литературы для нанайских школ.

Одновременно Аким Самар успешно продолжает свою творческую работу. В 1938 г. выходит первый небольшой сборник его стихов в издании Гослитиздата; в 1940 г. Ленинградское отделение Учпедгиза выпускает второй сборник его стихов. В печать принимается повесть Акима Самара «Сын бедняка». Самар заканчивает работу над поэмой «Герои Хасана». В литературных журналах Ленинграда появляются его стихи в переводах ленинградских поэтов. В этих стихах и песнях устами своего первого поэта нанайский народ в простых и искренних словах благодарит величайших из людей — Ленина и Сталина — за светлую, радостную жизнь.

Молодого поэта принимают в Ленинградское отделение Союза советских писателей.

В начале 1941 г. полный творческих сил и надежд, Аким Самар успешно окончил Педагогическое училище и возвратился в родные приамурские края.

Наступило лето 1941 г. Началась Великая Отечественная война. Весь советский народ поднялся на защиту своей Родины. На фронт добровольно ушел и поэт нанайского народа, учитель Аким Самар.

В дни тяжелых боев за Родину вражеская пуля оборвала его жизнь. Аким Самар пал смертью храбрых в легендарных боях за Сталинград.

Прекрасный знаток всего богатства многовековой народной поэзии нанайцев, Аким Самар поднял ее на новую высоту. Его поэзия органически связана с творчеством его народа. Стихи Акима Самара опубликованы в трех сборниках. По содержанию стихотворения распадаются на три группы: песни о Родине и ее вождях — Ленине и Сталине, лирические стихи о природе и людях нанай, песни и сказки нанайского народа, записанные и художественно обработанные поэтом.

Для творчества Акима Самара характерно сопоставление старого с новым. Он радостно приветствует Октябрьскую революцию, те громадные изменения, которые она принесла с собой. С большой отчетливостью воссоздает Аким Самар мрачную картину прежней жизни нанайцев, от которой освободила их Великая Октябрьская социалистическая революция, утвердившая новый общественный строй.

Так Великий Октябрь
Старый строй разрушил,
Прежние цепи порвал,
Дорогу нанайцам открыл³.

Наиболее ярко контраст прошлого и социалистического настоящего выражен в стихотворении «Письмо», где Аким Самар писал:

Теперь наша жизнь свободной стала,
Старики — и те долго жить хотят.
Если вспомнить прежнюю жизнь,
Только плакать хочется.
Вы помните, как мы прежде
При царской власти жили?
Как нас горы теснили,
Как наводнения топили,
Как грозы, вечно пугая,
По нашим домам гремели?

Вы помните, как вечно
Дождь нас промачивал?
Вы помните, как вечно
Пурга бушевала, вихри неслись?
Как в нашей жизни очень плохо,
Темно, нельзя вздохнуть было?

Помните ли вы рассвет Севера
В Октябре семнадцатого года?

³ Аким Самар, Песни Нанайца, Учпедгиз, Л., 1946, стр. 50.

Помните ли вы, как мы тогда
Радостно Советскую власть встретили?
В тот момент мы красное солнце,

Голубое небо увидели.
Только в тот момент нанай
Светлую жизнь узнал⁴.

Воспоминание о Великой Октябрьской социалистической революции в поэзии Самара неразрывно слито с мыслью о создателях первого в мире социалистического государства — В. И. Ленине и И. В. Сталине.

Словно как после грозы,
Словно после урагана,
Грязи и сора не стало,
Так Октябрь землю омыл.

Так, рабочие и бедняки
Под руководством Ленина
Царя и богачей прогнали,
Советскую власть установили⁵.

Образы Ленина и Сталина в нашей поэзии выступают прежде всего как образы освободителей от гнета и нищеты, указавших трудовому человечеству путь к новой жизни. Бессмертный образ Ленина живет и вечно будет жить в сердцах людей.

Сначала друзей Ленина мало было,
Врагов его много было.
Он бедняков пробудил,
Рабочих организовал.

Как перед грозой
Тучи собираются —
Рабочие и бедняки
Вокруг Ленина объединились⁶.

Аким Самар в своих песнях и стихах пел о партии большевиков, о ленинско-сталинской национальной политике.

Освобожденные нанай вместе со всей страной
По пути, указанному Лениным — Сталиным,
Социализм построив, к коммунизму,
Стройно шагая, идут.
Двадцать один год спустя
Наши люди неузнаваемы сделались.
Жившие раньше в темноте и нужде,
Теперь грамотными, культурными стали.

* * *

Это благодаря правильной
Ленина — Сталина национальной политике
Нанайский народ окреп,
Нанайский народ сильно вырос!⁷

Страшная весть о смерти Владимира Ильича поразила всю семью советских народов. Народное горе вылилось во многих произведениях народных поэтов, в том числе и в стихах нанайского поэта Акима Самара. Но при всей силе выраженного в поэзии Самара народного горя, в ней нет отчаяния, в ней слышна уверенность в вестности дела Ленина — ведь партию по ленинскому пути повел И. В. Сталин.

В стихотворении «Ильич не умер» Аким Самар писал:

Если б снова жил, ты узнал бы,
Что мысли твои бессмертны.
Если б встал ты, увидел бы:
Ты, Ильич, не умер!

Твой ближайший друг — товарищ Сталин
Знамя твое высоко поднял.
Это знамя трудящимся мира
Верный путь указывает⁸.

Лучшие свои произведения Аким Самар посвятил великому Сталину. С волнением и любовью произносят народы великого Советского Союза имя Сталина.

В стихотворении «По твоему пути миллионы людей идут» Аким Самар говорил:

Над дремучей тайгой
Высокая гора стоит.
А над горой
В вышине небо видно.
Но, Сталин,
Ты неба выше.
Белый месяц, сияя,
Только ночью светит.
Красное солнце, сияя,
Только днем светит.
Твой же разум
И днем, и ночью светел.

Порыва ветра
Никакие тучи не остановят.
Потока реки
Никакие преграды не сдержат.
Наш путь, указанный Сталиным,
Никто изменить не сможет.
По твоему пути
Миллионы людей идут.
По твоему учению
Новую жизнь создают.
За счастливую, светлую жизнь
Тебя они благодарят⁹.

⁴ Аким Самар. Стихи, Учпедгиз, Л., 1940, стр. 96—97.

⁵ Там же, Песни Нанайца, Учпедгиз, Л., 1946, стр. 19.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же, Стихи, стр. 98.

⁸ Там же, Песни нанайца, стр. 22.

⁹ Там же, стр. 28—29.

Имя Сталина, окруженное безграничным уважением и любовью народа, выражает величие победоносного Советского Союза и является символом всепобеждающего коммунизма. «Золотой закон» — так назвал Аким Самар стихотворение, посвященное Сталинской Конституции.

То не золотой луч солнца

Нас освещает,

Это Сталинский всенародный закон

Нашу жизнь озаряет.

То не многоводный Амур

Свободно течет,

Это свободно и быстро нанайский народ

Растет, словно цветок расцветает.

Сталиным созданный закон

Золотым лучом сияет,

Народы нашей страны

Ярче солнца озаряет¹⁰.

Бесконечная любовь к нашей великой Родине, к своему краю в творчестве Акима Самара неотделима от любви к партии Ленина — Сталина и советской власти, благодаря которым наша страна стала неузнаваемой.

Цикл стихотворений и песен Самара, посвященный нашей Родине, ее героям, нашей любимой Советской Армии, бесстрашным пограничникам, отважным летчикам, разнообразен; все его произведения полны гордостью за страну социализма, озарены любовью к ее великому вождю — Иосифу Виссарионовичу Сталину.

То не весенний ветер

Над жилищами веет,

Это нанай по Сталинскому закону

Счастливы и культурно живут¹¹.

Самар правдиво рисует нашу страну как самую богатую, самую сильную, самую передовую и необъятную.

«В ее лесах множество зверей, в ее недрах множество золота, в ее водах множество рыбы, в ее тайге множество разных деревьев растет, на ее золотых нивах множество хлеба созревает. Она самая сильная, людей у нее очень много, армия у нее очень большая, сила ее армии несокрушима. В нашей стране все народы свободно и счастливо живут, каждый народ на своем языке книги пишет, свое искусство создает. Наша страна не только богата и необъятна, но наша страна — страна социализма, основа коммунизма, несокрушима, словно железная гора, словно гранитный утес стоит»¹².

В стихотворении «Город Комсомольск» Аким Самар показывает преобразование одного из наиболее глухих мест нашей Родины в цветущий социалистический город.

Сто лет назад на этом месте

Лишь полдесятка нанайских амбаров было,

Да лишь нанайцы, жители стойбища Ленки,

По своим обычаям, ничего не ведая, в темноте жили.

.....

Там, где вчера были широкие болота,

Сегодня — большие улицы города.

Там, где вчера были муравьиные гнезда,

Сегодня — красивые большие дома.

Там, где вчера кедры да ели стояли,

Сегодня — трубы заводов встали.

Там, где вчера валежник да сучья были,

Сегодня машины фабрик и заводов

Стали вертеться — работать.

В тайге, где вчера бродил медведь,

Сегодня, куда ни взглянешь,

Автомобили ходят.

.....

Вчера ночью в тайге

Тишина, темень была,

Сегодня днем и ночью светло,

Заводы с грохотом работают,

Вчера голоса и крики

Разных птиц были слышны,

Сегодня шум машин,

Гудки заводов

Никогда не прекращаются.

¹⁰ Аким Самар, Песни нанайца, стр. 32.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 34—35.

Сегодня город Комсомольск таким стал,
Завтра совсем неузнаваемым станет.
Самым красивым, самым сильным
Городом молодости станет!¹³

Прекрасную свою Родину советские люди готовы, не щадя своей жизни, отстоять во всех и всяких битвах. И в стихотворении «Если война начнется» поэт говорит:

Вокруг нашей Родины
Капиталистические стрелы кольцом находятся,
Нашей стране завидуя,
Они готовятся к войне.

Наша Советская страна
Чужой земли не хочет,
Наша Советская страна
Войны не желает.

Но если враг нападет,—
Сила для ответа крепка.
Любого врага на его земле разобьем,
Мы воевать хорошо умеем!¹⁴

Особую группу составляют песни и стихи Акима Самара о людях нанай, о природе, о любви. В этом цикле, особенно в песнях, ощущается связь с устным народным творчеством нанайцев — со старинными лирическими песнями. Такова песня девушки — «Гаоликан мой дружок», старинная песня — «Гость-жених», песни — «Незнакомые женщины», «Песня девушки», «Расписная оморочка» и другие.

Большой интерес имеют песни и сказки нанайцев, записанные и художественно обработанные поэтом. Такова сказка «Два старика» — одна из сказок нанайцев, известная под названием «Бедный и богатый старик». Эта сказка отражает классовое расслоение у нанайцев, существовавшее довольно явно, возникшее в рамках патриархально-родового строя.

Аким Самар, обрабатывая народные сказки, создает высокохудожественные произведения, вводя в повествование стихотворную речь. В данной сказке, как и во многих других, народное сочувствие на стороне бедных: бедняку сопутствует удача — он перехитрил и убил много зверя. Богатый же, точно повторяя все действия бедняка, не имеет успеха: ничего не поймав, замерзает.

Ленинско-сталинская национальная политика возродила народы Севера к самостоятельному национальному бытию; они с полным правом называют себя «вторично рожденными».

Творчество первого нанайского поэта Акима Самара рождено Великой Октябрьской социалистической революцией, открывшей народам нашей страны все пути к творчеству, к знанию.

¹³ Аким Самар, Стихи, стр. 38—39.

¹⁴ Там же, Стихи, стр. 92.

А. П. КОЛПАКОВ

КУРДЫ ПЛЕМЕНИ ГУРАН

В этом племени насчитывается до 6500 семейств. Территория, занятая этим племенем (центр — селение Гахварé) расположена на западе Ирана, к северу от дороги Керманшах — Касри Ширин в горах Делагу и Риджаби; представители этого племени живут разбросанно и в Махидаште, на запад от Керманшаха. По словам ханов, племя гуран появилось на данной территории лет 200 назад. Зимой курды Гуран перекочевывают со скотом в более теплую зону, в долину Зохаба, на равнину Серакала и в районы Канинам и Чеасорг, вдоль ирано-иракской границы, а также в Карату (на территории Ирака).

Племя гуран состоит из 7 подразделений (тирэ): 1) Гахварé (до 1200 семейств), пришедшее из Гавиля, из окрестностей Джеванруда, говорит на наречии «мачумачу»; 2) Кальхонии Бахрами (до 800 семейств), пришедшее из Айвона, говорит по-курдски; 3) Кальхонии Аспарй (до 1200 семейств), появилось из Айвона, говорит по-курдски; 4) Тофенкчй (до 1000 семейств), появилось на современной территории Гурана из Джеванруда и Паве, живет оседло, говорит по-курдски; 5) Нерезй (до 700 семей), живут в 15 селениях к северо-востоку от Касри Ширина, в районе Зохаба; говорят на наречии «джафй»; 6) Бибионй (до 600 семей), живут северо-западнее ответвления Гахварé, говорят на наречии «мачумачу»; 7) Джаф (1000 семей), состоит из двух родов: Тайшй и Кадыр Мурид Вейси. Это ответвление появилось из Месопотамии и говорит на наречии «джафй». Что касается религии, то первые четыре племенных подразделения исповедуют культ «али илахи», а последние три — сунниты.

Курды племени гуран называют жилища ханэ, джо или манзиль. Жилые помещения строят из камня, кирпича-сырца и глины, в некоторых местах применяется обожженный кирпич (аджур), но в большинстве жилища — глинобитные. В стенах жилищ внутри делается много ниш. В потолке имеется отверстие для выхода дыма от костра, который разводится в металлическом сосуде (содж), ставящемся на пол. Стены изнутри обычно не белятся. Пол глиняный, покрывается цыновками, а у зажиточных курдов камышовые цыновки застилаются коврами. Печей в жилых помещениях нет. Пол — замин, потолок и крыша носят общее название «ббн», дверь — дар, окно — куноваджá, порог — вардár.

Хозяйственные пристройки: тавилé — стойло, охур — конюшня, огйá — хлев (для коров и овец), кулонá — курятник, мивáк — кухня. Часто жилое помещение и хлев для скота располагаются под одной крышей и разделены стеной. У курдов-бедняков часто в жилое помещение на ночь в холодную погоду загоняют телят.

Одежда курдов состоит из брюк (шавóр), преимущественно черного цвета. У пояса брюки широкие и суживаются внизу до самой шиколотки, где они обтягивают ногу манжегой. Рубаха (шавй) обычно ситцевая, длинная, без воротника. Поверх рубахи надевают жилетку (джалискá) или пиджак (сечáк). Кроме того, сверху надевают забун (длинная одежда) или кабá (длинная одежда, имеющая внизу разрезы по бокам до 40 см). Поверх одежды курды опоясываются матерчатым кушаком в несколько метров длиной, обвивая талию несколько раз. Головной убор состоит из войлочной шапки (калуá), поверх которой, не закрывая ее верхушки, повязывается платок с бахромой, кисти которой свешиваются вокруг головы. Зимой, во время холодов курды данного племени носят войлочную одежду (капанéк), преимущественно из белой шерсти с очень узкими рукавами. Капанéк достигает колен и по краям иногда обшивается материей.

Одежда курдской женщины проста и бедна. Наименование женской одежды: камарчйн — длинное платье, сурувáн — головная повязка, чапкáн — нижняя ночная рубаха. Широкая перевязь на рукаве женского платья называется моштá. Платья — темных цветов, длинные, до земли. Голова закрывается большим платком и обвязывается им несколько раз. Украшения курдских женщин состоят из сережек (гушпорá), нагрудных украшений (мольвонéк), браслетов (дазонéк), колец (келькуанá) и украшения тивулбáн, надеваемого на лоб и состоящего из турецких лир.

В пищу употребляется хлеб (нан), выпекаемый различными способами. В селениях выпекается круглый хлеб — соджй и тонкий круглый хлеб — тирй. Из кушаний наиболее употребительны каурмá — жареное мясо в сале, мякйш — кушанье из риса,

кншмиша, масла, воды, соли, тмина (зирá) и барбариса (зирешék). Япрáх или дуль-мá — готовится из риса, мяса (бараньего или коровьего), кншмиша, коровьего масла и виноградных листьев с добавлением тмина и барбариса. Нимрú — ячница на коровьем масле с солью. Плов варится из риса и бараньего мяса на коровьем масле. Баранье сало употребляется очень редко. Тархинá готовится из пшеницы, дуга и соли (дуг — отходы молока). Это кушанье готовится в большом количестве на зиму. Состав из пшеницы, дуга и соли сушится на солнце в конце лета. Зимой от этой сушеной массы отламывают куски, опускают в воду, прибавляют коровьего масла и тархина готова. Чай пьют только черный; зеленый чай не употребляют.

Из мебели и утвари в жилищах встречаются: стол (миз), стул (сандали), палас (гилím), ковер (коли), котел (казгón), пиала (джом), тарелка (доври), медная чашка (бой), медный поднос (маджмá), медный таз (ташт), половник (кафир), постель (душáк), одеяло (лаоф), подушка (болишт), кувшин для омовения (афтова), таз для умывания (лабón), ковры и паласы, которые ткются из овечьей шерсти (хури), ткацкий станок — калыйт, челнок — хапék.

Приводим названия домашних животных: гуракá — теленок или телка до года; ни́он — телка 1—2 лет; нубáнд — теленок 1—2 лет; мангá — корова от 3 лет и старше; га — бык 3 лет и старше; асп — лошадь; куррý — жеребенок до 2 лет; майн — кобылица; варк — ягненок до года; шак — ягненок до 2 лет; каур — баран старше 2 лет; ми — овечка 1—2 лет; гиск — козел и коза до года; бизýн — козел и коза старше года; саурин — козел-вожак в возрасте 3—4 лет; хар куррý — осленок до года; хар — осел старше года; мохár — ослица; джюлék — цыпленок; мамбýр — курица; калашýр — петух. Для домашней утки имеются названия: сарсаýс и мамравý.

Обработка земли производится примитивными орудиями. Гавосýн или ниш — примитивная деревянная соха с металлическим наконечником. Моль — борона из сучьев дерева, микýт — молотило ручное, чон — молотилка в виде деревянного цилиндра с деревянными же зубьями в полметра. В эту молотилку впрягается пара быков. Зубьями при вращении обмолачиваются снопы, разостланные на току. Молотилка — чон употребляется довольно редко, чаще молотят посредством быков и мулов, которые гоняют по снолам на току. Земля пашется сохой — гавосýл, в которую впрягается пара быков, а иногда пара мулов. Землю пахут дважды весной, с месячным промежутком, неглубоко. Осенью пахут в третий раз (для устранения сорняков) и производят сев. Поливную землю (обý) поливают 2—3 раза в сезон. Богарная земля называется дейм. Мерой земли является бо́а — площадь, на которой высевается 10 ман пшеницы (30 кг).

Названия плодов: урюк (зардолý), яблоко (сиф), виноград (анýр), миндаль (бойм), груша (амрú), слива (алюболю), персик (шафталý), мелкий орех (фенék), черная слива (алюбухорó).

У племени гуран развито почитание камня (кучék), источников (конý) и деревьев (дор). Грамотные курды знают о добром духе Ормузде и о диве (злом духе) Аримане. Почитаются мазары и священные могилы (коурý мукаддасин). Бесплодные женщины при посещении мазаров в качестве назра приносят пищу, которую раздают присутствующим, чтобы они молились за избавление дарительниц от бесплодия.

При похоронах тело умершего омывается, надевается белый саван (кафáн). У исповедующих культ «али илахи» умерший захоронивается лицом к пишвó, т. е. к могилам руководителей этого культа; лицом в сторону Каабы у али илахи покойников не хоронят. При похоронах собираются плакальщицы (муровáр). Поминки по умершему (в 3-ю, 7-ю, 40-ю ночь после смерти, а также ровно через год) сопровождаются угощением для участников поминок.

Существуют знахари (дурдék), которые лечат собираемыми в горах целебными травами. Отметим из них траву ги́ташом для лечения ран. С этой же целью употребляются листья дуба (галó барью), которые кипятятся и этим настоем промываются раны. Для лечения малярии молодую ивовую кору варят в воде, полученный горький отвар подслащивают и пьют его трижды в день во время приступов малярии.

Х Р О Н И К А

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКЕ¹

1

В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью.

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, 1946, стр. 160—161.

Успехи этнографической работы в Литовской, Латвийской и Эстонской советских республиках теснейшим образом связаны с тем общим хозяйственным и культурным подъемом, который переживают в наши дни народы Прибалтики, вступившие в важнейший период своей истории, — период окончательной победы социализма и закладки основ коммунистического общества. Вместе с тем особенности изучения культуры и быта прибалтийских национальностей могут быть правильно поняты и оценены только при учете своеобразного пути исторического развития самих этих национальностей. Богатая и самобытная культура литовцев, латышей и эстонцев складывалась на протяжении многих столетий в активном взаимодействии с соседними народами, в первую очередь с восточными славянами и в упорной борьбе с иноземными захватчиками — немецкими «псами-рыцарями», шведскими и датскими феодалами, польскими шляхтичами. После вхождения прибалтийских стран в состав России в XVIII в. их трудящееся население продолжало борьбу за свои жизненные интересы одновременно против великодержавного бюрократического государства, против немецких баронов и польских панов, сохранивших при царизме свои экономические и политические позиции, и против нарождающейся доморощенной буржуазии. В то же время хозяйственные и культурные связи широких народных масс Прибалтики с великим русским народом не только не ослабели, но значительно окрепли и углубились. Связи эти питали и первые этнографические исследования, начавшиеся в Литве, Латвии и Эстонии с середины XIX столетия и проходившие в непосредственном контакте с работами русских ученых и научных организаций.

На заре развития этнографической науки в Прибалтике появились не утратившие своего значения и в наши дни работы акад. М. А. Шегрена о ливах, выполненные по поручению Русского географического общества и частично опубликованные в его «Записках» за 1847 г. Под прямым влиянием русских революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова — находились лучшие представители прибалтийской интеллигенции, возглавившие борьбу за раскрепощение своих народов, за развитие их национальных культур. Воинствующий характер этой борьбы хорошо передал в своих «Грех патристических речах» (1870) руководитель демократического лагеря в движении эстонского национального возрождения — К. Р. Якобсон, который считал столетия немецкого господства периодом тьмы, а все время (70-е—80-е годы) — временем утренней зари, предвещающей восход солнца свободы. Немецкому мракобесию Якобсон и его последователи противопоставляли русскую прогрессивную культуру, связям с Германией, Скандинавией и Финляндией — дружбу с русским народом. Национальное возрождение в странах Прибалтики находило свое выражение также в изучении народного

¹ Статья основана главным образом на материалах, собранных автором во время научной командировки в Прибалтику в январе — феврале 1949 г.

быта и творчества, в организации массовых певческих праздников, в собирании и издании эпоса и других видов фольклорных произведений. В Литве огромную роль в развитии интереса к жизни трудового народа сыграла относящаяся еще к XVIII в. эпопея основоположника литовской литературы П. Донелайтиса «Времена года». В Латвии символом борьбы за национальное освобождение стал образ легендарного народного героя Лачплесиса, победившего «черного рыцаря» — немца. В Эстонии аналогичное значение имел собранный и обработанный Фр. Крейцвальдом народный эпос «Калевипоэг» (Сын Калева). Тесные связи прибалтийских этнографов с русскими не ослабевали. По поручению Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии проводил свои работы один из самых выдающихся латышских народоведов — Фр. Бривземнек. С Казанским научным центром была связана исследовательская деятельность крупного эстонского лингвиста и этнографа — М. П. Веске. В контакте с русскими учеными работали в конце XIX и начале XX вв. также литовские этнографы и фольклористы — Э. Вольтер, Басанович, Видунас (Староста), Матулайтис А. и П. Юшкевичи и др. Эту генеральную линию развития науки и культуры прибалтийских народов прекрасно выразил латышский народный поэт Я. Райнис, в лучшие годы своей жизни бывший активным борцом за дело рабочего класса и членом большевистской организации. В апреле 1916 г. Райнис опубликовал документ, в котором призывал к созданию «свободной Латвии в свободной России».

В первые десятилетия нашего века трудящиеся Прибалтики плечом к плечу с рабочим классом и крестьянством всей России боролись с царизмом, с помещиками и капиталистами. В революции 1905 г. латышский пролетариат, по словам В. И. Ленина, занимал «одно из первых, наиболее важных мест... Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу... латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»². В ноябре 1917 г. над Прибалтикой, как и над всей страной, взвилось красное знамя социалистической революции. Под руководством большевиков трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии свергли угнетателей и завоевали свободу. Однако с помощью немецких оккупантов, а позднее — империалистов Антанты, реакционная буржуазия прибалтийских стран потопила в крови революционное движение и установила в них на целых два десятилетия режим диктатуры капиталистов и помещиков. Вопреки воле трудящихся Прибалтика была отделена от Советской России. «Независимые» буржуазные республики стали «санитарным кордоном» империалистов на границах СССР. Недаром Клемансо называл эти республики «колючей проволокой». Глубокий экономический и культурный упадок в прибалтийских странах в 1920—1939 гг. сопровождался настоящей деградацией науки и господством в ней расистских и националистических концепций, связанных с реакционными историко-этнографическими «школами» в Германии, Скандинавии, Финляндии и Польше. К этому мрачному времени относятся, например, выступления на страницах журнала «Солнце Латвии» проф. Э. Паэгле, который стремился «доказать», что Прибалтика была центром формирования праиндоевропейской культуры, будто бы распространившейся отсюда путем последовательных миграций вплоть до Индии и Пиренейского полуострова. Ученый коллега Паэгле — М. Силиниек — подтасовывая факты, пытался выделить «чистый» латышский антропологический тип — короткоголовый, круглолицый и светлый — и даже связать этот тип с определенной формой орнамента (без применения черного цвета). Третий латвийский расист — проф. Аболс — не остановился перед прямой фальсификацией: для «доказательства» существования у древних латышей своей письменности он нанес на музыкальный инструмент «коккле» — рунические письмена, выдав их за подлинные, якобы относящиеся к 1270 г.

Свергнув в 1940 г. буржуазный строй и войдя в состав СССР, народы Прибалтики только в течение 11 месяцев имели возможность мирно работать над экономическим, общественным и культурным преобразованием своих стран на основе социализма. Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз прервало созидательный труд литовцев, латышей и эстонцев, которые, вместе с другими народами нашей Родины, встали с оружием в руках на защиту своего нового социалистического отечества. Под мощными ударами Советской Армии, в составе которой действовали национальные литовские, латышские и эстонские части, фашистские разбойники во второй половине 1944 г. очистили почти всю Прибалтику. Зажатые в клещи между Лепаяй и Тукумсом, 30 немецких дивизий сдались в мае 1945 г. С первых же дней после освобождения в прибалтийских республиках закипела самоотверженная восстановительная работа, которая, благодаря помощи со стороны Советского правительства, Всесоюзной коммунистической партии и лично товарища И. В. Сталина, в небывало короткие сроки привела к новому расцвету экономики и культуры в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. С 1948 и, особенно, с весны 1949 г. в Прибалтике развернулось широкое народное движение за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, за коллективизацию. В настоящее время во всех трех республиках колхозами охвачено свыше 80% крестьянских хозяйств. Новые, увлекательные, хотя и трудные задачи встали и перед учеными Советской Прибалтики, в частности перед этнографами. Надо было в короткий срок, чтобы не отставать от

² Ленин, Соч., т. XIV, стр. 339—340.

быстрых темпов советской жизни, перестроить всю исследовательскую работу на основе методологии марксизма-ленинизма, надо было развернуть борьбу с космополитизмом и буржуазным национализмом, свившим гнездо среди некоторой части интеллигенции молодых советских республик, надо было восстановить и расширить разрушенные немцами научные институты, университеты, музеи и библиотеки, надо было, наконец, организовать полевые исследования, основной целью которых в наши дни стало изучение новых форм культуры и быта колхозного крестьянства. Под руководством партии и Советского правительства, при активной помощи со стороны русских ученых, этнографы Литвы, Латвии и Эстонии преодолевают методологические и практические ошибки в своей работе, освобождаются от тяжелого груза буржуазных этнографических концепций и идут вперед по пути всестороннего изучения культуры и быта своих народов и активного участия в их социалистическом переустройстве. На следующих страницах мы расскажем о том, как разворачивается этнографическая работа в отдельных прибалтийских республиках: в исследовательских институтах республиканских Академий наук, в университетах и музеях.

2

Маленький мой край — как золотая
Капелька густого янтаря.
Он блестит в узорах, расцветая,
Льется в песнях, радостью горя.

Саломея Нерис, Мой край
(Избранное, 1948, стр. 15)

В Литовской ССР этнографическая работа сосредоточена главным образом в Вильнюсе и Каунасе. В древнем городе Гедимина, ставшем в наше время крупным советским промышленным и культурным центром, работу эту ведет в первую очередь Институт истории Литвы республиканской Академии наук, в ведении которого находится и Вильнюсский этнографический музей, временно помещающийся в старинном здании университета на Замковой улице. В Музее в образцовом порядке хранятся богатые и хорошо датированные коллекции по этнографии литовцев (преимущественно восточных), поляков, белоруссов и некоторых других народов. Сбор этих коллекций начался еще до Октябрьской революции и продолжался почти непрерывно до немецкой оккупации. После изгнания фашистов небольшой коллектив Музея во главе с директором В. Жиленасом возобновил полевую работу. Параллельно со сбором нового материала ведется научное описание старого. Хорошо представлены в Музее старинные литовские сельскохозяйственные орудия, поразительно сходные с восточно-славянскими: различные виды сох и плугов (в частности с деревянными лемехами), серпы (гладкие и с зубринами), косы (типа русской горбуши и типа «литовки»), бороны (плетенные и рамные), цепи и мн. др. Богаты коллекции по охоте и рыболовству; особенно интересны здесь разнообразные орудия лова: старинные рыболовы и силки, верши, ставные сети и невода, всевозможные крючки и остроги. Любопытны светильники, употребляемые при осеннем «лученьи». Аналогии с восточными славянами, особенно с русскими и белоруссами, и в этом случае бросаются в глаза. Водные средства передвижения представлены различными шитыми лодками, одноподеревками, оригинальными корытообразными двойными лодками типа белорусской «комаяги». Много моделей жилищ и хозяйственных построек; преобладают двухраздельные формы (сени «priemene» + изба «pirkia») с выделением в задней части сеней коморы («катога») и русской печью («rescius»), топящейся из избы. Внутренний план жилого дома тождественен в восточной Литве с украинско-белорусским. Интересны модели характерных для литовцев клетей — свиронов («kletis»), обычно двухэтажных и снабженных галлереей. Много предметов домашней утвари и посуды — деревянной и глиняной. Из одежды надо отметить женские рубахи туникообразного покроя («paŕš kinaĩ»), частично вышитые; тканые полосатые и клетчатые юбки («siyonai»), узорчатые передники («ziurtai»), разные головные уборы (в частности «piometas», аналогичные белорусской «наметке» и украинской «намітке»). Очень богаты также коллекции самодельных детских игрушек и музыкальных инструментов.

Этнографическая экспозиция в Вильнюсе была развернута в небольшом объеме в отделе народного искусства Художественного музея (в здании быв. Ратуши). Кроме перечисленных элементов костюма здесь выставлены замечательные образцы литовской деревянной скульптуры и резьбы по дереву (в частности трактозанные в народном духе раскрашенные фигурки Христа, богоматери и святых, так называемые «божки» — «dievukai»), яркие пояса, украшенные браным геометрическим орнаментом, различные вязаные изделия, вышивки и т. д. Богаче экспозиция по народному искусству и быту в Каунасском художественном музее, где соответствующим отделом заведует специалист-этнограф — К. К. Чербуленас. Внимание посетителя привлекают здесь хорошо выполненные модели, планы и изображения поселений (хуторов, уличных и кучевых деревень), различные орудия прядения и ткачества, очень сходные с восточнославянскими (разные деревянные прялки, самопрялки «стояки» и «лежаки», ткацкие станы, предметы, употребляемые при старинных способах тканья «на бердечке», «на ниту» и «на дощечках»). Богато представлена поливная и распис-

ная керамика, изготавливаемая и в наше время мастерами, специалистами этого дела. В центре экспозиции помещены 8 манекенов литовских женщин и девушек из различных районов страны в национальных костюмах. Любопытно бытование наплечных накидок («drobule»), напоминающих аналогичные элементы костюма у западных славян (поляки, лужичане), а также у латышей и эстонцев. Исключительно интересные сконцентрированные в Каунасском музее материалы по народному жилищу и архитектуре. Древний тип литовского жилища, в настоящее время почти исчезнувший, — «намас» («namas») — однокамерная срубная постройка с земляным полом и без потолка, с центрально расположенным открытым очагом (соответствует эстонской «коде»). Намас нередко соединялся с овином. Позднее появилось описанное выше (стр. 182) двураздельное жилище. Дальнейшее усложнение жилого дома в Восточной Литве шло по линии выделения второй избы («pirkaite»). В Западной Литве развилось более сложное жилище с выделением нескольких помещений для сна, приготовления пищи, хранения домашнего имущества и приема гостей. Особый тип жилой постройки, распространенный главным образом в Жемайтии, представляет дом с обширными центральными сенями, в которых помещается так называемый «ками-нас» («kamīnas»), начинающийся прямо с земли кирпичный дымоход с такой широкой нижней частью, что она может играть роль кухни, куда свободно входит человек.

Очень хорошо в Каунасском музее представлены старинные и современные литовские художественные ремесла. Большое впечатление производит коллекция поясов с богатыми ткаными узорами, не только геометрическими, как в Восточной Литве, но и растительными («тюльпанами»). Деревянная скульптура, с которой мы встречались уже в Вильнюсе, здесь очень разнообразна. Интересны фигуры деды Марии в одежде литовской крестьянки и святого Исидора-сеятеля с двумя помощниками-ангелами, которые изображены в виде пахарей, идущих за плугом. Религиозный сюжет в этих случаях очень мало связывал богато одаренных народных мастеров, которые воспроизводили в деревянных скульптурах хорошо знакомые им сцены крестьянского труда и быта. Большую ценность представляют также литовские лубочные картинки, относящиеся в массе к середине и концу XIX в. и часто насыщенные острым социальным содержанием. Особенно выразительна картинка страшного суда, напечатанная в революционный 1848 г. и изображающая богатей, царских чиновников и генералов идущими в ад, а крестьян-бедняков направляющимися в рай. В настоящее время народное литовское искусство, освобожденное от религиозных пут, вступило в полосу нового расцвета. Старинные художественные традиции используются при изготовлении различных бытовых вещей, нередко поражающих своим изяществом: вязаных перчаток и рукавиц, чулок и носков, шарфов и шапочек, деревянных письменных приборов, различных настольных фигурок, разрезальных ножей, портсигаров, пудрениц и т. д. Через кооперативные ремесленно-промышленные организации произведения литовских народных художников и мастеров находят широкий сбыт среди городского и сельского населения.

Существенным недостатком в этнографической работе музеев Литовской ССР является отсутствие в экспозиции разделов, посвященных общественному и семейному быту, социальному расслоению и классовой борьбе в старой литовской деревне, а также социалистическому переустройству сельского хозяйства. Без показа этих важнейших явлений в жизни сельского населения этнографическая экспозиция, несомненно, на всю ее красочность, остается оторванной от актуальных вопросов современности, архайзирующей культуру и быт литовского народа, строящего социализм в братской семье народов СССР. Перед литовскими этнографами, работающими в музеях, стоит первоочередная задача ликвидировать отставание этнографической экспозиции от современной жизни. Вместе с тем необходимо уделить большее внимание социальным отношениям в литовской деревне на всех этапах ее исторического развития, особенно в период капитализма, который сознательно игнорировался буржуазными этнографами.

Этнографическая работа в Литве ведется и в стенах Литовского государственного университета, при котором до последнего времени существовала объединенная кафедра музееведения, готовившая специалистов по этнографии, археологии и истории искусства. Этнографические курсы на этой кафедре в 1948/49 учебном году читала доцент Ф. В. Дундулиене. Для всех историков I курса читалась «Общая этнография» с «Историей первобытного общества». Специализация начиналась с 5 семестра (в 1948/49 г. по этнографии специализировалось 16 студентов). Для специалистов были поставлены большие обязательные курсы: «Этнография Литвы» и «История быта». Большое внимание уделялось специальным курсам «Работы основоположников марксизма в области этнографии», «История первобытной религии», «Методика этнографических исследований». Организованы были специальные семинары по общей и литовской этнографии. Важную роль в подготовке будущих этнографов играла полевая практика, которой каждый студент должен был уделить не менее 35 рабочих часов. Летом 1948 г. практика проводилась в контакте с Этнографическим музеем в Свенцяном уезде (Восточная Литва). При университете в Вильнюсе существует Этнографический кабинет с небольшой, но ценной библиотекой (2 тыс. томов; среди них много польских этнографических изданий). В настоящее время учебная работа по этнографии в Литовском университете находится в стадии

реорганизации, так как в дальнейшем подготовка этнографов будет осуществляться, как и в других городах СССР, на историческом факультете. Основной задачей, которая стоит сейчас перед литовскими этнографами, работающими в высших учебных заведениях, является перестройка преподавания всех этнографических дисциплин на базе исторического материализма и новейших достижений советской исторической науки.

С этнографической работой в Литовской ССР, естественно, тесно связана работа по сборанию, изучению и опубликованию устного народного творчества. Проводится она преимущественно Фольклорной секцией Института истории Литвы. Значительное место в деятельности секции занимает анализ литовских лирических песен «дайнь», которых записано до 7 тыс. отдельных текстов с вариантами и до 2¹/₂ тыс. различных мелодий. Содержание дайн очень разнообразно: есть среди них песни семейные, любовные и обрядовые, земледельческие, солдатские, песни-плачи и песни-загадки. Наряду с дайнями собираются и другие виды фольклора. Проф. И. Балджусом и несколькими научными сотрудниками ведется работа по изданию трехтомного сборника литовских народных сказок, ранее не опубликованных. Заканчивается подготовка хрестоматии по фольклору, предназначенной для учащихся университетов и других высших учебных заведений. В кабинете фонограмм ведутся записи и изучение литовской народной музыки. Руководителем этого кабинета проф. Юрга подготовлено к изданию 250 песен Виленщины, записанных преимущественно им самим. Сборник песен должен, по мысли автора, стать практическим руководством для учителей и руководителей музыкальных кружков. Центральное место в работе фольклорной секции в последние годы заняли темы, связанные с изучением фольклора Отечественной войны. Записано много песен и сказов о немецкой неволе, о героической борьбе литовских партизан с фашистскими захватчиками, о Советской Армии и т. д.

К сожалению, публикация фольклорных и этнографических материалов и, особенно, исследовательских работ отстает от их накопления. Необходимо, чтобы статьи литовских этнографов печатались и обсуждались на страницах как местной, так и центральной научной печати. Живой обмен опытом этнографов Литвы и других советских республик поможет им полностью преодолеть еще не изжитые ошибки, связанные с влиянием различных буржуазных концепций.

3

И великий пахарь плугом мощным
Борозды ведет по ниве мира,
Лемехами, как мечами, землю
Рассекает, к солнцу подымая
Нижние пласты — и оживляет,
Мощное являя плодородье,
В сад цветущий землю превращая.

Ян Райнис, Задачи будущего (Избранная лирика, 1948, стр. 204)

В Латвии этнографическая работа протекает в несколько иных организационных формах, чем в Литве. В системе Академии наук Латвийской ССР существует Институт истории материальной культуры, в котором с 1946 г. организована группа этнографии (руководитель ст. научн. сотрудник Д. Э. Земзаре). В настоящее время группа работает по пятилетнему плану, утвержденному президиумом Академии. Д. Э. Земзаре уже закончила монографию в 5 печ. листов: «Значение работ Фр. Бривземнека и Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии для развития латышской этнографии». Труд этот в ближайшее время будет издан отдельной книгой, в которой автор показывает, насколько глубоки и прочны были связи между латышскими и русскими учеными и какую большую роль сыграли последние в развитии молодой латвийской этнографии. Вторая тема, над которой работает группа этнографии, это история латышских народных ремесел. Уже собран большой вещественный, описательный и иллюстративный материал, дающий яркое представление о возникновении, развитии и современном состоянии таких художественных ремесел, как резьба по дереву, поливное гончарное дело, изготовление игрушек, узорчатое тканье, вышивка и вязание, филлигранный металл и т. д. Исследование это ценно тем, что оно устанавливает яркость и самобытность латышского народного искусства и намечает перспективы его дальнейшего развития в социалистическом обществе. С 1946 г. Институт истории материальной культуры начал систематическое этнографическое изучение Латвии, организовав, в первую очередь, экспедиции в те районы, которые до последнего времени оставались мало обследованными. За три года (1946—1948) проделана большая работа по изучению культуры и быта различных групп латышского народа, в частности латгалцев. Интересные данные по культурному взаимодействию разных национальностей собраны во время поездки в районы Лудза и Резекне, где соприкасаются области расселения латышей, русских и эстонцев. Летом 1949 г. продолжены работы в Латгалии и в Екабпилском уезде; особое внимание обращено на изучение новых культурно-бытовых явлений в жизни латышской деревни в связи с массовым народным движением за коллективизацию сельского хозяйства.

Помимо Института истории материальной культуры работу по этнографии в Риге ведет Этнографический отдел Исторического музея, экспозиция которого разместилась в нескольких залах старинного Рижского замка, превращенного в настоящее время в музейно-архитектурный памятник. Основу коллекций этнографического отдела (зав. М. Я. Гринбергс) составляют вещи, собранные для выставки, которая была открыта в Риге в 1896 г. по случаю Археологического съезда. В мае 1948 г. к Народному певческому празднику отдел развернул специальную экспозицию по национальному костюму, представляющую большой научный и художественный интерес. Основными элементами женской народной одежды латышей являются: рубаха туникообразного покроя, сходная с литовской (в Латгалии — с наплечными прямоугольными нашивками в виде «погон»), шерстяная юбка (редко в сочетании с передником), жакет («jaka», далеко не везде). Старинные головные уборы замужних женщин сводятся к 3 главным типам: головному полотенцу («galvasauts»), аналогичному восточнославянской «намитке», распространенному преимущественно в Латгалии, шапочке («berites») и чепцу («mitces»). Девичий головной убор — «vainags» — славянский «венок» или «венец», — в некоторых районах Курземе с твердой основой. Интересны локальные различия женского костюма. В Латгалии, например, не носят фартуков и жакетов, орнамент близок к славянскому (много красного цвета). В Видземе широко распространены наплечные накладки («vilaine»), застегивающиеся на груди богато украшенной пряжкой («sakta»); в орнаменте много зеленого цвета, из головных уборов преобладают чепцы. В Курземе вилайне застегивают не на груди, а на плече, часто встречаются вилайне без орнамента и юбки темного цвета из вертикальных полос (как у эстов и ливов, прежде населявших этот край). В Вентспилском округе — юбки из горизонтальных полос, напоминающие панёву (славянский тип). В районе Лепая — центр производства янтарных украшений (застежки, броши, ожерелья, серьги и др.). В настоящее время старинный костюм в будни почти не носят, но в праздничные дни его надевают охотно. Особенно большую роль в сохранении и дальнейшем развитии национальной одежды играют массовые певческие праздники. В Историческом музее открыта также выставка современных кустарно-художественных изделий. Хорошо представлены узорчатые тканые вещи (пояса, покрывала и др.), фигурная расписная керамика, ювелирные украшения, резьба по дереву и деревянная скульптура. Прекрасно выполнена из дерева танцующая пара латышских крестьян (работа 1948 года).

Третьим центром этнографической работы в Риге является известный музей «Бривдабас», расположенный в 12 км от города на живописном берегу озера Югла, в сосновом лесопарке. Этот единственный в СССР Этнографический музей на открытом воздухе (директор Н. П. Типайнис) имеет свою длинную и поучительную историю. Организация музея началась с 1924 г. и скоро стала подлинно народным делом, в котором власти буржуазной Латвии почти не принимали участия. Для создания музея было учреждено на добровольные взносы специальное общество, в котором главную роль играли представители прогрессивной демократической интеллигенции, в частности студенческой молодежи. Музей был открыт в 1928 г.; общее число экспонатов в нем достигает 2 тыс.; они размещены в 48 объектах — памятниках народной архитектуры, перевезенных в Бривдабас из всех 4 основных «земель» Латвии: Видземе, Курземе, Земгале и Латгале. Во время немецкой оккупации музей был варварски разграблен захватчиками: погибло почти все внутреннее убранство, остались одни постройки. Восстановление музея началось в 1944 г., сейчас же после освобождения Риги. В настоящее время в музее 17 сотрудников. Ежегодно, зимой и летом, они выезжают в поле за экспонатами, размещаемыми в дальнейшем в музейных помещениях. Перечислить все памятники Бривдабаса в коротком очерке нет никакой возможности³. Отметим только, что памятники эти дают ясное представление об истории латышского народного жилища, о его этнографических и социальных вариациях. Огромный научный интерес представляют, в частности, такие памятники, как летняя кухня в форме конического шалаша («ciboku slietenis») из района Валмиеры, постройки 1850 года, различные виды клетей («klēts»), очень сходные с литовскими, жилые риги («dzīvojamās rīgas») из северной Латвии (аналогия с эстонским старинным жилищем), курная изба («dumistaba») лепайского рыбака, жилой дом («dzīvojamā ēka») зажиточного курземского крестьянина с центральным кирпичным дымоходом («mantelskurstenis»), соответствующим жмудскому «каминас» (см. выше, стр. 183), старинные церкви XVI—XVIII вв. и многие другие. Памятники Бривдабас-музея показывают самобытность и богатство латышской народной архитектуры и, в то же время, позволяют проследить ее связи с архитектурой соседних народов, особенно литовцев, эстонцев и русских. Особенно большое сходство с восточнославянским жилищем обнаруживают постройки латгальцев, для которых характерно широкое распространение трехраздельного жилого дома, состоящего из сеней («nams»), избы с русской печью («kambaris» или «istaba») и неотапливаемого летнего помещения. В настоящее время руководство Бривдабас-музея стремится к пополнению коллекций, обращая особое внимание на показ социальных различий в жилище старой латышской деревни, которые система-

³ Подробнее о Бривдабас-музее см.: П. И. Кушнер, Государственный музей народного быта Латвийской ССР (Сов. этногр., 1948, № 3, стр. 164 сл.).

тически затушевывались буржуазными этнографами. Встает перед работниками Музея и задача отражения в экспозиции новых особенностей жилища латышских колхозников.

Подготовка молодых этнографов в Риге осуществляется совместно с подготовкой фольклористов на кафедре фольклора Филологического факультета Латвийского государственного университета. Кафедрой руководит доц. Я. Я. Ниедры — видный ученый и активный коммунист, неоднократно подвергавшийся репрессиям в буржуазной Латвии. Для всех историков I курса кафедра осуществляет чтение лекций по общей этнографии (32 часа). Для искусствоведов II курса поставлен особый цикл по латышскому народному искусству (32 часа). Для всех филологов на 1—2 семестрах читается курс «Латышский фольклор», на 3—4 семестрах проводится соответствующий семинар. Для русского потока организованы аналогичные курсы по русскому фольклору. Специализация начинается с 4-го года обучения. Темы специальных курсов: латышский повествовательный фольклор, народные латышские песни, белорусский фольклор, русский фольклор и др. В качестве спецкурса читается также Я. Я. Ниедры латышская этнография (68 час.), которую в 1948/49 учебном году слушали более 20 человек. В этом курсе следующие основные разделы: историография, этногенез латышей, формирование этнической карты Латвии, материальная культура, социальные отношения, народная идеология, значение этнографии для социалистического строительства. Перестройка всего преподавания этнографии на основе марксистско-ленинской методологии имеет большое значение в борьбе с тяжелым наследием реакционной буржуазной науки, влияние которой еще ощущается в работах некоторых латышских ученых. До конца разоблачить антинаучную «теорию» о заимствованном, западном происхождении культуры латвийского народа, показать его глубокие исторические связи с русским народом, сосредоточить внимание на изучении новых культурно-бытовых явлений современности, — таковы главные задачи, встающие в наши дни перед передовыми работниками этнографической науки в Латвийской ССР. Работа фольклорной кафедры университета проходит в тесной связи с деятельностью Института латышского фольклора Академии наук Латвийской ССР (директор проф. Р. Пельше). Фольклорный фонд этого института — около 2 500 тыс. произведений латышского народного творчества. В этом фонде почти 900 тыс. разнообразных песен (в том числе много лирических «дайн», сходных с литовскими), около 86 тыс. сказок и сказов, 500 тыс. загадок, свыше 250 тыс. пословиц и поговорок, 17 770 народных мелодий и т. д. Фонд непрерывно пополняется. В 1948 г. под редакцией Я. Я. Ниедры вышел первый сборник латышских сказок на русском языке⁴. Сказки эти отличаются высокой художественной и социальной остротой: они проникнуты в большинстве случаев ненавистью к немецким баронам и латышским кулакам, а также чувством горячей симпатии к русскому народу.

Летом 1949 г. Институтом фольклора были развернуты работы в Огрском уезде, где удалось записать много произведений устного народного творчества, посвященных революционным событиям 1905 г., социалистическому строю, организации первых латышских колхозов. Особый интерес представляют сказы о Ленине и Сталине, записанные со слов колхозников Анны Юмтыньш (85 лет), Альберта Дундур, Эльзы Шульце, Петерса Упитса и др.⁵ Сказы эти высокохудожественные по форме, проникнуты глубокой любовью к великим вождям народов СССР и всего трудящегося человечества.

4

Народ — сын Калева — всегда будь силен,
И стой, отчизна наша, как скала!
Твою отвагу муки не сломили,
Сквозь сотни лет ты доблесть пронесла,
Воспрянула свободною страной
И солнце ярко засияло над тобой.

Гимн Эстонской ССР

В Советской Эстонии работы по этнографии ведутся преимущественно в Тарту, где находится их основной центр — Эстонский народный музей, входящий в систему республиканской Академии Наук (директор Музея И. К. Калдмаа). Музей был основан еще в начале XX в., но в царской России, а позднее в буржуазной Эстонии не мог широко развернуть свою работу, хотя и собрал большие материалы по самым различным явлениям народной культуры и быта. Когда в 1940 г. Эстония стала советской, музей впервые получил прочную материальную базу и перед ним открылись совершенно новые перспективы работы. Немецкое нашествие прервало начавшуюся перестройку деятельности музея. В музейном здании были размещены немецкие военные части, которые при отступлении сожгли его. Большую часть фондов удалось спасти только благодаря усилиям сотрудников, которые эвакуировали коллекции в

⁴ Латышские сказки. Рига, 1948.

⁵ См. сообщение в «Литературной газете» от 6 августа 1949 г. (№ 63).

деревню и скрыли их от фашистских варваров. Восстановление музея началось сейчас же после освобождения Эстонии в 1944 г., когда в его распоряжение было предоставлено Советским правительством новое помещение. В настоящее время в этнографическом отделе музея числится около 50 тыс. экспонатов, в культурно-историческом отделе — около 10 тыс. Библиотека содержит около 6 тыс. книг на русском, эстонском и других языках. Возобновлена работа музея с корреспондентами, которых сейчас уже более 200. Среди них много крестьян и представителей сельской интеллигенции: учителей, агрономов, врачей и др. Снова развернуты прерванные войной экспедиционные работы, среди которых надо отметить комплексное изучение культуры и быта населения острова Кихну в Рижском заливе (1948 г.). С 1947 г. возобновлено издание ежегодников Народного музея: в № 1, кроме ряда работ, посвященных конкретным этнографическим вопросам, помещены две руководящие установочные статьи: С. П. Толстова «Этнография и современность» (перевод на эстонский язык статьи, опубликованной в № 1 «Советской этнографии» за 1946 г.) и Х. Моора «Эстонская этнография становится советской»⁶. Содержание ежегодника и общее направление деятельности Народного музея за последние годы свидетельствуют о стремлении большинства эстонских этнографов перестроить свою работу на основе марксистско-ленинской методологии и связать ее с задачами социалистического строительства.

Однако в Эстонии, как и в других Прибалтийских республиках, в отдельных этнографических работах еще сказывается влияние буржуазных «теорий», стремившихся оторвать этнографию от современности, представить ее как науку о старине, которая должна заниматься изучением одних только архаизмов и пережитков. Неслучайно некоторые статьи в только что упомянутом сборнике Народного музея оказываются чисто описательными «вещевадческими», уводящими в прошлое (напр. работы Х. Юпруса о серебряных бусах или А. Вийреса о верховой езде).

Развернутая к началу 1949 г. экспозиция Народного музея открывается хорошо выполненными моделями хутора эстонского крестьянина-бедняка и мызы немецкого барона. И дальше на фоне резких социальных контрастов проходит перед посетителем тяжелая жизнь старой эстонской деревни, сохранившей, несмотря на многовековой иноземный гнет, самобытную и богатую культуру. На выставке можно видеть старинные сельскохозяйственные орудия, однолемешный деревянный плуг, в который на островах Сарема и Хюма когда-то запрягали волов («vaapasaderg»), двузубую соху («hakaderg» или «sahk»), вероятно, славянского происхождения, косы (горбушу, характерную для юга Эстонии, и более позднюю литовку), серпы — гладкие и с зубринами (последний тип древнее) и т. д. Очень интересны деревянные фигурки духа урожая «Пеко» (Peke), связанные со своеобразным культом плодородия, распространенным в старину у сетукезов. Богатый материал выставлен по бортничеству и пчеловодству, по скотоводству, по общественной помощи, широко практиковавшейся среди эстонских крестьян во время уборочных работ (так наз. «talgud»), соответствующей славянской «толке». Внимание этнографа привлекают также предметы, связанные с охотой на тюленя у проруби (остров Кихну), различные орудия рыболовства, сходные с летто-литовскими и восточнославянскими, богатая коллекция по прядению и ткачеству, содержащая, в частности, приспособления для плетения на вилочке, ткань на ниту, на дощечках и на бердечке (аналоги с латышами, литовцами, белоруссами и русскими). Хорошо представлены в экспозиции разнообразные эстонские художественные ремесла: узорчатое тканье, вязанье, кружевное дело и ковроткачество. Любопытны, в частности, ворсистые ковры-пледы, изготовленные на островах в XVIII в. Богатые фонды Народного музея дают возможность специалисту познакомиться и с другими сторонами прежнего народного быта эстонцев, не отраженными в экспозиции. Заслуживают внимания многочисленные планы, рисунки и фото различных построек: конической летней кухни «koda», каменной кухни «рааги» (на Сарема), каменного погребца (там же), различных вариантов, характерной для эстонцев «жилой риги» («rehetuba») и др. Почти необозримы коллекции по народному костюму, головным уборам, обуви, украшениям. Преобладающий покрой женской и мужской рубахи у эстонцев — туникообразный (как у литовцев и латышей). У сетукезов часты рубахи «новгородского типа» с прямыми поликами (русское влияние). Специфичен для эстонцев особый лиф с пришитыми рукавами (он так и называется «kaised» — «рукава»). Художественно выполненные узорчатые пояса, вязаные перчатки, варежки, носки и другие вещи поражают яркостью красок и разнообразием орнамента.

Надо пожелать, чтобы Народный музей усилил в экспозиции показ общественных отношений в старой эстонской деревне и обратил особое внимание на изучение новых культурно-бытовых явлений в жизни эстонского крестьянства, связанных с его переходом к коллективному социалистическому хозяйству.

В Тарту сосредоточена не только музейная и исследовательская, но и учебная работа по этнографии, развернутая при кафедре археологии Историко-филологического факультета Тартусского государственного университета (зав. кафедрой проф.

⁶ Eesti rahva muuseumi nastaraamat, Uus sari I (XV), Tartu, 1947. Резюме статей на русском и английском языках.

Х. Моора). На кафедре 2 специальности: археология (в 1948/49 уч. году — 8 студентов) и этнография (7 студентов). На I курсе для всех историков читается введение в этнографию (в течение всего года). Специализация начинается со 2-го года обучения. Для будущих этнографов на 3—4 семестрах организован большой курс «Этнография народов СССР, в частности эстов» (аспирант А. Вийрес). На протяжении четырех семестров (5—8) читается для специалистов расширенный курс общей этнографии с семинаром. Для студентов 4-го и 5-го годов обучения поставлены специальные курсы и специальные семинары по славянской и финской этнографии, по народному эстонскому костюму, по народному изобразительному искусству и др. После II, III и IV курсов студенты-этнографы (как и археологи) проходят летнюю полевую практику в экспедициях, организуемых совместно с Народным музеем. Большой интерес для этнографа представляет также учебная и исследовательская работа, проводящаяся в Тарту по смежным дисциплинам. Тарту — единственный город в Прибалтике, где существует кабинет антропологии (при кафедре зоологии позвоночных Биолого-математического факультета). Работой кабинета руководит проф. Ю. Ауль, собравший значительный материал по этнической антропологии эстонцев, латышей, ижор и води. Для студентов-зоологов IV курса проф. Ауль читает семестровый курс «Общая антропология» (3 недельных часа лекций и 2 часа практических занятий). Подготовка фольклористов осуществляется на Историко-филологическом факультете. Исследовательская работа по фольклору ведется в Эстонском литературном музее (директор тов. Хаберман) и в Фольклорном секторе Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР (зав. сектором проф. Э. Лаугастэ). При участии фольклористов в Тарту (Э. Лаугастэ, П. Аристэ) недавно издан на русском языке эстонский народный эпос «Kalevipoeg»⁷. Как антропологи, так и фольклористы в своей работе тесно связаны с Народным музеем. Они принимают, в частности, участие в большой коллективной работе музея, посвященной систематическому описанию физического типа, культуры, быта и народного творчества эстонцев в их историческом развитии и современном состоянии.

В столице Эстонской ССР — древнем Таллине — нет специального научно-исследовательского или учебного этнографического центра. Однако в Художественном музее, расположенном в Екатерининском дворце в Кадрнорге (пригород Таллина), существует Отдел народного искусства, в котором выставлены коллекции Тартусского Народного музея. Здесь хорошо представлены оригинальные эстонские изделия из кожи (сумки, тисненные переплеты для книг, альбомов и записных книжек, бьювары, портсигары и т. д.), деревянная мебель и утварь, часто украшенные богатой и сложной резьбой, керамика, фарфор, ювелирные филигранные украшения, узорчатые тканые и вязаные вещи (пояса, перчатки, чулки, гетры и др.). Изготовление всех этих предметов в настоящее время ведется под руководством Института художественной промышленности в Таллине (директор проф. Э. Адамсон). Большой интерес для этнографа представляет также исследовательская и экспозиционная работа, развернутая Эстонским историческим музеем, основанным после освобождения Прибалтики от немецких захватчиков в 1945 г. (директор музея О. В. Саадре). К XXXI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции осенью 1948 г. в музее открыта выставка, посвященная истории Эстонии с древнейших времен до установления советской власти в 1940 г. Богатые археологические коллекции, дополненные многочисленными макетами и иллюстрационным материалом, дают возможность проследить историю хозяйственного и культурного развития населения Эстонии с эпохи мезолита (VI—V тысячелетия до н. э.) до кануна немецко-датского нашествия (конец XII в. н. э.). Хорошо показаны в экспозиции героическая борьба эстонского народа с иноземцами в XIII—XVII вв. (в частности знаменитое восстание «Юрьевой ночи» в 1343 г.). В разделах, посвященных эпохам позднего феодализма и развития капиталистических отношений (XVIII—XIX вв.), много бытового материала (модели помещицкой мизы и крестьянского хутора, хорошая коллекция старинных сельскохозяйственных орудий, манекен крестьянской женщины с острова Сарема в национальном костюме и др.). Интересно построена экспозиция по эстонскому национальному возрождению конца прошлого столетия. Здесь много данных о деятельности Ф. Р. Крейцвальда, К. Р. Якобсона, И. В. Янсена, Лидии Койдулы и других участников этого движения (книжки и газеты того времени, портреты, фотографии, письма и т. д.). Умело подобран материал и по истории рабочего и революционного движения в Эстонии. Любопытны, в частности, подлинные знамена революционных профсоюзов 1905 и 1917 гг. Много места уделено документам, рисующим подпольную работу коммунистической партии Эстонии в годы буржуазной республики. Заканчивается выставка материалами, отражающими восстание 1940 г. и вступление Эстонии в Советский Союз. Подготавливаются к открытию отделы, посвященные участию эстонского народа в Великой Отечественной войне, восстановлению и развитию хозяйства и культуры в Эстонии после войны, социалистическому переустройству сельского хозяйства и колхозному движению.

Н. Н. Чебоксаров

⁷ «Сын Калева», Эстонский народный эпос, Гос. изд. художеств. литературы, М., 1949.

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Латышский народ имеет давнюю и богатую традицию народного творчества. Еще до установления социалистического строя в Латвии имели место попытки представить народное художественное творчество латышского народа в обширных изданиях. Некоторые издания были осуществлены. Они, хотя и стояли на ошибочных теоретических позициях буржуазной науки, все же публиковали произведения трудового народа. Уже эти старые издания раскрыли латышский фольклор как искусство батраков, сельских ремесленников и крестьян, которое своим острием, в значительной степени, было направлено против угнетателей латышского народа — немецких помещиков и немецкой бюрократии.

Публикации латышского традиционного фольклора и народного искусства содержат большой и ценный материал. Еще большее количество материалов имеется в централизованном архиве Хранилища латышского фольклора. В нем собрано больше миллиона произведений фольклора. Помимо того, в этнографическом отделе Латвийского государственного исторического музея (основанного на базе этнографической выставки 1896 г.) имеется более 50 тысяч предметов, характеризующих латышское народное искусство.

Несмотря на сложившиеся традиции по собиранию и изданию фольклора латышей, до недавнего времени наблюдалось явное отставание в работе по фольклору и этнографии. Центральное учреждение по сбору и исследованию фольклора Латвийской ССР — Институт фольклора АН Латвийской ССР, а также и другие центры республики по собиранию и исследованию предметов народного искусства — Государственный центральный исторический музей, Комитет культурно-просветительных организаций при Совете Министров Латвийской ССР и Республиканский Дом народного творчества, вплоть до 1948 г., не смогли поднять на необходимую высоту работу, особенно по советскому фольклору. В Советской Латвии недостаточно интенсивно происходило как собирание советского фольклора и произведений народного изобразительного искусства, так и популяризации лучших их образцов. Недостаточно глубоко проводилась и работа над традиционным фольклором. Институт фольклора АН издал всего 5 книг¹ и три сборника материалов латышского орнамента («Латышские орнаменты»)². Несколько рукописей подготовлено к печати. Опубликованные за советское время издания, а также и подготовленные рукописи в основном являются новыми публикациями собранных, а частично и напечатанных в досоветское время материалов. Таким образом, изучение народного художественного творчества и содействие его успехам, имеющим значение для дальнейшего подъема культуры советского народа, не соответствуют достижениям хозяйственно-экономической жизни Советской Латвии. Пока еще не издано ни одной книги, ни одного обобщающего обзора, который дал бы новое, соответствующее требованиям прогрессивной советской науки исследование вопроса.

В таком отставании латышской фольклористики играло роль сохранение традиций буржуазной науки в практике собирателей и исследователей народного художественного творчества. Фольклористы и этнографы Советской Латвии учились методом собирания и изучения у буржуазных ученых как России, так и Запада. Некритическое отношение к идеалистическим концепциям реакционных школ привело их к буржуазному объективизму и формализму. Только в настоящее время наши передовые ученые борются за преодоление буржуазного формализма и идеализма, они поняли, что советская наука действительно, по существу — новая наука.

После исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, после выступления А. А. Жданова на философской дискуссии в связи с книгой проф. Александра и в некоторой мере также в связи с помещенными в журнале «Советская этнография» отчетами об обсуждении специальных вопросов фольклористики, «авторитет» Я. А. Янсона, а также А. Берзкалн и проф. Биркерт, наконец, был разбит, их антинаучные теории разоблачены и уже во второй половине 1948 г. их вредная, несоветская практика была сведена на-нет. С этого времени началась работа в области латышского народного художественного творчества с марксистских позиций³.

Организованный в июле 1948 г. правительством Советской Латвии и ЦК КП(б) Латвии грандиозный праздник песни Советской Латвии, в котором участвовало 1517 хоров с более чем 80 тысячами певцов и 570 танцевальных коллективов с 15 тысячами участников, весьма сильно стимулировал правильное собирание и исследование латышского народного художественного творчества. Праздник

¹ «Латышские сказки». Избранное, I—III, 1946, 1948 и 1949. Я. Ниедре. Латышский фольклор, Рига, 1948; «Латышские сказки», Латгосиздат, 1948.

² «Латышские орнаменты», I — платки, II — венки и пояса, III — юбки и одеяла. Латгосиздат, Рига, 1946.

³ Критическому разбору работ Я. А. Янсона, А. Берзкалн, П. Биркерта и вопросам преодоления буржуазных теорий в латышской фольклористике будет нами посвящена особая статья. *Ред.*

песни был организован в связи с восьмой годовщиной Советской Латвии и 75-летним юбилеем первого латышского певческого праздника. В этом подлинно общереспубликанском празднике так или иначе участвовал весь латышский трудовой народ. Подготовка к этому празднику народной культуры не только содействовала всестороннему развитию работы коллективов самодеятельности, но также и поднятию на должную высоту работы по исследованию народного творчества работниками волостных и городских домов культуры, а также краеведческих музеев. В результате проведенных наблюдений и исследований в совершенно новом свете встали вопросы о классности латышского фольклора и изменениях его на разных исторических этапах, о творческом взаимодействии коллектива и отдельных мастеров фольклора, о влиянии профессиональной литературы, музыки и хореографии на народную устную поэзию, музыку и танцы и о видах традиционного художественного творчества у жителей различных районов⁴.

Можно прямо сказать, что за последние 2 года в латышской фольклористике произошел перелом в работе. Отмечая как одно из существенных достижений латышской фольклористики разоблачение порочных буржуазных концепций, сохранившихся в ней до недавнего прошлого, надо указать, что наряду с этим проводилась значительная работа по собиранию, накоплению и анализу фольклорных материалов республиканскими, центральными и краевыми организациями. Сдвиги произошли также и в опубликовании материалов и в преподавательской работе латвийских вузов.

Наиболее полно провел собирание, накопление и исследование латышских фольклорных материалов коллектив Института фольклора Академии Наук Латвийской ССР, менее полно — Комитет культурно-просветительных организаций при Совете Министров Латвийской ССР, Республиканский Дом народного творчества (работа последнего в области исследования народного художественного творчества еще мало отличается от прежней, характерной для старой буржуазной науки). С 1947 г. Институт фольклора АН ежегодно предпринимал экспедиции по собиранию фольклорного материала в разные районы Латвийской ССР, произведя впервые в истории латышской фольклористики записи в соответствии с требованиями советской науки и выявляя идеологическую сущность фольклорных материалов. Неизменно учитывалось, какое значение имели и имеют данные произведения в жизни народа в конкретную историческую эпоху, в его борьбе с чужеземными угнетателями.

Первая научная экспедиция Института фольклора по сбору фольклорных материалов была осуществлена одновременно с экспедицией Института истории материальной культуры АН в июне 1947 г. в Илукстский уезд — край, который граничит с Литовской и Белорусской республиками и весьма своеобразен в отношении этнического состава. Кроме латышей, в том уезде много литовцев, поляков, белоруссов и великоруссов, живущих здесь целыми селами и даже группами сел. В латышских этнографических и фольклористических изданиях материалов по этому краю было напечатано весьма мало⁵; неопубликованных же материалов еще меньше. Этот край все время оставался в стороне от внимания исследователей латышской этнографии и фольклора потому, что материалы этих мест особенно выразительно опровергали суждения латышских буржуазных теоретиков о якобы существующем «преходстве» культуры латышей над культурой других народов, а главным образом русского. Латышских советских ученых особенно интересует проблема своеобразия, какое приобрело латышское народное творчество в районе, где ярко выразились культурные взаимосвязи трудового народа — латышей и их соседей, в особенности великого русского народа. В течение месяца участники экспедиции — научные сотрудники Института фольклора АН (под руководством автора этой статьи) и студенты Латвийского гос. университета обошли 12 из 19 волостей уезда и записали много произведений фольклора⁶ (6636 номеров, из них 1472 варианта на русском языке). Эти материалы включают первые записи советского фольклора

⁴ Ряд из перечисленных проблем рассматривается в ценной статье проф. Р. Пельше, Праздники песни Советской Латвии, «Вестник АН Латвийской ССР», № 7, 1948.

⁵ Первым собирал этнографические материалы в Илукстском уезде по заданию Русейского географического общества преследуемый балтийским немецким дворянством латышский интеллигент А. Калейс-Кузнецов, который в 60-х гг. прошлого столетия исследовал этот округ. В результате его исследования вышло несколько статей (опубликованы в издании Географического о-ва; «Исследование между литовцами и латышами», 1870; «Об исследовании отношений и истории в западном крае», 1871). Собранные же Калейсом фольклорные материалы нигде не найдены. После Калейса Илукстский уезд с научными целями обследовал в 1895 г. С. Новицкий, который в 1897 г. напечатал в XI сборнике статей Рижского латышского общества описание «О латышах в Илукстском уезде».

⁶ Несколько сот единиц фольклорного материала передали Институту также участники экспедиции Института истории материальной культуры АН, которые в то же время изучали материальную и духовную культуру жителей уезда (обзор опубликован в «Известиях АН Латвийской ССР» 1948, № 12. См. Д. Земайс, Достижения этнографической экспедиции в 1947 г.).

латышей (180 номеров). Участники экспедиции собрали полные сведения о том, какие произведения и жанры традиционного фольклора исполнялись в определенных конкретных условиях и каково было их значение. Ценные данные получены по вопросу о распространении и освоении латышами белорусского, польского, литовского фольклора и о воздействии латышского искусства на творчество соседних народов. Экспедиция записала в большом количестве различные трудовые и праздничные песни, рассказы и сказания, направленные против господ и прославляющие смелых крестьянских парней, восставших против помещиков. Большой интерес представляют мелодии древних своеобразных трудовых песен и песен, воспевающих праздник Лиго (из этих мелодий 67 ранее были неизвестны). Сделанные записи позволили установить, что под влиянием литовских и русских песен у илукстских латышей изменился характер четырехстрочной традиционной классической народной песни. Последние сильно удлиннились. Выяснилось также, что у всех населяющих этот район жителей бытуют и песни на общие мотивы, почти с одинаковым содержанием, — песни, распеваемые совместно на разных языках.

Экспедиция в Илукстском уезде нашла несколько выдающихся мастеров фольклора, которые в своей памяти сохранили более сотни народных песен, сказок и других произведений. Каждый знаток-сказитель отличается своим особым репертуаром, в котором ясно отражается его социальное положение. Как наиболее значительных знатоков-сказителей фольклора в Илукстском уезде экспедиция отметила: 62-летнюю слепую поденщицу Лашской волости Ольгу Пуните, от которой записано 326 песен и сказок; 83-летнюю крестьянку Пилскальской волости Грасильду Рубене, от которой записано 324 текста, и 44-летнюю портниху Двиетской волости Людвигу Лугане, которая участникам экспедиции пропела 218 песен.

Материалы фольклорной экспедиции по Илукстскому уезду подготавливаются Институтом фольклора для опубликования отдельным сборником.

Вторая научная экспедиция Института фольклора АН по собиранию фольклорных материалов была проведена в июне—августе 1948 г. в Тукумском уезде (западная часть Латвийской ССР), в Резекненском уезде Латгалии (вблизи границы РСФСР) и Лиепайском уезде (Курляндия). Тукумский уезд в истории Латвийской ССР занимает значительное место как местность, где во время крепостничества бушевали крестьянские волнения против немецких помещиков, как край, где в дни революции 1905 г. происходили вооруженные бои рабочих с царизмом (в 1905 г. местные трудящиеся заняли и несколько дней с боями удерживали в своих руках город Тукум), и, наконец, как край, где в дни Отечественной войны дольше всего был фронт, а в лесах активно действовали советские партизаны. В ранее опубликованных фольклорных материалах и архивах Института фольклора АН было очень мало материалов из Тукумского уезда. Это объясняется тем, что в этом уезде, в связи с особенно интенсивным ростом здесь крупных кулацких хозяйств, безжалостно эксплуатировавших батраков, обострился классовый антагонизм; обличительный, восстающий против эксплуататоров фольклор в Тукумском уезде был особенно значителен, а как раз такого материала всячески избегали представители латышской буржуазной фольклористики.

Резекненский уезд интересовал Институт фольклора как край с большим количеством русского населения, в котором коллективное творчество латышской и русской национальностей рельефно раскрывает своеобразное и общее в искусстве обоих народов, которые совместно живут в одинаковых социально-экономических условиях.

Экспедиция в Либавский уезд носила более узкий характер. В ней участвовали только два студента Государственной консерватории Латвийской ССР (принструктированные проф. Я. Витолинем), которые собирали и проверяли уже ранее записанные материалы музыкального фольклора в связи с подготовкой к опубликованию материалов латышской народной музыки. Участники поездки собрали всего 150 мелодий и написали к ним соответствующие объяснения.

Из экспедиций, организованных в 1948 г. Институтом фольклора, наиболее широкой и значительной в смысле результатов была тукумская экспедиция (руководитель — старший научный сотрудник А. Романе) с двенадцатью участниками. Она дала 7600 записей и описаний фольклорных единиц, в том числе 93 мелодии и около 200 произведений советского фольклора (экспедиция в Резекненском уезде, которой руководил научный сотрудник Б. Инфантьев, записала 1920 текстов, из них советского фольклора 175 номеров).

Записи, сделанные в тукумской экспедиции, весьма ярко раскрывают борьбу трудового народа против царизма, помещиков, кулаков. Среди песен, сказок и сказаний, записанных в Тукумском уезде, впервые в латышской фольклористике оказались в таком широком объеме представленные революционные рабочие песни. В дни революции 1905—1906 гг. пелись пародии на церковные песни. Сказы и сказания выражают острую ненависть трудового народа к немецким баронам — палачам, правившимся с участниками революции 1905 г. Участники экспедиции записали несколько сказаний, в которых говорится, что бароны (например, фон дер Рекке в Дурбе), раздраженные в своей ненависти к латышскому трудовому народу, даже после смерти не успокаиваются в могиле. Записанные фольклорные материалы периода Великой Отечественной войны в свою очередь хорошо характеризуют борьбу латыш-

ского народа с немцами; этот фольклор направлен против предателей советской Родины и славит Советскую Армию и большевиков-бойцов. Как и в 1947 г. в Илукстском уезде участники тукумской экспедиции обнаружили несколько замечательных мастеров народного творчества. Теперь уже с полным основанием можно говорить о многочисленности талантливых создателей и исполнителей латышского фольклора. К сожалению, все они еще не выявлены (в досоветское время сведений о них не было совсем). Выдающейся сказительницей традиционного фольклора оказалась 75-летняя Либа Цунце, жена бывшего батрака Милзкалнской волости, которая знает около 400 различных фольклорных текстов, среди них много длинных народных песен (в Латвии эти песни по происхождению моложе традиционных четверостиший). Другим значительным знатоком фольклора была 88-летняя Либа Крисберг в Дзирцеме, от которой записано 212 произведений (в молодости, будучи крепостной, она знала очень много песен и была самой прославленной песенницей волости) и другие.

Анализ репертуара сказителей и описания манеры исполнения ими произведений, сделанные на основании фольклорных наблюдений 1947—1948 гг., дали возможность латышским советским фольклористам высказать суждения о типах и особенностях мастеров латышской народной устной поэзии. Теперь стало возможным сделать вывод, что латышская народная устная поэзия в XIX—XX вв. и особенно в эпоху революционных боев трудового народа и во время Отечественной войны находилась под сильным влиянием литературы и фольклора русского народа. Совместные сон латышских и русских рабочих против царизма в такой степени приблизили устную поэзию латышских рабочих к поэзии русского пролетариата, что можно смело утверждать, что в течение последних 50—60 лет русские народные песни, сказания, сказки, революционные стихи и художественная проза неоднократно являлись стимулом для развития устной поэзии латышского трудового народа. Почти половина латышских революционных песен генетически восходит к русским революционным и народным песням или же развилась на основе популярных мотивов русских песен. Такими являются песни о Степане Разине («Из-за острова»), которая в Латвии получила свой оригинальный текст на тему о боях латышского трудового народа, «Славное море, священный Байкал», которая в результате творческой обработки превратилась в революционную песню латышских рабочих, а также другие.

Положительным и значительным для латышской фольклористики результатом экспедиций явился вывод о необходимости перестройки техники и методики записи и исследования материалов латышской народной музыки. В досоветское время в Латвии в области музыкального фольклора была принята голая запись мелодий систематизируемых по внешним признакам в отрыве от идейного содержания. Исследования народной музыки строились сугубо формалистично. Такими они оставались и в первые годы советской власти в Латвии. Экспедиции в Илукстский, Тукумский, Лиепайский уезды заложили основы записи мелодий вместе с текстом изучая и выясняя изменения, происходящие в народной музыке в условиях социалистического строя.

Кроме научных экспедиций, записи фольклора в Советской Латвии осуществлялись также силами отдельных собирателей. Школам и сотрудникам культурно-просветительных учреждений высылались специальные инструкции по собиранию фольклорных материалов, выработанные Институтом фольклора (всего после 1946 г. было выработано 5 инструктивных писем с вопросниками). Фольклорному институту и Комитету культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Латвийской ССР удалось привлечь к работе по фольклору ряд энтузиастов-собирателей ими записано и прислано много тысяч текстов традиционного и советского народного творчества.

Так, руководительница народного дома и краевого музея Мадонского уезда Эльза Руденая, заинтересовав работников волостных культурных учреждений, в течение полугода лет собрала и прислала Институту фольклора более 2800 записей произведений традиционного фольклора. Коллектив студентов Даугавпилсского учительского института под руководством учительницы О. Саленiece собрал и передал Институту фольклора более 1500 текстов традиционного и советского фольклора. Учитель Неретской неполной средней школы Екабпилсского уезда А. Даугавиетис в течение трех лет при помощи своих учеников записал около 9000 номеров традиционного фольклора. Несмотря на то, что присланные материалы в общем оцениваются положительно, отдельные записи во многих случаях страдают отсутствием необходимых сопроводительных данных, следовательно, полностью не отвечают научным требованиям. Это заставляет Институт фольклора АН базироваться преимущественно на материалах, собранных научными экспедициями, а вместе с тем в корне отрицать практику латышских буржуазных фольклористов, которые значение экспедиционных работ не признавали.

Собирание других видов латышского народного творчества, например, предметов народного искусства, в Советской Латвии развернуто значительно уже, чем фольклорных материалов. Экспедиции Института истории и материальной культуры АН в 1947—1948 гг. в Илукстский, Екабпилсский и Лудзенский уезды (руководительница старшая научная сотрудница Д. Земзаре) обнаружили несколько ценных предметов народного искусства. Среди них особенно надо отметить наряднейшую часть празд-

ничной одежды молодой латышской женщины, белый наплечный платок — «с а г ш а», вышитый до сих пор неизвестным цветочным орнаментом. Подобные находки однако не привели исследователей латышского народного искусства к необходимости применить новые методы в работе. Не изменили их и ценные находки, сделанные в выездах в 1947—1948 гг. в Цесисский, Виляжский, Резекненский, Даугавпилсский и другие уезды, организованных Центральным государственным историческим музеем. Главной задачей этих выездов были поиски экспонатов для выставок латышского народного искусства и смотров самодеятельности⁷. Выезды эту цель оправдали и дали музею возможность пополнить свои экспозиции ценными произведениями народного искусства: например, узорчатыми, декоративными тканями, резьбой по дереву и керамическими изделиями, с преобладающей новой тематикой (мотивы из советской жизни). Выставки в свою очередь имели значение в развертывании художественной самодеятельности трудящихся по всей Республике. Но на основании собранных материалов не было сделано необходимых научных обобщений, которые внесли бы в изучение латышского народного искусства что-либо существенно новое. Недостаточно была развернута и борьба с пережитками буржуазных искусствоведческих концепций, пропагандировавшихся в работах М. Силиня, Б. Виппера, А. Дзервитиса и Эд. Паггле⁸.

Нельзя не признать, что работа по проведению Праздника песни в Советской Латвии разбила на практике эти реакционные теории также в области изобразительного искусства, верно и то, что республиканские дома народного творчества под руководством партии в общем работают соответственно запросам советских людей в области культуры. Но все же слабая теоретическая работа по разъяснению вопросов латышского народного художественного творчества, как и медленно развивавшаяся борьба против реакционных теорий латышской фольклористики, явились причиной того, что опубликовано очень мало материалов о народном изобразительном художественном творчестве Советской Латвии.

В настоящее время Институт фольклора подготовил к опубликованию «Материалы латышской народной музыки», собранные старшим научным сотрудником профессором музыки и историком Я. Витолинем. Эти материалы будут охватывать почти все записанные в Латвии народные музыкальные произведения — песни, пляски, игры, собрание которых начато с середины XIX в., а в настоящее время количество их превысило цифру 17 500 номеров. Из этого большого числа народных мелодий широкой публике и даже специалистам до сих пор было известно только около двух тысяч. В новом издании материалы латышской народной музыки будут представлены полностью. Они систематизированы по областям, темам и эпохам. Особо выделены трудовые песни, частушки и лирические песни. В комментариях собраны все известные данные описаний народных танцев, сведения о песне или музыкальном произведении с указаниями на их изменения в различные периоды народной истории. Последнее оказалось возможным во многих случаях, так как очень часто, начиная с середины XIX в. и до наших дней, одни и те же произведения латышской народной музыки записывались по несколько раз. Первым будет опубликовано собрание материалов народной музыки Лиепайского уезда, которое охватывает более 3000 мелодий. Оно даст почти полный комплекс песен, плясок и музыкальных произведений этого уезда, богатого традициями народного художественного творчества.

К опубликованию в 1950 г. подготовлен также сборник материалов латышского революционного и советского фольклора. Он включает около 1000 песен, анекдотов, брахилогизмов и сказаний. Сборник не только покажет то новое, что вошло в устную народную поэзию в условиях боев Отечественной войны и послевоенного мирного строительства, но также охарактеризует латышскую устную революционную и советскую поэзию, включая вместе с тем данные по вопросу о ее связях и взаимодействии с русской письменной литературой. Особое место в сборнике занимает латышский революционный подпольный фольклор и фольклор Великой отечественной войны. Уже выяснилось, что во многих случаях авторами латышских революционных и антигитлеровских произведений были ответственные работники Латышской коммунистической партии и партизанские вожди (в дни Отечественной войны — один из вождей латышских партизан Судмалис, Герой Советского Союза О. Ошкарн и другие). Сборник снабжен вступлением, раскрывающим характер латышского революционного и советского фольклора, историю его собирания и исследования. Институт фольклора АН также подготовил к печати сборник с исследованиями научных сотрудников Института. Включенные в сборник статьи дают марксистский анализ произведений устного народного творчества латышей. В сборнике разбираются отдельные жанры латышского фольклора, которые до сих пор еще не освещались.

⁷ Обширная выставка происходила летом 1948 г. в помещениях Центрального гос. музея в Рижском замке в связи с проведением Праздника песни Советской Латвии.

⁸ Б. Виппер в книге «Искусство барокко в Латвии» (Рига, 1937), А. Дзервитис в книге «Латышские национальные костюмы» (Л. Рига, 1936), Эд. Паггле в книге «Латышское народное искусство» (Рига, 1935), М. Силинь в издании «Латвия раб-сти» (Л. Рига, 1923) приписывали латышскому народному искусству индивидуализм, консерватизм, «надклассовый» характер или явный мифологизм.

Впервые в латышской фольклористике появятся такие проблемные статьи, как очерк научного сотрудника Б. Инфантеева о связях русских и латышских фольклористов в общей истории науки, о мотивах «Сказки о Золотой рыбе» А. С. Пушкина, проникших в латышские сказки с распространением произведений русской литературы в Латвии; там же публикуется обширный труд научного сотрудника А. Озола о методах работы по народному творчеству латышских фольклористов в XIX в., проводивших свои исследования под явным воздействием русской науки. Так же впервые в латышской фольклористике, будут осуществлены публикации, посвященные латышскому детскому фольклору, раскрывающие его характер в досоветское и советское время (автор — старший научный сотрудник В. Гребле); латышской народной метеорологии (автор — научный сотрудник Х. Вайта); сказителям и идейному содержанию латышского повествовательного фольклора (автор — старший научный сотрудник А. Романе).

Институт фольклора АН Латвийской ССР осуществляет подготовку для издания обширных собраний латышских народных песен, сказок, легенд и брахилогизмов в 15 томах в течение будущего пятилетия. Эти собрания охватят все ценнейшее из материалов, собранных и находящихся в распоряжении Института фольклористики (общее число их — свыше 2,5 млн. номеров).

В области латышского народного прикладного искусства Государственный центральный исторический музей в 1948 г. приступил к изданию популярных альбомов с цветными иллюстрациями и описаниями латышских национальных костюмов. План издания охватывает несколько десятков альбомов.

Полностью подготовлены 6 тетрадей, из которых две, содержащие изображения костюмов Рижского и Латгальского уездов, готовы к выпуску в свет. Издание преследует практические цели — помочь коллективам народной художественной самостоятельности в выборе образцов национальных костюмов и их выполнении к предстоящим республиканским песенным праздникам и дням. Таким образом, сборники не являются отвлеченными научными изданиями; но вместе с тем они будут играть значительную роль в исследовании латышского народного художественного творчества.

Работу по исследованию латышского народного художественного творчества выполняют также высшие учебные заведения Латвийской ССР — Латвийский гос. университет, Латвийский педагогический институт, Латвийская гос. консерватория, Латвийская гос. академия художеств, где читаются лекции и студенты проходят семинарские занятия по различным специальностям народного художественного творчества.

В Латвийском университете и Латвийской консерватории имеются кафедры, изучающие дисциплины народного художественного творчества (руководители — преимущественно научные сотрудники Института фольклора АН).

До 1948 г. занятия в высших школах еще проводились по программам, которые в общем опирались на антинаучные теории проф. Я. Янсона, А. Берзкалн и П. Биркертса и, естественно, не могли отвечать требованиям советской науки. После разгрома антинаучных теорий, начиная с 1948/1949 учебного года, занятия в высших школах стали осуществляться по программам, в основу которых положены исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и высказывания классиков марксизма-ленинизма о народном творчестве. Ведется значительная работа и по подготовке кадров молодых специалистов по народному искусству.

О повышении качества научной и учебной работы в вузах свидетельствуют разработанные студентами в 1948/1949 гг. контрольные, курсовые, дипломные работы по фольклору. Они посвящены вопросам латышского революционного и советского фольклора, анализируют репертуар отдельных сказителей, взаимодействие письменной и устной литературы, а также, впервые в латышской науке, пытаются теоретически разработать вопросы развития и особенностей латышского народного искусства (например, дипломная работа студентки Р. Лаце об искусстве латышской резьбы по дереву).

Студенты-заочники разработали и подали хорошие контрольные работы, основанные на материале, собранном собственными силами в различных уездах. Это пополняет богатство хранилищ латышского фольклора (в Латвийской ССР удалось добиться такого положения, потому что большая часть преподавателей высших школ сдает Институту фольклора АН копии записей фольклора, сделанных студентами, а также копии наиболее значительных описаний).

Исследовательская работа в области народного творчества Латвийской ССР еще только началась. Достигнутые результаты еще довольно незначительны, и общий вклад в исследование художественного творчества советских народов пока мал. Но все же латышские советские ученые уже проделали значительную теоретическую работу по пересмотру и переоценке взглядов, разгромили сторонников реакционных теорий в фольклористике и в дальнейшем в полную мощь смогут развернуть творческую работу в области фольклора и народного искусства. Утверждать это позволяет неустанная забота нашей большевистской партии о науке, честная и интенсивная работа сотрудников Института Академии Наук, Государственного центрального исторического музея и других научных учреждений Латвии, а также рост новых кадров советских ученых.

Я. Я. Ниедре

МАТЕРИАЛЫ ТОТЕМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛ.) О РУССКИХ ЗЕМЛЕПРОХОДЦАХ

В последние годы русским географическим открытиям в советской науке и литературе уделяется большое внимание. История выявила ряд таких отважных русских людей — землепроходцев, мореходов, промышленников, купцов, как Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Атласов, Чириков, Шелехов и многие другие искатели и освоители новых земель.

Среди землепроходцев и мореходов восточной оконечности Азиатского материка, Тихого океана, Аляски и Калифорнии в XVIII и первой четверти XIX в. мы встречаем много выходцев из русского севера — Великого Устюга, Тотьмы, Яренска, Каргополя, Сольвычегодска. По данным Вас. Берха¹, тотемские купцы составляли значительную группу среди снаряжавших суда на промыслы в Тихом океане (Федор Холодилов — один из первых тотемских купцов, снарядивший судно в 1746 г., Постников, Яков Протасов, Петр и Григорий Пановы, награжденные Екатериной II золотыми медалями, Алексей Холодилов, Алексей Кузнецов). Путь промысловых экспедиций Кузнецова и Пановых, проведенных в 1779—1785 гг. из Петропавловской гавани, положен на карту, составленную в 1786 г. штурманом Полудновым.

На службе у этих купцов в качестве мореходов (капитанов, передовщиков и промышленников) в Тихом океане мы находим выходцев из Тотьмы и других северных городов — участников длительных промысловых экспедиций в Тихом океане, в районах Алеутских островов, а затем Аляски, западного побережья Америки, включая северную часть Калифорнии. Из них известны передовщик Ст. П. Пономарев, участвовавший в экспедиции на судне «Иулиан» под командой искуснейшего морехода-яренца Степана Глотова и 1 сентября 1759 г. открывший два крупных острова алеутской гряды — Умнак и Уналашку. Пономарев дал первые описания природы, населения и быта туземцев, а Петр Шишкин, участник этой же экспедиции, впервые положил на карту Алеутские острова. Эта карта с его именем вместе с другими материалами экспедиции поступила к М. В. Ломоносову; теперь она обнаружена в Центральном государственном архиве древних актов и опубликована. В этой экспедиции участвовало немало тотмичей. В промысловой экспедиции 1759 г. на судне «Захарий и Елизавета», построенном в Нижнекамчатске, передовщиком был тотмич Степан Черепанов, а в числе команды — тотмичи Степан Корелин, Дмитрий Брагин. Судно было разрушено у «матерого берега Америки» туземцами, и почти весь экипаж был убит. В числе передовщиков, плававших на морских судах на Алеутские острова, упоминается посадский Тотьмы Ст. Торговкин, ставший потом купцом.

Немало потрудился над исследованием и освоением земель в Аляске и Иван Александрович Кусков, ставший первым помощником главного правителя русских владений в Сев. Америке А. Баранова. Благодаря энергичной деятельности И. А. Кускова российские владения в Сев. Америке по ее западному побережью простирались до Северной Калифорнии. 22 марта 1812 г. вблизи нынешнего Сан-Франциско Кусков заложил форт «Славенск», или «Росс», и основал самое южное поселение в российских владениях, развернув здесь большое хозяйство, чтобы снабжать столицу русских владений в Америке — Ново-Архангельск (на о. Ситха), Алеутские острова и Аляску хлебом, овощами и скотом. Кусков был прекрасным дипломатом: несмотря на враждебное соседство с фортом Росс поселений испанских монахов и их провокационные выходки, он сумел завести торговлю с испанцами, с жителями Гавайских островов, и в Ново-Архангельске появились и хлеб из калифорнийской муки, и плоды хлебного дерева, ром и вино из Чили и Перу, бразильский табак и кофе, шелка Китая и гавайская соль. И. А. Кусков сумел установить дружественные отношения с индейцами, которых жестоко эксплуатировали испанские колонизаторы.

Кусков был не только выдающимся и многолетним деятелем Российско-Американской компании, но и первым всесторонним исследователем Северной Калифорнии. Правда, дневников Кускова не сохранилось, он не оставил печатных материалов, но результаты его длительных наблюдений и исследований использовал капитан В. М. Головин, выпустивший в 1864 г. свой труд, где дал подробное и всестороннее описание Северной Калифорнии, сообщенное ему Кусковым. В. М. Головин прямо указывает: «Он (Кусков. — Н. Ч.) сообщил мне все нужные сведения касательно здешней страны»².

Экспозиция Тотемского музея очень неполно освещала данный вопрос в разделе истории края. Решено было создать показ деятельности местных людей, принимавших участие в открытии и освоении островов Тихого океана, Аляски и Калифорнии. Автор данной заметки взял на себя эту задачу. Были пересмотрены фонды музея, его научный архив и изучены почти все печатные источники, которыми любезно снабжала музей библиотека имени Ленина. В результате проведенной научно-исследовательской работы мной написаны и подготовлены к печати два очер-

¹ Вас. Берх, Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества, СПб., 1823.

² Тотемский совет депутатов трудящихся вынес решение об увековечении памяти И. А. Кускова путем сооружения обелиска и наименования центральной площади города — площадью Кускова.

ка: «Промысловые и торговые операции тотемских посадских людей и купцов в XVIII—XIX вв. и их роль в открытии и освоении земель в Тихом океане и северной Америке» и «Русский исследователь северной Калифорнии Иван Александрович Кусков».

Из выявленных и изготовленных для экспозиции материалов следует отметить реставрированные портреты четы Кусковых работы начала XIX в., с частью сохранившейся на обложке надписи «1813, форт Рос». Кто мог быть автором этих портретов? Не был ли им один из двух ситхинских (ново-архангельских) художников главного управителя русских владений А. А. Баранова, которые начали писать под влиянием русских картин, привезенных Крузенштерном и Ю. Лисянским на о. Кодьяк, а потом перевезенных Барановым в его новую резиденцию на о. Ситхе? В 1812 г. Кусков, строя на берегах Нового Альбиона форт и поселение, построил и церковь, и для росписи ее не пригез ли из Ново-Архангельска в Росс одного из барановских художников-любителей, который и написал портреты в 1813 г.? Далее отметим портрет маслом в золоченой раме конца XVIII в. купца Вахрушева и других, а также финифтяную китайскую посуду, вывезенную купцами с Востока, и несколько предметов китайского фарфора.

Ометим имеющиеся в музее карты северо-восточной части Российской империи, составленные Ив. Кириловым в 1733 г., путей Беринга и Чирикова из Камчатки в Америку и обратно в 1741 г., северо-восточной части Тихого океана и русской Америки из «Отчета Российско-американской компании в 1859 г.», а также ряд рисунков, исполненных художником музея Ф. И. Лашиным, относящихся к данной теме.

Музей получал большую помощь от центральных научных учреждений и отдельных ученых (проф. Н. Н. Степанов, Г. П. Чиж, С. Н. Марков, Е. Э. Бломквист, писатель И. Ф. Кратт и др.), которым выражает свою искреннюю благодарность, рассчитывая и в дальнейшем на их любезные услуги, так как богатейшие архивные фонды обещают дать немало нового, интересного и ценного для истории Вологодской области.

Н. А. Черницын

ВЫСТАВКА «ПУШКИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ РСФСР»

В дни всенародных юбилейных торжеств, посвященных столетию со дня рождения А. С. Пушкина, в Москве открылась выставка «Пушкин в произведениях народных мастеров РСФСР», организованная Комитетом по делам искусств при Совете Министров РСФСР, Оргкомитетом Союза Советских художников СССР, Правлением Всесоюзного художника и Управлением промкооперации. Выставка зиявала огромными успехами мастеров народного творчества в разработке пушкинских тем.

Выставка показала, что в народном творчестве нашей Родины мастера всех видов изобразительных искусств постоянно обращаются к Пушкину и его творчеству.

Мастера художественной резьбы по кости, виртуозы гравировки, черни и чеканки по металлу; художники, работающие по фарфору, фаянсу; ткачихи и кружевницы; знаменитые ковроделы и не менее знаменитые живописцы-миниатюристы русских художественных лаков — все они одинаково глубоко воспринимают пушкинский поэтический гений и претворяют его поэтические образы в свои художественные произведения. Талантливые потомки тех, кого А. М. Горький справедливо назвал «основоположниками искусства», приумножили в советское время славу своих предков. Замечательные хранители традиций и одновременно подлинны новаторы, наши мастера художественных промыслов неустанно работают над произведениями, раскрывающими советскую действительность, над современными, литературными, историческими темами. В многообразную тематику органически входит пушкинская тема.

Трудно отдать предпочтение в разработке этой темы какому-либо одному виду народного творчества. Самыми различными средствами и приемами мастера народного декоративного и прикладного искусства, с ярким национальным своеобразием, претворяют в художественные произведения поэтические образы Пушкина. Здесь открывается богатая сокровищница, откуда мастера черпают свои замыслы.

Знаменитые резчики по кости (ажурной, на проем, объемной) из советской Якутии, из Холмогор (родины М. В. Ломоносова), художники-косторезы Москвы обращаются к образу А. С. Пушкина и к его поэзии. Художники и мастера М. Раков, С. Евангулов, В. Гурьев, К. Цадриков, Е. Аргунов, С. Лопатин и многие другие создают из мамонтовой и моржовой кости пластически совершенные, ювелирно-тонкие барельефы, пластины, декоративные вставки, объемные скульптуры малых форм, посвященные поэту и его произведениям.

Много и плодотворно над пушкинской темой работают мастера художественной резьбы по дереву: замечательные скульпторы и орнаменталисты подмосковной деревни Богородское, Загорска, Абрамцево-Кудринского очага декоративной резьбы и других советских городов и селений. Убедительные по образности, тонкие по моделировке миниатюры талантливого богородского мастера И. Стулова («Руслан и Голова», «Золотой петушок», «Царь Додон», «Звездочет»); простые строгие по формам скульптуры малых форм вагорского мастера И. Рыжова-Плешкова («Золотая рыбка») и других мастеров художественной резьбы по дереву — свидетельство их увлеченности пушкинской темой.

Столь же увлеченно над произведениями, посвященными пушкинским текстам, работает многочисленная семья талантливых мастеров народного художественного текстиля, художественной керамики, финифти, а также русской черни и гравировки по серебру из Великого Устюга (в частности, Е. Шильниковский, М. Чиркова, М. Мелентьева, Г. Корсакова и другие, исполнившие интересную серию работ, посвященных «Сказке о попе и работнике его Балде» и «Руслану и Людмиле»).

Особенно много над пушкинскими текстами работают художники Федоскина, Палеха, Холуя, Мстеры, Жестова и близкого к ним очага черно-огненно-золотой орнаментальной хохломской росписи. Эти мастера давно сроднились с пушкинской музыкой и создали сотни произведений, которые одновременно и иллюстрируют пушкинские тексты и живут своей самостоятельной жизнью.

Среди мастеров-миниатюристов перечисленных нами селений первое место по работе на темы, почерпнутые из творчества «солнца русской поэзии», занимают художники Палеха. В течение четверти века новый, Советский Палех создал сотни композиций, раскрывающих содержание пушкинских сказок, поэм, повестей, драматических произведений и стихотворений. Подлинными шедеврами советского искусства миниатюры на папье-маше являются произведения палешан: заслуженных деятелей искусства РСФСР И. Голикова, И. Баканова, И. Вакурова, народного художника РСФСР И. Маркичева, лауреата Сталинской премии Н. Парылова, мастеров Д. Бугорина, А. Ватагина, А. Дыдыкина, И. Зубкова, Н. Зиновьева, Ф. Каурцева, С. Соломина, молодых миниатюристов А. Борунова, П. Челунина, Т. Зубковой и других. Многие из этих произведений были представлены на упомянутой выставке в Москве.

Если в первые годы своей творческой деятельности миниатюристы Палеха проявляли иногда несколько поверхностное (хотя и блестящее по формальным достижениям) отношение к той или иной пушкинской теме, то с годами их работа становится все более и более углубленной. Возьмем трактовку пушкинского стихотворения «Бесы» двумя такими крупными мастерами, как темпераментный, всегда полный динамики И. Голиков и не менее блестящий колорист, но более лаконичный композитор и орнаменталист И. Вакуров. Еще в 1928 г. И. Голиков стал работать над «Бесами», создав за три с небольшим года несколько вариантов на больших и малых коробках, шкатулках и бисерницах из папье-маше. Видоизменив и переработав послуживший ему первым толчком мотив знаменитых федоскинских «зимних троек», И. Голиков в этой своей серии точно следует за пушкинским текстом, создавая страшные, химерические образы, возникающие в вихрях пурги. На черном лаке «мчатся бесы рой за роем» и всплески снежных волн, изгибы несущихся по завьюженному бездорожью коней (написанных так, как умел это делать только И. Голиков) трагичны для седока, в котором мы узнаем А. С. Пушкина. Но голиковская трактовка — больше парафраза самого стихотворения, чем та социальная трагедия, которую раскрывает в своих «Бесах» И. Вакуров (шкатулка, 1933 г.). Вакуровские «Бесы», окружающие « kibитку, в которой сидит А. С. Пушкин, прежде всего исторические персонажи, «свободы, гения и славы палачи». И. Вакурову в своей работе «Бесы» удалось подняться до больших социальных обобщений. Страшны в своей реалистической образности появляющиеся из вихрей бурана фигуры и маски жандармов и сановников-убийц, возглавляемых всероссийским жандармом Николаем Палкиным.

Незадолго до юбилейной пушкинской выставки 1937 г. художник направил этот свой шедевр товарищу Молотову. Вячеслав Михайлович, благодаря И. Вакурова за присланную работу, отметил в ней «и блеск таланта, и широкий общественный интерес художника». Работы И. Голикова и И. Вакурова, представленные на выставке, привлекали всеобщее внимание.

Таких примеров, подтверждающих из года в год растущую углубленную работу палешан над пушкинскими текстами, можно привести много, но ограничимся только одним. Братья А. и В. Котухины стремились «освоить» поэзию Пушкина с первых же лет нового Палеха. Уже в 1928 г. началась их творческая работа над текстами поэта. В частности, ряд работ сделан этими двумя замечательными мастерами раздельно на темы «Руслана и Людмилы». В. Котухин выполнил тончайшие по рисунку вещи: «Руслан и Черномор», баул-шкатулку «Бой Руслана с Рогдаем» и пластину «Руслан и Людмила». А. Котухин — шкатулку «Людмила в волшебном саду» и большой ларец «Руслан и Людмила». Поразительна по образной силе, содержательности рисунка и фееричности цвета композиция ларца А. Котухина, оставляющая далеко позади прежние работы братьев Котухиных. В этих красочных работах А. Котухин блеснул присущими ему динамичностью, умением строить сложные многофигурные композиции на черном лаке папье-маше.

Не менее убедительна прекрасная долголетняя творческая деятельность И. Баканова над проникновенным, синтетическим толкованием поэм Пушкина «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан».

Мастерам Палеха присущи некоторые характерные особенности в построении композиции, которых мы не встретим у других художников русских лаков. Основной из них является повествовательное развитие темы на плоскости. Миниатюры палешан в своем большинстве — серия картин, включенных в одну. Так, в частности, строят свои композиции на тему «Сказка о рыбаке и рыбке» И. Голиков, И. Зубков, А. Котухин, В. Баранов, Д. Буторин, А. Борунов и другие мастера, повествуящие отдельными кадрами своих композиций, смыслово-орнаментально и колористически объединенными в единое целое, как «жил старик со своею старухой у самого синего моря», и излагающие дальнейшие перипетии знаменитой сказки, вплоть до печальной концовки:

...Опять перед ним землянка,
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.

Этот же композиционный принцип заложен в блестящей, уже упомянутой нами работе А. Котухина — ларце «Руслан и Людмила», в замечательных произведениях, исполненных палешанами И. Бакановым, М. Сперанским, Г. Мельниковым, В. Барановым, А. Барановым, С. Соколинным, А. Ватагиным, Т. Зубковой, А. Боруновым и другими старыми и молодыми мастерами на тексты пушкинских творений: «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Борис Годунов», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке», «Скупой рыцарь» и других.

В большинстве произведений, посвященных Пушкину и его гениальным творениям, палешане остаются верными тому направлению в искусстве миниатюры, которое они, видоизменяя и совершенствуя, проповедают уже четверть века. Это направление палешан, успешно осваивающих метод социалистического реализма, опирается на традиции палехского искусства, восходящие своими истоками еще к XVII в. Но новое содержание, современные идеи, вдохновляющие художников Палеха, требуют и новых форм выражения. Вот почему советский Палех во всей своей работе (в частности, и в работе над пушкинскими темами) раскрывает все новые возможности и качества реалистического изобразительного искусства, в котором много революционной романтики, сказочности и оптимизма.

Художники-палешане больше других мастеров народного творчества обращаются к наследию гениального поэта потому, что реалистическая простота, сказочность, поэтичность его творений близки их творческому направлению. Конечно, поэтическое наследие А. С. Пушкина адекватно всему народному декоративному и прикладному искусству.

Вместе с Палехом, у которого есть сотни композиций на пушкинские темы, не менее плодотворно работает над образным раскрытием пушкинских текстов коллектив миниатюристов поселка Мстера. Как и палешане, художники Мстеры (старейший мастер Н. П. Клыков, талантливые живописцы И. Морозов, Н. Антоновский, А. Котятин, И. Серебряков, В. Овчинников, А. Брягин, молодежь — М. Петрова, Ф. Шюлов, Е. Зонина и др.) в поэзии Пушкина нашли неиссякаемый источник творческого вдохновения.

Работы мстерцев своеобразны и во многом отличаются от работ палешан. Палешане — блестящие стилисты и орнаменталисты — очень часто излишне условны в отображении природы. В основу своего творчества (речь идет о формально-технических началах) они кладут острую графичность, чеканность формы. Палешане по большей части оперируют локальным чистым цветом, который безукоризненно четко и красочно ложится на черный лак папье-маше, причем они и этот черный блестящий лак почти всегда стремятся превратить в цвет, вводя его как постоянную и необходимую категорию в свою палитру. Художники Мстеры больше живописцы-станковисты и вдохновленные пейзажисты, а вместе с тем — не меньшие узоротворцы, чем палешане. В большинстве произведений художников Мстеры, посвященных пушкинской тематике, действие развертывается в пейзаже, причем он иногда играет главную роль. Так, художник А. Котятин, раскрывая на лирическом, полном большой правдивости и простоты фоне русского пейзажа знаменитую тему пушкинского «Лукоморья» (пластина) насыщает этот пейзаж персонажами «Вступления» к поэме. Здесь, в центре композиции, членив ее на две равные части, — «дуб зеленый, золотая цепь на дубе том», «русалка на ветвях сидит», а «скот ученый под дубом сказки говорит» сидящему там же А. С. Пушкину. Справа и слева столь же реалистически просто и доходчиво в пейзаже «царь Кашей» «над золотом чахнет», «ступая с бабою-ягой идет, бредет сама собой», «избушка... на курьих ножках стоит без окон, без дверей» и «тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных». Патриарх русской лаковой миниатюры Н. П. Клыков живописал осенний лесной пейзаж, в котором Дубровский и его товарищи останавливают нарядную карету Маши Троекуровой и ее мужа (шкатулка «Дубровский»). Даже архитектурный пейзаж (в отличие от плоскостного и орнаментально-графического решения пале-

шан) у мастеров решается живописно-пространственно и всегда органически связан с природой. Таковы многочисленные шкатулки и ларцы, посвященные художниками А. Брягиным, Н. П. Клыковым, В. Овчинниковым, Е. Зониной, М. Петровой и другим произведениям А. С. Пушкина, в первую очередь — поэме «Руслан и Людмила», а также поэме «Цыганы», «Сказке о царе Салтане» и пр.

Преодолевая свои прежние ремесленные навыки, на широкую дорогу живописного мастерства вышли художники села Холуй вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Небольшой коллектив миниатюристов этого села столь же упорно и успешно, как и палешане и мастера, но в своеобразной манере, в своем «почерке» работает над пушкинской тематикой. Маститые художники Холуя С. Мокин, К. Костерин, В. Пузанов (Молев), Н. Н. Клыков (переехавший туда из Мстеры и сохранивший мстерскую манеру письма) и талантливая молодежь (В. Белов, Н. Бабурин и др.) в своих живописно-гиперболизированных произведениях живописуют различные пушкинские темы, уделяя особое внимание сказкам, поэме «Руслан и Людмила», а также отдельным стихотворениям. В перспективе у Холуя — дальнейшее расширение охвата пушкинских текстов, более углубленная работа над живописным осмысливанием наследия великого поэта.

Мастера подмосковного села Федоскино, имеющего за плечами столетие десятилетний опыт работы, родоначальники замечательного искусства миниатюры, на новых основах, вооружась методом социалистического реализма, упорно и увлеченно работают не только над перенесением на шкатулки, ларцы, коробки из папье-маше станковых произведений классиков русской реалистической школы живописи, но и над самостоятельными творческими композициями на пушкинские темы. Виднейшие миниатюристы Федоскино, работающие и как копиисты-интерпретаторы, и как создатели собственных композиций, — И. Семенов, А. Кругликов, Б. Легейда, В. Лавров, К. Петров, талантливые молодые мастера (Б. Антонов, Н. Балашов, Д. Орлов, М. Пашинин и др.) с большой реалистической убедительностью и с традиционным мастерством создают в миниатюрах копии-интерпретации с картин К. Брюллова, О. Кипренского, В. Тропинина и др., исполняют композиции на темы «Сказки о рыбаке и рыбке», «Бахчисарайского фонтана». Врожденные реалисты, федоскинцы являются вдумчивыми колористами и умелыми рисовальщиками. Они не без успеха стремятся в своих насыщенных, содержательных произведениях, посвященных Пушкину, к большим образным и живописным обобщениям.

Говоря об очагах русских художественных лаков, мы упоминали декоративистов подмосковной деревни Жёстovo и орнаменталистов Хохломы. Живописцам Жёстова, виртуозам декоративной росписи подносов, десятилетия писавшим на металле цветы, фрукты, натюрморты (реже ландшафты), вновь была работа, которая пришла к ним после революции, работа над образом человека, над литературными темами. Но гениальные творения Пушкина покорили и их; талантливые мастера Жёстова (А. Леонтьев, Н. Беляева и др.) создают на цветных лаках металлических подносов красивые, красочные, запоминающиеся композиции к «Евгению Онегину», «Сказке о царе Салтане», «Руслану и Людмиле». А один из ведущих мастеров орнаментальной хохломской росписи — Ф. Бедин — увлеченно разрабатывает на больших вазах феерическую тему пушкинского «Лукоморья». Мастера Жёстова и Хохломы не были представлены на выставке, но их вклад в сокровищницу народного мастерства, связанный с разработкой пушкинской темы, несомненен.

Каждый очаг художественных лаков работает над близкой и родной всем советским людям темой, темой жизни и творчества А. С. Пушкина. Пушкинская тема — неиссякаемый животворный источник, из которого черпают творческое вдохновение мастера народного декоративного и прикладного искусства.

Обращаясь к великому поэту, народные поэты — ашуги Адыгеи писали:

Люди, которые живут после тебя,
В пропасть без дна сбросили прошлый день,
И во все стороны слово твое понеслось
На всех языках нашей большой земли...
...Ленин нас вывел из тьмы,
Сталин-солнце строит новый дом.
И творенья твои стали всем известны,
И до наших глаз дошел свет твоей звезды.
...И ты — наш ровесник и гость.
В лад с тобой песни поем.
К тебе не зарастет травой наша тропа.

Через многие десятилетия мастера народного творчества нашей Родины утверждают великую силу поэтического Пушкинского гения.

Н. Соболевский

ВЫСТАВКА «БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ТКАНИ» В НАРОДНОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ СОФИИ

Болгарский народный этнографический музей начал свое самостоятельное существование только в 1924 г. В первые годы после освобождения Болгарии от власти турок он возник и существовал как составная часть других культурных учреждений. В 1879 г. в столице вновь освобожденного государства был создан центральный культурный институт — Народная библиотека с собранием археологического и этнографического материала. Первые поступления этнографического материала ограничивались преимущественно металлическими сосудами, украшениями, старинным оружием. В 1892 г. этнографическое собрание Музея увеличилось за счет приобретения коллекций народной одежды, переданных в Музей после закрытия выставки в Пловдиве. Изобилие в стране археологического и этнографического материала, быстрое разрастание коллекций, необходимость их глубокого изучения потребовали создания в 1893 г. самостоятельного Народного музея, а в 1906 г. — обособления Народного археологического музея и Народного этнографического музея. Последний только в 1924 г. освобождается и от архивного материала собрания «Архива болгарского возрождения» и отдается своим непосредственным задачам.

Вначале государство возложило на музей задачу «представить материальную культуру болгарского народа путем собирания, описания и изучения ее предметов». Но тесная связь между вещью и социальными условиями ее существования, с одной стороны, и духовными потребностями, вызвавшими ее к жизни, — с другой, потребовали параллельного изучения материальной, общественной и духовной культуры болгарского народа. В последнее время основной целью Народного этнографического музея является собирание и изучение народной культуры прошлого во всей ее целостности, а также наблюдение за новыми народными творческими явлениями в современных условиях.

9 сентября 1948 г., в связи с четырехлетней годовщиной освобождения Болгарии, Народный этнографический музей открыл выставку болгарских народных тканей. Выставка преследовала цель показать исключительное богатство и разнообразие техники тканья, которая может быть использована в современном ремесленном и индустриальном текстильном производстве. Были экспонированы материалы, собранные в Музее со времени его основания (1879 г.) до последних дней. Несмотря на малочисленность экспонатов, обусловленную ограниченностью выставочного помещения, были показаны ткани, раскрывающие все многообразие болгарского ткацкого производства почти за 100 последних лет, по отдельным географическим и хозяйственным областям. На этом материале можно наблюдать наиболее характерный орнамент, применяемый в ткачестве, проследить изменения в обработке текстильного волокна, появление новых видов тканей. Ткани демонстрировались на вешах, для которых они предназначены: на одежде, мебели, транспортных принадлежностях. Их высокая художественная ценность и возможность разнообразного применения раскрывают стремление болгарского народа придать красивый вид даже вещам, предназначенным для повседневного употребления.

В вводной части выставки были даны краткие сведения о результатах проведенного Музеем в истекшем году анкетного опроса о распространении ручного ткацкого производства среди современного болгарского населения. Эти данные, как и коллекция тканей для одежды, содержащая около 100 образцов только из одного села, красноречиво показывают творческие силы, таящиеся в народе.

Первой на выставке была представлена коллекция примитивных прядильных и ткацких станков. Были последовательно выставлены инструменты, с помощью которых волокно превращается в материал: гребни для расчесывания шерсти, коллекции прялок (для тядения шерсти, хлопка, конопли, различных видов льна), начиная с неотесанной соеновой палки до украшенной художественной резьбой, гравюрами, инкрустацией, снабженной зеркалами прялки и ткацкого стана двух основных встречаемых в стране видов — вертикальной и горизонтальной конструкции. Выставлены были также более усовершенствованные прядильные инструменты для наиболее легкой и быстрой обработки пряжи, отображающие техническую изобретательность народа. В качестве дополнительного материала были представлены рисунки, изображающие отдельные моменты ткацкого процесса. Коллекции образцов пряжи и тканей, окрашенных натуральными красителями в различные цвета, прекрасно иллюстрируют искусство болгар в создании многоцветных тканей.

Последовательность, в которой были выставлены экспонаты, дала посетителю возможность наблюдать эволюцию болгарских тканей от простейших и легко изготавливаемых до богато орнаментированных и сложных по выполнению. Первая группа тканей была представлена неокрашенной шерстяной и полотняной материей и одноцветными тканями «лито» из конопли, льна, хлопка, шерсти, шелка — по принципу их прошлой и современной географической распространенности. Обращает на себя внимание улучшенное качество обработки волокна в тканях нового производства по сравнению со старой грубой материей. Посетители особенно долго задерживались перед коллекцией шелкового полотна, прозрачное поле которого пересечено вдоль основы, крестообразно и по утку выпуклыми линиями различных комбинаций. Далее следуют

плотные ткани с блестящими красивыми пурпурными полосами, расположенными продольными группами или пересекающимися лучеобразно. Эти ткани, главным образом из восточной Болгарии, предназначаются в основном для производства женской одежды, частично для мужского костюма, сумок, заплечных мешков. Среди тканей с линейным орнаментом встречается и «расписная» шерстяная материя, приятное сочетание цветов и оттенков которой радует взгляд. Тут же были экспонированы грубые холщевые ткани из кукурузного волокна, дающие наглядный пример успешного сочетания легко получаемого сырья с желанными качествами материи. Светлые кукурузные волокна перемежаются с шерстяными или хлопчатобумажными нитями, сверкающими золотыми оттенками, производя яркое впечатление. Плащ пастуха из высокогорных скотоводческих областей дает образец непромокаемой материи, ценное качество которой приобретает за счет волокон козьей шерсти. Верхняя мужская одежда дает наглядное сочетание эластичности и прочности, необходимых в трудовой деятельности. Красивые ковры, подушки, ковровые ткани обладают прекрасной теплосохранностью. Выставлены были и четырехцветные ткани, представляющие собой образец умелого сочетания разнообразных цветов и оттенков. Это — одеяла, полотенца, одежда новой ткацкой техники «наводки», которая характеризуется равномерным распределением рельефно очерченных геометрических фигурок. Результатом сложнейшего ткачества по способу «перебора доски» являются многоцветные или двухцветные орнаментированные ткани с мелкими геометрическими мотивами. Высшим достижением болгарского ткацкого искусства являются «пестрые» ткани. Сложные композиции графического и художественного орнамента, плоского или рельефного, достигаются путем умелого переплетения разноцветных шерстяных ниток, при котором каждая деталь получает самостоятельное очертание. Такие ткани, раскрывая высокую одаренность болгарского народа в создании орнамента, получают большое практическое применение. Они носят преимущественно декоративный характер и применяются при отделке костюмов, обивке мебели, драпировке комнат. Выставлены были подушки, покрывала, усыпанные цветными рисунками, изобилующие красками, а также ковровые ткани «кори» с линейным или геометрическим рисунком. Выделялись пояса из Софийской области, представляющие собой комбинацию ткачества и вязания. Наряду с шелковыми тканями, больше всего распространенными в северной Болгарии, выставлены были ковры. В коврах старой техники (некоторые из них насчитывают почти двухсотлетнюю давность) преобладают мягкие цвета, очень тонко очерченные человеческие фигуры, композиции птиц и растений. Выставлены были и ковры современного производства — котленские, чипровские, пиротские, отображающие локальные особенности некоторых областей. Наибольшее внимание привлекли коллекции полотенцев, которыми был занят целый зал. Обычно вышиваются только концы полотенца. В вышивках раскрывается целый мир растений, человеческих, животных и птичьих фигур. Часто встречаются изображения коников, фантастические фигуры птиц, символические композиции, как, например, древо жизни. Помимо вышивки орнамент исполняется и ажурным ткачеством, давно применяемым у населения, главным образом, северо-восточной Болгарии. В заключение на выставке были представлены старинные «затканые вышивки», называемые так из-за большого сходства с вышивкой. Такие нежно затканые и богатые колоритом орнаменты украшают подолы женских рубашек из Фракии и головные повязки из сель центральных районов Старой Планины.

Несмотря на ограниченность помещения, прекрасные экспонаты привлекли большое число посетителей. Можно сказать, что цель выставки во многом достигнута. Болгарские ткани своими качествами привлекли внимание современных работников текстильной промышленности, художников, ремесленников, хозяйственных деятелей. По их инициативе была созвана конференция, на которой обсуждались мероприятия по внедрению свойств народных тканей в современное ремесленное и промышленное текстильное производство с целью скорейшего создания высокохудожественных, пригодных в современных условиях жизни национальных болгарских тканей.

Мария Велева

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

15 июня 1948 г. защитил докторскую диссертацию старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР А. Ф. Анисимов. Диссертация его, озаглавленная «Вопросы генезиса религии эвенков», представляет собой историко-этнографическую монографию, посвященную исследованию комплекса вопросов, связанных с ранними формами религиозных представлений у народов Сибири. Первая часть работы отведена описанию верований эвенков и определению их места в истории первобытной религии; вторая часть содержит палеонтологический анализ и опыт исторической реконструкции религии этого народа. Текст работы сопровождается большим количеством иллюстраций, в том числе оригинальными рисунками самих эвенков.

Официальными оппонентами выступили доктора историч. наук М. О. Косвен, А. П. Окладников, Л. П. Потапов и чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрих. Проф. М. О. Косвен указал на крупное научное значение обсуждаемой работы, автору которой удалось успешно разобраться в крайнем обилии и сложном переплетении

религиозных представлений эвенков и наметить историческое соотношение и развитие различных форм их религии. Автор конкретно показал, как на общепантеистической основе, составляющей господствующее содержание религии эвенков, последняя развилась из своих начальных истоков — магии и тотемизма, достигнув сравнительно высокой ступени, воплощенной в сложном пантеоне духов и божеств, расположенных по трем кругам — верхнего, среднего и нижнего мира. Ценную часть исследования, по мнению оппонента, составляет демонстрация тотемистического в своих истоках и в своем существе шаманства. Большой интерес представляет проникающий все исследование показ развития религии эвенков как религии материнско-родового общества, превращающейся, с превращением матриархата в патриархат, в религию патриархально-родового общества, носящего в себе уже формы классовых отношений. Прделанная А. Ф. Анисимовым работа, таким образом, имеет существенное значение для советской науки о первобытном обществе. А. П. Окладников отметил большой интерес, который представляет обсуждаемая работа для исследователей древней культуры и ранней истории народностей Северной Азии. Собранный диссертантом материал, относящийся к истории религии этих народностей, имеет большое значение и для правильного понимания других сторон их жизни, в особенности социального строя, ибо религиозные верования являются хотя и фантастическим, но очень ярким отражением реальных отношений. В свете собранных А. Ф. Анисимовым данных впервые поддается расшифровке ряд древних наскальных изображений, ключ к пониманию смысла которых, казалось, был утерян. Обсуждаемая работа, основанная на материале, в значительной степени ранее не известном науке, дает возможность восстановить древние верования и космогонические представления предков эвенков, живших в Прибайкалье за 3—4 тысячи и более лет назад. Очень удачно привлечены автором источники особого рода — собственноручные зарисовки информаторов-эвенков к передаваемым им текстам; острая графическая выразительность и богатство подробностей делают эти рисунки первоклассными документами для изучения древнего мировоззрения эвенков. Интересно совпадение этих рисунков в манере стилизации и исполнения с наскальными изображениями долины р. Лены. Автор, сказал далее А. П. Окладников, поставив перед собой задачу исследования религии эвенков не в узко описательном, а в генетическом плане, неизбежно вышел за рамки эвенкийской и сибирской этнографии, более того — за пределы собственно религиозных верований, в область общепантеистических проблем, в историю первобытного мышления, в историю человеческого сознания и речи вообще. Здесь автор показал себя убежденным последователем диалектико-материалистической методологии и в ряде случаев сказал новое слово в области затронутых им общих вопросов, хотя некоторые его положения носят дискуссионный характер. Л. П. Потапов охарактеризовал вкратце содержание работы по ее разделам, подчеркнув, что научное значение ее выходит далеко за рамки собственно эвенкийского материала, поскольку исследуемые автором ранние формы верований широко распространены и типичны для многих других народов как в Сибири, так и за ее пределами. Исходя из собранного им богатейшего конкретного материала, автор разработал стадиальную классификацию этих верований, выявив наиболее архаические их элементы в виде охотничьих магических обрядов, явившихся основой возникновения тотемистических церемоний. Тотемистические же представления эвенков, как показал автор, развиваются уже позднее, с развитием у них родовой организации — как превратное отражение родовых связей. В своей концепции в этом вопросе А. Ф. Анисимов разделяет принятый советскими этнографами взгляд о связи тотемизма с архаической формой рода. Оппонент подчеркнул историко-материалистическую основу концепции диссертанта, выгодно отличающейся в этом отношении от взглядов некоторых исследователей, например, Д. К. Зеленина, который хотя и писал о тотемистическом происхождении религиозных верований народов Сибири, но подошел к решению этих вопросов с идеалистических позиций. Теоретические выводы А. Ф. Анисимова наносят удар по концепциям буржуазных ученых и устанавливают приоритет и главенствующее положение советской науки в решении указанных вопросов. Однако сам диссертант обходит это молчанием, не заостряя внимания на критике взглядов буржуазных исследователей, что является существенным минусом в работе. Из своей концепции тотемизма диссертант выводит и генезис шаманства в результате трансформации тотемистических культов и постепенного выделения из общества специалиста-шамана. Выяснив семантику некоторых шаманских атрибутов и показав эволюцию шаманского обряда, автор уделит специальное место рассмотрению социального положения и роли шамана у эвенков как в отдаленные времена, так и позднее, вплоть до революции. Однако здесь А. Ф. Анисимов не вскрыл самого главного — эксплуататорской роли шамана. Не показана его подлинная роль и в родовом обществе. В блестяще данном диссертантом описании шаманского камлания сквозит, по мнению Л. П. Потапова, некоторая идеализация шамана, навеянная, повидимому, народническими настроениями, оставившими свой глубокий след в русской этнографической литературе, особенно по народам Сибири. Чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрих центрировал свое внимание на лингвистической стороне разбираемой диссертации. Как особое ее достоинство он отметил то, что автор на богатейшем этнографо-лингвистическом материале сумел еще раз показать правильность положений Н. Я. Марра, касающихся первобытного мышления. Диссертант хорошо показал

порочность идеи Леви-Брюля о предшествовании дологического мышления логическому, мистического — практическому. Указав на спорность отдельных положений диссертанта, в частности, в вопросе о датировке возникновения мировоззренческих институтов и в лингвистическом анализе некоторых понятий, — оппонент подчеркнул, что эти дефекты легко устранимы при дальнейшей работе над темой и не могут умалять общей высокой оценки обсуждаемой диссертации.

К минусам работы оппоненты отнесли отсутствие историографической части и недооценку диссертантом вклада предшествующих исследователей в разработку вопросов истории религии. М. О. Косвен указал на недостаточное последовательно проводимую диссертантом увязку развития религиозных представлений эвенков с развитием материальных условий их жизни. Осталось не вполне ясным, по мнению оппонента, общее решение автором вопроса о сущности первобытной религии, в частности, о том, что представляет собой фетишизм. А. П. Окладников отметил отсутствие в ряде случаев точной документации исследуемых диссертантом фактов. Самая структура работы, распадающейся на две органически не слитые части, представляется оппоненту неудачной. Возражения со стороны оппонентов вызвали некоторые положения диссертанта по вопросам первобытного мышления. Хорошо показав логичность мышления предков эвенков, ссылаясь на их производственную практику, А. Ф. Анисимов не объяснил и недостаточно обосновал образность этого мышления. Осталось неясным, почему такое большое значение приобрел у эвенков полисемантический комплекс буга, анализу которого диссертант отвел центральное место во второй части своего исследования. По мнению Л. П. Потапова, интересные соображения диссертанта в этой части нуждаются в более основательном их подкреплении.

Выступивший на диспуте проф. С. А. Токарев остановился на некоторых положениях диссертанта, которые представляются ему спорными или недостаточно обоснованными. А. Ф. Анисимов, по его мнению, переоценивает значение эвенкийского материала, исходя из которого он считает возможным ставить и разрешать общие принципиальные вопросы происхождения религии. С этим связана и трактовка диссертантом первобытного мышления, которую он обосновывает также эвенкийским материалом; С. А. Токарев считает это неправомерным, поскольку стояли на значительно более высокой ступени развития, чем первобытность. На диспуте выступил также секретарь Эвенкийского окружного комитета ВКП(б) тов. Увачан, указавший на заслуги диссертанта в поднятии культуры эвенкийского народа и на практическую ценность данной работы, которая должна оказать большую помощь в борьбе с остатками шаманизма. Вместе с тем тов. Увачан присоединился к некоторым замечаниям, высказанным оппонентами, и выразил пожелание о том, чтобы при дальнейшей работе была учтена необходимость довести исследование до современности, что придаст ему более действенный, наступательный характер. Директор Института этнографии проф. С. П. Толстов, присоединившись к данной оппонентами высокой оценке обсуждаемой диссертации, высказал пожелание о ее доработке для печати, для чего автору следует пересмотреть свои экскурсы в область общих проблем первобытной религии, акцентируя внимание на религии эвенков, и более четко противопоставить свой материалистический взгляд имеющимся в этом вопросе идеалистическим концепциям. Развернувшись на диспуте дискуссия, сказал проф. Толстов, показывает, с одной стороны, важность поставленной проблемы, с другой значимость обсуждаемой работы, которая дает бесспорное право на присуждение ее автору степени доктора исторических наук. А. Ф. Анисимову присуждена искомая степень.

21 декабря 1948 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук старшим научным сотрудником Института этнографии В. И. Чичеровым. В диссертации, носящей заглавие «Зимний период русского сельскохозяйственного календаря XVI—XIX вв.», исследуется комплекс проблем, связанных с данной темой, — вопросы циклизации русского сельскохозяйственного календаря, его особенности в зимний период производственной деятельности крестьянства, национальная специфика русского народного календаря, отличающая его от сельскохозяйственных календарей других народов; исследуются также особенности мировоззрения дореволюционного русского крестьянства на различных этапах развития народной идеологии. Официальные оппоненты — доктор филологич. наук проф. П. Г. Богатырев, доктор историч. наук Б. А. Рыбаков, доктор историч. наук Н. П. Гринкова — отметили как новизну постановки темы и методологических основ ее разработки, так и проявленную диссертантом эрудицию и овладение огромным материалом. Автор, сказала Н. П. Гринкова, начинает свою диссертацию с критической оценки работ ряда ученых, освещавших вопросы, связанные с сельскохозяйственным календарем, и показывает идеалистическую трактовку этого круга вопросов как представителями мифологической школы, так и различными течениями позитивистской буржуазной фольклористики. В противовес им диссертант строит свой анализ материалов на диалектико-материалистических основах и рассматривает русский народный календарь и связанный с ним фольклор как оригинальное, самобытное явление, порожденное сельскохозяйственным трудом, отразившее социальный строй и семейный быт русского народа и связанное с особенностями его истории. Автор обоснованно утверждает, что базой народного сельскохозяйственного календаря являются трудовые процессы, т. е. сельскохозяйственная деятельность, которая определяет собой

и строение самого календаря, и особенности календарного фольклора. Этот взгляд последовательно проводится автором на протяжении всей работы, что составляет большое ее достоинство. В работе убедительно показано, что культура народных масс, порожденная их трудом и на нем базирующаяся, отражает их стихийно-материалистическое мировоззрение, противостоящее мистицизму насаждавшегося на Руси христианства. В. И. Чичеров доказывает, что «православие было религией господствующих классов, и его канонические формы остались чуждыми русскому народу... Для народного аграрного календаря характерно не празднование памяти церковных святых, а бытовое осмысление этих праздников, прикрепление к дням, отмечаемым именами этих святых, указаний на сроки сельскохозяйственных работ». Своим исследованием, подчеркнул Б. А. Рыбаков, В. И. Чичеров окончательно рассеивает миф о мнимой религиозности русского крестьянства; в работе ярко показана многовековая борьба последнего с официальной церковностью, показано, что христианская религия, по своим основным догмам чуждая трудовым народным массам, не входила органически в состав обряда, а, наоборот, переосмыслилась и своеобразно приспособилась к производственным процессам народных масс.

Замечания оппонентов касались в основном частных вопросов. Н. П. Гринкова выразила сожаление о том, что автор не отвел отдельной главы обзору, характеристике и критике источников и обошел вниманием такой важный вид источников, как музейные материалы; желательно было бы также, по мнению оппонента, шире использовать иконографический материал и памятники древнерусской письменности. Некоторые суждения автора, по существу глубоко справедливые, с точки зрения оппонента недостаточно раскрыты конкретным материалом и поэтому носят несколько декларативный характер. Так, например, обстоит дело с вполне правильным тезисом о том, что объединительная роль Москвы определила сохранение на ряд столетий в ее владениях традиционных черт местной культуры; здесь для выявления всего своеобразия московской культуры важно было бы в большей мере показать локальные черты, развивавшиеся на периферии Московского государства, в частности, следовало обратить большее внимание на его северо-западные окраины (Псков и Новгород), до второй половины XVI в. остававшиеся в стороне от развития среднерусского центра и продолжавшие свои древние традиции. Недостаточно раскрыты и исторические условия, способствовавшие разложению многих обрядов во второй половине XIX в.; отмечая это явление, автор не показал его обусловленности распадом большой семьи, процесс которого получил завершение именно в это время в связи с ликвидацией остатков феодализма, с ростом капитализации деревни, с развитием отходничества и т. д. Справедливо отмечая скептическое отношение русского народа к религиозным праздникам и святым, к служителям православного культа, и наряду с этим — наличие в составе некоторых народных обрядов элементов христианства, диссертант не раскрыл путей проникновения этих элементов в народные массы и недостаточно показал дохристианские пласты в этих обрядах. Б. А. Рыбаков указал, что *сопровождающую диссертацию карту распространения различного типа колодезь следовало бы сопоставить с картой ландшафта; это дало бы возможность выявить имеющиеся несоответствия*. Другие замечания оппонента относились к отдельным деталям работы. Выступивший в прениях проф. Е. В. Гиппиус с своей стороны подчеркнул ценность обсуждаемой диссертации, в которой поставленные проблемы исследуются с последовательно проводимых марксистских материалистических позиций. Стихийный материализм народных масс автор совершенно справедливо рассматривает как результат практического познавательного опыта трудового народа, не отожествляя его в то же время с наукой, как это делали некоторые исследователи. Выдвинутые автором положения имеют важное принципиальное значение, так как они наносят удар по столь живучим еще в этнографии представлениям о религиозном генезисе календарного фольклора. Оппоненты выразили пожелание о скорейшем опубликовании обсуждаемой диссертации, которая является ценным вкладом в советскую науку и окажет значительное влияние на дальнейшую разработку ряда вопросов русской этнографии и фольклористики. Автору присуждена степень доктора исторических наук.

21 декабря защищена кандидатская диссертация младшим научным сотрудником Института этнографии Г. П. Васильевой. Диссертация, называемая «Туркменское племя нохури», посвящена исследованию на материале этого племени проблем этногенеза туркмен. Как отметили официальные оппоненты — доктор историч. наук А. Н. Бернштам и кандидат историч. наук Т. А. Жданко, проблемы эти представляют большой научный интерес и исследование их имеет весьма актуальное значение. Туркмены, сказала Т. А. Жданко, дольше других народов, складывающихся в нацию в условиях советской власти, сохранили четкое родоплеменное деление как пережиток их прежней раздробленности. Наряду с общенациональными чертами культуры у большинства туркменских племен до сих пор можно наблюдать некоторые локальные, свойственные именно данному племени этнографические особенности. Углубленное изучение отдельных племен поэтому весьма важно, тем более, что имеющиеся в литературе описания страдают крайней неполнотой. Диссертантка на основе этнографических материалов, собранных ею лично в 1945—1946 гг., критически используя имеющуюся литературу, впервые подвергла углубленному анализу материальную и духовную культуру, общественные и семейные отношения изучаемого ею племени.

В итоге этого анализа Г. П. Васильева пришла к заключению о несомненной общности основных элементов культуры нохурцев и других туркменских племен, в особенности гекинцев. Это опровергает существующее в литературе мнение о том, что нохурцы якобы не туркмены, поскольку это «не огузовское» племя. Диссертантка выявила ряд специфических для этого племени черт (в частности, в одежде), свидетельствующих о связи определенных этнических пластов нохурцев с огузами и другими уже исчезнувшими народами; вместе с тем в работе прослеживаются связи туркмен с народами Поволжья; промежуточное звено в цепи этих связей, как считает Т. А. Жданко, следует видеть в культуре каракалпаков. Большой интерес, по мнению оппонента, вызывает данный диссертанткой анализ двух основных типов жилища нохурцев, соответствующий двум стадиям развития семьи — большой семье и совокупности близко родственных индивидуальных малых семей, имеющих каждая свой очаг, но живущих под одной крышей и не вполне еще утерявших некоторые обычаи большой семьи. Приведя примеры аналогичной формы домов, бытующих у каракалпаков и казахов Хорезма, Т. А. Жданко высказала предположение о существовании в Хорезме и Туркмении определенного типа жилых строений, соответствующего переходной стадии, связанной с распадом большой семьи. Диссертантка, по мнению оппонентов, успешно справилась с поставленными перед собой задачами, дав в своей работе много нового как в отношении метода, так и в части собранного ею полевого материала. К недочетам работы оппоненты отнесли неудачную структуру историографического введения, недостаточно углубленный анализ использованных источников и слишком обобщенные характеристики их. А. Н. Бернштам высказал ряд возражений по отдельным вопросам данного диссертанткой анализа материальной культуры нохурцев. Значительным минусом работы является то, что в ней недостаточно показано воздействие на нохурцев русской культуры, осуществлявшееся как непосредственно, так и через окружающие туркменские племена. Приветствуя привлечение диссертанткой материала по социалистической эпохе, А. Н. Бернштам вместе с тем отметил отсутствие сведений о классовой борьбе, развернувшейся в нохурских аулах, как и во всей Туркмении, в период строительства социализма. Оппоненты подчеркнули, что сделанные ими замечания отнюдь не умаляют ценности представленной работы, заслуживающей скорейшего опубликования и дающей бесспорное право присудить ее автору искомую степень. Г. П. Васильевой присуждена степень кандидата исторических наук.

15 марта 1949 г. защитила кандидатскую диссертацию научный сотрудник Р. С. Липец. Темой диссертации избраны «Былины у промыслового населения русского севера XIX—XX вв.». Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук С. А. Токарев и кандидат филологич. наук (ныне доктор историч. наук) В. И. Чичеров. Работа основана на полевых материалах автора, собранных во время неоднократных экспедиционных поездок на Белое море, Северную Двину и в Новгород, на изучении опубликованных былинных текстов, рукописного архива экспедиций в Прионежье и этнографической литературы. Цель работы, как заявила диссертантка,— проследить отражение в северных былинах особенностей народного труда и быта, влияние экономических и социальных условий жизни, современной сказителю, на отбор былин, на осмысление их содержания, на их поэтическую сторону. Оппоненты напечатали о многолетней научной деятельности диссертантки в области фольклористики и этнографии и ее большом собирательском и исследовательском опыте, что позволило ей выбрать тему, совершенно не разрабатывавшуюся прежними исследователями русского эпоса,— тему о связи былин с культурой и бытом народа. Следуя традиции, идущей от великих русских революционных демократов, сказал С. А. Токарев, диссертантка подошла к былинному эпосу как к живому народному творчеству, в котором отразилось не только далекое прошлое, но и живая современность, чего не понимало большинство предшествовавших исследователей. Сторонники мифологической школы искали в народном творчестве обломков древних мифов, последователи школы заимствований заявляли об «усвоении русскими былинами иноземных бродячих сюжетов», представители исторической школы интересовались только отражением в эпосе отдельных исторических событий, лиц или черт жизни господствующих классов древней Руси. Задача советского исследователя, в понимании диссертантки,— подойти к русскому былинному эпосу не как к омертвевшему обломку седой старины, а как к полнокровному живому художественному творчеству и найти в нем отражение жизни народа — его создателя и хранителя, отражение его мировоззрения, психологии, его идеалов. Изложению конкретного материала по своей теме диссертантка предпослала историко-экономический очерк промыслового русского севера, необходимый для понимания того, что же именно отразилось на былинном эпосе в результате его бытования в данной севернорусской среде. Опираясь отчасти на исследования своих предшественников, особенно Гильфердинга и Маркова, сказал далее С. А. Токарев, диссертантка очень удачно выясняет причины особой живучести былин среди промыслового населения севера, в суровой трудовой жизни которого героические образы эпоса играли важную роль «воспитывающего средства». Автор правильно подчеркнул важность крестьянской интерпретации многих образов героев былин, чего не хотели видеть буржуазные исследователи. В. И. Чичеров отметил правильность основных положений диссертации. Р. С. Липец убедительно показала, как культура

древнего Новгорода распространялась на осваиваемых им землях, какую роль она играла в жизни населения. Очень ценен раздел диссертации, описывающий морские рыболовные и зверобойные промыслы. Убедительно доказывается значение былины как художественных произведений, воздействующих на сознание человека и воспитывающих в нем высокие моральные качества. Правильно и тонко вскрывается связь севернорусского эпоса с промысловой деятельностью населения. Неопровержим тезис о творческом отношении населения к хранимому им традиционному эпосу. Наряду с отмеченными достоинствами работы оппоненты высказали ряд замечаний по диссертации. С. А. Токарев отметил некоторую неполноту работы. Так, разбирая вопрос о женских образах и отражении женского труда в былинном эпосе, Р. С. Липец не ставит в более общей форме вопроса о той форме семьи, которая нашла свое отражение в былинах. Диссертантка обошла молчанием и вопрос о том, как отразились в былинном эпосе древние народные верования. Между тем этот вопрос очень интересен не только в связи с критикой построений мифологической школы, видевшей в фольклоре не что иное как модификацию древних религиозно-мифологических верований, но и в связи с актуальной задачей современной науки — выяснить соотношение верований и народного творчества. Ибо одним из достижений советской фольклористики и этнографии является как раз утверждение самостоятельности народного художественного творчества, которое рассматривалось рядом предшествующих исследователей сквозь призму религии, мифологии, магии. Хотелось бы также найти в данной работе ответ на вопрос о том, как отразились в былинах представления севернорусского населения о соседних неславянских народах — карелах, ненцах и других. Диссертантка, вслед за Гильфердингом справедливо отмечая связь образа поленицы, «женщины-богатырки», с положением женщины в хозяйстве и быту северного населения, обходит вопрос о более глубоких исторических корнях этого образа, о его возможной связи с пережитками древнего матриархата, о чем в литературе высказывались разные взгляды. В. И. Чичеров отнес к недочетам работы недостаточное разграничение образов былинного эпоса, порожденных производственной жизнью севернорусского крестьянства, и образов, возникших еще в древней Руси и сохранившихся в XIX—XX вв. благодаря их соответствию чертам культуры и быта населения севера. Неоднократно подчеркивая значение лесных охотничьих промыслов для крестьянского населения русского севера, неоднократно упоминая о своеобразии земледельческого труда на севере, диссертантка не дала описания их, что было совершенно необходимо. Недостаточно четки оценки ошибочных положений дореволюционных русских ученых, в частности — представителей исторической школы, отрицавших народность фольклора и дававших резко отрицательную оценку отражению в фольклоре социального протеста и классовых противоречий. Нечетко проведено разграничение современных эпических стихотворных сказов и традиционного исторического эпоса; справедливо считая современный эпос новым жанром, Р. С. Липец не подчеркивает при этом особенностей идейного содержания советского эпоса. Диссертантка недоучитывает наличие стилизации нового эпоса под старые былины, нередко встречающейся в поэтической практике некоторых сказителей (например, П. И. Рябинина-Андреева). Отрицание фактов стилизации затушевывает вопрос об особенностях нового героического эпоса и приводит, например, к неверному выведению эпического образа Московского Кремля — символа нашей социалистической Родины — из традиционного образа былины — «стены городовоы». Принципиально новый по идейному содержанию образ советского эпоса не может рассматриваться как простое развитие старого, якобы сохраняющего в современных новинах прежнее качество; недопустимость искусственного использования старой формы для создания новых эпических сказаний очевидна. Эти вопросы, подчеркнул В. И. Чичеров, приобретают особое значение в процессе борьбы за советский фольклор, поэтому высказывания о них требуют особенной четкости формулировок. Указанные недочеты, по мнению оппонентов, не снимают признания ценности работы в целом. Диссертация Р. С. Липец, богатая материалами, правильно освещающая основную проблему, впервые осуществляющая этнографический анализ русских былин, должна быть оценена весьма положительно. Диссертантке единогласно присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

PERSONALIA

В. В. БОГДАНОВ

(Некролог)

От нас ушел ученый, проживший долгую и плодотворную жизнь, ушел старейший русский этнограф.

В прошлом году советская научная общественность отмечала 80-летний юбилей Владимира Владимировича. Более полувека отдал Владимир Владимирович этнографической науке; почти 60 лет был он связан с научными этнографическими учреждениями нашей страны.

Владимир Владимирович Богданов родился 9 (21) декабря 1868 г. в селе Голынки, Смоленского уезда, в семье железнодорожного мастера. Среднее образование он получил в Смоленской гимназии, по окончании которой в 1888 г. вступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Окончив университет в 1892 г. с дипломом 1-й степени, Владимир Владимирович был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре языка и словесности у проф. М. И. Соколова. Но не эта специальность становится в дальнейшем областью научных работ Владимира Владимировича. Еще студентом он заинтересовался этнографией. Свою научную деятельность Владимир Владимирович начал в 1891 г. По поручению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии он производил этнографические наблюдения в Бельском и Духовщинском уездах Смоленской губ. Это определило круг научных интересов Владимира Владимировича, которые сосредоточились на изучении русской этнографии. В том же 1891 г. Владимир Владимирович был принят в члены Общества.

В те годы, когда Владимир Владимирович начинал свою деятельность в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, это Общество было центром антропологических и этнографических исследований в России. Во главе Общества стоял Дмитрий Николаевич Анучин — преемник основателя Общества, основателя русской академической антропологии А. П. Богданова. С именем Д. Н. Анучина почти в течение четырех десятилетий связана разносторонняя деятельность Общества.

Владимир Владимирович становится одним из ближайших сотрудников Анучина. В 1894 г. он участвует в организованной Анучиным экспедиции по исследованию русских озер, которое положило начало лимнологическому изучению России. В том же году Владимир Владимирович был избран секретарем этнографического отдела Общества. На этом посту он оставался до 1930 г., когда Общество любителей естествознания было слито со старейшим Московским обществом испытателей природы.

В 1899 г. был основан журнал «Этнографическое обозрение». Владимир Владимирович был избран тогда же секретарем редакции, а в последующие годы был фактическим редактором журнала.

Журнал сыграл крупную роль в развитии русской этнографии, и в этом немалая личная заслуга Владимира Владимировича. Вокруг журнала группировались основные этнографические кадры того времени. В противовес зарубежной этнографии, где конец XIX — начало XX в. знаменуется возникновением и развитием ряда реакционных направлений, расистских устремлений, русская этнография продолжала развивать передовые прогрессивные тенденции этнографии середины XIX в., храняла благородные традиции русских революционных демократов.

Деятельность Общества и журнала отражала эту прогрессивную направленность русской науки.

С благодарностью должны мы отметить труд Владимира Владимировича над составлением истории Общества, биографии его выдающихся деятелей.

Много сил и знаний отдал Владимир Владимирович развитию музейной этнографии в нашей стране. Свою деятельность в этой области он начал еще в 1908 г. в б. Румянцевском музее и продолжал работу в дальнейшем в Центральном музее народоведения, где до 1930 г. заведывал отделом восточных славян.

В 1919 г. Владимир Владимирович организовал Московский областной музей, в котором начинали свою научную работу многие советские этнографы и археологи.

В 1921 г. Владимир Владимирович был избран председателем Московского отделения Центрального бюро краеведения; он состоял действительным членом Российской Академии истории материальной культуры.

В тридцатых годах Владимир Владимирович вел большую педагогическую работу в Московском университете, в Московском областном педагогическом институте. Тогда же он сотрудничал в Институте Большого атласа мира.

В 1943 г., когда был организован Институт этнографии АН СССР, Владимир Владимирович становится одним из руководящих сотрудников Института. В возрасте 75 лет он находит в себе силы для большой научной и организационной работы, руководя в Институте сектором славяно-русской этнографии.

Областью специальных исследований Владимира Владимировича была этнография русского населения. Ему принадлежит ряд ценных работ, опубликованных в разные годы. Нельзя не вспомнить его исследования «Из истории женского южно-великорусского костюма», его статьи «Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских родичей» и ряда других. Много работал последние годы Владимир Владимирович над монографией по истории колесно-упряжного транспорта, по истории славянской азбуки.

До последних дней своей жизни Владимир Владимирович не прекращал интенсивной научной работы, заканчивал интереснейшие мемуары «Этнография в истории моей жизни», живо интересовался развитием этнографической науки.

Владимиру Владимировичу, начавшему свою деятельность почти 60 лет назад, выпало великое счастье видеть развитие этнографической науки в стране Советов, участвовать в создании советской этнографии, участвовать в борьбе советских этнографов с реакционными, враждебными науке зарубежными направлениями и школами, участвовать в создании советской школы этнографии, школы, вооруженной марксистской методологией, вооруженной учением Сталина о нации.

Владимир Владимирович был старейшим по возрасту среди советских этнографов, и память о нем, память о его долголетней научной и организационной деятельности надолго сохранится в истории нашей науки.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ТРУД ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С. П. Толстов. *Древний Хорезм*. Изд. МГУ, М., 1948.

Капитальное сочинение С. П. Толстова «Древний Хорезм» не нуждается в какой-либо общей оценке его достоинств — оно ее имеет. «Древний Хорезм» удостоен Сталинской премии — самой высокой и авторитетной оценки для труда советского ученого.

Работа С. П. Толстова не может не вызвать интереса со стороны любого советского историка, занимающегося древней историей народов нашей Родины. Она посвящена не какой-либо одной общеисторической проблеме и не какой-либо одной исторической эпохе или выдающейся личности, а прошлому целой и обширной территории, прошлому в полном его объеме — от темных глубин каменного века до позднего средневековья.

Эта установка отвечает глубокому интересу советских исследователей к прошлому отдельных народов и областей нашей Родины, к их самобытному творчеству во всех областях культуры, к их оригинальному вкладу в сокровищницу культурных ценностей народов Советского Союза. Она соответствует марксистско-ленинскому взгляду, что историю делают не цари, не завоеватели и полководцы, а сами народные массы.

Первый раздел своей работы С. П. Толстов открывает кованым стихом Руставели о «Великом Хорезме» XII—XIII вв., простиравшемся от Ферганы до границ Грузии и от Инда до казахстанских степей.

От Хорезма XII—XIII вв., когда империя хорезмшахов, могущественных правителей феодального государства, завершает процесс длительного «собираания земель» вокруг определенного политического, экономического и культурного центра в низовьях Аму-Дарьи, автор опускается в глубь предшествующих времен, все слабее и слабее освещаемых мерцающим светом письменных документов. Внимательно и терпеливо собирает он обрывки документов, уцелевших в известиях авторов раннего средневековья и античных писателей, критически сличает драгоценные факты и смелые догадки исследователей, чтобы притти к окончательному выводу о том, что расцвет империи хорезмшахов не оказался каким-то случайным и временным явлением, а был подготовлен всем историческим развитием предшествующих времен, и что в древнем сазисе Нижней Аму-Дарьи давно уже завязался узел больших исторических проблем.

Вместе с тем, по мере расширения круга этих проблем и по мере углубления в прошлое Хорезма все яснее становилось, что исследователь не может более оставаться «в заколдованном круге» скудных литературных источников, которым до сих пор располагала наука. «Нужно было, — говоря его собственными словами, — разорвать этот круг. Сделать это могла только археология. Автор и его сотрудники и стали тем отрядом советских археологов, на которых была возложена эта почетная и ответственная задача».

Результаты усилий участников хорезмской экспедиции нашли свое выражение в последующих главах «Древнего Хорезма», как в их словесном тексте, так и в графическом — рисунках, чертежах — реконструкциях древних крепостей, городов, оросительных систем, из которых, как живой, встает образ бессмертного народа «Древнего Хорезма» — народа мифического Сиявуша, полумифического Африга, мужественного воина Джелаль-Эддина и гениального мудреца средневекового Востока аль-Бируни, образ трудолюбивого, храброго и талантливого народа земледельцев, строителей и художников.

Следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что эта цель была достигнута вовсе не на основе одних только археологических источников.

Мертвые, хотя и величественные з своим упадке руины древних городов, «башня Африга», Топрак-Кала и десятки других памятников, не говоря уже о рос-

сыпях обломков древней керамики, так и остались бы немymi, если бы исследователи, не выходя за пределы археологического материала, ограничились простым и привычным для археолога старой дореволюционной школы поверхностным описанием архитектурных памятников или вещеведческим анализом тех или иных серий предметов.

Следуя примеру классиков русской востоковедческой науки — Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова и В. В. Бартольда, С. П. Толстов с исчерпывающим знанием фактов привлекает к освещению археологических памятников сведения из сочинений восточных и античных писателей, древние надписи на монетах, тексты авестийской и ведической литературы, образцы загадочной древнехорезмийской письменности.

Так, целый раздел посвящен древнехорезмийским монетам сивушидов-афригидов, на основе специального анализа которых автор приходит к важным историческим выводам о сохранении власти в Хорезме на протяжении первых десяти веков нашей эры в руках одной местной династии и о том, что здесь, вместо конфедерации городов-государств античного типа, существовало иное, более сплоченное политическое целое, может быть типа деспотий классического Востока. Детальное изучение богатой коллекции хорезмийских монет, собранных экспедицией, привело С. П. Толстова также и к широким культурно-историческим обобщениям.

Ему удалось установить глубокую древность экономических и политических связей Хорезма с Восточной Европой и, в частности, Прикамьем, а также доказать стойкость и большую внутреннюю силу хорезмийских культурных традиций, которые смогли противостоять мощному воздействию сасанидского Ирана, чье влияние нашло свое отражение в господстве сасанидской религиозно-политической символики на монетах соседних стран Средней Азии.

С. П. Толстов столь же щедро привлекает факты и из тех областей научного знания, куда так редко и с такой осторожностью решаются проникать представители «настоящей», писаной истории — факты языка, материальной и духовной культуры живых народов нашего времени, и при этом не только среднеазиатских, тюрков или иранцев, но по мере необходимости и жителей далеких стран — не только «Старого», но и заокеанского, «Нового» Света — Америки.

В результате перед читателем разворачивается поистине неожиданное по богатству красок полотно.

Правда, впервые взяв в руки книгу С. П. Толстова, читатель не сразу может ориентироваться в ней, так как она построена не в обычном плане простого и последовательного изложения следующих друг за другом исторических событий и фактов. Автор, по его собственным словам, распределил материал не по хронологическому, а по тематическому плану. Он дает историю Хорезма не в виде описания следующих друг за другом хронологических эпох или этапов, а по особым узловым темам; пользуется в своем исследовании не дедуктивным, а индуктивным методом, идет не синтетическим, а скорее аналитическим путем.

Но как раз именно эта особенность «Древнего Хорезма» и делает книгу особенно свежей, оригинальной, а вместе с тем и поучительной. Читатель имеет здесь редкую и драгоценную возможность не брать исторические выводы в готовом виде, а подходит к ним тем сложным путем, которым шел сам автор. Автор вводит читателя в бурный водоворот калейдоскопически пестрых идей, фактов и исторических событий — в динамику исторического исследования.

В определенной логической последовательности ведет он читателя от одной темы к другой, с тем чтобы в конце пути открылась вся величественная и захватывающая картина воскрешенной от тысячелетового забвения древней цивилизации.

Первая такая тема развернута во второй (фактически первой) главе исследования — «Рустак Гавхорэ (к исторической динамике древней ирригационной сети Хорезма)».

Совершенно ясно, почему именно с этой темы начинает автор свое исследование исторических судеб древнего Хорезма: где вода в Средней Азии, — там и жизнь. Если уже первобытные ее племена, начиная с неандертальцев, жили в пещерах с родниками чистой прозрачной воды, вдоль рек и по берегам озер, то роль воды неизмеримо возросла с переходом к производящему хозяйству, к скотоводству и в особенности земледелию. Искусственное орошение явилось тогда главной основой, на которой выросли древние земледельческие общества Средней Азии и вся их культура. В искусственном орошении — ключ ко всей их истории, к их общественным отношениям и даже религии.

Исходя из полевых наблюдений над древней ирригационной сетью и археологическими памятниками, С. П. Толстов прослеживает историю орошения в Хорезме, начиная с отдаленной древности. Он устанавливает ее тесную связь с большими историческими событиями, выраженную в чередовании периодов роста и упадка ирригационной сети. Самое возникновение этой грандиозной системы оросительных сооружений он связывает с вопросом о происхождении классового общества и государства в древнем Хорезме. Как справедливо полагает С. П. Толстов, «создать великие каналы Хорезма могла только централизованная восточная деспотия».

Установленная им дата возникновения этих каналов — до середины первого тысячелетия — является вместе с тем прямым указанием и на время образования создавшей их государственности.

Исходя из указаний основоположников марксизма, С. П. Толстов наглядно показывает далее, как восточная система искусственного орошения почвы приходила в упадок в те эпохи, когда ослабевала власть и сила центрального правительства, когда страну потрясал глубокий социально-экономический кризис или наступала военная катастрофа.

В этих примерах С. П. Толстов с сокрушительной логикой противопоставляет взглядам сторонников чисто природных причин упадка древних оросительных систем иную, единственно научную последовательно марксистскую точку зрения. Во весь рост показывает он здесь человеческое общество как подлинного творца своей истории, как активную творческую силу, не пассивно приспосабливающуюся к природе, а, напротив, активно переделывающую мир в собственных интересах.

Третья глава «Башня Африга» (история типов поселений древнего Хорезма в связи с социально-экономической историей) показывает эту могучую силу человеческого общества уже в процессе ее внутреннего развития.

Древние рыболовы кельтеминарской стадии, стоявшие на низшей ступени варварства по классификации Энгельса, т. е. не вышедшие еще за пределы простого присвоения продуктов природы в готовом виде, первые скотоводы и земледельцы Хорезма — люди тазабэгской стадии, уже находившиеся на ступени зрелого бронзового века, люди амирабадской культурной стадии — раннего железного века, непосредственные предшественники строителей городищ с «жилыми стенами» — такова непрерывная и последовательная цепь частных этапов исторического прошлого древних хорезмийцев в пределах первобытно-общинного строя.

За ними следует новое время — «эпоха тысячи городов», когда в низовьях Аму-Дарьи уже была создана сеть великих каналов, когда там уже существует классовое общество и возникает государство.

Яркими чертами обрисован в древнем Хорезме образ жизни обитателей удивительных «городищ с жилыми стенами», о которых, по удачной догадке С. П. Толстова, говорится в Авесте как о загадочной «четырёхугольной Варе», построенной культурным героем древних иранцев Йимой.

Дальше следует описание памятников кангюйского времени (IV в. до н. э. — I в. нашей эры).

Тщательный анализ таких первоклассных укрепленных поселений, как Джанбаскала площадью 34 000 м² или единственная в своем роде крепость Кой-Крылганкала, состоящая из двух мощных концентрических кругов оборонительных сооружений, приводит исследователя к выводу, что вся их планировка свидетельствует об архаическом и устойчивом укладе древней земледельческой общины. Этот «косный неподвижный пьедестал» хорезмийского общества того времени, говорит С. П. Толстов, находится в противоречивом единстве с его классовым строем, с расцветом городской жизни, ремесла и искусства.

Затем наступает время кушанских, а после них афригидо-кушанских памятников, в освещении которых позднеантичный Хорезм рисуется как «типичное древне-восточное общество», сочетающее с развитой городской жизнью и могущественной рабовладельческой аристократией новые тенденции, свидетельствующие о зарождении в недрах рабовладельческого общества элементов феодализма. Сферой проявления этих сдвигов явилась, по словам С. П. Толстова, хорезмийская деревня, тогда как старый античный город оставался хранителем уходящих в прошлое традиций.

Грандиозная «башня Африга», цитадель могучего деспота-властелина, и другие аналогичные ей крепости символизируют собой начало нового времени в истории Хорезма. Косная и неподвижная сельская община, этот фундамент рабовладельческой античной цивилизации, приходит в упадок. На смену прежним общинным поселениям-крепостям земледельческого населения приходят небольшие укрепленные усадьбы еще оставшихся независимыми свободных крестьян. А над ними властно поднимаются мощные башни-донжоны, в которых засели местные власти-аристократы, окруженные своими слугами и рабами. Начинается время напряженной классовой борьбы крестьянства против угнетателей-аристократов, время гражданских войн и глубокого политического кризиса.

Так совершается в Хорезме бурный и кровавый переход от рабовладельческого строя к феодализму, осложненный вмешательством варваров-завоевателей, сначала эфталтов, за ними тюрков и арабов.

Свой обзор социальной истории древнего Хорезма С. П. Толстов заканчивает временем централизованной империи «великих хорезмшахов», эпохой эффектного расцвета феодального общества, основанием которого явилась теперь большесемейная домашняя община, объединявшая уже не свободных, как прежде, непосредственных производителей, а угнетенных и эксплуатируемых феодальной знатью крестьян. Их неустанному труду был обязан своим пышным расцветом феодальный Хорезм средних веков перед монгольским завоеванием. Результаты их труда запечатлены и в архитектурных памятниках и в известиях средневековых путешественников, писавших, что они никогда не видели области более обитаемой, более цветущей, чем Хорезм, и не предполагали, чтобы в мире была область, превосходившая по своему благосостоянию Хорезм и более населенная, чем он.

С. П. Толстов не ограничился тем, что так наглядно и отчетливо показал слож-

ный и самобытный исторический путь населения древнего Хорезма на протяжении шести тысячелетий от эры легендарного Сиявуша до Африга и от Африга до вторжения монгольских орд Чингис-хана, превративших в пыль и пепел прекрасные города Хорезма, заливших кровью его трудолюбивых земледельцев, их плодородные поля, уничтоживших мудрецов и художников этой страны мирного труда и покоя, как о ней писали восточные путешественники, очевидцы ее расцвета.

Заключительный раздел работы — «Хорезмский всадник» — и три последних экскурсы вводят читателя в круг наиболее сложных вопросов, касающихся той области культуры, где всего ярче и всего определеннее выражается оригинальный характер той или иной народности, сказывается ее индивидуальный исторически сложившийся облик, ее собственное культурно-историческое лицо.

В этих заключительных разделах работы С. П. Толстова в полный рост встает героический и мужественный облик создателя этой выдающейся древней цивилизации нашей Родины — древнего хорезмийца — крестьянина, воина, ученого, поэта и мыслителя.

В первом разделе четвертой главы — «Монеты сиявушидов-афригидов» — речь идет о таком, казалось бы, узком и специальном сюжете, как собрание хорезмийских монет. Но это только на первый взгляд. В действительности и здесь С. П. Толстов дает общеисторические выводы. Как оказалось в результате его исследований, загадочные знаки на хорезмийских монетах являются тамгой сиявушидов-афригидов, свидетельствующей о силе собственных, местных традиций. Это — символический образ политического суверенитета и культурной самобытности древних хорезмийцев, а вместе с тем отражение их глубоких прогрессивных связей с соседними народами и культурами.

Та же тема звучит и в следующем разделе, посвященном интереснейшей группе археологических находок, — древнехорезмийским терракотам, изображающим людей и животных.

Тщательный анализ хорезмийских терракот позволил С. П. Толстову обнаружить в них отражение древней земледельческой религии туземного населения с характерными для нее центральными образами страдающего и умирающего светлого божества растительности — Сиявуша, богини-матери Анахиты.

Изображения лошадей автор связывает с архаическим туземным культом солнечного коня у массагетов, о котором свидетельствует Геродот; с пережитками древнейшего культа звериных тотемов и дуалистических мифов, выросших на почве первобытной дуальной организации. Одновременно он устанавливает и своеобразие строгого, конструктивного в основе искусства хорезмийцев, обусловленное особенностями их исторического развития.

Третий раздел — «Конница Кангюя» — наглядно показывает своеобразные черты военной техники древних массагето-хорезмийцев, высокий уровень которой нашел выражение в больших политических событиях древности, начиная с победоносного выступления в мировой истории создателей Кушанской империи и битвы при Каррах.

Сложным политическим событиям, рисующим активную роль древнего Хорезма как сплота борьбы свободолюбивых народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, посвящен едва ли не самый интересный и насыщенный историческими фактами экскурс «Угроза Евтидема».

Второй экскурс — «Тирания Аброя» — раскрывает еще более сложные и острые политические события, на этот раз уже тесно связанные с внутренней, классовой, борьбой внутри хорезмийского общества — борьбой плебейской оппозиции тюркского кочевья и землевладельческого оазиса против своих господ, предвещавшей грядущее господство нового феодального строя над старым рабовладельческим.

В третьем и последнем экскурсе автор исследования уходит еще глубже в анализ этой социальной борьбы, прослеживая ее конкретные особенности в самой сущности древнехорезмийского общества, в архаическом строе восточной общины с характерными для нее пережитками родовой организации, матриархата и других элементов всего этого устойчивого комплекса древнейших элементов общественных отношений, наложившего свою печать на всю конкретную историю восточных государств.

Обобщая этнографическими параллелями обширный и яркий, но никем до сих пор еще не поднятый материал, автор прослеживает в многовековой истории Средней Азии, начиная от глубокой древности и кончая средневековьем, совершенно бесспорные пережитки дуально-родовой организации в мифах и обычаях, следы группового брака, мужские дома, тайные мужские союзы и генетически связанный с ними институт сакральных царей-жрецов. Столь же убедительно раскрывает С. П. Толстов связь между этими архаическими чертами общественного строя феодализирующегося Хорезма и народными движениями, которые были, по его словам, последними отзвуками разбитого и обессиленного движения общин против торжествующего крепостничества. Хотя эти движения и были подавлены, но борьба свободных крестьян-общинников принесла свои плоды. Крепостничество на Востоке так и не смогло достичь окончательного расцвета, вылиться в те законченные и отвратительные формы, в которых оно известно в западном средневековье.

Последний, заключительный, раздел: «Опыт исторического синтеза» сводит воедино все эти выводы и факты, показывая древний Хорезм как культурное и поли-

тическое целое на фоне окружающего мира, на фоне истории Европы, Передней, Восточной и даже Северной Азии, в качестве активного участника больших культурных, этнических и политических событий прошлого Старого Света — этой основной арены человеческой истории. Восстановить это забытое прошлое Хорезма было нелегко. Многолюдные когда-то города древнего Хорезма веками лежали в развалинах; пески пустыни заносили его поля и деревни. И, наконец, как писал Бируни, арабский полководец Кутейба варварски «рассеял и уничтожил всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, кто были среди них, так что покрылось все это мраком...»

Много труда и творческого вдохновения понадобилось для того, чтобы восстановить те «истинные знания» о прошлом Хорезма, об утрате которых в результате арабского погрома Средней Азии скорбел Бируни. Эти данные, мастерски сведенные в большом историческом полотне, теперь восстановлены на основе марксистско-ленинского исторического метода.

Конечно, в фундаментальном труде С. П. Толстова есть отдельные спорные или малоразработанные проблемы. Укажу, например, хотя бы на следующие темы: о длительности патриархально-родового этапа в истории первобытного общества, о соотношении отцовского рода и большой патриархальной семьи в различных конкретных условиях; о происхождении дуалистической космогонии и дуалистических мифов только в качестве отражения дуальной организации или — на более широкой основе — о действительном своеобразии и о так называемой «диффузности» первобытного мышления; о деталях намечаемой С. П. Толстовым картины широких культурно-этнических связей в каменном веке («индо-угорская общность»); об отношении носителей кельтеминарской культуры к неолитическим племенам Восточной Сибири.

Оставляя в стороне такие вопросы, которые должны явиться предметом особых дискуссий и детальных исследований, следует в заключение остановиться еще на одном обстоятельстве.

Книга С. П. Толстова — не обычная ученая книга и по своему языку, и по характеру изложения. Автор ее умело сочетал в ней с глубиной содержания и ученостью черты превосходного литературного произведения. Книга соединяет строгую и точную аналитическую методiku археологического и историко-филологического анализа с творческим воображением и романтическим накалом чувств.

Что же касается места «Древнего Хорезма» в ряду сочинений, посвященных прошлому Средней Азии, то первое, что вспоминается здесь, — известное произведение В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Как известно, «Туркестан» Бартольда не только осветил целую забытую эпоху в истории Средней Азии, но и произвел переворот в ее историографии, обозначив в ней определенный переломный этап. Классические работы Бартольда явились кульминационным пунктом русского дореволюционного востоковедения в этой области, высшим его достижением. Точно так же и «Древний Хорезм» Толстова впервые делает достоянием науки определенное время в прошлом Средней Азии, открывает во всей их глубине и широте первобытно-общинный и особенно античный этапы этой истории, т. е. то самое время, которое осталось за пределами труда Бартольда.

«Древний Хорезм» точно так же подводит итог огромной работе, проделанной русским востоковедением по истории Средней Азии на определенном этапе его развития.

Если работы Бартольда явились в полном смысле слова последним монументальным достижением русского буржуазного востоковедения, то труд С. П. Толстова подводит итоги начальному этапу в истории изучения прошлого Средней Азии советскими исследователями.

В каждой его главе чувствуется неуемное стремление вперед, столь характерное для советской науки в целом.

Труд С. П. Толстова является доказательством того, какие необъятные перспективы открывает перед ученым марксистский метод исследования.

«Древний Хорезм» С. П. Толстова является поэтому вместе с тем началом нового творческого этапа в изучении прошлого Средней Азии, результаты которого, несомненно, будут еще более значительны и явятся дальнейшим фундаментальным вкладом в советскую науку.

А. П. Окладников

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Не только интерес к русской литературе, но и интерес к русскому фольклору имеет в Чехословакии давнюю и прочную традицию. Он восходит к началу XIX в., когда повышенное внимание к русской культуре и, в частности, русской народной поэзии было тесно связано с ростом национального самосознания, с развитием чехословацкой культуры в условиях национального гнета. Обращение к фольклору вообще приобрело в чешской литературе первой половины XIX в., в период «национального возрождения», исключительные размеры. Высшие слои общества были онемечены, и именно трудовой народ хранил богатства языка и самобытной культуры. Только опираясь на народную поэзию, свою и других славянских народов, в пер-

вую очередь русского народа, чешские писатели и поэты смогли создать богатую, подлинно национальную литературу. Конечно, русский фольклор, как и чешская народная поэзия, по-разному использовался и интерпретировался различными поэтами и писателями в зависимости от их мировоззрения, от направленности их творчества. Данный вопрос может быть освещен лишь в специальном исследовании. Но известно, что Вацлав Гайка, Франтишек Ладислав Челаковский, Ярослав Лангер, Карел Яромир Эрбен, Карел Гавличек-Боровский и др. не только переводили произведения русской народной поэзии, но и широко использовали в своем творчестве темы, образы и изобразительные средства русского фольклора. Первые переводы русских народных песен на чешский язык появились еще в 10-х годах XIX в. Русские и украинские народные песни составляют значительную часть каждого из трех томов «Славянских народных песен» Челаковского (изданы в 1822—1827 гг.), где песенные тексты приведены в оригиналах и переводах на чешский язык. В 1829 г. Челаковский издает цикл стихотворений на мотивы русской народной поэзии — «Эхо русских песен». Основу цикла составляют стихотворения героической тематики: «Богатырь Муромец», «Чурила Пленкович», «Илья Волжанин» и др.

Во второй половине XIX в. к русскому фольклору обращались чехословацкие поэты Юлиус Зайер, Франтишек Халупа, Сватоплук Чех, Франтишек Квипил.

Темы и сюжеты русского героического эпоса вдохновляли крупнейшего чешского художника Миколаша Алеша, иллюстратора цикла «Эхо русских песен» Челаковского.

Интерес к русскому фольклору, как и ко всей русской культуре, с особой силой вспыхнул в чехословацком народе, когда героическая Советская Армия освободила Чехословакию от фашистских захватчиков. Широкое распространение получили советские народные песни. Их поют по-русски и по-чешски. Многие песни, несомненно, были переняты изустным путем от бойцов Советской Армии, освобождавших Чехословакию. Среди партизан боевые русские песни бытовали и до прихода Советской Армии. Русские революционные песни были известны в передовых кругах чехословацкого общества и до войны. Национальный герой Чехословакии Юлиус Фучик в «Репортаже с петлей на шее», созданном в фашистском застенке, пишет, вспоминая жену Густину: «Каждый вечер я пою ее любимые песни: о степном ковыле, что шумит, о славных партизанских боях, о казачке, которая вместе с мужем билась за свободу, о ее храбрости, о том, как в последнем бою ей подняться с земли не пришлось»¹.

С русскими революционными песнями на устах боролись в условиях кровавого гитлеровского террора, шли на пытки в фашистских застенках чехословацкие коммунисты.

1 Мая 1943 г. отмечено в «Репортаже с петлей на шее» Юлиуса Фучика такой записью:

«Девять часов. Сейчас часы на Кремлевской башне бьют десять, и на Красной площади начинается парад. Отец, мы с вами! Там сейчас поют «Интернационал», он раздается во всем мире, пусть зазвучит он и в нашей камере. Мы поем. Одна революционная песня следует за другой, мы не хотим быть одинокими, да мы и не одиноки, мы вместе с теми, кто сейчас свободно поет на воле, с теми, кто ведет бой, как и мы...

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах...

Да, мы с вами». Текст песни написан Фучиком по-русски.

Пишущему эти строки довелось в 1946 г. быть свидетелем необыкновенной популярности среди чехов и словаков советских песен, так же как и традиционных русских народных песен. Много раз в различных городах и селах Чехословакии приходилось слышать в исполнении чешской молодежи «Песню о родине», «По долинам и по взгорьям», «Москва Первомайская», «Полюшко-поле», «Я не мало по свету хаживал», «Под звездами балканскими», «Вася-Василек», «Калинка-малинка», «Песню о Стеньке Разине» («Из-за острова на стрежень») и многие другие.

В советской печати сообщалось об исключительном успехе выступлений в Чехословакии ансамбля красноармейской песни и пляски им. Александра, русского народного хора им. Свешникова, народного хора им. Пятницкого. В ряде городов, в том числе в Злине (ныне Готвальдов) — центре обувной промышленности, выступления пришлось организовывать на площади, так как желающих присутствовать оказалось так много, что их не мог вместить ни один зал.

Удовлетворяя спрос населения, Чехословацкие издательства издают советские и старинные русские народные песни в оригинале и в чешских переводах с приложением нот. С 1946 г. издается серия «Песни СССР». В нее вошли: «Москва Первомайская», «Катюша», «Песня о родине», «Самовары-самопалы», «Темная ночь», «Песня

¹ Юлиус Фучик, Слово перед казнью, Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, М., 1947, стр. 33.

молодых казаков», «Вечер на рейде», «Священная война», «Песня о Днепре», «До свиданья, города и хаты», «На солнечной поляночке», «Нам песня строить и жить помогает», «Копав, копав криниченку» и многие другие. Чешский перевод большинства песен сделан Йозефом Урбаном. Многие песни этой серии неоднократно переиздавались и переиздаются как отдельными выпусками, так и в сборниках². Большое количество песен вышло и в других изданиях. Йозеф Урбан составил и издал сборник «Песни русской революции»³. В 1946 г. в издательстве «Праге» вышел сборник «Песни советского народа»⁴. В 1947 г. — сборник «Песни Советской Армии»⁵.

Учесть многочисленные отдельные публикации советских песен почти невозможно. Нередко советские песни встречаются на страницах газет. Так, только за первые пять месяцев 1949 г. в газете «Лидовые новости» (орган союза чехословацких писателей) опубликованы в чешских переводах «Партизан Железняк», «Марш демократической молодежи», «Песня мира», в разделе для детей — отрывок армянской народной песни о В. И. Ленине⁶.

Советские песни, отражающие жизнь и чувства многомиллионного советского народа, любовь советских людей к своей социалистической родине, великому Сталину, победоносной Советской Армии, дороги чехословацкому народу, строящему социализм, своим социалистическим революционным содержанием.

Величайший интерес вызывает у чехов и словаков произведения, воспевающие героизм и силу русского народа, свидетельствующие о древности и самобытности русской культуры. Это относится не только к фольклорным жанрам, но и к русским литературно-историческим памятникам. В роскошном оформлении вышло в Праге «Слово о полку Игореве»⁷. Издание посвящено героической Советской Армии. «Слово о полку Игореве» издано и в словацком переводе⁸. Вышел перевод «Задонщины» Яна Фрчка⁹. Из русских фольклорных произведений героического характера были изданы русские былины в новом переводе Петра Кржижички¹⁰. В переводе д-ра Вашицы вышла «Сказка о Еруслане Лазаревиче». Книга выпущена «в память о героических боях славной Советской Армии за свободу Чехословакии». В серии «Библиотеки русского чтения для молодежи» десятый выпуск посвящен «Илье Муромцу»¹¹.

Переводятся на чешский язык и произведения советских сказителей о героях гражданской войны. В январских и февральских номерах газеты «Лидовые новости» за 1949 год опубликованы в переводе Елены Голечковой «Смерть Чапая», Марфы Крюковой — отрывок из новины и новина той же сказительницы «Чапай»¹². Текст сопровождается изображением Чапаева скачущим на боевом коне с поднятой в правой руке шашкой, в лучах восходящего солнца. В новине ярко показано, чьи социальные интересы защищал Чапаев.

Об огромном внимании в Чехословакии к русскому фольклору свидетельствует и неоднократное переиздание за последние три — четыре года цикла «Эхо русских песен»¹³ Челаковского. Переиздано также его собрание «Славянских народных песен»¹⁴. Необходимо указать и на многочисленные издания чешских и словацких переводов русских народных сказок, а также их литературных обработок. Недавно в стихотворном переводе издан «Конек-Горбунок» Ершова¹⁵.

Наконец, как положительный факт следует отметить, что переводы не ограничиваются русским и украинским фольклором. Переводятся фольклорные произведения и других братских народов, входящих в социалистическую семью народов Советского Союза. Так, в 1945 г. в Праге изданы «Казахстанские сказки»¹⁶ (в переводе с русского д-ра Йозефа Вашицы). Переведена монография Эффенди Капиева «Поэт» о народном певце Дагестана — Сулеймане Стальском.

Приведенный перечень важнейших чехословацких переводов произведений русского народного творчества ярко свидетельствует о характере интереса к русскому

² Písň SSSR, sv. I, sv. 2, sv. 3, Praha, 1948.

³ Písň ruské revoluce. Písňi ruskoj revoluciji. Vybral a sestavil Jos. Urban, Praha, Svoboda, 1946.

⁴ Písň sovětského lidu. Praha, Práce, 1946.

⁵ S. P. Orl'ov, Písň Rudé Armády. Praha, Práce, 1947.

⁶ Lidové noviny, соответственно от 10 února, 28 dubna, 26 dubna и 17 dubna 1949 г.

⁷ Slovo o pluku Igorově. Věnovano Rudé Armádě osvoboditelce. Přeložil Fr. Koubka, Praha, 1946.

⁸ Slovo o pluku Ygorovom, Bratislava, 1947.

⁹ J. a. n. Frček Zádonsťina. Staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380. Rozprava literární dějepisná. Kritické vydání textu, Praha, Orbis, 1948.

¹⁰ Byliny. Přeložil Petr Křička, Praha, Sfinx, 1946.

¹¹ Ilja Muromec. Knihovna ruské četby pro mládež. Sv. 10. Zlín, 1946.

¹² Lidové noviny. 6 února и 23 ledna 1949.

¹³ См., например. Fr. L. Čelakovský, Ohlas písní ruských. Ohlas písní českých. Kritické vydání, přípr. Karel Dvořák. Praha, Orbis, 1949.

¹⁴ Fr. L. Čelakovský, Slovanské národní písně. Kritické vydání, Praha, 1946.

¹⁵ P. P. Jeršov, Koník-Hrbaček, přeložila z ruštiny M. Marčanová, vyd. D. P., Praha, 1948.

¹⁶ Pohádky z Kazakstanu, přeložil z ruštiny J. Vašica, Praha, 1945.

фольклору в Чехословакии. Наибольшим вниманием и любовью пользуются советские песни, в которых отражена социалистическая идеология, социалистическая мораль, патриотические чувства советского человека. Особенно популярны песни Советской Армии. В свете героических побед Советской Армии воспринимается и русский героический эпос. Подвиги советских бойцов ассоциируются у чехов и словаков с деяниями былинных богатырей, хорошо известных чешскому читателю еще с прошлого века. Это находит отражение не только в художественной литературе, о чем ниже, но и в позднейшей печати. В газетном очерке Иржи Вальи «Освобождение и освободители» («Лидове новины», 9 мая 1948 г.) читаем:

«Русские в Праге! — неслось рано утром три года тому назад из уст в уста с такой быстротой, что радио и все остальные средства оповещения казались устаревшим излишеством. То сама победная сила мечты рвалась через горы и доли, из квартала в квартал, из улицы в улицу со скоростью света. Да это и был свет.

Мы застыли в изумлении, когда увидели их, богатырей рода Муромцева (разрядка везде моя.— С. Н.). Какие ребята. Кровь с молоком, стройные, обветренные, ребята, как горы, и на самом деле из стали. Со своими танками они как будто составляли единое целое — сказочные существа»¹⁷.

В небольшой заметке той же газеты от 7 мая 1949 г. описывается встреча советских войск в небольшой чешской деревушке: «С востока, куда убегает Кашпарский лес, по полю, поднимающемуся вверх к перекрестку и мельнице, ехал Илья Муромец, на белом коне, с пулеметным поясом через плечо, с пилоткой на затылке... Это был первый русский боец. Мы смотрели на него с бьющимся сердцем»¹⁸.

В следующем номере той же газеты очерк Фр. Коубки «Алеша и девочка»¹⁹ построен на сравнении бойца Алешы с богатырем. И опять «богатырь Алеша» употребляется автором в обобщающем смысле, в применении ко всем советским бойцам.

Русский фольклор нашел отражение в произведениях чешских поэтов, посвященных героическим победам Советской Армии. Особенно интересно в этом отношении творчество Владимира Голана и Петра Кржички.

Уже через несколько дней после освобождения Праги Советской Армией, в мае 1945 г., вышла отдельным изданием поэма Вл. Голана «Благодарение Советскому Союзу»²⁰. Герой поэмы Голана — русский народ и победоносная Советская Армия — армия освободительница.

Говоря о невыразимости охватившего его чувства и об ответственности творческой задачи, Голан заявляет в начале своей поэмы, что поэзия, достойная славить Советскую Армию, должна стоять на уровне народной эпической поэзии, отражающей величайшие исторические события:

Славить тебя (Советскую Армию.— С. Н.) — значит овладеть речью...
Переходящей в эпос, речью, отрясающей со стихов росу
В уста, которыми пьет миф²¹.

Изображая героизм советского народа, Голан обращается к материалу русского былинного эпоса. Оружие Советской Армии сравнивается им с «мечом-кладенцем»,

Богатырский свист которого
Услышал когда-то совсем по-новому
Мамай на Куликовом поле,
Где поют чистые волны Дона и Днепра.

В другом месте поэт восклицает:

Пришли сюда (в Прагу.— С. Н.) те,
В кого наше племя верило еще в седой древности,
Пришел добрый молодец Алеша (т. е. излюбленный герой художника Алеша, изображавшего русских богатырей.— С. Н.)
И вековая страстная мечта
О братском единении
Осуществилась.

Не менее показателен сборник стихов Вл. Голана «Красноармейцы»²² (1947 г.). Цикл состоит из стихотворных зарисовок русских бойцов, с которыми поэту довелось встречаться за время пребывания советских войск в Чехословакии. Очень часто сравнения, образные детали заимствуются Голаном из русской народной героической поэзии. Образ рядового русского бойца постоянно ассоциируется у Голана с богатырем:

¹⁷ Lidové noviny, 1948, 9 května.

¹⁸ Там же, 1949, 7 května.

¹⁹ Там же, 1949, 8 května.

²⁰ V. Holan, Dík Sovětskému Svázu, Praha, 1945.

²¹ За неимением поэтического перевода стихи Голана даются в подстрочном переводе.

²² Его же, Rudarmějci, Praha, 1947.

Когда он сходил с коня, то приносил детям осинные гнезда,
Бабочек... И, видя их радость,
Смеялся, как богатырь, так что немного их даже пугал...

Или о другом бойце:

Он волков убивал ударом руки,
Грозовые тучи разгонял своим голосом.
А о силе его красивого взгляда... и т. д.

Или прямое сравнение:

Это был богатырь из былинных преданий,
Если он хотел, мог сдвинуть целый воз,
Унести ведро пива одним пальцем...

Число примеров могло бы быть увеличено.

Несомненно, актуальная тематика и обращение к народному творчеству способствуют росту Голана, поэзия которого раньше несколько страдала субъективизмом и формалистическими увлечениями. Это порой чувствуется еще и в последних его произведениях.

В 1946 г. в Праге вышла книжка Петра Кржижки «Песня меча»²³. Петр Кржижка — известный чешский поэт, переводчик русских былин, стихотворений Пушкина, Тютчева и других русских поэтов. Цикл «Песня меча», посвященный «светлой памяти Франтишка Ладислава Челаковского», полностью создан на материале народной поэзии, русской и южных славян. Основную часть цикла составляют стихотворения былинного характера о героическом советском народе и его славной армии. Первое стихотворение — «Немцы под Москвой». Не черный ворон вылетает из лесу — фашистский всадник передает письмо советским воинам, в котором «пес Гитлер» похваляется, что вскоре займет Москву, что его генералы и эсэсовцы наедятся вдоволь русских блинов, разобьют бочки с зернистой икрой и напьются русской водки и «славных крымских вин». Сам он, Гитлер, в «златоглавом Кремле каменном» будет чувствовать себя русским царем:

Я воссяду на этот пышный трон
На голову надену золотую корону,
Через грудь перевию цепь золотую царскую,
Потрясать буду в руке золотым жезлом...

Автор имеет в виду похвальбу Гитлера в сорок первом году о скором взятии Москвы и о предстоящем въезде его в советскую столицу «на белом коне». Вторая половина стихотворения — спокойный ответ Гитлеру «Отца-Маршала и всей нашей храброй, Советской Армии»:

Приготовили мы, — в письме сказано, —
Гранатометчикам твоим и войскам любого оружия
Безопасный кров, квартиры добротные.
Не на шутку подул ветер северный,
Вы же в них хорошо укрыты будете.
Тесноваты чуть-чуть, но зато их достаточно.
А будет, бог даст, и много больше еще.
Уж теперь изрыта сырая земля,
Уж теперь холодных могил не сочтешь.
Угощений горячих вдоволь для вас,
Ой, шрапнели, и пуль, и гранат, и бомб,
Угостить вас ими щедро намерены.
Сколько душе угодно запивать их можете
В новых хатах своих снегом тающим.
Прогостите вы нас, в хлебосольной Руси,
Дорогие гости, время долгое, —
Пока кости ваши в прах не рассыплются

Для Гитлера же, «пса кровавого», приготовлен «высокий престол»

Не из дуба белого да моржовых клыков,
А из двух осин с перекадиной.
Царской цепи нет в Кремле каменном, —
Есть веревка взамен пеньковая.

Второе стихотворение цикла — об украинской девушке-партизанке Ганне Григоренко. До войны она жила счастливой, беззаботной жизнью в кругу подруг:

²³ Petr Kržík a, Píseň meče, Praha, 1946.

Запоет — в лесу соловей умолк,
Затанцует — рой светлячков затих.

«Эсэсовцы-бандиты» сожгли деревню, убили отца и мать, издевались над «Ганной-зоряночкой». Девушка уходит в партизаны. Стихотворение выдержано в духе народных песен. Характерно обращение к «батюшке, светлому месяцу», просьба, чтобы он укрылся в облаках, когда Ганна со связкой гранат в руках на станции у Почаева должна будет проскользнуть мимо часовых к фашистскому эшелону с вооружением.

Следующее стихотворение «Пир» — пирование русских рек у морского царя, чествование Волги-матушки, которая у Сталинграда

Грудью в грудь встретила дракона лютого,
Задушила его двенадцать голов.
Накормила, напсила храбрых (русских.— С. Н.) воинов,
Вдохнула героизмом и отвагою,
Благословение им дала великое,
Чтоб, поднявши родную дубину-дубинушку,
Гнали эти орды свирепые,
Гнали, били дубьем окрсавленным,
Выбили из священной земли русской.

Завершает первую часть сборника стихотворение «Оратай-богатырь», также стилизованное под былинку. Поэт очень удачно избрал героем, символизирующим миролюбивый советский народ, Микулу-труженика, который всецело занят мирным созидательным трудом, но при нападении врага не дает спуска:

Скоком очутился посреди врагов;
Как на стаю дерзких воронов налетает сокол, птица ясная,
Так бросается на захватчиков Оратай-богатырь,
Начал добрый молодец дубинушкой размахивать,
Начал вязовой врага рубить, колоть,
Размахалась его правая рученька,
Закачалась мать-сыра земля.
Смотрит их (вражеский.— С. Н.) генерал с горы крутой,
Волос рвет на себе, гонит войско назад бегущее,
Но и сам поскорей на коня верхом
С нашей Руси-матушки на утек давай,
Клянет, проклинает, клятву дает:
«Сохрани нас, дьявол, вновь на Русь итти,
Нас, детей и внуков наших».

Несмотря на традиционную условность ряда образных деталей (пахарь с кленовой сошкой, дубина в качестве оружия и т. п.), — условность, ибо советский народ победил также и превосходством боевой техники, — в стихотворении верно дана аллегория Отечественной войны — освободительной войны миролюбивого трудового советского народа против вероломного агрессора.

Заступился русский пахарь за свою землю-матушку.
Раздавил голову змею, чудовищу поганому,
И чиста от врагов лютых наша святая Русь.
За то будем ему вечно славу петь
И хвалу воздавать во веки веков.

Остальные произведения, вошедшие в сборник, также написаны в духе славянского народного творчества. Одно из них — «Пастух Петко» — прекрасная поэма в стиле гайдуцких песен о партизанской борьбе с фашистами у южных славян. Следует отметить, что Кржичка не просто контаминирует изобразительные приемы народной эпической поэзии, а органически синтезирует их, создавая оригинальные художественные произведения. В сборник Кржички «Песня меча» вошли также вольные переложения трех песен из книги «La Guzla» Проспера Мериме. Две из них — «Конь» и «Гайдук Хризич» поэтически переложил в свое время А. С. Пушкин. Кржичка сохранил пушкинский размер.

Интересно, что отношение чехов и словаков к Пушкину показательно также и для их отношения к русскому народному творчеству. Среди целого ряда чехословацких изданий пушкинских произведений отдельно изданы несколько раз и на чешском и на словацком языках различные сказки Пушкина, ряд из них — в новых переводах. Еще в начале XIX в. чехи и словаки оценили Пушкина как величайшего народного поэта. Челаковский в одном из своих стихотворений указывал, что великих русских поэтов выращают не «французские гувернеры», а «мамки из народа». Юлиус Фучик в статье о чешском поэте Зайере²⁴, написанной в подполье в период гитлеровской оккупации Чехословакии, первые страницы посвящает Пуш-

²⁴ Jul. Fučík, Tři studie, Praha, 1947, статья Čhuva.

кину и Арине Родионовне. В статье проводится мысль о том, что даже такие далекие от народа поэты, как Зайер, всем ценным в своем творчестве обязан народу. Народ — «мамка» поэта. Статья не случайно называется «Няня».

Такова в общих чертах картина интереса к русскому народному творчеству в современной Чехословакии. Следует добавить, что издания русских народных произведений рецензируются как в научной чехословацкой печати, так и в газетах. Однако, если совершенно ясны направленность и характер интереса к русскому фольклору среди населения Чехословакии, то рецензии не всегда подчеркивают или же подчеркивают в недостаточной степени социальное звучание народных поэтических произведений, особенно старых. А это безусловно необходимо в условиях строительства подлинно народной социалистической культуры. Задача советских специалистов различных областей фольклористики помочь в этом отношении чехословацким фольклористам своими рецензиями, замечаниями, советами.

С. Никольский

ДУМЫ И ЧАЯНИЯ ПРОСТОГО АФРИКАНЦА

(Eslanda Goode Robeson. *African journey*. The John Day Company New York, 1945, 154 стр. 64 фотоиллюстраций.)

Автор книги Эсленд Робсон, жена известного борца за мир и демократию, певца Поля Робсона, в компании со своим сыном совершила поездку по Африке. Она проехала через Южно-Африканский Союз, объехала всю Уганду и заглянула в Бельгийское Конго. На длинном пути она много видела и слышала, она встречалась с представителями всех слоев туземного населения — от пастуха до феодального владыки — мукама Торо и министров кабаки Буганды. Прекрасный наблюдатель, она фиксировала и мелочи быта и отвратительные черты колониального режима, уходящее из жизни старое и неотвратимую поступь нового. Ее симпатии на стороне порабоженного народа, ей больно видеть страдания народа, ее радует рост сил сопротивления империализму.

Книга представляет огромный интерес для этнографа, особенно та ее часть, которая посвящена Уганде. Этнограф найдет здесь сельскохозяйственный календарь, перечень земледельческих культур и описание полевых работ, сведения о породах скота и об уходе за скотом, устройстве жилищ, их внутренней планировке и обстановке, одежде и украшениях, семейном быте и пр.

С большой любовью описаны прекрасные образцы народного творчества в области материальной культуры. Но не материальная культура интересует автора книги в первую очередь. Ее интересуют живые люди, их настроения, их чаяния и думы. В этом основная ценность книги.

Вот перед нами представители эксплуататорской, аристократической верхушки туземного общества — мукама Торо, премьер-министр правительства муджабе Анколе, министр юстиции правительства кабаки Буганды и т. п.

Торо до конца прошлого столетия было хотя и миниатюрным, но независимым государством. Сейчас Торо является одной из трех областей Западной провинции английской колонии Уганда. Мы не знаем численности населения Торо; населения всей Западной провинции перед второй мировой войной насчитывалось около 600 тыс. человек. Английская колониальная администрация сохранила власть мукам Торо, поставив его под свой контроль, превратив его в послушного чиновника.

Нынешний мукама Амоти Камрази Рукиди учился в специальной школе для детей туземной аристократии в Уганде, затем 18 месяцев жил в Англии, служил лейтенантом в отряде Африканских королевских стрелков и, наконец, был «коронован» английским губернатором на престол Торо. Это довольно образованный и очень богатый человек. В Кабароле на высоком холме, господствующем над прилегающей местностью, окруженный высокой камышовой изгородью стоит его дворец, в два этажа с большой верандой на уровне второго этажа. На фотографии показаны богато отделанный трон, покрытый тигровой шкурой, и мукама в роскошной парадной одежде. В обычное время он, как и его жена, ходит в европейском костюме. У него есть свой автомобиль, большой штат прислуги.

Рядом с Торо расположено другое такое же «государство» — Анколе (административный центр Мбарара). Глава Анколе носит титул муджабе. Очень старый человек, он по болезни не мог принять американских гостей; они были приняты его премьер-министром. Это — очень толстый мужчина, в ослепительно белых одеждах, с мягкой фетровой шляпой на голове. По своей комплекции и другим антропологическим признакам он совсем не похож на тех «хамитов», к которым буржуазная этнография причисляет всю правящую верхушку Междозерья: «высокий, худощавый, стройный народ с тонкими губами, высокой переносицей и рыжевато-коричневой кожей». Эсленд Робсон отказывается принять деление населения Междозерья на господствующую расу «хамитов» и подчиненную им расу «негров».

Премьер-министр Анколе очень богат. «Мы видели его великолепные стада...одно стадо вправо от дороги, и другое, исключительное по своим размерам, влево от дороги; последнее было в движении, и все, что мы могли видеть, — это движущаяся темная масса и большое море рогов», — пишет Робсон.

Эта аристократическая верхушка служит британскому империализму, это его социальная опора. В странах Междоузья туземное общество уже давно раскололось на антагонистические классы: крупные помещики и арендующие у них землю безземельные крестьяне, крупные скотовладельцы и зависимая от них беднота, владельцы хлопковых плантаций и наемные рабочие. Народные массы стран Междоузья ведут борьбу и против британского империализма и против туземной феодальной знати. Массовые народные движения в Буганде — в 1945 г. и в мае 1949 г. — свирепо подавленные вооруженной силой, являются лучшим тому подтверждением.

Эсленд Робсон много беседовала с простым народом. В этих беседах вскрывалось не только резкое осуждение колониального режима, но и готовность борьбы против этого режима. Страны Междоузья всего лишь пятьдесят лет назад были поработаны английским империализмом. Там живы еще люди, которые знали свободную, независимую жизнь. И эти люди со всей категоричностью заявляли ей: раньше, до установления английского господства, мы жили несравнимо лучше. Позади не было «золотого века», была тяжелая, трудная борьба за хлеб насущный, но, вместо цивилизации, Англия принесла им «цивилизованное» рабство: принудительный труд, обезземеливание, высокие налоги, жнут плантационного надсмотрщика, туберкулез и венерические болезни.

Вот группа женщин в Кабароле. Женщина является наиболее угнетенным элементом современного африканского общества. На ней лежит вся тяжесть работ в крестьянском хозяйстве, так как большинство мужчин всегда находится на отхожих заработках или работает где-нибудь по трудовой мобилизации. Мужчины, вольно или невольничья, бывают в городах, служат в армии, ездят по железной дороге и паромом, общаются с большим миром; женщина прикована к своей деревне, к своему клочку земли. Если мужчины лишены всех гражданских прав, то женщина лишена их вдвойне. В семье и обществе над ней тяготеют традиции и пережитки патриархального родового строя с бесконечными ограничениями и запретами. Если мужчины лишены возможности получить образование, то для женщины это недостижимая мечта. Колледж в Макооре является единственным на всю Восточную Африку учебным заведением, дающим образование, близкое к высшему. В 1946 г. в этот колледж было принято впервые шесть девушек. В 1948 г. журнал «The African World» поместил фотографию первой (1) женщины-банту, получившей диплом врача (в Южно-Африканском Союзе).

Колониальные власти сделали все, чтобы не дать женщине возможности подняться на ноги. С точки зрения колонизаторов главное и единственное назначение женщины состоит в том, чтобы вырабатывать для них рабочую силу. Но и в африканской женщине уже проснулось чувство обиды за поправленные права, возмущения существующим порядком, воля к борьбе за права человека и гражданина.

В беседах с Эсленд Робсон женщины Кабароле проявили большой интерес к тому, что делается «за околицей», в большом мире. Они спрашивают, как живут женщины в других странах, какую они выполняют работу, чем заняты, как одеваются, как обращаются с ними мужчины. Их интересует вопрос, посещают ли женщины других стран школы наряду с мужчинами.

«Мы устали от того, что нам всегда говорят, что мы должны делать». Они не хотят жить больше в положении рабов, которыми командуют, которыми на каждом шагу помыкают колониальные и туземные власти. Женщины Кабароле заглядывают в будущее и с тревогой думают о судьбе своих детей. «Найдут ли наши дети место в жизни, настоящее место, или и они будут делать только то, что им велят?».

Туземные женщины Африки уже понимают необходимость и возможность борьбы за лучшую долю. Они уже втягиваются в общий поток народного движения против колониального порабощения. В ряде случаев они выступают даже инициаторами движения. Женщины наряду с мужчинами были участниками съезда «Демократического объединения Африки» в Абиджане (январь 1949 г.). Анни Вольберг — портниха из Порто-Ново, Фади Майга из Бобо и др. Фади Майга призвала к борьбе за раскрепощение женщин. Обращаясь к мужчинам, она говорила: «Я убедительно прошу вас снять с головы и ног ваших жен те покрывала и цепи, которые они носят по традициям».

Великий пример Советского Союза вселяет надежду в сердца угнетенного народа и воодушевляет на борьбу. Читая книгу Эсленд Робсон, еще и еще раз вспоминаешь замечательные слова И. В. Сталина: «Раньше «принято было» думать, что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых».

Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские»¹.

¹ И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 243—244.

Где бы ни была Эсленд Робсон, с кем бы из простых людей она ни говорила, все и всюду заводили с ней разговор о Советском Союзе. «Единственный обладающий маяк на горизонте», — пишет она. О Советском Союзе, о Ленине и Сталине знают уже многое в самых глухих уголках Африки, и для поработанного африканского населения это воистину луч света в темном царстве. В Торо ее попросили рассказать о Советском Союзе, как там живут «отсталые народы».

«Я рассказала им, — пишет Эсленд Робсон, — что некоторые более отсталые племена России не имели письменности, правительство пригласило представителей этих племен в Ленинград, в институт национальных меньшинств, где они с помощью выдающихся деятелей народного образования разработали письменность для своих языков, теперь история и произведения народного творчества записаны самим народом, на своем языке» (стр. 107). Она рассказала им об успехах якутов и т. п.

Ее спросили, сколько лет занял этот процесс преобразования отсталых народов. И когда она ответила, что на это потребовалось от 10 до 20 лет, «глубокий вздох прошел по толпе». Им говорили англичане, что потребуются тысяча лет, чтоб догнать передовые народы Европы. Маленькая иллюстрация: в Сьерра Леоне только 4% детей школьного возраста посещают школу; утвержденный лейбористским правительством десятилетний план развития колонии предусматривает повышение этого процента до ... пяти². При таких темпах «развития» колонизаторам и тысячи лет будет мало. «Британские власти рассчитали, что при существующих темпах прогресса потребуются не менее 700 лет на то, чтобы туземцы хотя бы только Золотого Берега научились читать и писать на родном языке, или 3500 лет, если мы примем во внимание естественный прирост населения», — писал с некоторой долей сарказма Леонард Барнс, служивший в прошлом в африканских колониях Англии³.

Рассказы Эсленд Робсон о Советском Союзе, о сталинской национальной политике, о братской помощи русского народа ранее отсталым народам производили на ее слушателей потрясающее впечатление. Ее просили рассказывать и рассказывать об этой чудесной стране, не знающей ни расовой дискриминации, ни эксплуатации человека человеком. «Они хотели знать все об этой стране, которая так заботится о своих «детях».

Глухим железным занавесом отгородили колонизаторы свои африканские колонии от остального мира. Всякий правдивый рассказ о стране социализма рассматривается как «потрясение основ» и сурово преследуется. Антикоммунистическая истерия, так усердно разжигаемая империалистической реакцией, стала в последнее время модой и в африканских колониях. Но крупицы волнующей правды доходят разными каналами до поработанного народа.

Книга Эсленд Робсон еще в одном отношении резко выделяется из массы книг по Африке, издающихся за рубежом. Народы Африки действительно отстали в своем развитии, они неграмотны, они бедны и т. д., но в этом виновата не их природа. Книга высмеивает распространенное в Америке представление об африканцах как о «черных дикарях в леопардовых шкурах, которые размахивают копьем и едят сырое мясо». Она рисует правдивые портреты представителей африканских народов, страдающих от империалистического угнетения и борющихся вместе со всем прогрессивным человечеством за лучшее будущее.

И. И. Потехин

РАСИСТСКИЕ ДЖУНГЛИ

Whitther South Africa. By Douglas G. Walton, London, 1947. На русском языке: Дуглас Уолтон, Куда идет Южная Африка. Народ банту в борьбе за свое освобождение. Москва, 1948, Государственное издательство иностранной литературы. Вступительная статья И. Потехина. Предисловие к английскому изданию У. Галлахера.

Автор книги Дуглас Уолтон долго жил в Южно-Африканском Союзе, принимал активное участие в рабочем движении, многое видел и хорошо знает положение народных масс. Мрачную картину национальных взаимоотношений, созданных и поддерживаемых империалистами, мы не можем назвать иначе, как «расистские джунгли».

Национальный состав населения Южно-Африканского Союза довольно сложный. Согласно данным переписи 1946 г., основную массу населения — 68,5% — составляют зулу, коса, басуто, бечуана и др., принадлежащие к одной языковой группе банту. На втором по численности месте — 20,8% — стоят европейцы, занимающие господствующее положение. Около двух третей европейского населения составляют буры, или африкандеры, потомки первых колонистов; за ними идут англичане, затем немцы, евреи и др. Следующую группу населения составляют койкоины (готтентоты) и сааны (бушмены), являющиеся наиболее древним населением Южной Африки. В результате англо-бурской колонизации большая их часть была истреблена; оставшиеся в живых или смешались с европейскими колонистами и утратили свою самобытность или загнаны в пустыню Калахари, где постепенно вымирают. Установить сколько либо

² «West Africa» 17 апреля 1948 г.

³ L. Barnes, *Empire or Democracy?* London, 1939, стр. 141.

точно их численность не представляется возможным. Значительную группу населения составляют мулаты, или, как их называют в Южной Африке, «цветные». В переписях они учитываются вместе с койконнами и сааннами, определить их численность поэтому трудно: называют цифры от 500 000 до одного миллиона. И, наконец, последнюю группу населения составляют «азнаты»; это главным образом индийцы. Их насчитывается около четверти миллиона человек, подавляющее большинство живет в провинции Наталь. Основная масса индийцев родилась в Южной Африке. Индию они не знают и переселяться в Индию не собираются. Они рассматривают Южную Африку как свою вторую родину и имеют на это право не меньше, чем буры или англичане.

Ленинско-сталинская теория национального вопроса учит, что трудящиеся массы разных национальностей не имеют никаких оснований для взаимной неприязни и вражды, что, следовательно, возможно мирное сожительство и даже содружество разных наций в рамках единого государства. Исторический опыт Советского Союза является блестящим подтверждением правильности этого учения. В советской стране живут десятки народов, принадлежащих к разным нациям и расам; каждая нация, независимо от того, большая она или малая, развивает социалистическую культуру в своих национальных формах, каждая нация чувствует себя членом большой и дружной семьи народов: ни одна нация не угнетает другую, более развитые нации оказывают братскую помощь менее развитым и все вместе заняты одним делом — строительством коммунистического общества.

Ничего подобного не может быть в буржуазном обществе: эксплуататорским классам чужда идеология дружбы народов, политика равенства наций и рас. Идеология буржуазии является идеология национализма и расизма, порабощения слабых чаций и рас сильными. Буржуазия, исходя из узко классовых, эгоистических интересов, сеет национальную неприязнь и вражду, натравливает народные массы одной нации на народные массы другой нации. Принцип эксплуататоров — «разделяй и властвуй». В Южно-Африканском Союзе этот рабовладельческий принцип получил свое логическое завершение: европейское население противопоставляется всему неевропейскому населению, «цветные» противопоставляются банту, банту индийцам, одно племя банту другому племени банту, бечуана зулусам, коса зулусам и басуто и т. д.; еще не до конца изжит антианглийский национализм буров, разжигаемый фашистскими элементами.

Дуглас Уолтон обстоятельно рассказывает, как империалистические правители Южно-Африканского Союза на деле осуществляют расовую дискриминацию банту. Официальной политикой всех южноафриканских правительств, будь то правительство Смэтса или правительство фашиста Маланга, является политика сегрегации банту, сегрегации по всем линиям: сегрегации землевладения, поселения, занятий, социальной и политической жизни.

Для банту выделены особые районы, так называемые резерваты, общая площадь которых едва достигает 10% всего земельного фонда Союза; вне этих районов банту не имеют права покупать землю. Д. Уолтон называет резерваты «концентрационными лагерями». Они не орожены проволокой, но никто не может выйти из резервата, не получив на то особого письменного разрешения (пропуска) от европейского чиновника: без этого пропуска туземец не получит железнодорожного билета, его задержит первый полицейский. В резерватах невероятная скученность людей: одни совсем без земли, у других мало земли. Прожить обработкой земли в резервате крестьяне-банту не могут и вынуждены уходить на заработки в города, на рудники или на европейские фермы.

Работая в городе, туземец не имеет права жить в нем. Он должен жить за городом, в особом, отведенном только для поселения туземцев пригороде, в так называемой локации («нэйтив тауншип»). Локация, это, как правило, нагромождение жалких лагуч без водопровода и канализации, немощные улицы, грязь и т. п. Эсленд Робсон пишет о локации Нансфилд около Йоганнесбурга, что она похожа на «деревню собачьих конур». Эти «собачьи конуры» сделаны очень просто: берется лист гофрированного железа 270×180 см, изгибается дугой и ставится на землю; сзади и спереди прикрывается другими листами железа. Приезжая на работу в город, туземец на каждом шагу встречается с блестящей эмалированной дощечкой с надписью: «Only for whites» — «Только для белых». Они висят на дверях церквей, столовых, кино, библиотек, парков и т. п.

На фабрике или на заводе туземец-банту подпадает под действие закона о «цветном барьере»: банту не допускаются до выполнения квалифицированной работы, их удел — «работа каффра» — простая, черная, грязная работа, и даже в тех случаях, когда хозяин дает им квалифицированную работу, которую они выполняют не хуже белого рабочего, он платит им меньше, чем белому рабочему, — «скидка» на черный цвет кожи. Д. Уолтон сообщает, что заработная плата рабочих банту в 10—15 раз ниже заработной платы европейского рабочего в Южной Африке.

Реформистское руководство профсоюзов европейских рабочих до сих пор не допускает приема банту в профсоюзы, и потому до сих пор существуют параллельные профсоюзы: европейских рабочих и рабочих банту. Банту лишены избирательных прав. Лишь туземцы Канской провинции имеют право путем отдельного от европейцев голосования послать в парламент трех депутатов, но обязательно из чис-

ла белых. Банту лишены не только избирательных прав, они лишены просто всяких человеческих прав. Эсленд Робсон пишет: «Ни один европеец не может быть арестован без ордера на арест, но, чтобы арестовать африканца, не требуется ничего». Она же приводит любопытный пример: на скамье подсудимых европеец и туземная женщина, обвиняются в сожителстве; европейца суд оправдал за неимением улики, а туземную женщину нашли виновной и приговорили к 12 месяцам тюремного заключения. Д. Уолтон приводит ряд крайне убедительных фактов, показывающих отсутствие какой-либо законной защиты туземцев от произвола белых.

Эта преступная политика современных рабовладельцев подкрепляется безудержной расистской демагогией. Вся буржуазная печать, школы и церкви назойливо со дня на день твердят, что «черный» это не человек, а существо более низшего порядка, что «негр» — главный враг белого человека. Этим расистским ядом отравлена пока еще большая часть трудящихся европейской части населения, им отравлено сознание «цветных» и индийцев.

Следуя принципу «разделяй и властвуй», империалистические правители Южно-Африканского Союза создали для «цветных» некоторую видимость привилегий по сравнению с банту. Они могут жить в городе, но в особых районах-гетто; в Кейптауне, например, где больше всего «цветных», для них выделен «шестой район». Они могут без особых пропусков ходить по городу, но не могут посещать кино или рестораны в европейской части города, не могут гулять по кейптаунской набережной. На них не распространяется закон о «цветном барьере», но берут их на работу в последнюю очередь, а увольняют в первую. Их принимают в профсоюзы белых рабочих, но не допускают до руководящих постов. Они пользуются избирательным правом, но не могут быть избранными в парламент и т. д.

«Цветные» живут в условиях, не менее безотрадных, чем условия жизни банту, но видимость привилегий и пропаганда расовой ненависти привели к тому, что «цветные» относятся к банту пренебрежительно и даже враждебно. В романе Питера Абрахамса «Тропюю Грома» описан такой случай. В деревушке «цветных» Стиллвельд нет и никогда не было школы. Все население абсолютно неграмотно, и даже проповедник никогда не учился грамоте. В соседней деревушке банту есть школа. Учитель зулус Мако предлагает проповеднику направлять «цветную» детвору в его школу. Проповедник с негодованием отвергает это предложение. «Бог сотворил,— отвечает Мако проповедник,— белых, цветных и негров. Он сотворил их разными, потому что хотел, чтобы они жили разрозно. Его господняя воля, чтобы цветные жили и работали и учились среди своих».

Эту гнусную политику противопоставления «цветных» банту систематически пропагандирует и единственная политическая организация «цветных» — Африканская Политическая Организация, возглавляемая доктором Абдурахманом и его, единственная для «цветных», газета «Сан».

Индийцы были завезены в Южную Африку в 1860 г. для работы на сахарных плантациях Наталя. В течение десятков лет разрешался свободный въезд индийцев. Они были нужны английским империалистам в Южной Африке, их терпели. Теперь они не нужны, а индийские купцы конкурируют с английскими торговыми фирмами. Теперь жизнь индийцев в Южной Африке превратили в ад. Вопрос о расовой дискриминации индийцев Южной Африки вот уже в течение двух лет является предметом обсуждения Организации Объединенных Наций и потому стал достоянием широкой мировой общественности.

Следуя принципу «разделяй и властвуй», империалистические правители Южной Африки направляют зулу на индийцев. Все беды, которые сыплются на голову зулу,— малоземелье, безработица, голод и т. п.— империалистическая пропаганда относит на счет индийцев. Они «виноваты» во всем! В январе этого года полиция спровоздирала в Дурбане резню индийцев зулусами, в результате которой оказалось с обеих сторон 137 человек убитыми и 1883 человека ранеными.

Расистские джунгли! «Трагедия в том,— говорит зулус учитель Мако в романе П. Абрахамса «Тропюю Грома»,— что у нас всякий прежде всего кафр или цветной, или еврей, или араб, или англичанин, или китаец, или грек. Никто не смеет быть прежде всего человеком».

Значительная часть рецензируемой книги посвящена истории борьбы трудящихся масс против расовой дискриминации, за демократию для всех наций и рас. Непосредственный участник этой борьбы Д. Уолтон, со знанием дела подробно описывает отдельные события и факты, дающие в целом интересную картину движения. С большей любовью пишет автор о выдающихся деятелях коммунистического и национально-освободительного движения: убитый полицией зулус Нкоси, безвременно погибший басуто Альберт Нзула и др.

Страницы книги, посвященные этой борьбе, читаются с большим удовлетворением, чувствуется, что расистский туман уже рассеивается и в «джунглях» становится легче дышать. Коммунистическая партия Южной Африки упорно и настойчиво борется против расовых предрассудков, и это дает свои плоды: силы демократии со дня на день растут и крепнут, расовые предрассудки в среде трудящихся рушатся.

Мы не останавливаемся на некоторых проблемах в целом превосходной книги, они отмечены в вступительной статье И. Потехина.

М. В. Райт

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

М. М. Герасимов, *Основы восстановления лица по черепу*. Государственное издательство «Советская наука», Москва, 1949, стр. 187, 108 рис.

Нет сомнения, что капитальный труд М. М. Герасимова, посвященный сложной, но благодарной задаче портретной реконструкции человеческого лица по черепу, будет с большим интересом прочитан самыми широкими кругами советских читателей. Особое значение труд этот имеет для анатомов и антропологов, для этнографов и археологов, для музейных и судебно-медицинских работников, одним словом, для всех, кому придется в исследовательской или практической деятельности сталкиваться с вопросом о связи между костной основой человеческого тела и особенностями его мягких покровных частей, в частности тонких физиономических черт, обладающих столь резко выраженной изменчивостью: половой, возрастной, профессиональной, территориальной, антропологической и, наконец, индивидуальной. М. М. Герасимов работает над проблемой портретной реконструкции лица свыше 20 лет. За это время им обработан огромный костный и трупный материал, создана и многократно проверена методика воспроизведения лица по черепу, осуществлен ряд контрольных опытов, давших очень хорошие результаты, выполнено свыше 70 скульптурных бюстов ископаемых людей, различных исторических деятелей и некоторых других лиц. Скульптуры М. М. Герасимова украшают залы многих музеев в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Горьком и других городах СССР. В специальных антропологических и археологических работах нередко можно встретить снимки с герасимовских реконструкций, дающие наглядное представление об антропологическом типе древних племен и народов. Поскольку в деле восстановления индивидуальных особенностей лица по черепу М. М. Герасимов, в сущности говоря, не имеет предшественников и выступает как подлинный новатор в науке, разработанные им приемы реконструкции следует с полным правом рассматривать как выдающееся научное открытие, которые заслуживает самого пристального внимания со стороны советских ученых, работающих над вопросами этногенеза и истории антропологического состава народов СССР и зарубежных стран. Вполне закономерен, естественно, и разбор книги М. М. Герасимова на страницах «Советской этнографии».

В кратком введении (стр. 3—6) автор рецензируемого труда справедливо указывает, что все делавшиеся до него попытки реконструкции лица по черепу ограничивались воспроизведением типового, а не индивидуального портрета. С этой задачей начинал и сам автор. Только после многих лет упорной работы он «убедился, что путем максимального уточнения методики и объективного построения лица по черепу можно подойти к проблеме портретной реконструкции» (стр. 5). На место «усредненного», а следовательно, всегда в той или иной степени абстрактного портрета встал портрет индивидуализированный, дающий наибольшее приближение к оригиналу, воспроизводящий живой облик того реального лица, которому принадлежал изучаемый череп. Самый процесс создания скульптурной портретной реконструкции делится М. М. Герасимовым на четыре этапа: анатомо-антропологический анализ черепа, графическое разрешение реконструкции, скульптурное воспроизведение схемы головы, завершение работы над бюстом с учетом исторических данных в костюме и причёске (стр. 5—6). Следует полностью согласиться с автором, что сами по себе реконструкции лица по черепу не являются самоцелью. Это только «один из способов иллюстративной диагностики палеоантропологического материала, в результате которого костный материал дополнительно приобретает выразительность и наглядность живого человека» (там же). Значение работ М. М. Герасимова для археологии и исторической этнографии выражено в цитированной фразе очень четко.

Первая глава разбираемой книги носит название «Материалы к созданию метода реконструкции лица по черепу» (стр. 7—58). Глава эта имеет по преимуществу методический характер. Дав краткий критический обзор различных приемов восстановления лица по черепу, предлагавшихся зарубежными исследователями, автор справедливо видит основной дефект этих приемов в том, что они, как правило, базировались на статистической обработке ранее собранного цифрового материала по толщине мягких покровов без учета индивидуальных особенностей костного рельефа реконструируемого объекта (стр. 10). В действительности же толщина мягких покровов на различных участках головы находится в тесной связи с индивидуальными чертами каждого черепа. Тщательное изучение этих черт является необходимой предпосылкой для создания портретной реконструкции. Такое изучение, проведенное как обычным крианиметрическим и крианоскопическим путем, так и при помощи специальных графических и рентгенографических приемов, разработанных автором, позволяет в каждом отдельном случае установить индивидуальные особенности строения мягких частей лица: носа, глазной области, губ, подбородка и даже уха (стр. 26—46). Контрольные опыты, осуществленные М. М. Герасимовым в Леффертовском море, в Музее антропологии Московского государственного университета, в Антропологическом отделе Института этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде и в других научных учреждениях, подтвердили правильность и целесообразность разработанных приемов реконструкции (стр. 48—51). Большой интерес с этой точки зрения представляют работы автора по восстановлению облика лица Марии

Достоевской (матери Ф. М. Достоевского), а также реконструкции, выполненные по заданиям следственных и судебных органов и способствовавшие раскрытию уголовных преступлений (стр. 52—57). Последней работой автора, выполненной в целях идентификации личности, явилась портретная скульптура Александра Б.— молодого бойца, погибшего в боях под Москвой в 1942 г. (стр. 57—58).

Для этнографов, археологов и антропологов наибольший интерес представляет, несомненно, вторая глава рецензируемой книги: «Опыт создания галлерей портретов, иллюстрирующих расогенез и этногенез» (стр. 59—139). Здесь подробно описаны скульптурные реконструкции шимпанзе, австралопитека, питекантропа и синантропов, неандертальцев и представителей различных рас людей современного вида (*Homo sapiens*), распространенных на территории СССР и зарубежной Европы в разные исторические эпохи, начиная от верхнего палеолита и кончая средними веками. Реконструкции эти следует рассматривать не только как иллюстрации, оживляющие и дополняющие палеоантропологические и археологические работы, но и как своеобразные вещественные источники, близкие к документальным и допускающие плодотворные сопоставления между собой и с аналогичными материалами по современному населению (бюсты, маски, фото и др.). Благодаря скульптурным портретам М. М. Герасимова советские ученые впервые получили ясное и наглядное представление о строении мягких частей лица древнейших гоминид и более близких к нашему времени антропологических типов, входивших в состав различных племен и народов, некогда живших на бескрайних просторах нашей Родины и в соседних с ней странах. Не боясь впасть в преувеличение, можно смело утверждать, что герасимовские реконструкции немало способствовали и еще больше будут способствовать разработке таких важных антропологических и исторических проблем, как вопросы о морфологии лицевой мускулатуры и кожных покровов обезьяно-людей и неандертальцев, о переходных звеньях между различными стадиями эволюции человека, о расовой принадлежности древнейшего населения СССР и путях первоначального заселения его территории людьми, об эпохальной изменчивости антропологических признаков, о смешении между европеоидами и монголоидами на севере Восточной Европы, в Сибири и в Средней Азии, о преемственности антропологических типов, локализованных на одной территории в различные исторические эпохи.

В настоящей рецензии невозможно, конечно, не только осветить, но и просто перечислить научные проблемы, так или иначе связанные с палеоантропологическими материалами, использованными М. М. Герасимовым для его реконструкций. Для широких кругов советских читателей особый интерес представляют успешно выполненные работы по воспроизведению образа мальчика-неандертальца, череп и части скелета которого были обнаружены в 1938 г. в пещере Тешик-Таш в южном Узбекистане (стр. 66—74). Большой выразительностью отличаются также реконструкции верхнепалеолитических и мезолитических людей из Пшедмоста, Оберкасселя и грота Мурзак-Коба — в Крыму (стр. 74—79). Сравнение этих реконструкций между собой наглядно убеждает в принадлежности их всех к одному и тому же европеоидному, — «кроманьонскому» в широком смысле слова, — антропологическому типу, претерпевшему на протяжении многих тысячелетий древнего и среднего каменного века ряд изменений в строении лицевого скелета и мягких частей лица. Среди реконструированных М. М. Герасимовым людей неолитического и энеолитического периодов очень отчетливо выделяются монголоидные и европеоидные типы, а также разнообразные продукты смешения между ними. К первым принадлежит человек из Хапцагая на реке Лене, антропологически близкий байкальским эвенкам (стр. 79—80); ко вторым — люди Сурского острова на Днепре, черепа которых были найдены в 1946 г. (стр. 81—87; к третьим — смешанные типы из могильников на Оленьем острове (Онежское озеро) и в Караваихе (стр. 87—89). Исключительно интересны результаты восстановления облика лица женщины из Гавриловской неолитической стоянки Горьковской области (стр. 90—91). С полной отчетливостью здесь выявился целый комплекс своеобразных «негроидных» особенностей, свидетельствующих, вероятно, о южных связях носителей балахнинской культуры (альвеолярный прогнатизм, широкий нос, утолщенные губы и др.). Сосуществование на смежных территориях и интенсивное смешение европеоидных и монголоидных антропологических типов (а может быть и комплексов южного тяготения с негроидными чертами) хорошо прослеживается по реконструкциям М. М. Герасимова и для более позднего времени: периодов бронзы и железа, античности и средневековья (стр. 91 и сл.). К этим историческим эпохам относятся скульптурные портреты людей фатьяновской, абашевской, андроновской, карасукской, катсекомбной, срубной и ананьинской культур (стр. 93—107), воина Урарту IX—VIII вв. до н. э. (стр. 107—111), мужчин и женщин из Михетского могильника в Грузии (стр. 112—114), скифа из курганной группы «Синко» из Никополя (стр. 115—118), гунна I века н. э. из Кенкольского могильника в Семиречье (стр. 118—120), кангюки I—II столетий н. э. из кургана близ Ташкента (стр. 120—123), людей Ширинсайского могильника III—IV вв. (Узбекистан; стр. 123—129), согдийца из Сарыга в Киргизии (стр. 129—132), древних хорезмийцев (стр. 133—135), славян и половцев из Саркела на Дону (стр. 135—137) и др. Уже перечень этих реконструкций говорит об их большом антропологическом и историческом интересе. Многие этногенетические выводы советских ученых, относящиеся к различным

народам нашей страны, прекрасно иллюстрируются, дополняются и подтверждаются указанными работами М. М. Герасимова.

Последняя (третья) глава рецензируемой книги посвящена реконструкции облика исторических лиц (стр. 140—182). Исключительно на краниологической основе, без использования каких-либо живописных изображений (в большинстве случаев отсутствовавших), М. М. Герасимовым созданы портретные бюсты Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тимура, его сыновей Шахруха и Мироншаха, внуков—Улугбека и Мухамед-султана, неизвестной по имени княжны—узбечки XV в. из мавзолея Биби-ханум и, наконец, адмирала Ф. Ф. Ушакова. Применение при этих, особо ответственных, реконструкциях точной методики, тщательно проверенной на предшествующих работах, дает уверенность, что облик исторических деятелей, воспроизведенный М. М. Герасимовым, очень близок к реально существовавшему. Надо, конечно, иметь в виду, что при восстановлении этого облика большое значение имеет работа над особенностями волосяного покрова, прически, головного убора и костюма. Все эти моменты разрабатываются М. М. Герасимовым на основании историко-археологических данных в процессе консультаций с соответствующими специалистами. В отдельных случаях оказалась возможной дополнительная проверка по сохранившимся изображениям. Так, например, восстановленный по черепу физиономический облик Ярослава Мудрого поразительно сходен с портретом на старинной фреске Софийского собора в Киеве, обнаруженной только в 1941 г. спустя много времени после окончания реконструкции и с большой долей вероятности приписываемой этому князю (стр. 144). Несомненно также сходство между скульптурным бюстом Ф. Ф. Ушакова и дошедшим до нас единственным его портретом, написанном, впрочем, в условной манере начала XIX в. (стр. 180).

М. М. Герасимову предстоит еще большая работа по уточнению и совершенствованию методики восстановления лица по черепу, по проверке уже достигнутых результатов. Не все детали строения мягких лицевых частей могут быть воспроизведены с одинаковой степенью точности и достоверности. Некоторые черты реконструкций в той или иной степени неизбежно оказываются спорными, основанными на историко-бытовых данных, а частично и на творческой фантазии автора. Однако фантазия эта представляется нам вполне закономерной, поскольку она отнюдь не противоречит антропологическим и историческим материалам, но лишь дополняет их, придает им большую живость и наглядность.

Н. Чебоксаров

НАРОДЫ СССР

Л. А. Евтюхова, *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, 1948.

Еще сравнительно недавно Сибирь в археологическом отношении являлась малоизученной областью. Нельзя было и говорить о создании каких-либо обобщающих работ. Большие исследования, проведенные в советское время представителями местных и центральных научных учреждений, в числе которых автору рецензируемой работы принадлежит одно из первых мест, накопили огромный материал. Рецензируемая работа и посвящена в основном систематизации и историческому определению изученных археологических памятников, без чего они не могут быть использованы в качестве исторических источников.

Работа состоит из введения и двух частей, распадающихся на ряд разделов. Введение содержит краткую географическую характеристику края; в нем отмечены основные этапы истории кыргызов этого периода, освещен вопрос о формировании физического типа и дан краткий перечень соседних племен.

Первая часть, посвященная разбору основного материала по истории кыргызов—курганам и кладам, открывается анализом погребального обряда таштыкского и кыргызского времени, который устанавливает генетическую связь между этими культурами. Автор отмечает в числе связующих звеньев общий для обеих культур обряд сожжения, покрытие наката над могилой слоями березовой коры, возведение курганной насыпи из обломков скалы. Эта же связь устанавливается и по погребальному реквизиту. Автор выделил группу курганов переходного времени к кыргызской эпохе и дал краткий хронологический перечень кыргызских погребений. Следующий, второй раздел посвящен первому типу погребений. Он содержит характеристику небольших курганов с одной-двумя могильными ямами, покрытыми настилами, и могильного инвентаря, в числе вещей которого особого внимания заслуживает китайская лаковая чашечка из Уйбатского Чаатаса. Третий раздел дает характеристику второго типа погребений, отнесенных автором к погребениям кыргызской знати. Детально описаны 5 групп Чаатасов, в числе которых особо ценные материалы получены раскопками Уйбатского и Копенского Чаатасов. Автор особо выделил тайники, честь открытия которых принадлежит ему, сосуды и рельефы, найденные в тайниках кургана № 2 Копенского Чаатаса. В следующем разделе содержится

характеристика третьего типа погребений, к которому отнесены узкие, длинные могилы под небольшими каменными насыпями. В этой главе также дана сводка всех курганов и характеристика находок. К четвертому типу погребений автор отнес длинные могилы под невысокой плоской каменной насыпью, в которые вместе с погребенным полагался конь. Как и в предшествующих разделах, здесь дана сводка всех погребений этого типа и сопровождающих вещей. Первая часть заканчивается описанием и анализом Тюхтатского клада, содержавшего 178 предметов из железа и бронзы.

Вторая часть работы — поселения и быт кыргызов — содержит ряд разделов, характеризующих памятники, открытые в советский период трудами В. П. Левашевой и автора рецензируемой работы. Исследования этих бедных находками памятников дали весьма ценные результаты. Мастерский анализ вещевого и остеологического материала поселения дал возможность сделать ряд интересных обобщений. В последующих разделах дана характеристика земледелия, скотоводства, охоты и рыбной ловли, ремесла и военного дела. Все эти разделы получили освещение не только на основе могильных инвентарей находок и поселений, но и по весьма ценным наскальным рисункам. В кратком заключении дана характеристика хозяйства и культуры кыргызов.

Рецензируемая работа не только является первой полной сводкой археологических памятников енисейских кыргызов и их систематизацией, но и дает некоторую историческую оценку их. Анализ обряда погребения, разбор поселений и вещевого материала позволил автору весьма полно осветить хозяйство, быт и богатую культуру предков современных хакасов. Тщательный анализ находок позволил точно датировать материал, что представляет большую ценность для историков. Автор выделил привозные китайские вещи, весьма убедительно сделав это путем привлечения большого сравнительного материала. Нельзя не отметить интересный разбор вещей из Копенского Чаатаса, где опять-таки путем скрупулезного анализа установлен сложный характер древнехакасского прикладного искусства. Сложившееся на базе предшествовавшего ему скифо-сибирского стиля, оно включило новые элементы, частично принесенные с иранского Запада и китайского Востока, переработанные и претворенные в новые прекрасные формы.

Достоинство работы усугубляется тем, что значительное число курганов и поселений, в том числе наиболее ценные для исторических выводов Уйбатский и Копенский Чаатасы, исследованы самим автором ее. Им же открыты многие детали погребального обряда, в числе которых тайники, составляющие характерную черту некоторых курганов знати, обогатили наши музеи первоклассными памятниками народного творчества. Автор работы сделал ряд ценных наблюдений и выводов, убедительно доказал на материале погребений генетическую связь кыргызской и таштыкской культур, отметил в системе расположения каменных курганов Больших Чаатасов отражение общественной структуры кыргызского государства. Интересен анализ писаниц, использованный для обобщений и выводов. Автор исправил ошибочное утверждение Адрианова о вторичном погребении (перехоронении), правильно указав, что исследователь встретился с типичной картиной разграбленного погребения. Интересны наблюдения над тамгами и сопоставление их с архонской письменностью.

Основные положения хорошо и убедительно аргументированы и не вызывают возражений. Однако нельзя не отметить некоторую робость в исторических сопоставлениях и обобщениях, иногда чрезмерно кратких. В работе есть некоторые неточности. На стр. 8 автор, касаясь погребений переходной эпохи между таштыкской и кыргызской культурами, не раскрывает содержания этого термина и не определяет, к какому времени относятся эти погребения, каковы характерные их черты. Одного только уничтожения сруба и положения большого количества мяса в погребениях слишком недостаточно, чтобы выделять погребение в переходную стадию. По той краткой характеристике, которая дана автором, вернее считать эту так называемую переходную стадию последним этапом таштыкской культуры; в ней мы видим основные черты, характерные для погребений этой культуры, в частности, как правильно отмечает автор, большинство посуды сохраняет еще все основные черты сходства с таштыкскими. На стр. 20 автор не привел убедительных доказательств в пользу своего утверждения, что стелы на Уйбатском Чаатасе были взяты с таштыкских погребений. Автор датирует стремя из кургана 1 по аналогии с венгерскими VII в. (стр. 28); разбирая же стремя из кургана 5 и находя ему аналогии в венгерских древностях IX—X вв., автор почему-то находит возможным считать его бытованием в Минусинске более ранним. Было бы логичнее и первое стремя отнести к более раннему времени.

Недостаточно четко определяет автор погребения слуг и более поздние вводимые (стр. 33). На стр. 60 (первый абзац) автор, характеризуя выделенную им IV группу погребений, указывает, что длинные могилы находились под невысокой плоской насыпью, а ниже (на той же границе) к этой же группе отнес погребение в седловидной над рекой Таштык под довольно высокой каменной насыпью. Позвидимому, размеры насыпи не имели существенного значения.

Некоторые противоречия можно отметить на стр. 73, где вначале отмечено, что на поселениях не было постоянных жилищ, устройство которых требовало бы углуб-

ления в почву, а ниже, при описании поселка близ с. Быстрая, отмечены землянки, открытые В. П. Левашевой. В упрек автору можно поставить отсутствие анализа писаниц, которые широко используются им при характеристике хозяйства и военного дела.

В заключение отмечу некоторые повторения. Так, касаясь связей таштыкской и кыргызской культур, установленных, в частности, на основе пластинок с изображением голов животных, автор говорит об этом на 6, 11 и 21 страницах.

В целом рецензируемая работа представляет не только публикацию археологического материала, но и его историческую оценку. Автор восстановил хозяйство, быт древних кыргызов и дал характеристику культуры различных общественных слоев древнехакасского общества. Ценны материалы, показывающие высокую земледельческую технику и развитие ремесла у хакасов VII—IX вв. Интересны приведенные данные о прекрасных произведениях местного прикладного искусства.

Изданием этой книги Хакасский научно-исследовательский институт сделал достоянием широкой научной общественности большой материал, характеризующий высокую культуру предков одного из народов СССР.

А. П. Смирнов

Мухтар Ауэзов. *Абай*. Гослитиздат, 1948.

Казахская письменная литература молода. Первое стихотворение на казахском языке «Жаз» («Лето») Абая было опубликовано в 1889 г., первый казахский роман «Қалым» Аспандиара Кубеева вышел из печати в 1913 г. Роман, рассказ, повесть и многие стихотворные жанры возникали в казахской литературе на основе лучших традиций передовой русской культуры. Но условия колониального режима, установленного царизмом в среднеазиатских степях, стесняли и замедляли развитие молодой казахской литературы. Только после Великой Октябрьской революции расцветает она вместе с литературами других ранее угнетенных народов нашей родины. Казахские советские писатели идут в передовых рядах строителей социалистической культуры. После постановлений ЦК по идеологическим вопросам ими созданы такие высоко значимые познавательные произведения, как «Абай» Мухтара Ауэзова, «Миллионер» Габиден Мустафина, «Сыр-Дарья» Сабита Муканова. Они заслуженно получили высокую оценку нашей общественности. Роман Мухтара Ауэзова «Абай», который гордится вся советская литература, удостоен сталинской премии.

С 1923 г. Мухтар Ауэзов начинает собирать материалы о жизни Абая и стихи поэта. Он многократно объезжает окрестности Чингиз-Тау (теперешний Абаевский район Семипалатинской области), где кочевал аул Абая.

«Именно в эти годы (1923—1925), — вспоминает Ауэзов, — я встречал людей, непосредственно знавших героя моего будущего романа.

До сих пор в моей памяти живы беседы с учеником Абая Қокпаем. В частности Қокпаям дал мне материал для главы, посвященной Балкыбекскому съезду.

О Джигитеках, долго враждовавших с Қунанбаем, мне рассказывал старейший представитель этого рода — старик Мадияр. Много материалов передал мне сосед и друг Абая Қуранжан.

Знаменитый сказочник Баймағамбет, к счастью для нас, прожил долгую жизнь. Еще в детстве я слышал рассказы, многие из которых сказочник запомнил со слов самого Абая¹.

Сбор сведений об Абае Ауэзов сочетал с собиранием фольклорных и этнографических материалов в тех же районах Семипалатинской области. Среди казахских литературоведов немного таких знатоков народного быта и фольклора Центрального и Северо-Восточного Казахстана, как Ауэзов.

Вклад, внесенный им в изучение жизни и творчества Абая, стал основой новой отрасли литературной науки — абаеведения. В 1933 г. Ауэзов участвует в подготовке к изданию «Толық жыйнағы» — полного собрания сочинений Абая. В этом издании Ауэзову принадлежит биография Абая. С 1934 г. Ауэзов публикует ряд статей о жизни и творчестве Абая в журналах «Литературный Казахстан», «Әдебиет Майданы», «Әдебиет және искусство»².

Роман об основоположнике казахской литературы Ауэзов задумал давно. С 1939 г. им была начата публикация текста романа на казахском языке, но автор не оставлял работы до 1948 г., когда читатель получил законченную книгу. В про-

¹ Как создавалась эта книга, Беседа корреспондента «Казахстанской правды» с М. Ауэзовым, «Казахстанская правда» от 17/IV 1949 г., стр. 3.

² М. Ауэзов, Абай — казахский классик, «Лит. Казахстан», 1935, № 2; М. Ауэзов, Абай ақындығының сейналасы, «Әдебиет майданы», 1934, № 11—12; М. Ауэзов, Абайдың идеалық мәдені ісденулері. «Әдебиет және искусство», 1939, № 7, и многие другие статьи в 40-х годах.

цессе работы роман прошел несколько авторских редакций. Это плод многолетнего упорного труда всей сознательной жизни писателя и лучший показатель его идейного и художественного роста.

Роман охватывает события, происходившие в родах племени Тобыкты с 1858 по 1887 г. Автор рисует жизнь этих родов в пореформенных условиях. Действие разворачивается в родовых кочевьях Тобыкты, в Семипалатинске и Каркаралинске.

Герой романа Абай живет в условиях кочевого патриархального быта, он повседневно соприкасается с широкими слоями казахского народа. Жизнь его наполнена неустанным приобретением знаний и передачей их жадно тянущейся к просвещению казахской молодежи. Народ в романе Ауэзова не составляет «фона» для поэта. У Ауэзова два героя романа — Абай и народ. Отсюда широкий охват событий и эпичность романа. Роман перерастает в эпопею.

Роман истинно народен, так же как народны лучшие образцы нашего советского эпоса. Не обильные фольклорные цитаты, не богатейший этнографический материал и даже не умение творчески перерабатывать фольклорные образы и сюжетные положения составляют народность «Абая». Народно само отношение писателя к изображаемой действительности, выделение им на первое место коллективного героя — народа, показ Абая не столько во внешней бытовой связи с массами, сколько в общности его стремлений, мыслей и чувств со стремлениями, мыслями и чувствами казахского народа, в их единой «борьбе за обновление жизни».

Вспомним великолепную по образности и логичности формулировку А. М. Горького в докладе на Первом съезде советских писателей о совершенстве таких образов фольклора, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович. Горький рассматривает их как результаты многовековой борьбы трудового народа «за обновление жизни»³. Ауэзов делает революционный принцип «обновления жизни» определяющим развитием ведущих образов своего романа. Поэтому его роман дышит той подлинной народностью, без которой немисливо истинно художественное произведение социалистической эпохи.

Сын главы сильного рода Иргизбай, ага-султана, Кунанбай, Абай с детских лет становится свидетелем насилия и произвола. Он видит, как его отец не щадит жизни бедняка Кодара только потому, чтобы создать «повод» для захвата зимовок рода Кодара — Бокенши. Лучшие зимние пастбища рода Бокенши захватывают Кунанбай и его родственники. Кунанбай нарушает законы родового землевладения. Когда представитель рода Бокенши пытается воздействовать на него, ссылаясь на обычное земельное право, закрепленное в народной пословице «власть правителя — над народом; власть народа над землей», Кунанбай надменно отвечает: «Так, по-моему, правитель должен переселиться на небо? Где сказано, что род Иргизбай не имеет права на зимовки в Чингисе?» (стр. 79).

Кунанбай попирает национальные традиции казахского народа каждый раз, когда они начинают мешать его хищничеству, и наоборот, прибегает к ним, если они ему на-руку. Самые темные и жестокие, пережиточные уже в описываемую эпоху, стороны патриархального быта и обычая помогают ему поработать народ. Если нехватает обычного права, Кунанбай обращается к шариату. Когда вешали Кодара, богатырская жизненная сила его упорно сопротивлялась смерти: старик и с петлей на шее продолжал жить. В толпе растет негодующий ропот: казахское обычное право избегало смертной казни⁴. Тогда Кунанбай приказывает сбросить Кодара с утеса, а затем отдает новое приказание: «Душа его все еще в теле. Чтобы избавиться от проклятого, пусть 40 избранных из 40 родов Тобыкты забросают его труп камнями... Так повелевает шариат. Кидайте!» (стр. 47).

В пренебрежении народными национальными традициями и в тяготении к законам и культуре ислама с особой явственностью обнаруживает себя антинародность и бесчеловечность Кунанбая и его приближенных.

В дореволюционном Казахстане нет единого казахского народа, пережитки идей родовой коллективности не могут скрыть два враждебных лагеря: реакционную кучку феодалов, родовых старшин и царских чиновников и прогрессивную силу — передовые народные массы и их идеологов.

Граница между народным и антинародным проходит в родной семье Абая. По одну сторону ее оказываются Кунанбай, Майбасар, Такежан, волостные и старшины, а также «майыр» Кошкин и либерал Лосовский. По другую — Абай, его бабушка Зере, друзья, среди которых шестидесятник ссыльный Михайлов, ученики Абая и народные массы.

Две России — Россия демократическая и Россия помещиков и фабрикантов столкнулись и здесь, в среднеазиатской колонии русского царизма.

Основной пониманию пореформенного периода у Ауэзова является ленинское положение о двух культурах. Его Абай — один из самых передовых представителей казахской демократической культуры того времени. Ауэзов не идеализирует Абая, как не идеализирует он и своего второго героя — народ.

С высоты нашего социалистического настоящего писателю видны и светлые и темные стороны прошлого. Жизнь героев романа, их стремления, их воля скованы

³ М. Горький, Советская литература, ГИХЛ, 1934, стр. 13.

⁴ Материалы по казахскому обычному праву, т. 1, Алма-Ата, 1948 г.

феодално-родовым укладом. Патриархальный быт и обычаи часто, особенно в начале романа, оказываются сильнее их. Абай любит Тогжан. Тяжелые думы овладевают им все сильнее. У него есть невеста Дильда. «У Тогжан тоже есть жених, сговоренный уже давно. Не поехать, не жениться — нельзя: все в воле родителей» (стр. 246), и он едет к Дильде, молчаливый и угрюмый. Покоряясь обычаю, он нахлобучивает на голову малахай с высоким верхом, увенчанный пучком перьев филина, надевает чапан красного сукна и салюги на высоких каблуках. Так требует любимая им бабушка, «Таков обычай предков» (стр. 249—250). Не нарушая обычая, он выполняет обряды первого приезда жениха к невесте: «рукопожатье» и «поглаживание волос», одаривает своячениц и, наконец, по обычаю, остается на ночь с своей невестой Дильдой, которую женге-свояченица приводит в его юрту. Ему тяжело, невеселые чувства наполняют его сердце. Покорившись, «он вернулся к себе, разбитый, внутренне надломленный, точно мгновенно возмужав на несколько лет». (стр. 260). В романе Ауэзова нет «объективного» этнографизма; этнографический материал включается писателем, чтобы ярче и правдивее показать жестокую, кровавую и страшную морду феодално-родового строя. Здесь нет родичей — здесь волки и овцы. Здесь нет идиллий — «жестокая классовая борьба»⁵. Патриархальный быт разлагается под ее натиском. В патриархально-феодалном казахском обществе зреют свежие прогрессивные народные силы. Ауэзов показывает ряд образов нового человека того времени. Его Абай не одинок. Рука об руку с ним борются с бесправием, темнотой и патриархальной косностью Базаралы, Ербол, Даркимбай, Оразбай, Абылгазы, соратники и последователи Абая. Они — вожаки негодующего народа, наиболее глубоко и остро осознавшие передовые стремления масс, энергичные и смелые, но еще темные, еще политически невоспитанные бунтари, как и вся масса трудящихся казахов той эпохи.

На своем трудовом опыте они убеждаются в преимуществе новых форм жизни, развивающихся с присоединением Казахстана к России. Базаралы советует своим друзьям: «Научитесь и вы сосать грудь земли. Объединитесь хотя бы по две-три семьи, вспашите весной хоть одну-две десятины, все силы на это положите и посейте хлеб! А летом — займитесь сеном — мало разве здесь пустует урочищ, лугов, осенних выпасов?... На что вам еще надеяться?... Мало ли среди вас таких, кто думал, что «сородичи сдохнуть не дадут, не сегодня, так завтра помогут», — и остался обобранным?... А поговорка: «Если даже яд пьет твой род, пей его вместе с сородичами», — только для того и выдуманна, чтобы заставить бедняка тащиться пешком за бездельником на коне... Забудьте вы родовые кличи жигитеков, бокенши, мамаев, кокше — у вас клич один: «Жатак Ералы!»... Только единства не теряйте!» (стр. 531—532).

И Абай и его соратники опираются на лучшие народные традиции, традиции коллективности, в своей борьбе за новое. Абылгазы, защищая Орылбая, нападает на представителей начинающего распрюда рода: «Бокенши хотят порвать с нами давнюю дружбу, оскорбить дух наших общих предков убийствами — где же их собственная честь?» (стр. 484), Абай пытается сплотить род Тобыкты, прекратить разгоравшуюся после захвата зимовок вражду между Бокенши и Ирризбаем участием в годовом асе (поминках) Божея. Зная, что в устройстве аса, по обычаю, будут участвовать не только все племя Тобыкты, но и родственники Божея из племени Найман, Абай требует от враждовавшего с Божеем Кунанбая: «Разрешите мне сказать еще об одном деле: об асе Божея. На нас, его сородичах, лежит много обязанностей, а мы их до сих пор не выполнили... Этот ас — проверка человечности, кровного родства, совести. Когда Божей умер, мы остались в стороне. Теперь мы обязаны участвовать в асе!» (стр. 267).

Однако и Абай и близкие ему по духу люди явственно ощущают недостаточность одних лучших патриархальных традиций для создания нового, они ищут средств, облегчающих его рождение, и находят их в передовой демократической русской культуре.

Абай был одним из первых в казахском народе, кто пошел по пути сближения с русской демократической интеллигенцией. Он обратился к Крылову, Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Салтыкову-Щедрину. Ауэзов верно показывает, как обогатило Абая это общение. Казахский народ говорил: «Верь не силе, а правде, несправедливости не подчиняйся, за справедливость стой, хотя бы голову сложить пришлось» (стр. 561). Народные представления о справедливости в сознании Абая оказались благодарной почвой для освоения идей передовой русской демократической интеллигенции. При первых встречах Михайлов говорит об Абасе: «У Кунанбаева есть любопытная черта: он часто говорит о справедливости, о народе и о честном служении ему. Эти три мысли крепко засели в нем, — а ведь они очень близки русской культуре...» (стр. 584). Народная основа убеждений Абая роднит его с крестьянской демократией. Ему по душе горячая защита просвещения, отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян. Приобщившись к русской культуре, Абай стал просветителем казахского народа.

Особенности развития казахской духовной культуры в пореформенные годы: не-

⁵ Б. Горбатов, О некоторых проблемах роста казахской советской литературы, «Литературная газета» от 18 декабря 1948 г., стр. 3.

значительный (1,5) процент грамотных, сохранение знаний и законов в устном художественном слове, впитание фольклора, особенно песни, во все стороны народного быта — все это поставило Абая перед необходимостью воспитывать в народе новые социальные и этические представления и передавать ему новые знания устным, фольклорным путем. С отрочества владея искусством певца-импровизатора, начав писать стихи, Абай искал к ним мелодии, творил песни. Ауэзов раскрывает своеобразие творческого метода Абая, повествуя о том, как в казахских степях запела пушкинская Татьяна. Переведа письмо Татьяны, Абай сравнивает свой перевод с оригиналом. «Татьяна говорит иногда слишком обычными словами. Но это — невольная дань ее новым слушателям... Да и то, поймут ли они ее?» — спрашивает он себя. «И снова губы Абая шепчут какие-то слова... Пальцы торопливо перебирают струны. Абай ищет напев» (стр. 765). Перевод становится песней. Он спел ее своему ученику Мухаметжану. Приехав в Семипалатинск, Мухаметжан обучает песне Татьяны сыновей и учеников Абая: Муха, Кокпая, Маговь, Исхака, Шубара. Несколько дней спустя Муха поет ее на свадебной вечеринке рода Уак. Из уст молодых акынов, учеников Абая, песня Татьяны переходит в народные уста. Ее поют на вечеринках, при приезде жениха, при провах невесты (стр. 785, 796). Письмо Татьяны стало народной песней. Оно вытесняет из народного репертуара обрядовую свадебную песню и старую протяжную песню. Сравнивая эту старую песню с письмом Татьяны, иронически говорит Мухаметжан: «Сколько знаменитых акынов собралось, а голоса: «Жеребенок худ, а стригун жирен»... Нет! Уж если слушать песню, так достойную!» (стр. 780). Узкий круг бытовых тем старой дореформенной народной лирики и анимистичность ее образов не удовлетворяют новые поколения, особенно молодежь. В пореформенном казахском фольклоре распространяется жанр лирической любовной песни. Для казахской молодежи 70—80-х годов любовная песня была возможностью открыто требовать свободы. Большинство этих песен наполнено образами молодой любви, борющейся за право чувствовать и право свободно выбирать спутника жизни. Ауэзов включает в свой роман лучшие образцы народной любовной лирики того времени — «Топай-кёк», «Карга», «Гаухартас», «Карагоз», «Баян-Аул»:

Темен над Баян-Аулом низкий полог туч.
Не настиг лисицу сокол среди горных круч.
Но до смерти не забудет твой любимый, знай,
Как шепнула ты за юртой: «Милый мой, прощай!» (стр. 456).

Еще более широкой известностью в народе пользовались обличительные песни профессиональных акынов: Биржан-Сала, Байқоқише, Шоже. В них отстаивалось человеческое достоинство, право бедняка жить без оскорблений, обличался произвол родовых старшин, волостных и всяческих других начальников:

Жанбөтү-волостного родил Карпык,
Жанбөтә к чипам и власти привык:
Друг его Азнабай средь белого дня
Посылал отнять домбру у меня..
Жанбөтә!.. Где ты видел такой закон,
Чтоб свободного бить кто-то посмел?...—

пел Биржан-Сал (стр. 450).

В песнях Абая те же темы были слиты с темами просвещения, знания, культуры и общественно-полезной деятельности. Душевный мир его героев был сложнее и богаче, их требования к людям выше.

Ты — мой супруг любимый,
Богом указанный мне.
Не меня избрал ты другом,
Оставил одну во тьме...

— «бращается абаевская Татьяна к Онегину. Ей мало возлюбленного, ей нужен друг и товарищ.

Бессильная перед институтом калыма, бесправная в патриархальной семье, казашка находила в этой песне ясное выражение своих стремлений стать человеком, так же как в песнях Абая о народе находили свои затаенные мечты все новые люди в казахских аулах.

Ауэзов показывает, как песни Абая становятся общенародными, как Абаю удалось преодолеть былую феодально-родовую разобщенность: «Стихи и напевы, рожденные в Акшюкы, переписанные, заученные, распространялись в песнях вокруг. Новые песни, никогда раньше не звучавшие в этих краях, летели на крыльях ветров, неся долгожданный ответ степям, вопрошавшим сквозь многовековую молчаливую дрему. Голос нового племени — они летели как вестники вешних дней... Эти песни звучали для тех, кто ищет новой жизни, новых просторов: для прозорливого ума, для чуткого сердца, для сильных и смелых, полных тревожным дум и готовых к борьбе»... (стр. 791).

По роману мы видим, что творчество Абая обновило казахский фольклор и в репертуаре и в способе бытования, так как песни Абая распространялись не только устно, но и в рукописях. Но, пожалуй, самое основное то, что под влиянием Абая сформировался новый тип авторов фольклора: Муха, Маговья, Мухаметжан — грамотные, начитанные в русских классиках певцы и еще более оригинальный тип художника слова — сказочник Баймагамбет. «Он стал каким-то удивительным явлением, — передает Ауэзов впечатления Абая от Баймагамбета, — единственным среди окружающих его казахов, неграмотно-образованным человеком... Прежние его пересказы казахских сказок, «Тысяча и одной ночи», «Бахтижар», персидских «Сорока попугаев» казались ему теперь давно пройденным уроком» (стр. 671). К лучшим образцам своего старого репертуара он добавляет пересказы Дубровского и других услышанных им от Абая русских романов.

Книга Ауэзова кончается главой «На вершине»; в ней оба героя романа — и Абай и народ — даны на подъеме, с обновленными творческими силами и верой в будущее.

Роман окончен, но писатель полон творческих планов. Он задумал создать книги, в которых развернется дальнейший путь казахского народа к Октябрю и жизнь и труд социалистического Казахстана.

Н. С. Смирнова

«Сын Калева». Эстонский народный эпос. Собрал и обработал Фр. Крайцвальд. Перевели с эстонского Вл. Державин и А. Кочетков. М. Гос. изд-во Художеств. литературы, 1949, 246 стр.

Полноценное издание эстонского народного эпоса «Калевипоэг» («Сын Калевы») в русском переводе, снабженное тщательно сделанными вступительной статьей и примечаниями, впервые делает это великолепное произведение доступным для советских читателей.

Эстонский эпос воссоздан по народным сказаниям, сказкам и песням Фр. Крайцвальдом (1803—1882), выходцем из бедной крестьянской семьи, известным собирателем и исследователем эстонского фольклора, работавшим уездным врачом. В основе эпоса лежит жестокая борьба эстонского народа против немецкого владычества, упорное отстаивание им своей национальной независимости; наряду с этим в эпосе воплощены трудолюбие и стремление к мирной, счастливой жизни эстонцев.

В эстонском эпосе выразилось мировоззрение трудового крестьянства, его мечты, интересы и оценки.

Главный герой эпоса, воплотивший в себе творческую мощь народа, сын Калева — «муж силы богатырской», став «владыкой края эстов», берется за плуг. Стремясь к благосостоянию своего народа, он поднимает новь: распахивая болота, размалывая встречающиеся в земле камни, обращая целину в пашню, выгон для скота и сенокос, сын Калева пашет землю и

...под широкие поляны,
для забав, для игр веселых.

Думая «сеять прибыль», сын Калева едет в неизвестные для всех края на розыски границы мира. Он строит города-крепости для счастья народа и его защиты.

Тема труда занимает в эпосе основное место. Любовь к труду, трудоспособность — отличительные свойства всех положительных героев, главных и второстепенных.

Трудовой опыт сына Калева отмечается с самого же начала его характеристики:

Пастухом он был сначала,
Мужем пашни дюжим вырос.

Одним из наиболее сильных мест эпоса является символическое изображение трудового пота сына Калева, обладающего «тайной силой плодородия», который жадно впитывает земля, превращая его в живительные родники, дающие людям счастье.

Жизнеутверждающим началом звучат песни братьев-богатырей, возвращающихся с охоты; после этих песен расцветает весна, наступает плодородное лето; песни сына Калева подчиняется вся очарованная ею природа: птицы, жители лесов и вод — лени и русалки.

В столкновениях с многочисленными злыми силами, нарушающими мирную и свободную жизнь страны, сын Калева жесток и беспощаден. Проникнув в подземные владения беса рогатого, где на «бессменной барщине» тяжело мучаются «злосчастные рабы», он вступает с Рогатым в грозное сражение.

При вести о нападении чужеземных рыцарей-разбойников, сын Калева обращается к народу с призывом:

Копьями и топорами,
Стрелами отугощайте
Дорогих гостей заморских,
Чтоб запомнили надолго,
Чтоб им было неповадно
Зариться на землю нашу.

Он сам ведет народ в кровопролитный бой с иноземцами.

Сын Калева обладает богатырской мощью, он свершает сказочные подвиги, зачастую с помощью «чудесных» сил. В эпосе подчеркиваются многочисленные реальные свойства его характера: разум, сила воли, трудоспособность, дающие ему уверенность в себе. Недаром, отказываясь от волшебных предметов, предлагаемых де-вушкой, рабыней Рогатого, богатырь отвечает ей:

Сам желанного достигну,
Если только захочу я,
Без твоей волшебной шляпы,
Без былиночки волшебной.

Фантастика эпоса богата и разнообразна (этому в большой степени способствует сильно развитый гиперболизм в изображении событий, в обрисовке внешнего вида и свойств героев). Не менее значительное место занимает в нем отражение реальной жизни.

Девушка Линда не желает быть женой изменчивого солнца, потому что своим непостоянством оно наносит вред крестьянскому труду:

Льны прибьет к пескам горячим,
На полях ячмень загубит,
Истребит посев овсяный,
Выжжет в засуху пшеницу,
Жито в борозды осыплет.

Реалистичность эстонского эпоса является его характерной чертой. Чудесна, по своему существу сказочная Линда, вылупившаяся из яйца тетерки. Она, одарившая своих сыновей «дивной силой богатырской», как обыкновенная жена, тоскует об умершем муже и мучается родами, как обыкновенная крестьянка. В эпосе имеется, например, и всецело реальное изображение рабской жизни сиротины-пастушка на богатом хуторе «под хозяйским строгим оком»; на долю пастуха приходится лишь

Хлеб сиротский, хлеб мякинный,
Хлеб с размятою соломой.

Эпос «Сын Калева» по своему идейному содержанию и художественности полноценен. Характерными чертами его являются разнообразие, жизненность, полнокровность всех изображенных персонажей; ярко выражена эмоциональность; выразителен образный язык. Следует отметить большие поэтические достоинства перевода, сделанного Вл. Державиным и А. Кочетковым, поставивших себе целью воспроизвести эстонский оригинал с наибольшей точностью.

Не меньшую ценность представляет эпос и в историко-этнографическом отношении.

Изображая в основном жестокую борьбу эстонского народа с немцами, стремившимися поработить страну, а в условиях крепостного состояния и с немецкими помещиками (изображенными в образах «бесов», «исчадий ада» и т. п.), эпос отражает полнее всего время феодализма, но также и явления общинно-родового строя в период его разложения.

Широко изображены в «Сыне Калева» производственная деятельность и реальный быт эстонских крестьян в различные исторические периоды. «Калевипоэг» — замечательный этнографический источник. В этой поэме подробно описаны занятия эстонцев. Читатель найдет, например, ярко и динамически развертывающуюся сцену охоты братьев-богатырей на диких животных (медведей, лосей, волков, лисиц, зайцев) и изображение жизни охотников в местных природных условиях:

По овсам медведь топтался,
Выгребал косматой лапой
Соты из колод пчелиных.
Лось бродил возле опушки,
Волчьи стаи — возле стада,
Возле вырубок — лисицы,
Зайцы — на лугах зеленых...
В сосняке густом и темном
Псы учуяли медведя,

Вот и сам медоволапый!..
Гонит Ирми, ломит Арми,
Валит наземь Мустукене!
Три собаки взяли зверя.
Славный Калевов сыночек
Вскинул на плечи медведя.
За ноги его подвесил,
Чтобы легче несть добычу,
Мясо съест, одется в шкуру.

Детали охотничьего промысла, подобно другим видам производственной деятельности крестьян, использованы и как образные средства речи: символы, сравнения,

метафоры, аллегории (этот прием очень типичен для эпоса); друзья сына Калева, предлагая ему невесту, говорят:

В Кунгле есть четыре девы,
Что тетерочки лесные.
Мы силки поедем ставить,
Расставлять на птиц генета.

В эпосе широко показаны также скотоводство и земледельческие работы, существовавшие издревле у эстонских крестьян (упоминается рыболовство и пчеловодство). В нем говорится о различных видах скота, встречается характеристика пастбищ, изображена работа со скотом: утренний выгон, дойка коров. В двенадцатой песне подробно рассказывается о том, как мальчик-пастух гонял коров, телят и овец на лесные и луговые пастбища. В ней же изображена сцена нападения волка на овечье стадо.

Сын Калева, готовясь к распахиванию целины и севу, вскидывает за плечи лукошко, привязывает оглобли к плугу, запрягает лошадей; в связи с его пахотой указывается характер почвы (глинистой и каменистой). Перечисляются также зерновые культуры: овес, ячмень, пшеница, гречиха, лен, горох, бобы и пр. (применявшиеся в эстонском земледельческом хозяйстве). В эпосе неоднократно упоминаются и сенокосные работы: косьба, гребля, заметывание сена в стог; упомянуты и орудия труда, например грабли. Женщина, живущая на острове, идет на луг, чтобы взять свежего сена, а остальное заметать в стожок:

Грабли у нее золотые,
Грабельки на палке медной,
Зубья их — серебряные,
Золотом окованные.

Неоднократно упоминается в «Сыне Калева» и о женском рукоделии и ремеслах: шитье, плетении кружев, вязании чулок, поясков, прядении и тканье (изображены орудия труда и процесс производства последних). Мать Калева, Линда, показывая сыну, как ему расправиться с Рогатым, вырывает из прялки «с копыла пучок кудели». В подземных владениях Рогатого Калев-сын видит девушку «за веретенцем». Процесс изготовления холста и его обработки детально воспроизведен в сцене встречи богатыря с девушкой на острове:

Стергла она холстины,
По траве разостланные,
Чтоб под солнцем выбелились,
В свежих росах выпарились,—
Ею же на веретена
Нитками накрученные,
Ею же на ткацком стане
В плотно сколоченные.
Хоть холстину ткали руки,
Хоть челнок пускали пальцы,
Даже ноги неустанно
Лапы стана нажимали,
Но уста слагали песню,
Золотую нитку пряли.

В эпосе часто упоминаются жилые и служебные постройки (чаще внешний, но и внутренний вид), детали архитектуры: горница, «покой обжитой», баня, амбар, овин, клеть, загон для скота, ворота и пр. Воспроизводится стройка избы («дома»).

Большое место уделено изображению девичьей, женской и мужской одежды (и украшений), праздничной и повседневной. Линда ходит перед родами «...без опояски, без повойника цветного». В одном из сундуков с ее приданым имелись платья из «заморских сукон», «шелка тонкого рубашки» с рукавами, «шитыми золотым узором», «чулочки шерстяные», «пестроцветные ширинки», «нагрудные мониста», «в клетку шейные платочки». Женихи одеты в «шелкотканые рубахи с пестрой вышивкой парчевой». Часто в числе женской одежды упоминается «кушак», «узорный пояс» (и нагрудная пряжка — «серебряная пряжка», «пряжки драгоценные»); мужчина носит шляпу (то и другое постоянно носили эстонские крестьяне).

В эпосе упоминается крестьянская пища (праздничная и каждодневная), изделия бытового обихода, средства передвижения. В нем очень разнообразно воплощен птичий, животный и растительный мир Эстонии, ее морские и сухопутные пейзажи. В нем говорится о народной медицине и верованиях; воспроизводятся также части старинных народных обрядов (свадебного и похоронного).

«Сыну Калева» предшествует сравнительно небольшая, но обстоятельно сделанная статья Ниголя Андресена «Эстонский народный эпос Калевипоэг», содержание которой способствует более правильно и глубоко пониманию этого эпоса. Автор говорит в ней об историческом прошлом эстонского народа: об эстонских песнях и

героических сказаниях, имеющих тесную связь с «Калевипоэгом». Он дает ряд нужных сведений о жизни и творчестве Фр. Крейцвальда (о характере его работы над эпосом); об истории публикаций «Калевипоэга»; о важной роли последнего в развитии «передовых демократических черт в эстонском общественном движении» XIX—XX вв.

С большой добросовестностью и очень обстоятельно сделаны доцентом Тартуского университета Э. Лаугасте «Заметки, прозаический пересказ, пояснения» (помещенные в конце книги). В них сообщены важнейшие данные о литературе, посвященной «Калевипоэгу», ряд этнографических сведений.

Издание «Сына Калева» с сопровождением, стоящим на необходимом научном уровне, ценно и нужно.

Н. Рождественская

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Hermann Leicht, *Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimu*, Zürich, 1944, 352 стр. 152 рис. 3 карты.

Хотя рецензируемая книга и носит достаточно широкое название «Индийское искусство и культура», но в действительности тема ее, как видно из подзаголовка, имеет значительно более узкий характер: обзор культуры и искусства народа Мочика (более распространенное название — Чиму на самом деле является древним титулом правителя и названием страны, как в позднейшем Перу — инка).

За последние десятилетия археологическими раскопками на тихоокеанском побережье Перу выявлено большое число исторических памятников. Эти памятники объединяются специалистами в различные комплексы, обычно называемые по той местности, где они были найдены. Отсюда в научной литературе появляется много названий для той или иной группы памятников, как «культура Вир.», «культура Чавин», «культура Чикама» и др. Автор книги справедливо указывает, что в действительности подавляющее большинство этих памятников принадлежит культуре одного народа — Мочика, а различия их объясняются лишь происхождением из разных исторических периодов или местными стилевыми особенностями. Поэтому, по мысли автора, следует для упрощения терминологии говорить не о различных «локальных культурах», а о единой культуре Мочика и об истории развития стилей.

Группа племен Мочика населяла низменную часть побережья Перу от 3 до 11° южной широты, протяжением приблизительно в 1000 км вдоль берега. Расстояние от Тихого океана до гористой части страны — 50—150 км. Последние археологические исследования показали, что история этой части побережья может быть разделена (базируясь в основном на данных керамики) на четыре основных периода: архаический (приблизительно II в. до н. э. — V в. н. э.), древний период (V—VIII вв. н. э.), затем третий период, когда Чиму, очевидно, попало под власть расцветавшей в эту эпоху Тиуанаку (однотипность керамики, стиля скульптуры и т. д.), и четвертый — поздний (X—XIV вв.), заканчивающийся победой десятого инки Тупака — Юпанки над последним правителем Чиму и присоединением этой области к государству инков.

Книга Лейхта посвящена обзору культуры и искусства Мочика в течение древнего и позднего периодов.

Средний период (находящийся под влиянием Тиуанаку) почти не затрагивается автором, так как распространение культуры Тиуанаку в Перу составляет тему другой, подготовляемой Лейхтом работы. Книга состоит из 15 глав, по содержанию делится на три небольшие части. Первая, вводная (гл. 1—V) дает краткие сведения о происхождении и языке Мочика, их экономике, социальном строе и религии. Вторая (гл. VI—VII) посвящена общей характеристике искусства Чиму. Третья (гл. VIII—XIII) дает обзор памятников искусства по местностям и выявление в них локальных стилей. Две последние главы (XIV—XV) являются обзором археологических памятников двух граничащих с Чиму на юге областей: Пачакамака и Наска.

При ознакомлении с книгой сразу же чувствуется неравноценность различных ее частей. Если в главах, посвященных искусству, мы находим ряд интересных характеристик того или иного стиля в керамике и др., то в первой, вводной части не только не имеется каких-либо новых и интересных данных (а раскопки последних лет дают богатый материал по многим темам, затронутым автором в этой части), но вообще вся эта часть написана крайне небрежно и показывает эклектическую позицию автора в ряде наиболее важных вопросов.

Критикуя совершенно ненаучные теории, подобные гипотезе Вернера Вольфа о происхождении майя от финикийских переселенцев в Америке, автор придерживается берингоморской теории, но в то же время «доказывает» ее достаточно «оригинальным» способом: путем сравнения слов из языка Мочика с языками Старого света. Чтобы показать «научность» его метода, достаточно нескольких примеров: слово «сапп» (Мочика), обозначающее рот, он ставит в связь с немецким словом «Зуппе»

(суп), «калл» (Мочика) — смеяться — с англ. «колл» (звать), «инга» (мать, Мочика) — с древнегреч. «гюне» и т. д. Стремясь блеснуть эрудицией, автор приводит даже русское слово «перо», сопоставляя со словом «пер» (Мочика, перо), что «прямо указывает на монгольские связи». Эти «доказательства» автор заключает примером из языка Кечуа: словом «лама» обозначается животное, живущее в горах наверху, но в Тибете Далай-Лама — это «живущий наверху».

Подобной болтовней, не имеющей отношения не только к науке, но и к здравому рассудку, автор «подкрепляет» и «обосновывает» берингоморскую теорию. Теория автора о происхождении Мочика из Центральной Америки, обосновываемая им на материале одного индейского предания, не может быть предметом научного обсуждения, так как автор не приводит никаких данных археологии, а они и должны были явиться в этом случае решающим критерием.

Отмечая наличие культа луны в религиозных представлениях Мочика и правильно истолковывая ряд изображений на сосудах, как связанных с этим культом, Лейхт, однако, не удовлетворяется территорией Чиму и распространяет эти представления на всю Центральную Америку. В результате рисунок на известной майяской вазе из Ратинлишула (Гватемала), изображающей путешествие на носилках военного вождя майя, трактуется им как «изображение лунного божества», причем основным доводом для этого является изображение собаки под носилками (!) Другие доводы почерпнутые из языка Майя, изложены им с той же убедительностью, что и языковые «эксперименты», упомянутые выше.

Глава V, посвященная социально-экономическому строю Чиму, совершенно не удовлетворительна. Лейхт то изображает Чиму как доклассовое общество, стоящее на очень низкой ступени развития, то говорит о нем как о «восточной деспотии» типа Древнего Египта. Определенного взгляда на общество Мочика, основанного на строгом анализе фактов, у автора не имеется.

В описании социального строя и экономики Лейхт делает принципиальную ошибку: в то время, как книга его посвящена доинкскому Чиму, он, используя материал испанских хронистов, анализирует данные по Чиму инкской эпохи. А между тем несомненно, что инкское завоевание внесло ряд существенных изменений: известно, что инки не останавливались перед переселением целых племен. Археологическим материалом (вазовая живопись, погребения и др.), позволяющим сделать ряд серьезных выводов (об экономическом расслоении, например), автор совершенно пренебрегает.

Значение книги Лейхта ничтожно. Единственно интересное, что она может дать, — это характеристика местных стилей в керамике, изложенная во второй части. Вступительная часть совершенно антинаучна. К тому же в целом ряде моментов книга успела уже устареть, так как раскопки под руководством Стронга в долине Виру, происходившие уже после выпуска книги, дали богатый археологический материал, существенно увеличивший и изменивший наши знания по истории, искусству и культуре Чиму.

Р. Кинжалов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1949 г.

- П. И. Кушнер (Кнышев). Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии, (4), 3.
С. П. Толстов. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии (К 25-летию со дня смерти), (1), 3.
Бессмертный эпос карело-финского народа, (2), 3.
В. К. Соколова. Пушкин и народное творчество, (3), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

- М. Левин, Я. Рогинский, Н. Чебоксаров. Англо-американский расизм, (1), 18.
И. И. Потехин. Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии, (2), 7.
В. И. Чичеров. Материалы к истории советского фольклора, (4), 20.

Вопросы этногенеза

- А. Е. Алихова. К вопросу о буртасах, (1), 48.
А. Н. Кононов. Опыт анализа термина *нурк* (1), 40.
С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза, (3), 12.
Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, (3), 37.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- С. М. Абрамзон. В киргизских колхозах Тянь-Шаня, (4), 55.
В. В. Бардавелидзе. Земельные владения древнегрузинских святилищ (1), 92.
В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище, (2), 59.
М. Г. Воскобойников. Народы Советского Крайнего Севера о Ленине и Сталине, (4), 94.
Б. О. Долгих. Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа, (4), 75.
В. Я. Евсеев. Историческая дружба карел и русских в отражении поздних версий карело-финских рун, (2), 27.
Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула, (2), 35.
С. В. Иванов. Чукотско-эскимосская гравюра на кости, (4), 107.
Ю. В. Кнорозов. Мазар Шамун-наби, (2), 86.
В. Кравчинская и П. Ширяева. Частушки Великой Отечественной войны, (1), 58.
В. Ю. Крупянская, Л. А. Старцева. Фольклор колхозной станицы (По материалам Сталинградской фольклорной экспедиции), (3), 74.
Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы западного Памира (По материалам 1947—1948 гг.), (3), 89.
А. П. Окладников. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгине и историческая действительность), (2), 98.
Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев, (1), 117.
А. Н. Рейнсон-Правдин. Игра и игрушка у народов Обского Севера, (3), 109.
С. И. Руденко. Древнейшая «скифская» татуировка, (3), 133.
Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков (Из истории народных знаний), (1), 67.
И. Ф. Симоненко. Колхозное строительство в Закарпатской области, (4), 42.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- Н. А. Бутинов и М. С. Долгоносова. Принудительный труд в Австралии и Океании, (4), 125.
Н. Р. Гусева. Положение женщин в Индии, (4), 134.
Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике, (3), 156.

- Н. А. Петров. Китайский народный театр на пути к реализму, (3), 171.
 П. Е. Терлецкий. О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения зарубежной Европы, (3), стр. 144.

Из истории этнографии и антропологии

- В. И. Беззубов. М. Е. Евсеев — этнограф мордовского народа, (2), 134.
 Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии, (1), 132.
 М. Г. Левин, Н. Г. Чернышевский о расах и расовой проблеме, (4), 147.
 М. С. Плисецкий. Об антропологических взглядах А. Н. Радищева, (3), 178.
 Л. Н. Пушкарев. Из истории революционно-демократической этнографии.
 И. А. Худяков, (3), 183.
 Н. Ф. Такоева. Коста Хетагуров — народный поэт Осетии, этнограф-кавказовед,
 (2), 119.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- О. Н. Бадер. Новый тип неолитического поселения на Урале, (2), 144.
 Г. М. Василевич. К вопросу о киданях и тунгусах, (1), 155.
 Г. М. Василевич. Нанайцы-художники, (4), 160.
 М. А. Каплан. Творчество первого нанайского поэта Акима Самара, (4), 173.
 А. П. Колпаков. Курды племени гуран, (4), 178.
 Д. В. Найдич. О некоторых археологических находках в Старой Ладогe, (2), 142.
 А. П. Прусаков. Современный фольклор московских рабочих, (3), 201.
 А. П. Прусаков. Песни рабочих о И. В. Сталине, (4), 156.
 С. И. Руденко. Татуировка азиатских эскимосов, (1), 149.
 А. К. Сублинский. К истории земледелия на русском Севере, (2), 138.

Хроника

- Мария Велева. Выставка «Болгарские народные ткани» в Народном этнографическом музее Софии, (4), 200.
 П. Галкина. Сессия Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, (2), 179.
 Т. А. Жданко. Обсуждение научно-исследовательской работы Института этнографии АН СССР, (1), 163.
 Т. Жданко. Работа Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в 1948 г., (2), 153.
 И. Золотаревская. Обсуждение работ М. О. Косвена, (1), 183.
 И. Золотаревская. Дискуссия по вопросам антропогенеза, (3), 210.
 Р. Каплан-Ингель. Мемориальный музей М. В. Ломоносова при Институте этнографии Академии Наук СССР, (2), 159.
 Н. Кисляков. Музей антропологии и этнографии АН СССР в 1948 году, (2), 158.
 О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии, (1), 188.
 О. Корбе, Г. Стратанович. Обсуждение доклада И. И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии», (2), 170.
 О. Корбе. Сессия, посвященная итогам экспедиционных работ 1948 г., (3), 208.
 О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии, (4), 201.
 Д. Лев. Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане, (1), 200.
 М. Левин. В. В. Богданов (К 80-летию со дня рождения), (1), 161.
 М. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1948 г., (2), 156.
 Н. Листова. Обсуждение издания «История культуры древней Руси», т. 1, (3), 210.
 Г. Маслова. Выставка «Польское народное искусство и художественные ремесла», (2), 185.
 Я. Я. Ниедре. Изучение народного творчества в Латвийской ССР, (4), 189.
 М. Райт. Сессия Института этнографии, посвященная изучению современного положения народов колониальных и зависимых стран, (2), 165.
 Н. С. Розов. Антропологическая работа в Томске, (2), 187.
 В. С. Обсуждение книги «Узбекский народный героический эпос», (2), 177.
 Н. Сабитов. Этнографическая работа в Казахстане, (3), 211.
 Н. Соболевский. Всесоюзная выставка народных художественных ремесел и художественной промышленности, (2), 183.
 Н. Соболевский. Выставка «Пушкин в произведениях народных мастеров РСФСР», (4), 196.
 О. А. Сухарева. Этнографическая работа Самаркандского музея, (1), 198.
 Н. Такоева. Этнографические материалы в краеведческих музеях Дагестанской и Северо-Осетинской АССР, (1), 194.
 Н. Н. Чебоксаров. Итоги сессии ВАСХНИЛ и советская антропология, (1), 176.

- Н. Н. Чебоксаров. Этнографическая работа в Советской Прибалтике (4), 180.
 Н. А. Черницын. Материалы тотемского Краеведческого музея о русских землепроходцах, (4), 195.
 К. Чистов. 100-летие полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала», (2), 151.

- Е. Бломквист, М. Каменская, В. Фалеева. Л. А. Динцес (Некролог), (1), 203.
 Г. Дебес. Памяти М. В. Воеводского, (1), 208.
 Б. Луни. Александр Михайлович Листопадов (3), 212.
В. В. Богданов (Некролог), (4), 207.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Д. В. Бубрих. О советском финноугроведении, (2), 189.
 Н. А. Бутинов. Современная американская «теоретическая» этнография, (1), 212.
 С. Никольский. Русский фольклор в современной Чехословакии, (4), 213.
 А. П. Окладников. Выдающийся патристический труд по древней истории и археологии Средней Азии (С. П. Толстов, Древний Хорезм), (4), 209.
 И. И. Потехин. Думы и чаяния простого африканца, (4), 219.
 М. В. Райт. Расистские джунгли, (4), 221.
 Н. Н. Чебоксаров. Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов, (2), 197.

Общая этнография и антропология

- В. Гинзбург, С. Н. Давиденков. Эволюционно-генетические проблемы невропатологии, (2), 205.
 Н. Кисляков, М. О. Косвен. Матриархат, (3), 214.
 М. Г. Левин. С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, (1), 227.
 С. А. Токарев. В. И. Равдоникас. История первобытного общества, (1), 219.
 Н. Чебоксаров. М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, (4), 224.
 В. Чичеров, Н. Элиаш. Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики, (3), 216.

Народы СССР

- А. Н. Бернштам. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, (3), 226.
 Б. Гершкович. Л. Данилевич. Музыка на фронтах Великой Отечественной войны, (3), 224.
 И. Гурвич. А. П. Окладников. Русские полярные мореходцы XVII в. у берегов Таймыра, (2), 229.
 Б. Долгих. А. А. Попов. Нганасаны, (2), 219.
 М. Дьяконов. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации (2), 213.
 В. Евсеев. *Väinö Kaukonen, Kalevala ja todellisuus*, (2), 211.
 Р. Липец. В. Евсеев. Избранные руны Архипа Пертгунена, (2), 209.
 А. Позднеев. *Byliny. Preložil Petr Kríčka* (1), 243.
 Л. Пушкарев, Л. Старцева, И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма, (1), 241.
 М. Г. Рабинович, Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, (3), 217.
 Н. Рождественская. Сын Калева. Эстонский народный эпос, (4), 232.
 И. Симоненко, В. А. Анучин и А. И. Спиридонов. Закарпатская область, (1), 231.
 А. П. Смирнов. Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), (4), 227.
 Н. С. Смирнова. Мухтар Ауэзов, Абай, (4), 228.
 В. Соколова, Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке, (1), 233.
 В. Соколова. Народное творчество Южного Урала, (1), 238.
 В. Соколова. В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос, (2), 226.

Народы зарубежной Азии

Н. Гусева. *Пальм Датт*. Индия сегодня, (2), 230.

Н. Қисляков. *Садек Хедаят*. Фольклор или народные знания, (2), 230.

Народы Африки

С. Смирнов. *Давид Ливингстон*. Путешествия по Южной Африке, (1), 245.

Народы Америки

Р. Қинжалов. *J. Alden Mason*. Costa Rican Stonework, (1), 247.

Р. Қинжалов. Новые работы по истории и культуре племен майя, (2), 235.

Р. Қинжалов. *Hermann Leicht*, Indianische Kunst und Kultur, (4), 235.

Народы Океании

Н. Бутинов. *E. J. B. Foxcroft*. Australian native policy, (3), 230.

П. И. Кушнер (Кнышев). Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
В. И. Чичеров. Материалы к истории советского фольклора	20
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
И. Ф. Симоненко. Колхозное строительство в Закарпатской области . .	42
С. М. Абрамзон. В киргизских колхозах Тянь-шаня	55
Б. О. Долгих. Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа . .	75
М. Г. Воскобойников. Народы Советского Крайнего Севера о Ленине и Сталине	94
С. В. Иванов. Чукотско-эскимосская гравюра на кости	107
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Н. А. Бутинов и М. С. Долгоносова. Принудительный труд в Австралии и Океании	125
Н. Р. Гусева. Положение женщин в Индии	134
Из истории этнографии и антропологии	
М. Г. Левин. Н. Г. Чернышевский о расах и расовой проблеме	147
Заметки. Сообщения. Рефераты	
А. П. Прусаков. Песни рабочих о И. В. Сталине	156
Г. М. Василевич. Нанайцы-художники	160
М. А. Каплан. Творчество первого нанайского поэта Акимы Самара	173
А. П. Колпаков. Курды племени гуран	178
Хроника	
Н. Н. Чебоксаров. Этнографическая работа в Советской Прибалтике . .	180
Я. Я. Ниедре. Изучение народного творчества в Латвийской ССР	189
Н. А. Черницын. Материалы тотемского Краеведческого музея о русских землепроходцах	195
Н. Д. Соболевский. Выставка «Пушкин в произведениях народных мастеров РСФСР»	196
Мария Велева. Выставка «Болгарские народные ткани» в народном этнографическом музее Софии	200
О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	201
<hr/>	
В. В. Богданов (Некролог)	207
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
А. П. Окладников. Выдающийся патристический труд по древней истории и археологии Средней Азии (С. П. Толстов. Древний Хорезм)	209
С. Никольский. Русский фольклор в современной Чехословакии	213
И. И. Потехин. Думы и чаяния простого африканца	219
М. В. Райт. Расистские джунгли	221
Общая этнография и антропология	
Н. Чебоксаров. М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу . .	224
Народы СССР	
А. П. Смирнов. Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)	227
Н. С. Смирнова. Мухтар Ауэзов. Абай	228
Н. Рождественская. Сын Калева. Эстонский народный эпос.	232
Народы Америки	
Р. Кинжалов. Hermann Leicht. Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimu	235
Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1949 год	23